

Annotation

Романы Шейлы О'Фланаган во всем мире продаются колоссальными тиражами. Ими зачитываются все – от бизнес-леди до домохозяек. А все потому, что в книгах О'Фланаган можно найти ответ на самый сокровенный вопрос: «Где найти и как удержать свою любовь?!»

- [Шейла О'Фланаган](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
-

Шейла О'Фланаган
Замужество Изабель

Глава 1

СВАДЬБА

(Франсиско Гойя, 1791)

Когда Тим позвонил, я примеряла подвенечное платье. То есть я как раз вертелась перед зеркалом, расправляла складочки тончайшего белого шифона и любовалась их красотой. Это платье отняло у меня столько сил и времени! Я еще никогда так долго и кропотливо не сидела за шитьем. Но это было мое платье. Я надену его на свою собственную свадьбу, когда через две недели буду выходить замуж за Тима. Я еще раз расправила юбку и потрогала маленькие белые жемчужинки, сплошь нашитые на корсаж. Их было ровно четыреста двадцать штук. Никогда в жизни я больше не буду пришивать жемчуг ни к одному платью!

И тут раздался телефонный звонок.

– Изабель, это тебя! Это твой жених!

Алисон позвала меня к телефону и при слове «жених» презрительно захихикала. Она всегда так делала. В свои двадцать один год Алисон считала, что, собравшись выходить замуж, я просто выжила из ума. Браки она не одобряла категорически! Мужья только приносят сложности, ограничивают свободу и закабаляют на всю оставшуюся жизнь! Она считала, что я еще слишком молода, чтобы приковывать себя навеки к одному человеку брачными узами.

Но она была не права. Для замужества мой возраст был самым подходящим – двадцать семь лет. Вполне солидно, чтобы успеть в жизни повеселиться и наделать немного глупостей. И точно понять, что же мне все-таки надо. Я вполне созрела, чтобы превратиться из Изабель Каваны в Изабель Мэлон.

Я еще раз окинула взглядом свое двадцатисемилетнее отражение в зеркале.

Карие глаза, несколько припухшие от слишком долгого сидения за швейной машинкой. Осунувшееся лицо – ему срочно необходим отдых. Медовый месяц на Родосе – как раз то, что нужно! Мягкие каштановые волосы средней длины, которые к свадебному торжеству я собиралась подобрать наверх.

Жаль, что ростом я не слишком вышла, потому что платье на высокой и тонкой фигуре смотрелось бы абсолютно потрясающе. Но мой рост, к

сожалению, остановился на отметке в сто пятьдесят сантиметров с маленьким хвостиком, и в нашей семье я оказалась самой коротенькой. Одно утешение, что хоть не толстой. Конечно, нынешнюю мою худобу можно было объяснить, кроме всего прочего, тем, что последние две недели я почти ничего не ела. Просто времени на еду не оставалось.

Алисон (которая во всех смыслах была моей полной противоположностью – высокая, ширококостная, со всклокоченной гривой рыжеватых волос) запрыгала по ступеням и с размаху распахнула дверь спальни:

– Ты что, оглохла? Это же Тим! – закричала она. И тут же замерла на пороге, как вкопанная.

– О Изабель! – У нее даже выражение лица прояснилось. – Это же потрясающе!

В ответ я благодарно улыбнулась.

– Спасибо!

– Нет, правда! – не унималась Алисон. – Это же сногшибательно! Ты выглядишь в нем просто шикарно!

– А буду выглядеть еще шикарнее, когда уложу волосы и надену все соответствующие побрякушки.

– Ты настоящая Золушка, которая собралась ехать на бал! – выдохнула Алисон, дотрагиваясь до тончайшей материи. – Я просто представить себе не могла, что это так красиво!

– Ой, ради бога! – Мне стало смешно. – Спустись на землю, Али. Ты же на самом деле считаешь, что замужество – это глупость.

Она пожала плечами.

– Просто я считаю, что женщина, цепями прикованная к мужчине, уже не может жить как ей хочется, – сказала она. – Когда девушка выходит замуж, она ставит желания своего мужа выше своих. Тут и кухня, и все прочее. Поэтому нам и не стоит торопиться с замужеством.

– А что, если однажды ты по-настоящему влюбишься? – спросила я, снимая платье и аккуратно развешивая его на плечиках. – Что тогда?

Она покачала головой.

– Любовь – это обман, иллюзия, – сказала она. – Люди только воображают, что они влюблены.

– Подожди, вот влюбишься сама – тогда и выноси такие категоричные суждения, – остерегла ее я. – Я тебе припомню этот разговор, когда ты начнешь сохнуть по какому-нибудь парню, а он не будет обращать на тебя никакого внимания!

Я накинула халат и поспешила вниз, к телефону, оставив ее

любоваться готовым платьем.

– Алло! – сказала я в трубку.

– Чем ты там занимаешься? – раздраженно спросил Тим. – Я тебя тут целую вечность дожидаясь!

– Обсуждаю с Алисон проблемы любви, – ответила я. – Она не верит в ее существование.

На том конце провода Тим раскашлялся.

– Надеюсь, ты не простудился, – заботливо поинтересовалась я. – Ужасно, если к алтарю ты подойдешь охрипшим и не сможешь как следует произнести «да».

– Мне надо с тобой увидеться, – вместо ответа сказал он.

– Но мы же и так собирались увидеться завтра, – возразила я. – А сегодня мне хотелось бы закончить свое платье.

– Мне надо увидеться с тобой сегодня! – настойчиво повторил Тим. – Мне действительно надо, Изабель.

Я вздохнула.

– Не то чтобы я не хотела тебя увидеть, Тим. Просто у меня еще очень много дел.

– Ну пожалуйста, Изабель!

– Но ведь осталось всего две недели и к тому же...

– Изабель, пожалуйста!

– Ну хорошо! – Я поерошила волосы. – Фатой можно заняться как-нибудь в другой раз.

– Жду тебя у «Келли», – быстро сказал он.

– Тим!

«Келли» – это в Доннибруке, совсем рядом с тем местом, где живет Тим. А я, между прочим, живу в Су-тоне, двадцать минут езды до Тима, да еще через Старый мост.

– У меня машина на профилактическом осмотре, – в качестве оправдания сказал он. – Я думал, что к вечеру она будет готова, но не получилось. Так что я без колес.

– Ну хорошо! – снова сказала я.

Я всегда уступаю Тиму, и ничего не могу с собой поделать. Может быть, это то самое, о чем все время толкует Алисон?

– Полчаса тебе хватит? – спросил он.

– Час! – Тут я решила проявить характер. – Мне надо одеться. Когда ты позвонил, я примеряла подвенечное платье.

Тут я внезапно расхохоталась.

– По-моему, это хороший знак: жених звонит, когда невеста в

подвенечном платье. Как будто ему не терпится поскорее ее в нем увидеть!

Тим тоже засмеялся, но его смех прозвучал как-то неубедительно.

Наверное, все это для него немного слишком, подумала я. Все эти бесконечные обсуждения, кого приглашать, какое заказывать меню и какой выбрать оркестр. Все эти вопросы кажутся столь важными, когда с ними сталкиваешься вплотную, но на самом деле они не имеют такого уж большого значения. Потому что самой важной вещью все равно остается только наша с Тимом любовь. Все остальное несущественно. Только, к сожалению, эти несущественные вещи отнимают у нас в последние дни слишком много сил и времени.

Я притормозила и свернула с автострады на одну из боковых улиц.

Вечер выдался серым и тоскливым. Все небо закрывала густая пелена облаков, с залива дул холодный восточный ветер. Хоть бы на свадьбу погода исправилась! Мне очень хотелось выходить замуж в ясный солнечный день, чтобы по голубому небу плыли нежные белые облачка и вообще – чтоб было тепло. До чего же я счастливая! В день моей свадьбы уже наступит май, и погода к тому времени наверняка будет замечательной.

До «Келли» я добиралась полчаса. Все окрестные улицы были битком набиты машинами, и мне пришлось оставить свою под запрещающим знаком. Мне почему-то показалось, что меня не оштрафуют. Ну а если все-таки оштрафуют, то квитанцию пусть оплачивает Тим. Приезжать в паб в пятницу вечером – это просто сумасшествие!

В пабе стоял густой табачный смог, так что у меня даже глаза начали слезиться. Тима нигде не было видно. С какой такой стати он назначил свидание в таком людном месте?

В конце концов я его увидела. Он стоял, прислонившись к стене, с кружкой пива в руках. До чего же он красивый!

Иссиня-черные волосы, игривая челка падает на голубые глаза, лицо загорелое, здоровое, с высокими скулами. Мне самой до смерти хотелось иметь такие же скулы. Он был одет в безразмерный бордовый джемпер и потертые джинсы.

При виде него мое сердце взволнованно забилося – я почему-то все еще не верила, что он мой. Я пробилась сквозь толпу и хлопнула его по плечу.

– Ой, привет! – Кажется, он испугался. – Я не заметил, когда ты пришла.

– Здесь вообще трудно кого-либо заметить, – ответила я. – Это не паб, а одно многоголовое людское чудовище. Почему ты не выбрал для встречи

что-нибудь поспокойнее?

– Здесь было гораздо спокойнее, когда я пришел, – сообщил он. – Народ набился за последние полчаса.

– Ты хочешь, чтобы мы здесь остались? – спросила я. – Может, пойдём куда-нибудь в другое место?

– Нет-нет, здесь вполне хорошо. Хочешь что-нибудь выпить?

– Апельсиновый сок разве что.

Он передал мне свое пиво и начал пробираться к бару. Наблюдая за ним, я подумала, что он не в духе. В нем явно что-то изменилось. А вдруг это опять его мать? Она устроила настоящий скандал, когда мы решили ограничить число приглашенных двадцатью пятью родственниками с каждой стороны, и Тим отказался сделать уступку для какой-то отдаленной кухни, которую он ни разу в жизни не видел.

– Что касается Изабель, то для нее это вполне достаточно, – сказала его мать. – У нее семья маленькая. И двадцати пяти человек с ее стороны вообще не наберется.

– То есть как это – не наберется?

Я была вне себя от гнева, когда он передал мне эти слова.

– Я не собираюсь урезать своих родственников только для того, чтобы она могла притащить на свадьбу толпу каких-то малознакомых нахлебников!

В сущности, все это было ужасно глупо. Все уладилось только потому, что его тетя, живущая в Штатах, в конце концов сказала, что очень хотела бы приехать, но путешествие в мае через Атлантику ей не потянуть, потому что у нее в июле запланирован отпуск. Таким образом, у нас освободилось место для какой-то там кухни Мэдди, или Дотти, или Бидди, и ничего не пришлось переигрывать.

– Вот, держи. – Тим передал мне стакан с соком и забрал обратно свое пиво.

– Спасибо. – Я подняла стакан, но он уже успел сделать большой глоток из своего.

– Мне надо с тобой поговорить, – наконец сказал он, слизывая с губ пивную пену. – Мне очень жаль, что я вытащил тебя из дома в такой вечер.

– Ничего. – Я положила голову ему на грудь. – То есть я, конечно, сказала тебе, что очень занята, но ведь для тебя я никогда не могу быть слишком занята... дорогой!.. – добавила я как-то немного принужденно.

– Мне просто необходимо с тобой поговорить! – снова повторил он.

Я внимательно посмотрела на него. Что-то было не так, и по его интонации я догадалась, что это гораздо серьезнее, чем проблемы с Дотти,

или Мэдди, или Бидди.

– Что случилось? – спросила я. Он решительно взглянул на меня.

– Я не могу с этим сладить, – неожиданно произнес он решительным тоном.

Я прекрасно расслышала его слова, но смысл их до меня дошел не сразу.

– Что?

– Я не могу это вынести, – повторил он, и в его голосе слышалось отчаяние. – Я правда не могу, Изабель. Мне нужно время. Я хотел бы отложить свадьбу.

– Что отложить? Свадьбу? – Я смотрела на него во все глаза. – Ты говоришь, что хочешь отложить свадьбу? – Я изо всей силы вцепилась в свой стакан с соком.

– Да. – Он кивнул и сделал еще один глоток пива.

Шум людских голосов вокруг меня вдруг как-то отодвинулся, стал глуше. Я почувствовала себя так, словно меня завернули в кокон, отделили от всего остального мира. Голос перестал мне повиноваться. Я открыла рот и закрыла его снова. Сделала попытку сосредоточиться, усиленно заморгала.

– Ты шутишь, – наконец прохрипела я.

– Я не шучу, Изабель. – Он посмотрел на меня с тоской. – Мне нужно время.

– Время на что? – С голосом я кое-как справилась, но он все равно дрожал. – На что, в самом деле, тебе нужно время? Мы знаем друг друга уже почти два года, Тим! Мы уже полгода как помолвлены! Если у тебя возникли проблемы, почему ты не сказал об этом раньше?

– Я раньше не чувствовал себя так, как теперь.

– А как ты теперь себя чувствуешь? – спросила я.

– В ловушке.

Я разыскала в сумочке противоастматический ингалятор, потрясла его и впрыснула в легкие сильную струю. Тим внимательно наблюдал за моими действиями.

– С тобой все в порядке? – спросил он. Мое дыхание постепенно приходило в норму.

– Нет, – ответила я, беспомощно вертя в руках ингалятор. – Здесь слишком накурено. Ты же знаешь, что я задыхаюсь, когда накурено.

– А я думал, что это все из-за меня. Я не хотел тебя расстраивать.

– А о чем же ты думал, когда собрался мне сообщить, что хочешь отложить свадьбу? – едва не прокричала я. – Что я буду танцевать от

радости по всему пабу? Тим, я просто не могу в это поверить! Скажи, что ты шутишь. Скажи, что ты имел в виду совсем другое! Почему ты себя чувствуешь в ловушке? Может быть, это просто нервы? Может быть...

Я оборвала себя на полуслове, потому что больше не могла говорить. Из глаз у меня полились слезы.

Он наблюдал за мной с явной неловкостью. Затем достал из кармана джинсов носовой платок и передал его мне. Правда, при таких обильных слезах одним платком было явно не обойтись. Я знала, что люди на меня смотрят, но мне было все равно. В такой ситуации я имела право плакать. В такой ситуации я имела право даже умереть. Я сглотнула и начала кашлять. Я никак не могла отдышаться. И в отчаянии подумала, что действительно вот-вот умру!

– Изабель! – Голос Тима теперь звучал твердо. – Прекрати плакать! Таким плачем ты доведешь себя до болезни!

– Это ты доведешь меня до болезни! – прорыдала я, судорожно сглатывая прокуренный воздух. – Ты единственная причина, из-за которой я заболею и умру! – Я снова потрясла ингалятор и впрыснула еще одну дозу лекарства.

– Изабель! – Тим схватил меня за руку. – Прекрати! Прекрати хотя бы сейчас!

Он вывел меня из паба на темную улицу. Я вытирала глаза его носовым платком.

– Как ты мог со мной так поступить? – продолжала всхлипывать я. – И почему? Почему именно сейчас? Если ты меня не любишь, то почему позволил делу зайти так далеко?

– Я не сказал, что тебя не люблю. – Тим отбросил с глаз прядь волос. – Я люблю тебя, Изабель. Я просто чувствую, что не могу на тебе жениться. По крайней мере, сейчас.

Я комкала в руках носовой платок и все еще не могла поверить в то, что слышу. Какой-то безумный внутренний голос шептал мне, что это шутка, которая вот-вот закончится. Хотя я точно знала, что это не так... Для шутки Тим выглядел слишком расстроенным, слишком серьезным.

– Мы ведь жили с тобой вместе с самой помолвки! – Я попыталась придать происходящему какой-то разумный вид. – За это время ты наверняка мог бы удостовериться в своих чувствах, понять, что мы можем жить вместе и дальше. Он вздохнул.

– В том-то и дело, Изабель. Как сейчас, все очень хорошо. Ты оставалась со мной на выходные, а на неделе возвращалась домой. Ты была рядом, когда мы куда-нибудь отправлились. Но тебя не было рядом

постоянно! Я знаю, иногда мне очень хотелось, чтобы ты оставалась рядом со мной постоянно, – именно поэтому я и подумал, что нам хорошо пожениться, – но теперь я боюсь. Я тоже люблю распоряжаться самим собой, Изабель. Мне тягостно от самой идеи, что кто-то постоянно будет находиться рядом, захочет проверить, где я нахожусь каждую минуту дня.

– Но я не собираюсь проверять, где ты находишься каждую минуту дня! – возразила я безнадежно. – Мне нужна только уверенность, что ты будешь со мной ночью.

Я вытерла нос и сунула платок в карман.

Тим прислонился к стене и посмотрел куда-то вверх. Я вспомнила тот день, когда мы с ним познакомились. Это произошло на чьем-то дне рождения. Праздник получился шумным и многолюдным, и я вышла на улицу подышать свежим воздухом. Тим тоже был на улице, что-то торопливо набирал на своем органайзере.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

Обычно я не сую нос в чужие дела, но тут на празднике, я чуть-чуть выпила и чувствовала себя немного развязной.

– Записываю, что я должен сделать завтра.

– Надо же, а с виду ты совсем не похож на бизнесмена. – Я слегка икнула.

Он засмеялся.

– Я не бизнесмен, я компьютерщик, – пояснил он. – Я создаю компьютерные программы. Вот, несколько дней бился над одной компьютерной задачей, и вдруг мне в голову пришло решение. Я подумал, что лучше записать его сразу, потому что утром наверняка уже ничего не смогу вспомнить. Я захихикала.

– Звучит логично.

– А ты с праздника?

Я кивнула.

– Но там слишком душно и жарко, и я решила ненадолго выйти на улицу. Правда здесь хорошо?

– Хочешь, пойдём погуляем? – предложил он.

– Почему бы и нет?

И мы пошли по улице, куда глаза глядят. Легкие волны бились о каменный парапет набережной, обвитые канатами мачты яхт поскрипывали и раскачивались на ветру. Через всю гавань пролегла серебряная лунная дорожка. Мы болтали совершенно непринужденно, словно были знакомы целую вечность. Тим не был похож на тех людей, с которыми раньше сталкивала меня судьба. Я работала в издательской компании

персональным помощником директора и привыкла иметь дело с людьми в строгих костюмах, серьезными и застегнутыми на все пуговицы, привыкла к строгому графику производственной работы и неукоснительному соблюдению коммерческой этики. А Тим относился к творческому типу личностей. Я всегда считала, что компьютерщики – люди скучные и одержимые, что мыслят они исключительно логическими категориями, как машины. И в этом смысле я была, мягко сказать, весьма далека от истины. Тим сказал, что результаты своих программ он видит раньше, чем их напишет. Он мыслил широкоформатными картинками, словно создавал кинофильм или писал книгу.

– Вау! – сказала я. – То есть ты хочешь сказать, что тебя нельзя назвать компьютерным сухарем?

Он засмеялся и положил руку мне на плечо.

– Вау! – прошептал он и притянул меня к себе. Это была любовь с первого взгляда. Впрочем, со мной всегда так случалось: я влюблялась быстро и серьезно, а затем столь же быстро давала отбой. Но с Тимом все было по-другому. Тут я почему-то сразу поняла: мои чувства навеки.

«Как же могло произойти, что все у нас пошло наперекосяк?» – думала я уныло. Нам вместе было так хорошо! Никаких противоречий, сплошная гармония. Мы очень хорошо дополняли друг друга. Когда Тим работал над проектом, я для него словно бы переставала существовать. Но как только работа была сделана, он снова превращался в нежного и преданного любовника. А я всегда была у него под рукой, всегда рада тому, что он со мной, всегда счастлива уверенностью, что никто не может его любить сильнее меня и что никто не сможет его у меня отнять.

Будучи программистом, он зарабатывал хорошие деньги. Когда мы с ним встретились, он как раз купил себе дом в районе Доннибрука. Компания предоставляла ему служебную машину и два отпуска в год: один летом в любое время между маем и сентябрем, а другой – лыжный – в феврале. Я, конечно, не измеряла свои чувства деньгами, однако он был, безусловно, выгодной партией. Но я его просто любила и считала, что он любит меня. Я считала, что мы успели стать настоящей семейной парой и что все у нас складывается как нельзя лучше. Я считала, что очень хорошо его понимаю.

Но оказалось, что это не так. Оказалось, что я вообще его не понимала. Иначе как могло случиться, что я проглядела такой ужасный поворот событий?

– Я очень сожалею, – наконец сказала я. – Я даже представить себе не могла, что отношения со мной для тебя настолько неуютны.

– Я тоже сожалею, – ответил он и положил мою руку себе на талию. – Я думал, что готов к этому. Но оказалось, что не готов. Я не могу себе представить, что буду стоять в церкви на глазах целой толпы наших друзей и родственников и буду главным персонажем какого-то дурацкого спектакля!

Тут во мне затеплилась надежда.

– Тогда, может быть, быстрая регистрация в ратуше тебе покажется более подходящей?

Он снял мою руку со своей талии.

– Нет. Я не хочу сейчас даже думать о чем-либо подобном.

Мы молча стояли друг против друга. Мне было трудно разобраться в своих чувствах. Я и жалела его, и хотела убить, и одновременно хотела убить себя.

Как же я выйду в понедельник на работу и объявлю сослуживцам, что с моим замужеством покончено? За последний месяц все разговоры в компании только вокруг него и вертелись. Как я им сообщу, что все свадебные подарки должны быть возвращены дарителям, а медовый месяц в Греции отменен? Это будет ужасно. Они начнут меня жалеть. Хлопать по плечу и уверять, что это не конец света. А за спиной шептаться, что они знали все наперед и этот вариант вообще не должен был сработать и что я просто дура, раз позволила себе так сильно замотаться с Тимом Мэллоном!

– Просто мне нужно некоторое время, – сказал он. – Вот и все.

Я промолчала. Да и что я могла на это сказать? Я смотрела на дорогу, ничего перед собой не видя. Вдруг он сказал:

– Знаешь, я тут подумал, что в свадебное путешествие ты могла бы поехать.

– Что?

– В свадебное путешествие. Оно оплачено. А я себя чувствую в сложившейся ситуации настоящей свиньей. Я подумал, что, может быть, тебе захочется отдохнуть.

– С тобой? – Я недоверчиво посмотрела ему в глаза.

– Разумеется, нет, – отрезал он. – С кем-нибудь из друзей.

– О Тим! – Я разразилась новыми потоками слез. – Мой лучший друг – это ты. Без тебя я вообще ничего не хочу делать!

В ответ он притянул меня поближе и позволил промочить слезами джемпер на своей груди. При этом он легонько поглаживал меня по спине и шептал, что все еще любит меня.

– Тогда почему же ты не хочешь на мне жениться? – рыдала я. – Почему?

– Я уже тебе объяснял. – Он пустился в новый раунд беспомощных объяснений. – Я просто не могу. Я все еще хочу с тобой встречаться, Изабель. Я совершенно не хочу, чтобы мы бесповоротно рвали отношения. Я просто хочу отложить решение на некоторое время, вот и все.

– Как же мы сможем продолжать наши отношения? – фыркала я. – Все подумают, что мы сошли с ума.

– А когда мы с тобой обращали внимание на то, что думают другие? – прошептал он мне в самое мое ухо. – Когда?

Я несколько успокоилась и закрыла глаза. Жесткий материал джемпера царапал мне лицо. Я все еще не могла примириться с таким поворотом событий, поверить, что Тим действительно думает то, что говорит. Раньше он никогда так не рассуждал. Я глубоко вздохнула.

– Зачем же ты теперь меня обнимаешь? – спросила я наконец, поднимая голову с его груди. – Как же ты можешь меня так обнимать и при этом не хотеть на мне жениться?

– С чего ты решила, что я не хочу на тебе жениться, Изабель? – возразил он. – Я хочу. Просто я считаю, что нашу свадьбу надо отложить. Жениться сейчас – это значит совершить непоправимую ошибку.

– А может, у тебя есть кто-нибудь еще? – Я не хотела об этом спрашивать. Боялась услышать положительный ответ...

– Разумеется, нет! – жестко отрезал он. – Откуда? Я положил глаз только на тебя, Изабель. – Он поцеловал меня в лоб. – Просто это слишком серьезный шаг, вот и все.

Я снова склонилась к нему на грудь.

– А я-то думала, что мы готовы его совершить.

– Я сейчас так занят на работе, – продолжал он. – У меня двенадцатичасовой рабочий день. Я просто не смогу уделять тебе достаточно времени и буду чувствовать себя виноватым, что ты сидишь дома одна.

Я промолчала.

– Когда я со всем этим разберусь, – запинаясь, продолжал он. – Может быть, к концу года...

Я отстранилась.

– Какие у тебя основания считать, что ты захочешь на мне жениться к концу года? К тому времени у тебя начнется еще один проект, потом еще один. Тебе снова придется подолгу пропадать на работе. Тим, я ведь знаю, что ты очень занятой человек, я ведь это понимаю!

– Теперь все не так, – отрезал он. – Если бы мы сейчас поженились, мне пришлось бы забросить работу и каждый день сломя голову нестись

домой. Да и ты бы все время меня пилила, что меня нет дома, когда тебе этого хочется. Поверь мне, Изабель, сейчас неподходящее время. В этом все дело.

- И ты все еще любишь меня? – Я посмотрела на него с сомнением.
- Более чем прежде! – с готовностью заверил он.

На ветровом стекле моей машины красовалась квитанция. Я с яростью скомкала ее в маленький шарик и выбросила на мостовую. Тим предложил мне прямо сейчас поехать к нему домой и там еще раз обсудить в деталях всю ситуацию. Но мне почему-то не хотелось. Мне хотелось немного побыть одной, собраться с мыслями, сложить воедино все, что он мне наговорил.

Я все еще не могла взять в толк, как такое могло случиться. Ему-то легко было сказать, что он чувствует себя в ловушке и что у него слишком много работы. А вот мне было трудно себе представить, что для настоящей любви существуют непреодолимые препятствия.

Я ведь считала, что у нас с ним настоящая любовь. Еще ни с кем на свете я не чувствовала того, что с ним, ни с кем не разделяла его мечтаний, не строила планов на будущее, не входила во все детали повседневной жизни. Я знала, какой зубной пастой он чистит зубы, какие предпочитает использовать стиральные порошки. Я знала, что он любит джаз, горный туризм и китайскую кухню. Что по утрам он мрачен и неразговорчив, и только к вечеру становится энергичным и общительным. Я знала, что, когда он работает над проектом, не может остановиться, пока не решит всех задач. Я так много всего о нем знала! Но оказалось, что всего этого недостаточно... Я даже представить себе не могла, что мысль о женитьбе на мне может показаться ему столь ужасной!..

Когда я приехала домой, мои родители смотрели телевизор. Алисон ушла куда-то с подругой, а Ян, мой нескладный девятнадцатилетний брат, как ни странно, был дома: он валялся на диване; и его длиннющие ноги перевешивались через подлокотник.

– Пять минут назад звонила Сьюзен Парсел, – сообщила мне мать, когда я вошла в гостиную. – Она сказала, что заедет завтра и привезет свой свадебный подарок. Еще она сказала, что специально для твоей свадьбы купила себе костюм.

- Могла бы и не тратиться.

Мне было трудно дышать, хотя перед тем как войти в дом, я еще раз побрызгала себе в легкие из ингалятора.

– О Изабель, такие костюмы можно носить годами, – заверила меня мать.

– Я хотела сказать, что она могла бы не тратиться на подарок, – сказала я. И снова едва удерживалась от того, чтобы не заплакать. – Мне совершенно не нужно ее постельное белье, или тостер, или вафельница, или что там она мне купила.

Мать нажала на кнопку дистанционного пульта и убрала звук в телевизоре.

– Что случилось? – спросила она.

– Свадьбы не будет. – Я брякнулась на диван рядом с Яном, который при моих словах вскочил на ноги и уставился на меня с изумлением.

– Не будет? – воскликнули отец, мать и брат хором.

– Не будет, – повторила я.

Они обменялись между собой быстрыми взглядами.

– А почему не будет? – спросил наконец отец.

– Мы решили отложить, – объяснила я. Все потрясенно помолчали.

– А почему? – спросил Ян.

Я вертела на пальце обручальное кольцо с бриллиантом. Мне почему-то не пришло в голову вернуть его Тиму. Так сказать, в гневе швырнуть его в лицо неверному жениху!

– Тиму кажется, что он еще не совсем готов к такого рода поступкам.

– Сволочь! – с чувством выругался Ян. – Я разрублю его на куски! Что он себе воображает? Что значит не готов? А спать с тобой уже больше года он готов?

– Ян! – с ужасом воскликнула я. Не то чтобы мои родители не знали, что мы с Тимом давно спим вместе – а как еще объяснить тот факт, что я подолгу пропадаю в Доннибруке и остаюсь там ночевать?.. Но все же мы с ними ни разу об этом не говорили, и до этого момента они могли делать вид, что я еще девственница.

– Негодяй! – Отец тоже рассвирепел. У него даже покраснел кончик носа, что было несомненным признаком гнева.

– О Изабель! – Мать обняла и прижала меня к себе. – Я так тебе сочувствую!

У меня в горле снова образовался комок. Чтобы не заплакать, я усиленно заморгала: мне не хотелось плакать перед своими родственниками. К тому же я устала от слез.

– Ну ничего, все это к лучшему. – Я попыталась сама себя ободрить. – Гораздо хуже, если бы мы поженились, а потом поняли, что совершили ошибку. К тому же, – тут я закашлялась, – мы не разорвали помолвку

окончательно. Мы просто отложили свадьбу до конца года.

– Но вы же не сможете к концу года заказать бракосочетание в соборе!
– воскликнула мать. – Туда на все субботы такие очереди! Ты что, не помнишь, какую битву вам пришлось выдержать? Да и приличный отель так легко заказать не удастся! А сколько будет стоить отмена заказа? – Мать в ужасе закрыла себе рот ладонью. – То есть деньги тут, конечно, не главное, дорогая, самое главное – твое счастье. Но все равно...

– Я не желаю сейчас об этом говорить! – не выдержала я. – Я устала. Мне надо лечь в постель!

– Я принесу тебе теплого молока, – засуетилась мать. – Чтобы тебе легче было заснуть.

– Не надо мне никакого теплого молока! Я и сама прекрасно засну – я просто без сил!

Я распахнула дверь в соседнюю комнату. Вот они, все подарки, тщательно сложены в стопку у стены. Египетское постельное белье. Набор вилок и ножей «Ньюбридж». Стекланный графин «Уотерфорд». Этот графин мне захотелось швырнуть о стену. Но я воздержалась. Какой в этом смысл? И к тому же это не совсем мой графин. Половина его принадлежит Тиму!

Разумеется, заснуть я не могла. Я лежала в постели и смотрела в потолок.

Свадебное платье как бы в насмешку все еще висело на дверце гардероба. У меня не было сил убрать его с глаз долой. Я просто не могла до него дотронуться.

Где-то около часа ночи я услышала, как домой вернулась Алисон. Они о чем-то пошептались с Яном. Я закрылась с головой одеялом и притворилась, что сплю. Мне вовсе не светило говорить сейчас с Алисон.

Она взбежала ко мне в спальню и подошла к кровати.

– Ты не спишь? – прошептала она.

Я зажмурила глаза еще крепче и попыталась дышать ровно и глубоко.

– Как ты можешь спать? – Она уже говорила громче. Я не шевельнулась.

– Ну хорошо, – сказала она, – можешь сейчас со мной не говорить. Я понимаю. Но могу тебя заверить, что ты еще счастливо отделалась. Он такое дерьмо! Он всегда таким был. Мне он никогда не нравился.

А вот и лжешь, подумала я, не открывая глаз. Я-то видела, как ты на него пялишься. Ты сама знаешь не хуже меня, что он ужасно привлекательный, и сама, наверное, по нему вздыхала.

– Завтра поговорим, – сказала под конец Алисон. – Но я тебе повторяю, что все к лучшему.

Я представила, что теперь все начнут мне говорить то же самое. Что все к лучшему. Люди всегда так говорят, когда случается какая-нибудь гадость. Как будто от гадостей наша жизнь становится лучше. Что же может быть хорошего в том, что моей свадьбы не будет, – той самой свадьбы, о которой я мечтала с детства?

Мне очень хотелось верить, что она просто на несколько месяцев отложена. Но на сердце лежала такая тоска, что я не могла справиться с предчувствием: этой свадьбы вообще не будет!

Я не заметила, когда наконец заснула. Мне снилась моя свадьба, как будто ничего не случилось. Тим стоял у алтаря, держал меня за руки и обещал любить вечно. Я отвечала ему тем же. И только когда мы вышли из церкви и стали фотографироваться, я заметила, что одета не в свое замечательное платье, а в какие-то старые застиранные занавески.

– Такой брак не имеет силы, – мрачно произнес во сне отец О'Брайен. – Чтобы брак имел силу, ты должна быть одета в настоящее платье. Я очень сожалею, Изабель, но здесь произошла какая-то ужасная ошибка...

Глава 2

ЖАЛОБЫ ЛЮБОВНИКОВ

(Хуан Миро, 1953)

Когда в субботу утром я проснулась и спустилась на кухню, мать уже ждала меня там – с чайником в руке, с озабоченным выражением на лице.

– У тебя голова болит? – спросила она.

– Нет! – огрызнулась я. – Я уже наглоталась парацетамола.

– Я только спросила. – Она скорбно отвернулась.

– Извини, – сказала я. – Я в норме. Просто устала немножко.

– Я тоже не могла всю ночь уснуть, – призналась она и налила мне чашку чая. – Все думала, что бы мне ему такое сделать. Как он посмел так обойтись с моей дочерью!

– Мама, прошу тебя! – Я села за стол и начала вяло намазывать масло на хлеб.

– Нет, правда, Изабель! Как он мог вот так запросто, в один момент, изменить свое решение? Может быть, он и раньше тебе что-то об этом говорил?

Я покачала головой. Мне не хотелось продолжать этот разговор.

– Но если он так остро все это чувствует, то вряд ли такое решение у него созрело моментально. Вы же были помолвлены шесть месяцев!

– Я знаю, – ответила я.

– А что обо всем этом думает его мать?

– Понятия не имею. Мы с ней об этом не разговаривали.

– Скорее всего она им очень гордится. – Мать снова наполнила чайник. Вода била из-под крана злобной струей.

– Тут нет ее вины, – вяло возразила я.

– Нет, есть! Ее вина в том, что она воспитала такого сына! – убежденно сказала мать. – Именно это я и собираюсь ей сказать!

Я посмотрела на нее с ужасом.

– Кому сказать? Ей?

– Не думаешь ли ты, что я собираюсь сидеть сложа руки, когда ее дражайший сынок взял да и бросил просто так мою дочь, причем буквально у алтаря? Я собираюсь ей высказать все, что о нем думаю!

– Мама! Я тебя очень прошу, не делай этого! Это только все ухудшит. Кроме того, мы не разорвали помолвку. Мы просто отложили свадьбу.

– Ха! – хмыкнула мать.

Она продолжала наступать снова и снова. Я перестала ее слушать и вертела в руках бутерброд. Мне не хотелось есть. Вот отличная возможность сесть на диету, подумала я безрадостно. Мне даже пить не хотелось.

Днем я одолжила у Яна его горный велосипед и отправилась на прогулку по набережной. День был ветреный, и меня мотало из стороны в сторону. Я не каталась на велосипеде со школьных времен и совершенно потеряла навык. Но продолжала упорно крутить педали, потому что это давало мне возможность побыть в одиночестве, подальше от матери. Непонятно, что легче переносить: ее гнев или ее соболезнования.

Когда я приехала домой, она разговаривала по телефону.

– Разумеется, я понимаю вашу точку зрения, – говорила она в трубку. – Но я не могу поверить, что он мог вот так просто взять ее и выбросить вон.

Спасибо, мама, подумала я тоскливо. Выбросить вон. Очень образное выражение.

– Так знайте, что моя дочь стоит десятерых таких, как ваш сын!

О Господи! Это просто кошмар! Она разговаривала с Денизой Мэлон. По каким-то причинам, несмотря на близкий социальный статус, мать никогда не ладила с миссис Мэлон. Обе они сходились только в одном: считали, что сами бы они ни за что на свете не сделали такой выбор, как их дети. Моей матери не нравилась какая-то нарочитая неряшливость Тима. А для миссис Мэлон, очевидно, неприемлемой показалась бы любая девушка, которую ее сын рискнул привести в семью.

– Повесь трубку! – зашипела я матери в свободное ухо.

В ответ она только скорчила страшную физиономию и продолжала разговор.

– Все это просто смешно! Две недели! Разумеется, лучше сейчас, чем потом, но все-таки странно... Нет, я не считаю, что он поступил благородно. – Я заметила, что лицо ее начало краснеть, а рука, сжимающая трубку, наоборот, побледнела. – Можете думать, что хотите. – Молчание. Вздох. Скрежет зубов. – Да. Нет. Всего хорошего.

Она повернулась ко мне.

– Глупая женщина! – И она обняла меня за плечи.

Все-таки я ждала, что Тим мне позвонит, – несмотря на то, что сама же просила его этого не делать. Мое сердце подпрыгивало всякий раз; когда звонил телефон, и, даже после того как обнаруживалось, что это не меня, я продолжала еще некоторое время дрожать. Я размышляла о том, что он

теперь делает. Надо полагать, работает. Работа – великая панацея для всех мужчин. «Я очень занят, у меня много работы», – частенько говаривал он и прежде в качестве оправдания за долгое отсутствие, и я всегда считала, что это правда. И вот теперь в первый раз в жизни я в этом усомнилась. Я чувствовала себя маленькой и беззащитной. Семья не помогала – наоборот, все как будто сговорились и атаковали меня дружным фронтом.

Случившемуся была рада только Алисон.

– Не то чтобы мне радостно тебя видеть такой несчастной, – говорила она, – но, чтобы быть счастливой, тебе не надо никакого Тима Мэллона!

– О, уймись, пожалуйста! – Я уходила к себе в спальню и с шумом захлопывала дверь.

Мать хотела все знать относительно отмены наших заказов.

– Тебе следует поскорее позвонить в ресторан. Бог знает, как они там отреагируют. А еще оркестр, а еще фотограф. Вот только не знаю, что делать с тортом. Я уверена, что его уже испекли и заморозили. В таком случае он может нам пригодиться на Рождество.

– Ой, ради бога!.. – Я посмотрела на нее с ужасом, повернулась и ушла в сад.

Там на клумбах цвели пронзительно алые тюльпаны, окруженные разноцветными анютиными глазками. Аккуратно подстриженный газон был по-весеннему свеж. Отец очень любил свой сад и проводил там за работой многие часы. Этот сад мне всегда казался оазисом тишины и спокойствия, но сегодня его правильная красота только сильнее меня раздосадовала. Мне захотелось вырвать и растоптать все цветы!

– Хочешь, я пойду и с ним поговорю? – спросил сидящий на скамейке Ян.

Сперва я его там не заметила.

– И что ты ему скажешь? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею. – Ян махнул мне рукой, чтобы я села с ним рядом.
– Скажу, что он дурак, потому что теряет такую потрясающую женщину.

Раньше мой брат никогда со мной так не говорил. Я горько рассмеялась.

– Мы ведь всего лишь отложили свадьбу, – в который раз повторила я.
– Нет необходимости с ним о чем-либо говорить.

– А выглядишь ты так, словно вы не отложили, а отменили, – возразил он. – Ты такая бледная и больная.

– Спасибо за откровенность. Можешь пойти к нему и сказать, что я таю на глазах.

– Я просто хотел помочь, – мрачно возразил Ян.

– Да-да, я знаю. – Я положила голову ему на плечо. – Извини.

К счастью, хоть отец не делал попыток меня утешать. Он просто сжимал мне руку, когда я проходила мимо него, и не беспокоил придирками относительно газет и журналов, позволяя просматривать их раньше себя.

Выходные тянулись бесконечно. Я никак не могла выбросить Тима из головы.

Что бы я ни делала – во всем я воображала себя женой Тима. Это состояние настолько срослось со мной, что я никак не могла от него отделаться. Я все еще не могла понять, почему Тим почувствовал себя в ловушке. Я никогда его ни в чем не ограничивала, ни к чему не принуждала. И не заставляла насильно просить моей руки. Все это не имело смысла. Впрочем, теперь уже ничего не имело смысла.

Мне очень хотелось хотя бы на пару минут перестать думать о Тиме, но у меня ничего не получалось. В ночь на воскресенье я снова очень плохо спала. В понедельник мне очень не хотелось выходить на работу, но этим я бы только еще сильнее запутала свои дела. Поэтому я явилась на работу раньше положенного часа, чтобы оказаться за рабочим столом раньше остальных сотрудников. Мне не хотелось шествовать через весь этаж и слышать, как по углам шепчутся: «Осталось всего две недели!» – отчего я бы наверняка снова не удержалась и ударилась в слезы.

Разумеется, я все им расскажу, но только когда захочу сама.

Я включила компьютер и открыла директорию «Мои документы». В папке под грифом «Личное» содержался перечень приглашенных на свадьбу гостей и их подарков. По этому списку я смогу всем вернуть их подарки. А может, возвращать не стоит? Ведь мы решили свадьбу всего лишь отложить? Но каковы шансы за то, что свадьба все-таки состоится? – безжалостно спросила я себя. Что на самом деле имел в виду Тим: отложить или отменить? Откуда мне знать? В пятницу вечером я была слишком взволнованна, чтобы спросить его об этом по существу. Наверное, мне следовало отправиться к нему домой, как он предлагал, и там заставить его высказаться определеннее: в чем же проблема и как он собирается ее решать? Наверное, мне следовало вчера ему позвонить – хотя сама себя я убеждала в том, что делать этого не хочу. А теперь я в полной растерянности. Я положила голову на монитор и глубоко вздохнула.

– Изабель, что с тобой? – Возле моего стола стояла Лесли Моррисей. – Может, у тебя голова болит? Если хочешь, у меня есть панадол.

Я взглянула на нее.

– Спасибо, со мной все в порядке.

– По твоему виду этого не скажешь. – Она положила на край моего

стола папку с выписанными счетами. – Ты такая бледная, и под глазами черные круги. Все эти свадебные хлопоты тебя просто доканывают.

Я глубоко вздохнула. Можно начать и с Лесли, подумала я. А уж она пусть разнесет новость по всему учреждению.

– Свадьбы не будет, – сказала я ей. – По крайней мере через две недели точно не будет.

– Изабель! – Она потрясенно смотрела на меня. – А в чем дело?

Мне хотелось ей сказать, что это я вдруг струсила и отложила свадьбу, но она могла узнать правду из других источников. Я не хотела выслушивать ее сожалений. Вообще, не хотела никаких сострадательных взглядов.

– Просто мы обо всем серьезно поговорили, – сказала я, – и решили, что сейчас нам свадьба как-то не с руки. Вся эта суета, приготовления. Возникли трения по поводу гостей. – Я поежилась. – Короче говоря, свадьба перестала нам казаться делом привлекательным, и мы решили ее отложить.

– На какой срок? – В глазах Лесли читалось явное недоумение.

– Не знаю. Может быть, до октября. Или до ноября. Или до следующего года.

– Но, Изабель... – Она тоже никак не могла уразуметь моих слов. – А мне казалось, что вы оба счастливы и ждете – не дождетесь, когда поженитесь! Мне казалось, что ты жить не можешь без Тима.

– Есть разница между замужеством и самой свадьбой, – назидательно объяснила я, хотя на самом деле плела первое, что приходило в голову. – Я не уверена, что мы готовы к свадьбе, хотя все равно очень хотим быть вместе друг с другом.

– Почему же тогда вы не отказались от торжественной церемонии? – спросила она. – Если она так много для вас значит? Вы могли бы расписаться тихо и без всяких церемоний.

– Может быть, мы так и сделаем, – заверила ее я. – Но только не через две недели.

Тут в комнату вошел Барри Клири, мой управляющий директор, и Лесли быстро ретировалась к своему столу. Я видела, как она уже передает новость своим ближайшим соседкам, которые изо всех сил старались не смотреть в мою сторону, но не могли удержаться от тайных взглядов, когда считали, что я ничего не замечаю. Мне было все равно. Я не знала, какую версию событий изберет Лесли: мою или свою (и тогда закончит свой рассказ словами: «Она хорохорится, но фактически он ее бросил»). Да и что еще другие могли подумать? Еще никто не отменял свою свадьбу только на том основании, что с ней сопряжена излишняя суета. Тут

внезапно мне пришла в голову одна мысль: а ведь сослуживцы тоже собрали деньги на мой подарок! По крайней мере, конверт с надписью «На свадьбу Изабель» под всеобщее хихиканье тайно курсировал по учреждению еще несколько дней назад. Мне стало дурно.

Я принесла Барри чашку кофе. Он просматривал бизнес-страницы в «Айриш таймс».

– Процентные ставки снова падают, – прокомментировал он прочитанное, когда я вошла. – Хорошие новости для держателей ипотеки. – Он помешал ложечкой кофе. – Теперь это должно тебя интересовать, Изабель. То есть цены на недвижимость, ковры, мебель и все такое прочее.

– Может быть, – ответила я. – Только не в ближайшее время.

– Ты должна быть в курсе всех своих финансовых дел. – Он снял свои очки в золотой оправе и положил их на стол. – Не разрешай своему супругу держать тебя в неведении.

Ну почему они все сегодня говорят о Тиме? С самой помолвки Барри едва упоминал о моей свадьбе.

– Знаешь, Барри, я выхожу замуж не так скоро, как собиралась вначале.

Мне хотелось говорить безразличным тоном, но слова получились какими-то невразумительными.

– Пардон? – Он посмотрел на меня с удивлением.

– Свадьба, – коротко отрапортовала я. – Ее не будет.

– Изабель!

Ну почему все реагируют на это известие одинаково? Хоть бы кто-нибудь для разнообразия сказал «Какой стыд!» вместо того, чтобы дружно восклицать «Изабель!» и смотреть на меня так, словно я подхватила смертельную болезнь?

– Мы передумали, – продолжала я, – и отложили свадьбу.

Он продолжал меня разглядывать. Потом наконец произнес:

– Шарон будет очень расстроена. Она строила на этот день большие планы.

– Может быть, к концу года.

– Ты так думаешь?

– Я не совсем уверена.

Я не могла больше находиться в его кабинете. Мое самообладание куда-то улетучивалось. Я подхватила свою сумочку и отправилась в дамскую комнату.

Торчать там долго мне тоже не светило. Иначе кто-нибудь обязательно поинтересуется, не случилось ли со мной несчастья. Такое впечатление, что

в нашем учреждении функционировала антенна, которая реагировала на все печальные эмоции: если кому-нибудь становилось плохо, об этом немедленно узнавали все окружающие. Они прекрасно чувствовали разницу между походом в туалет «по делу» и походом туда ради того, чтобы выплакаться вдали от чужих глаз.

Выплакаться меня что-то не тянуло. Я решила взять себя в руки и вернуться к рабочему столу. По дороге, взглянув в зеркало, я поняла, что Лесли была права: лицо землистого цвета, под глазами черные круги. Я пощипала себя за щеки, чтобы вернуть им цвет, но это не помогло. В таких случаях без косметики не обойтись! Но почему-то, выходя из дома, я выложила из сумочки косметичку. И теперь очень пожалела об этом.

– Хочешь, пойдем сегодня пообедать в паб? – предложила Ньям, когда я проходила мимо ее стола.

– Спасибо, но у меня много работы, – солгала я.

– Ты себя нормально чувствуешь, Изабель?

– Да, вполне.

Когда я подошла к столу, зазвенел телефон.

– Что я слышу? – Это говорила Марион, секретарша.

– Привет, Марион. Ты не могла бы перезвонить попозже? В данный момент я очень занята.

– Не играй со мной в прятки, Изабель. – Она была самая старшая из нас, где-то под сорок, замужняя женщина с тремя детьми. – Это правда?

– Если ты спрашиваешь про свадьбу, то да, правда.

– Но почему?

– Марион, прошу тебя!.. – Телефонная трубка стала влажной. – Я тебе все объясню попозже, не сейчас.

– Хорошо, – смирилась она. – Голос у тебя не очень. Береги себя, Изабель.

– Спасибо.

Рабочий день шел своим чередом. Я старалась сосредоточиться и игнорировала любопытные взгляды женщин. Мужчины тоже кое о чем были наслышаны, но все-таки не до такой степени. По крайней мере, никто из них не пытался комментировать мое положение.

К половине шестого я выдохлась окончательно. Лесли, Ньям и Анна уже ушли около пяти. Я выключила компьютер, заперла стол и позвонила Барри, что отправляюсь домой. Весь день мне казалось: все только и делают, что на меня смотрят, хотя это было не так. Наверняка все заметили на моем пальце неснятое обручальное кольцо и шептались, что это одна бутафория. Сенсационное известие – Тим Мэлон никогда не собирался

жениться на Изабель Кавана! Как смею я носить на людях этот сверкающий бриллиант, как будто он действительно что-то значит? Это всего лишь побрякушка. И я не имею права ее носить...

В машине я сдернула кольцо с пальца и бросила его в бардачок. Рука без кольца стала казаться голой.

Чтобы добраться до дома через все пробки, мне понадобилось около часа. Семья сидела у телевизора. Мать сказала, что на сковородке есть приготовленные сосиски и спагетти и что она мне их разогреет, если я захочу. Я понимала, что она старается меня поддержать, но на самом деле просто убивала меня своей заботливостью. Лучше бы она мне крикнула, что я опоздала к ужину и теперь должна сама приготовить себе что-нибудь!

– Я не хочу есть, – сообщила я и углубилась в чтение старого журнала.

– Тебе надо поесть, – настаивала мать. – Иначе ты зачахнешь.

– Не зачахну, – пообещала я. – Мы с девчонками пообедали в офисе.

– А где твое кольцо? – подозрительно спросила Алисон. – Ты отослала его мерзавцу?

– Ой! – Я так и подпрыгнула на кресле. – Оно осталось в машине!

– Что оно там делает? – спросил отец.

Я бросилась вниз, даже не ответив на его вопрос. Кольцо снова засверкало на моем пальце, отчего сердце сжалось от тоски. Пришлось снова доставать ингалятор...

– И что, этот мерзавец собирается тебе звонить? – спросила Алисон, когда я вернулась.

– Не называй его мерзавцем! – огрызнулась я. – Мы все еще с ним помолвлены и собираемся пожениться.

– Оставь в покое сестру! – встала на мою защиту мать.

– Почему бы вам всем не оставить меня в покое? – не выдержала я и бросилась в свою комнату.

Давным-давно мне очень хотелось сбежать из дому. Пару раз я даже серьезно обдумывала варианты, но привычка к жизни в семье оказалась сильнее. К тому же у меня были слишком изысканные вкусы в вопросах собственности. Все, что я могла себе позволить, даже близко не соответствовало тому, что мне нравилось. Квартиру мне хотелось иметь солнечную и светлую, с панорамным видом на город. А из домов меня устроил бы разве что особняк с настоящим большим садом. Даже дом Тима не казался мне такой уж конфеткой. Но, разумеется, если бы мы поженились, я бы с радостью жила в доме Тима...

Я взглянула на часы. Интересно, подумала я, вернулась ли уже домой моя подруга Жюли, которая уезжала на выходные? Мне просто необходимо

сейчас с ней поговорить. Она бы меня точно поняла.

– Я только что вошла! – сообщила радостно Жюли, когда я ей позвонила. – Мы так классно отдохнули! Я так рада, что взяла на сегодня отгул и мы остались за городом подольше!

– Не хочешь пойти выпить? – предложила я.

– О Изабель! Я просто вымотана с дороги! Я полдня за рулем! У меня вся шея ноет.

– Мне надо с тобой поговорить, – не отставала я.

– Давай встретимся завтра в обед, – предложила она.

– Ты знаешь, мне правда нужно с тобой поговорить сегодня.

– Что-нибудь случилось? У тебя такой странный голос, – встревожилась она.

– Давай встретимся.

– Ну хорошо. – Теперь она наконец поняла, что произошло что-то действительно серьезное. – Как всегда?

– Хорошо.

– Через полчаса?

– Да.

Я переоделась в джинсы и рубашку и слегка подкрасила лицо.

– Буду поздно! – крикнула я родителям и выскочила на улицу.

В понедельник вечером паб был полупустой, так что место было вполне подходящим. Жюли приехала на пару минут позже меня.

Мы познакомились восемь лет назад на бизнес-курсах. Она была высокая и тоненькая, с красивой кожей и зелеными глазами. Цвет волос она предпочитала менять каждые несколько недель, так что теперь нарочито небрежная копна на ее голове имела какой-то медный оттенок. Она была одета в узкие черные джинсы и свободную шелковую блузу с поднятым воротником. Мне тоже хотелось быть такой же элегантной, как Жюли, но с детства я была больше похожа на мальчишку: голова всегда встрепанная, на манжете рубашки сейчас красовалось застарелое пятно от шоколада, а джинсы были те самые, в которых я работала в саду, так что все колени на них были в травяных пятнах.

– Ты выглядишь потрясающе! – сказала я Жюли, когда она села рядом.

– А ты ужасно! Что случилось?

Я крутила на пальце обручальное кольцо.

– Свадьбы не будет, – сообщила я мрачно.

– Изабель!

Ну вот, даже Жюли, подумала я. Даже моя лучшая подруга не нашла ничего лучшего, как произнести вслух мое имя и уставиться на меня с

ужасом.

– То есть она отложена на неопределенное время, – уточнила я.

Она махнула официантке.

– Два коктейля «Южный комфорт», пожалуйста. – Она взглянула на меня. – Но почему?

С Жюли мне было легко говорить. С ней не надо было притворяться.

– Он почувствовал себя в ловушке.

– Подонок! – сказала она с чувством. – Он просто струсил!

– Я не знаю, что с ним случилось, – горестно возразила я. – Но явно он дошел до ручки, потому что решил, что не может на мне жениться.

– Но Изабель! – Она сжала мою руку. – В этом нет никакого смысла.

Почему он раньше не струсил?

– Я не знаю! – Я начала рыться в сумочке в поисках носового платка.

– Вот! – Жюли передала мне свой. Я высморкалась.

– Так что, вы все еще помолвлены? – спросила она с сомнением.

– Надо полагать. – В голосе моем тоже звучало сомнение. – Он говорит, что все еще любит меня. Он говорит, что ситуация просто вышла из-под контроля.

Жюли заплатила за коктейли.

– А ты как думаешь? – спросила она.

– Вот именно сейчас я ничего не думаю. Я себя чувствую ужасно. Мои родственники смотрят на меня так, словно мне осталось жить несколько недель. Ян собирается выбить из Тима дурь. Алисон твердит, что все к лучшему. Мать не знает, что говорить всем приглашенным, а отец не говорит ничего, но вид у него похоронный.

Жюли засмеялась, и от ее смеха мне тоже стало как-то легче.

– На работе я тоже всем уже рассказала, – продолжала я. – А то моя свадьба у них у всех была притчей во языцех. Теперь они все на меня косятся, бросают то ли сочувствующие, то ли злорадные взгляды. Я уверена, что они уже купили подарок. На прошлой неделе Лесли настойчиво выпрашивала, в каких тонах выдержана моя кухня.

– Я тоже купила тебе подарок, – упавшим голосом сказала Жюли. – Набор керамической посуды.

– О Жюли!

– Ничего страшного. – Она снова засмеялась. – Мать даже обрадуется лишней посуде. С тех пор как у нее появилась посудомоечная машина, она больше не считает, сколько раз в день мы пьем кофе и сколько раз жарим тосты.

Я повертела в стакане золотую жидкость.

– А я думала, что моя жизнь – полная чаша, – сказала я. – Я думала, что моему счастью не будет конца, что я выхожу замуж за человека, который меня побит, что он тоже счастлив по-своему и считает, что ему повезло. Я чувствовала себя его частью, Жюли. Я просто ничего не понимаю!

– Мужчин вообще невозможно понять, – уверенно сказала Жюли.

– Только не Тима, – возразила я. – Тим всегда был таким понятным, прямолинейным.

Она с сомнением подняла бровь.

– Вплоть до этого дня, – поправилась я.

– А не думаешь ли ты, что у него есть другая?

Я взяла крекер и разломала его пополам.

– Нет.

– Почему ты так уверена?

– Я, конечно, не совсем уверена... – Я разломала половинки еще раз и бросила куски в пепельницу. – Просто я так думаю. Почему он тогда не разорвал помолвку раньше, если у него была другая? Он мог просто мне обо всем рассказать и покончить с этим делом легко и просто.

Она покачала головой.

– Никогда нельзя знать заранее, на что способны люди, чтобы сделать свою жизнь комфортнее. Даже Тим.

– Мне хочется его убить.

– Я рада, – сказала Жюли.

– Рада?

– По крайней мере, ты разозлилась. Это лучше, чем горевать.

– Но я горюю тоже, – возразила я. – Я все еще его люблю.

Мы заказали еще пару коктейлей. Паб постепенно наполнялся. Я смотрела на пары. Все сидели в обнимку друг с другом, о чем-то шептались, иногда целовались. Как стоворились! Какая несправедливость! Я тоже могла бы сейчас так сидеть, а вместо этого вся моя жизнь полетела в тартарары!..

– Давай выпьем, – сказала Жюли. – По бокальчику на дорожку, а потом разойдемся по домам.

Мы выпили на дорожку, потом еще на дорожку, потом за ухабы на дорожке, потом за ямы на той же дорожке. Когда мы вышли наконец из паба, голова у меня кружилась, и я едва чувствовала под ногами мостовую.

– Осторожно! – захихикала Жюли. – Не поломай ноги или что-нибудь еще!

– Я осторожна, – бормотала я, вцепившись в ее руку ради поддержки.

– Я очень осторожна! Только, по-моему, вдрызг пьяна...

– Да ты, почитай, не напивалась уже сто лет. – Жюли обхватила меня покрепче за талию. – И я не напивалась сто лет.

– Но это же не выход! – провозгласила я ханжески.

– Никто и не говорит, что это выход. – Жюли громко икнула. – Однако от этого как-то легче.

– Ты моя лучшая подруга! – призналась я. – И я тебя люблю.

– И я тебя тоже люблю. – Она говорила с трудом. – Ты тоже моя лучшая подруга, Изабель, и я не променяю тебя ни на одного мужчину! – Последнее слово она произнесла как-то невнятно.

– Но у тебя же есть Деклан! – запротестовала я и сама удивилась, что помню имя ее последнего бойфренда. Жюли никак нельзя было назвать однолюбкой. – Он очень мил.

– Он мил. Но я его не люблю.

– А я люблю Тима, – снова захныкала я. – Я никак не могу перестать его любить, Жюли. Он стал частью моей жизни.

– Он подонок, – сказала она.

– Он сказал, что мы, может быть, поженимся к концу года. – Я едва не столкнулась с телеграфным столбом. – Ему просто нужно время.

– Ему просто нужно пинка под зад, – сказала Жюли. Я засмеялась.

– Пинка под зад! Хорошая идея! – Я лягнула ногой воображаемого Тима. – Вот так!

Мы дошли до поворота к дому Жюли.

– Утром у меня башка будет трещать, – сказала я.

– У меня тоже. – Она постаралась сфокусировать взгляд, – Но дело того стоило. Не позволяй ему тебя иметь, Изабель. Держи хвост морковкой.

– Разумеется, – пообещала я. – Без всяких сомнений.

Но мне было очень трудно не дать ему себя иметь. Это было так трудно, потому что я чувствовала, что моя жизнь разбита вдребезги!

«ДельтаПринт», компания, в которой я работаю, имеет главные офисы в центре и две фабрики за городом. Утром у меня страшно болела голова и, застряв на дороге в очередной пробке, я в который раз пожелала работать поближе к дому. На Старом мосту машины едва не терлись боками о киоски.

Я так надеялась, что после замужества мне не придется каждый день пересекать реку! От дома Тима мой путь на работу проходил в обход всех главных магистралей. Мне оставалось потерпеть всего две недели!..

Я уткнулась в боковое стекло. Я чувствовала себя ужасно.

Алисон оставила на кухонном столе записку: «Гад звонил». Интересно, что у него на уме, подумала я. А вдруг он снова переменял решение, понял, что все это от нервов? Я горько засмеялась. Такая перемена означала бы еще больший хаос. Я уже успела отменить зал в ресторане, фотографа и оркестр, объяснила всем, что мы отложили свадьбу, стараясь не обращать внимания на сочувственную интонацию на том конце провода.

Теперь меня занимал вопрос, стоит ли продавать свое платье. Это чудесное платье Золушки оказалось пригодным лишь на то, чтобы в объявлении о нем было указано: «Свадебное платье, размер 12, совершенно новое». Люди будут читать это объявление и сочувственно качать головами. Но купить его вряд ли кто-нибудь захочет, потому что все сочтут: оно несчастливое...

Шитье было моим хобби. В свое время я даже думала, что смогу этим зарабатывать на жизнь, но изучать дизайн в колледже мне почему-то не хотелось. Я предпочла работать самостоятельно, делать эксклюзивные вещи для родных и друзей. И перед тем как сшить свое свадебное платье, уже успела сделать несколько классных вещичек для других. Я подумала о том, как все эти девушки плыли по церкви в оригинальных творениях Изабель Каваны, и мне до боли захотелось стать одной из них.

Барри Клири приехал на работу раньше меня. Я подумала, что это неспроста, и ему наверняка что-то от меня надо.

– Так ты берешь свой отпуск? – спросил он без обиняков. – У тебя в мае по графику две недели отпуска, и мы уже успели назначить на твое место временного работника. Неужели ты теперь захочешь все аннулировать?

Мне нравилось, что Барри говорит со мной так по-деловому. В голосе его не было ни малейших признаков сочувствия, одна практичность.

– Нет, – твердо ответила я. Мне нужно время, чтобы прийти в себя. Я совершенно обесточена всеми своими волнениями и свадебными приготовлениями, и не моя вина, что эти приготовления ни к чему не привели.

– Хорошо, – сказал мой босс. – Ты мне могла бы составить отчет обо всех заказах из «ДельтаПак»?

– Разумеется, – ответила я и вернулась к своему столу.

Я работала в «Дельте» уже пять лет и любила свою компанию. С Барри мы ладили, к зарплате я регулярно получала надбавки, к Рождеству – премию. Я была бы рада остаться на своей работе и после замужества, но Тиму сказала, что хотела бы завести ребенка до тридцати лет, а потом,

может быть, оставить работу. Мне всегда казалось, что ему тоже импонировала эта идея, но теперь я в этом усомнилась. Я подумала, а не эта ли перспектива так выбила его из колеи? Перспектива через два года превратиться из свободного беззаботного мужчины в отца семейства, чья жена мечтает о целом выводке детей? Может быть, я была слишком настойчива в этом вопросе?

Под столом я сжала кулаки. Мне хотелось как-то пересмотреть свое поведение. Вдруг мне показалось, что в моих несчастьях есть и моя вина.

Зазвонил телефон. Моя персональная линия.

– Доброе утро, – сказал Тим.

– Привет. – Я почувствовала, как у меня вспыхнуло лицо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно.

– Я очень рад. А я чувствую себя отвратительно.

– Неужели?

– Действительно. Ты что думаешь, что я очень доволен собой? Я все сделал совершенно неправильно. Я не собирался тебя расстраивать. Мне снова надо с тобой поговорить. Мы можем встретиться в обед?

Мне тоже нужно было с ним поговорить.

– Надо полагать, что да.

– Спасибо. Я заеду за тобой в полпервого.

– Я буду ждать на улице.

Я стояла на улице и внимательно изучала проезжающие машины в надежде увидеть среди них красную спортивную «Альфа-Ромео» Тима. Он опаздывал на пять минут. Я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и старалась не думать о сослуживцах, которые спешили мимо меня на обед.

Наконец машина Тима притормозила около меня.

– Извини, что опоздал, – сказал он, когда я залезла в кабину. – Какой-то идиот заблокировал меня на стоянке. Может быть, поедem в «Глисон»?

– Хорошо.

Тим сделал устрашающе крутой разворот и помчался обратно в Старый город.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Ты меня уже спрашивал об этом по телефону, – сказала я. – Со мной все в порядке.

– Это хорошо. – Он переключил скорость и с визгом обогнал строительный фургон.

– Ты не мог бы ехать помедленнее?

Он взглянул на меня. Раньше я никогда об этом не просила. Около паба

он притормозил и повернул на стоянку.

– Я умираю с голоду, – сообщил он. – Хоть корову проглочу.

Он заказал себе стейк с чипсами, грибами и картофелем, а я себе – омлет.

– Тебе надо лучше питаться! – запротестовал он.

– Мне больше ничего не хочется, – ответила я, поигрывая цепочкой на запястье. – Я вообще не голодна.

Некоторое время он молчал. Зачем-то взял в руки сахарницу, потряс ее и поставил на место.

– В пятницу я не собирался быть таким грубым, – наконец произнес он. – То есть я должен был с тобой поговорить гораздо раньше. Сказать, что я чувствую, но почему-то не смог. Как будто ситуация вышла из-под моего контроля. Я просто не знал, что делать. Только я собирался затеять этот разговор, как ты начинала говорить о свадебном платье, о меню, о машинах или еще о чем-то в этом роде. Я никак не мог выбрать момент, чтобы сказать тебе, что с меня довольно.

– Я думала, что ты собираешься жениться, – возразила я. – И в таком случае все детали церемонии бракосочетания имели бы для тебя значение. Это же единственный день в твоей жизни.

– Да-да, я знаю. – Он снова схватился за сахарницу. – Я просто не понимаю, что со мной стряслось. Я чего-то испугался.

– Ты хочешь сказать, что снова переменял решение? – Я посмотрела на него то ли с надеждой, то ли с ужасом.

– Нет. – Его ответ звучал вполне определенно, и мое сердце упало. – Я не смогу это вынести, Изабель.

– А когда-нибудь сможешь, как тебе кажется?

– Не знаю.

– То есть сейчас мы говорим не о перенесении сроков, не так ли? Мы говорим об отмене свадьбы?

У него был такой вид, словно его пронзила острая боль.

– Я не хочу, чтоб она была отменена.

– Тогда я не совсем тебя понимаю. – Я начала терять терпение. – Если ты не хочешь на мне жениться, тогда наш разговор бессмысленный.

– Ну почему мы обязательно должны жениться? – принялся он развивать свою мысль. – Почему бы нам снова не жить вместе, как раньше?

Я промолчала. Действительно ли он хотел того, о чем говорил? Хотел, чтобы я была с ним, но без свадьбы? Раньше мы уже обсуждали с ним этот вариант и пришли к выводу, что хотим всем продемонстрировать наше расположение друг к другу путем бракосочетания.

– Так будет лучше, – продолжал он. – И мы сможем привыкнуть к тому, что будем рядом друг с другом постоянно.

Официантка поставила перед нами заказанные блюда. Тим потер руки, взял солонку и обильно посолил свой стейк. Над моим омлетом поднимался пар, и от запаха яиц меня начало тошнить.

– Это не значит, что я не хочу быть с тобой, – продолжал он с набитым ртом. – Просто женитьба – это такой серьезный шаг.

– Почему же тогда раньше ты собирался жениться? Это ты сделал мне предложение, Тим. Я тебя к этому никогда не принуждала.

– Да-да. – Он поморщился. – Только ты столько раз заводила разговор о разных знакомых, которые поженились. И время мы проводили большей частью с женатыми парами. Это на меня и повлияло, надо полагать.

– То есть ты хочешь сказать, что я тебя все-таки принуждала?

Я была совершенно потрясена его словами. Мне такое никогда и в голову не приходило!

– Не принуждала, – выдавил он. – Я не знаю, Изабель. Просто однажды я понял, что должен попросить твоей руки, а потом все это начало жить своей жизнью.

Тут-то я поняла, что он имеет в виду. Вокруг бракосочетания существует столько условностей, что в какой-то момент за ними можно потерять из виду самое главное.

– Я очень сожалею, что ты так себя чувствуешь. – Я уныло тыкала вилкой в свою тарелку.

– С тобой связано так много в моей жизни! – продолжал он. – Мне не нравится только сама свадьба. – Он усмехнулся. – Поэтому если ты соберешься ко мне переехать, то поможешь мне собраться с мыслями.

Теперь он был похож на маленького мальчика, хитро поблескивающего глазками из-под своей челки. Устоять против его обаяния, когда он так смотрел, было трудно. Но я ведь собралась выйти за него замуж, а не просто жить с ним под одной крышей! Может быть, если бы он предложил мне такое год назад, я бы согласилась. Но он такого не предлагал – он сразу предложил выйти за него замуж. И отступать теперь мне было нельзя, как бы глупо это ни казалось со стороны.

– Ничего не выйдет.

– О Изабель, не отказывай так сразу, сперва обдумай все хорошенько!

– Просто это не то, на что я рассчитывала.

– Иногда людям приходится довольствоваться не тем, на что они рассчитывали.

Я передвигала по тарелке чипсы. Да, это не то, на что я рассчитывала.

Но, может быть, он прав? Может быть, я хочу слишком многого?

– Я не знаю, – выдавила я наконец.

У него зазвонил мобильник. Я едва не подпрыгнула.

– Я скоро буду, – сказал он звонившему. – Мне нужно время, и я имею право на обеденный перерыв! Разумеется, к четырем все будет готово. Дай мне отдышаться, Грег! Нет. Да. Обсудим это потом. – Он сердито отложил телефон. – Ни минуты покоя. Я же тебе говорил, что очень занят. В эти дни мне даже из офиса трудно выходить.

– Бедняжка.

– Послушай, Изабель. – Он вытер рот бумажной салфеткой. – Я знаю, что все это для тебя было шоком, и еще я знаю, что я повел себя как свинья. Но тем не менее я уверен: я все еще люблю тебя. Почему бы тебе не согласиться на то, что я предложил в пятницу: поехать в отпуск с друзьями? А наши отношения мы обсудим потом, когда ты вернешься? За это время мы оба сможем все хорошенько обдумать, да и тебе нужно отдохнуть.

Да, отдохнуть мне действительно нужно, подумала я тоскливо. И хоть на некоторое время избавиться от сочувствующих взглядов и плохо скрываемой жалости всех близких и знакомых.

– Хорошо.

– Ну вот и отлично, – обрадовался Тим и поцеловал меня в щеку. – Я рад, что ты все поняла.

Глава 3

БЕГСТВО ЖЕНЩИН НА ПОБЕРЕЖЬЕ

(Пабло Пикассо, 1922)

Нам с Тимом казалось идеальным, что самолет на Родос отправляется в час ночи. Наш план состоял в том, чтобы прямо после регистрации отправиться в аэропорт и таким образом сразу же окунуться в свадебное путешествие. Никаких ночных вечеринок в Дублине, где друзья Тима наверняка устроили бы парочку приколов, – только ночной полет на лучезарные Эгейские острова и две недели блаженства.

И вот теперь мы с Жюли сидели в зале ожидания и ждали, когда объявят отложенный рейс. Жюли беспокойно поглядывала на меня, как будто ожидала, что в любую минуту я могу разрыдаться, и занимала ничего не значащим разговором. Судя по всему, он должен был отвлечь меня от тяжелых дум о несостоявшемся замужестве.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Воистину, сегодняшний день выдался ужасным. Я проснулась в семь утра. За окном светило солнце и весело пели птички. Но от этого мне стало только хуже: на что бы я ни посмотрела, все напоминало мне о моей свадьбе. Из глаз у меня полились слезы. Я пыталась убедить себя, что такое состояние крайне бессмысленно: девушка моего возраста вовсе не нуждается в муже, чтобы чувствовать себя полноценной, а свадьба – вовсе не та вещь, о которой стоит плакать. Я говорила себе, что раз Тим ведет себя так неуверенно, то наше решение подождать со свадьбой – даже к лучшему. Пусть он обдумает все хорошенько. Но ничего не помогало. Мне удалось только одно – рыдать беззвучно, из страха, что в спальню ворвется мать и начнет меня утешать.

Всякий раз, глядя на часы, я представляла себе, где могла бы сейчас находиться при другом повороте событий: у парикмахера, в лимузине на пути в церковь, у алтаря рядом с Тимом и так далее. Мыслью я неотступно пребывала рядом с ним, думала о том, что он сейчас делает, надеялась, что он позвонит. Но он не позвонил.

Я отправилась в город. Это был самый надежный способ не видеть скорбного лица матери и триумфального – Алисон. Отец с Яном с утра ушли на футбол, не сказав никому ни слова. Я понимала, что отец пытается сделать вид, будто ничего не произошло, что это всего лишь еще одна обычная суббота.

На Графтон-стрит было жарко, пыльно и многолюдно. Я начала безудержно тратить деньги на совершенно ненужные вещи: купила два льняных костюма, роскошный шелковый пиджак, две пары туфель, несколько маек, соблазнительную юбку и три цельных купальника. Домой я приехала с дюжиной фирменных пакетов и значительной дырой в бюджете. Но мне было все равно.

– Господи! – воскликнула Алисон, когда вошла в мою комнату. – Ты просто окончательно спятила!

– Почему бы и нет? – пожала плечами я. – Деньги мне ни на что другое уже не понадобятся.

– Неужели ты собираешься все это богатство брать с собой в отпуск?

– Ну может быть, только майки. – Я аккуратно упаковала их в чемодан. – И купальники.

– Классно ты проведешь время на курорте, – мечтательно сказала она.

– Когда вернешься, тебе уже будет все до лампочки.

– Да. – Я пыталась говорить с энтузиазмом.

– Когда придет Жюли?

– Около одиннадцати, – сказала я.

В одиннадцать мы с Тимом должны были танцевать на балу. В одиннадцать я была бы уже замужней женщиной восемь часов. Я с треском захлопнула крышку чемодана.

– Завтра я буду о тебе думать, – продолжала Алисон. – Как ты лежишь на пляже и прекрасно проводишь время.

– Заткнись! – не выдержала я и пошла вниз.

Во время полета Жюли все время спала. А я не могла. Я почувствовала облегчение, только когда шасси самолета коснулись бетонного покрытия посадочной полосы. Час ушел на получение багажа, еще почти столько же на путь до города Родос. Но когда автобус внезапно повернул к пристани, мне вдруг стало интересно. На волнах покачивались сотни лодок и паромов, солнце светило ослепительно, окруженный стенами город казался живым воплощением истории, как будто мы внезапно углубились на много веков назад. Продавцы губок в этот ранний час выглядели так, словно сидели тут с незапамятных времен.

– Изабель! – прошептала Жюли. – Какая красота!

– Да, потрясающе! – согласилась я.

Когда дома я представляла себе Родос, то в воображении передо мной мелькали толпы туристов, шеренги ресторанов, обширные пляжи и ночные бары. А здесь все оказалось как будто вне времени.

Отель «Кос» находился в пяти минутах ходьбы от побережья. Он был очень современным: затемненные стекла, розовый мрамор, хорошие кондиционеры. Приятно было подышать прохладным воздухом. Интересно, подумала я, если тут утром такая жара, то что же будет днем?

Наш номер находился на втором этаже. Мы побросали свои чемоданы на кровать, раздвинули занавески и вышли на балкон.

Перед нами открывался бассейн в форме почки, через его узкую часть был перекинут мостик. Отдыхающие с утра натирали себя солнцезащитными кремами, дети прыгали с мостика на глубину, хотя плакат на берегу запрещал это делать категорически. Мне тоже захотелось вот так запросто прыгнуть в воду, но пловчихой я была неважной. Может быть, все дело было в астме. Стоило мне наглотаться воды – и я тут же начинала неудержимо кашлять. Вместе с кашлем начинался приступ астмы. Я задыхалась и беспомощно барахталась в воде, а потом с трудом подплывала к бортику, чаще всего с чужой помощью.

В дальнем конце бассейна находился бар, где уже собрались некоторые посетители.

– Ну скажи, что ты рада здесь очутиться! – с энтузиазмом подзадоривала меня Жюли.

– Я рада, – равнодушно подтвердила я.

Только радость моя была бы еще сильнее, если бы рядом со мной находилась не Жюли. Я попыталась выбросить Тима из головы, но у меня ничего не вышло. Слезы снова закапали, и я отвернулась, чтобы Жюли их не заметила.

– Сперва распакуемся или сразу пойдем купаться? – спросила она.

Я не знала, что сказать. Мне было все равно. Все это не имело ровно никакого значения.

Мы распаковали чемоданы, вышли к бассейну, расстелили полотенца на деревянных лежанках и повернули их к солнцу.

– Вот это жизнь! – восторженно вздохнула Жюли. – Ты не смажешь мне спинку кремом?

– Поворачивайся.

Она взвизгнула от прикосновения холодного крема.

– Хочешь, я и тебя намажу? – предложила она.

– Не надо. Мне и так хорошо. Я хочу немного почитать.

Я раскрыла книгу. Но через пять минут буквы запрыгали перед глазами, и я сонно взглянула на безоблачное голубое небо. Какая несправедливость, успела подумать я и крепко заснула.

Проснулась я от того, что кто-то, прыгнув в бассейн, обрызгал меня с

головой до ног холодной водой. Жюли рядом не было, она плавала в дальнем конце бассейна рядом с двумя молодыми людьми. Вот это скорость! Даже для Жюли неслыханная, подумала я и вытянулась поудобнее на лежанке.

– Изабель! – Жюли махнула мне рукой. – Иди к нам!

Она прекрасно плавала и ныряла, и вообще выглядела классно, не то что я.

Я осторожно вошла в холодную воду и поплыла к ней неуклюжим брассом.

– Наконец-то ты проснулась, – прощепетала она, когда я оказалась рядом с ней. – Я уж думала, что ты проспишь целый день!

– Я очень устала.

– Я хотела тебя разбудить и повернуть на другой бок. – Она на минуту нырнула под воду, а затем снова появилась на поверхности. – А то ты, кажется, собралась превратиться в уголек!

– Со мной все в порядке, – заверила я ее.

– Я хочу познакомить тебя с двумя парнями. – Она махнула рукой на тех двоих, которые плавали рядом с ней. – Это Ари и Андреас, или Энди для краткости.

– Привет, – сказали они в унисон.

– Ари и Андреас? – Я с интересом взглянула на них. – Вы греки?

Они заулыбались.

– Нет, – сказал один из них. – Мы американцы.

– Американцы! – воскликнула я. – Я всегда думала, что, когда американцы приезжают в Европу, они дальше столиц носа не суют.

– А мы греко-американцы, – объяснил второй. – В Штатах мы Ари и Энди Джордан, а в Греции Ари и Андреас Йорданопулос. Мы приехали сюда на свадьбу родственников, а теперь у нас отпуск.

– Они уже здесь два дня, – объяснила Жюли. – И пригласили нас вечером вместе поужинать.

Я тяжело вздохнула.

– Но у нас же полный пансион в отеле, – брякнула я безучастно.

– Это не имеет значения, – возразила Жюли. – Никто не говорит, что мы обязаны всю ночь жевать.

– Надо полагать, что так, – вяло согласилась я.

– Эй, если вы не хотите с нами ужинать, то никаких проблем! – Эти греко-американцы выглядели ничуть не сконфуженными. – Мы просто подумали, что было бы прекрасно провести с вами вечер, но принуждать никого не собираемся!

Теперь настала моя очередь почувствовать себя сконфуженной. Они такие вежливые, а я настоящая грубиянка. Я поспешила извиниться.

– Я не имела в виду, что не хочу с вами ужинать. Я просто очень устала, и мозги еще плохо функционируют.

Они засмеялись.

– Ничего страшного! – заверил меня один из них. – Днем мы идем на пляж, а вечером можно встретиться. Например, в восемь.

– Звучит заманчиво, – заулыбалась Жюли.

– По-моему, тоже. – На этот раз я нашла в себе силы подтвердить ее слова.

Мы выбрались из бассейна и вернулись к лежанкам. Горячие камни обжигали ступни.

– Что-то в тебе не чувствуется настоящего энтузиазма! – принялась укорять меня Жюли.

– Прошу прощения. – Я снова почувствовала себя виноватой. – Я не имела в виду...

– Ладно, не имеет значения. – Она мечтательно посмотрела на небо. – Только знай, Изабель, что я хочу получить максимум удовольствия, и тебе того же советую.

В ответ я только улыбнулась. Я тоже приложу все усилия.

У меня обгорел нос. В лучах закатного солнца он казался совершенно красным, чем вызвал у Жюли приступ веселья.

– Оставь меня в покое, – миролюбиво огрызалась я. – У тебя тоже наверняка что-нибудь обгорело, только мы еще этого не знаем.

– Может быть! – Она была в прекрасном настроении. – Но лучше тебе свой нос немного припудрить, так сказать, потушить пожар.

Я наложила на нос немного крем-пудры.

– Ну как?

– Гораздо лучше. – Она одобрительно кивнула. – А что ты собираешься надеть?

– Джинсовую юбку, белую маечку.

– О Изабель! Это слишком банально! Почему бы тебе не надеть этот чудесный сарафанчик с печатным рисунком?

Я уставилась на нее.

– Я не собираюсь наряжаться, просто хочу, чтоб мне было удобно.

– А ты сделай над собой усилие! – не отставала она.

– Я на отдыхе. И не собираюсь делать над собой никаких усилий.

Она занялась собой: тщательно наложила косметику, выбрала

украшения и надела ярко-желтое лайкроевое платье.

– Ты что, собираешься соблазнить одного из этих парней? Ты скажи, а то если тебе это удастся, то другому будет обидно, потому что со мной ему ничего не обломится.

– Набиваешь себе цену?

– Не будь дурочкой. Просто я не хочу, чтоб они думали, будто мы им себя предлагаем.

– Я себя не предлагаю, как ты деликатно выразилась. – Она обильно полила себя духами. – Я просто одеваюсь к ужину.

Я глубоко вздохнула и слегка провела по губам помадой.

Ари и Андреас ждали нас у входа в отель. Оба были высокие и смуглые, лет двадцати пяти – двадцати семи. На обоих были надеты хлопчатобумажные шорты и выцветшие джинсовые рубашки.

– Нам лучше еще раз себя представить, раз мы встретились в другой одежде, – сказал тот, кто повыше. – Меня зовут Ари Джордан, а это мой брат Энди.

– Рада с вами познакомиться, – ответила я. – Меня зовут Изабель Кавана.

– Только не говорите, что вы уже забыли мое имя! – съязвила Жюли.

– Ты – Жюли, – ответил Андреас и пожал ей руку. – Куда бы вы хотели пойти: в стандартные туристические места или предпочитаете что-нибудь местное?

– Я знаю, что ходить туда, куда ходят все туристы, пошло, – сообщила Жюли. – Но может быть, местную экзотику мы отложим на потом? А сейчас мне хочется пойти туда, где много света и роскоши, чтобы сориентироваться на местности.

Энди засмеялся:

– Тогда пойдём в старый город!

Они привели нас в ресторан, откуда открывался чудесный вид на базарную площадь с фонтаном посередине, на ярко освещенные кафе и рестораны, на тысячи маленьких магазинчиков. По улицам сновали густые толпы праздных прохожих, вечерний воздух был напоен пряными ароматами.

Жюли, Ари и Энди оживленно болтали. Я слушала их разговор, но как будто со стороны. В глубине души я мучилась от одиночества. Мне жутко хотелось домой.

Они болтали на разные темы. Энди работал аналитиком в нефтехимической компании, Ари был массажистом. Жили они во Флориде. Каждый год приезжали в Грецию. Мне они нравились, но больше всего на

свете хотелось бы сейчас оказаться дома.

После еды мы вместе отправились в отель.

– Хочешь пропустить рюмочку на сон грядущий? – спросила Жюли.

– Я просто валюсь с ног, – возразила я. – Можешь идти одна, если хочешь.

Она вопросительно взглянула на братьев Джордан.

– Почему бы и нет? – согласился Энди.

Я поднялась к себе в номер, открыла балкон и села в кресло-качалку. Из бара доносились музыка и смех. Я старалась не думать о том, что, если бы Тим был со мной, я тоже была бы сейчас там, где музыка. Мы веселились бы вместе с другими, а потом вернулись бы в номер и занялись любовью.

Я медленно раскачивалась в кресле-качалке. Без Тима все было как-то не так. Я сделала ошибку, что приехала сюда с Жюли.

Через полчаса я решила лечь спать. Пусть Жюли не думает, что я ее тут стерегу, как какой-нибудь жандарм. Но со сном тоже вышли проблемы. Стоило мне положить голову на подушку, как в мозгу начинали вертеться мысли о Тиме. Что он сейчас делает? Скучает ли по мне, как я по нему? Жалеет ли о том, что натворил? Может быть, расхаживает сейчас по своему дому в Доннибруке и мучается, что совершил ужасную ошибку?

Но нет, вряд ли, подумала я с горечью. Скорее всего он где-нибудь с друзьями пьет пиво и чувствует себя вполне счастливым. Я с тоской начала колотить подушку. Мне хотелось поскорее заснуть и не думать все время о Тиме.

Примерно через час вернулась Жюли. Она двигалась на цыпочках, но в темноте натолкнулась на угол кровати и чуть слышно выругалась. Я сделала вид, что сплю. Она быстро скользнула под простыню и почти мгновенно заснула.

А я еще долго ворочалась, потом забылась беспокойным сном, но утром все равно проснулась очень рано и снова сидела на балконе, глядя, как встает солнце.

Дни потянулись ленивой чередой. Мы загорали, купались, по вечерам встречались с Джорданами. Меня это не тяготило, но временами становилось как-то неуютно, когда Жюли и Энди начинали обниматься, а мы с Ари сидели рядом, как брат с сестрой.

Причиной тому было вовсе не мое нежелание встречаться с другим мужчиной, хотя Ари Джордан тоже не проявлял интереса к сближению. Я приготовила специальную речь, в которой все ему объясняла: мол, он

хороший парень, и мне он в общем-то нравится, но мне хотелось бы иметь с мужчинами только серьезные отношения, а в данном случае такая перспектива закрыта. Речь получилась очень убедительной, и я даже прорепетировала ее пару раз перед зеркалом, чтобы найти нужную интонацию. Но Ари меня опередил.

– Я не хочу, чтобы у тебя возникло обо мне ложное впечатление, – сказал он как-то, когда мы, по обыкновению, сидели с ним рядом, а Жюли с Энди толкались на танцплощадке. – Вот брат, он, кажется, запал на твою подругу. А я... – Он взглянул на меня с тоской. – А меня девушки не интересуют...

Я сперва его не совсем поняла.

– Мне тоже в данный момент мужчины безразличны, – сообщила я.

– Да нет, ты не поняла. – Ари покачал головой. – Я не интересуюсь девушками. Вообще.

– Вообще? – с ужасом переспросила я.

– Вообще, – подтвердил он уверенно.

Я взглянула на его загорелую физиономию, янтарные глаза и выгоревшие на солнце волосы. Он был очень красивым.

– То есть ты хочешь сказать, что интересуешься... ммм... мужчинами?

Он нервно усмехнулся.

– Вот именно.

– О! – Я просто не знала, что на это сказать. Раньше я никогда не встречала человека, который признался бы, что голубой. То есть я знала о существовании таких людей, даже подозревала в этом пару знакомых, но чтобы встретиться с геем лицом к лицу...

– А твой брат знает? – любопытствовала я. Мне казалось странным, что Энди Джордан завел знакомство с двумя женщинами, если знал, что его брат предпочитает кое-что другое. Ари вздохнул.

– Знает. С ним все в порядке. Может быть, разве что не совсем верит в это.

– Ты не похож на гея, – брякнула я неожиданно.

– А как я должен быть похож? – спросил Ари. – На лбу у меня, что ли, должно быть написано, что я гей?

– Нет! – Я вспыхнула. – Прошу прощения. Я имела в виду... ну, то есть ты знаешь... некоторые мужчины-голубые очень... хорошенькие... А ты не хорошенький, ты нормальный.

К счастью, Ари заулыбался.

– Будем считать, что это комплимент, – сказал он.

– Спасибо. – Я тоже заулыбалась. – А твой брат, он интересуется

только девушками?

– В данный момент он очень интересуется твоей подругой, – сказал Ари. – А раньше, чтобы самоутвердиться, он трахал сотни девушек. В том смысле, что когда старший брат голубой, то младшему хотелось всех убедить, что он на сто процентов гетеросексуал. И имел столько женщин, сколько позволяло здоровье.

В знак понимания я покивала головой.

– Надеюсь, что он не разобьет сердце бедной Жюли. Правда, ее сердце не так просто разбить. Она всегда сама разбивает чужие сердца. Не в пример мне.

– Расскажи мне о своем бойфренде. Как он выглядит?

– Хочешь взять телефончик? – мрачно съязвила я.

– Нет.

– Прошу прощения. – Я снова вздохнула. – Мы встречались пару лет. Потом решили пожениться. А он вдруг почувствовал, что я его к этому принуждаю, и отменил свадьбу. Вот мы с Жюли и поехали в свадебное путешествие вместо него.

– Вот гад! – Он сочувственно посмотрел на меня. – Теперь ты просто обязана весело провести время.

– Вот и я говорю себе то же самое, – пробормотала я. – Только еще не решила, смогу ли это сделать.

– Ты должна, – уверенно сказал Ари. – Твой парень этого стоит. Уж поверь мне.

Он улыбнулся и хлопнул меня по плечу. В ответ я тоже его хлопнула.

– Почему бы тебе немного не расслабиться? – спросила Жюли, когда на следующий вечер мы готовились идти на свидание. – Ари хороший парень.

– Я знаю, – вздохнула я. – Он хороший парень. Только голубой.

– Изабель! – Жюли потрясенно уставилась на меня. – Этого не может быть!

– И тем не менее.

– Но... – Она никак не могла опомниться. – Он не похож на гея!

– А в чем должно заключаться это сходство? – спросила я. – У него что, на лбу должно быть написано, что он гей?

Ее шок не проходил.

– Надо полагать, что нет, – промямлила она. – А вот Энди не голубой.

– Разумеется. В чем ты должна была уже убедиться.

– Еще не убедилась, – вздохнула она. – К тому же он, может быть, один

из тех парней, которые не уверены в себе.

Я усмехнулась:

– А по-моему, еще как уверен.

– Ну да. Вполне может быть. Но кто знает?

– Ари знает. И он говорит, что Энди мужчина на все сто.

– Я тоже на это надеюсь. Только все еще не могу поверить насчет Ари.

– Я тоже не могла поверить, пока он мне не рассказал, – пожала плечами я.

– Вот сволочь! – с чувством произнесла Жюли.

– С точки зрения многих женщин, может быть, это и так. – Я сняла с шеи нитку жемчуга. – Но меня это мало интересует. Он хороший парень, и с ним весело. Больше от него ничего не требуется. К тому же, даже если бы он был нормальным мужчиной и интересовался женщинами, я все еще обручена с Тимом.

– Ты же не можешь всю жизнь сидеть и хандрить! – убежденно сказала Жюли. – Разве Тим хандрит?

Она побрызгала духами за ухом.

– Очень может быть.

– Да когда же ты наконец повзрослеешь, Изабель! – Она оглядела себя в зеркало и поправила серьги. – Мужчины никогда не сидят дома в тоске и печали.

– Даже если он не сидит дома и не хандрит, для меня это не имеет значения!

– Ты же не можешь всю жизнь только тем и заниматься, что ждать его!

– Я и не собираюсь.

Она провела щеткой по волосам.

– А что ты сейчас делаешь? У тебя же отпуск! Тебе нужно повеселиться, развеяться. А ты тоскуешь, потому что он с тобой обошелся как последняя сволочь, и даже не нашел в себе мужества сказать, что это к лучшему!

Я взглянула на нее.

– Наша свадьба только отложена.

– Ой, брось, Изабель! – Она глубоко вздохнула. – Вы же еще ни о чем не договорились конкретно, не так ли? На какой срок вы точно перенесли свадьбу?

– Я не знаю. Мы еще не решили.

– Ты имеешь в виду, что он еще не решил! – воскликнула Жюли. – Он еще не решил, желает ли он, чтобы ты всегда была под рукой на коротком поводке, или ему просто нужен человек для стирки носков и готовки

домашних ужинов!

– Это несправедливо! – Я встала и ушла в ванную комнату. – Он просто не уверен в себе, вот и все.

Я посмотрела в зеркало. Лицо немного посвежело, но круги под глазами никуда не делись.

– Изабель, а может, он действительно сыт по горло тобой? – Жюли прислонилась к открытой двери. – Разве справедливо отменять свадьбу за две недели до срока? И не дать тебе на будущее ни пенса отступного? – Она поморщилась. – Я не собираюсь читать тебе мораль. Но я не могу видеть, как ты ему доверяешь. И что будет, когда приблизится новый срок? Может, он снова испугается?

– Я не знаю.

Я вымыла руки. На самом деле мне не надо было ничего мыть, просто я хотела себя чем-нибудь занять. Вода стекала по обручальному кольцу. Днем я его не носила, чтобы не было белой полоски на пальце. Но вечером я просто не могла без него обойтись.

– Я очень сожалею. Наверное, мне не стоит всего этого говорить.

– Не имеет значения.

Я вытерла руки.

– Может, ты и права. Я больше уже ничего не знаю, Жюли. Даже не знаю, люблю ли я его или ненавижу.

– Лично я его ненавижу. – Она обняла меня за плечи. – Но больше я не скажу тебе ни слова, делай, что хочешь.

– Ты считаешь, что я должна порвать с ним окончательно? – спросила я не очень уверенно.

– Да.

– Но почему?

– Как я уже тебе сказала, ты никогда уже не сможешь ему доверять.

– Но может быть, что-нибудь изменится.

– Может быть. – Она подняла руки над головой. – Но лично я не смогла бы чувствовать себя уверенной с человеком, который поступил бы со мной как Тим.

– Ты просто никого не любила так, как я люблю Тима!

– Нет. – Она снова прикусила губу. – Просто я не хочу, чтобы ты страдала. Тем более из-за человека, который не стоит твоих слез.

Я скривила губы в улыбке:

– Спасибо.

– Ладно, собирайся! А то мы опоздаем к ужину.

На этот раз Джорданы привели нас в ресторан возле порта. Перед нами возвышался огромный круизный лайнер, с носа до кормы украшенный разноцветными фонариками. Как было бы замечательно провести медовый месяц на таком корабле! Плыть по Средиземному морю, заходить в разные порты. А может, Жюли права? Может, я действительно никогда больше не смогу доверять Тиму снова?

У нас было такое чувство, словно с Джорданами мы были знакомы всю жизнь. К концу первой недели мы отправились к ним на виллу. Это был маленький домик с двумя спальнями, стены в нем были побелены известкой, а пол покрыт керамической плиткой. Энди пошел на кухню за пивом, а Ари куда-то исчез.

– Ты не будешь возражать, если я останусь здесь на ночь? – шепотом спросила меня Жюли.

Я давно ожидала такого поворота событий и отрицательно покачала головой.

– Он меня еще не спрашивал, – продолжала она. – Но если он спросит, я буду рада.

– Как хочешь, – ответила я. – Будь осторожна, вот и все.

– Не беспокойся, – усмехнулась она. – Мой девиз: «Пионер, будь всегда готов!»

Я пригубила пиво, а потом сказала всем, что хочу вернуться в отель.

– А ты оставайся, сколько хочешь, – обратилась я к Жюли. – Можешь не беспокоиться, что меня разбудишь, когда вернешься.

– Я тоже пойду с тобой. – Ари вскочил на ноги раньше, чем я успела его удержать.

– Да тут идти-то, всего ничего! – возразила я по дороге.

– Может, зайдём в бар? – как будто не слушая меня, предложил он.

– Я устала, – снова заныла я. – Хочу в постель!

– Вот-вот, именно там наверняка хотят оказаться сейчас мой братишка с твоей подружкой, – засмеялся он. – Поэтому я и предложил тебе зайти в бар.

Мы сидели за столиком и со стороны, очевидно, казались счастливой влюбленной парой. Даже помолвленной, потому что на пальце у меня сверкало обручальное кольцо. От этой мысли мне стало смешно.

– Рад слышать твой смех. – Ари тоже улыбнулся.

– Просто мне пришла в голову одна мысль.

– Какая?

– О нас с тобой. Люди думают, что мы нормальная пара.

– В каком смысле нормальная?
Я вспыхнула.
– Я имела в виду...
– Я знаю, что ты имела в виду. – Он казался усталым. – Все нормально.
– А тебе трудно приходится?
– Да, – ответил он. – Некоторые геи справляются с этим очень легко. А некоторые вообще не справляются. Я где-то посередине.
– А у тебя есть бойфренд?
Вообще-то я не хотела задавать такой интимный вопрос.
– Был, – ответил Ари. – Мы были вместе целый год. А потом он от меня ушел.
– К другому мужчине?
– Ну, не к женщине же, – ответил Ари насмешливо.
– Значит, и ты страдаешь... И каждый вечер тебе приходится выслушивать мои стенания...
Он пожал плечами:
– Ты мне нравишься, Изабель. И к тому же тебе нужно немного постенать!
– Вот ответ настоящего американца! Он считает, что обо всем нужно говорить. А я считаю, что обо всем надо сначала думать.
– Давай еще выпьем, – предложил он. – Сегодня ночью мы можем напиться.
Я покачала головой.
– Я правда устала. Честно.
– Все равно давай выпьем. – Он посмотрел на свои часы. – Давай дадим нашим друзьям еще немного времени.
– О Господи, конечно! – Я поерошила волосы. – Я и забыла про них.
Он принес два стакана, и некоторое время мы дружелюбно молчали.
– Что ты собираешься делать со своим бойфрендом, когда вернешься домой? – спросил наконец он.
– Еще не знаю. – Я повертела в стакане жидкость. – Я все еще не могу поверить в то, что он сделал. – Голос у меня задрожал. – Он меня унизил. И в этом все дело! Можно забыть про шок, про страдания и предательство, но чувство унижения кажется непреодолимым! Оно поразило меня до глубины души. Люди будут смотреть на меня и говорить: «Вот Изабель – он бросил ее практически у алтаря».
– Ты это преодолеешь!
– Откуда ты знаешь? Может, у меня до конца жизни останется комплекс страха?

– Все может быть, но я в этом сомневаюсь. – Ари мягко улыбнулся. – Ты сильный человек.

– Вот уж нет!

– Сильный, – повторил он. – Ты приехала сюда, со своей подружкой. Ходишь гулять со мной и Энди.

– С вами я чувствую себя в безопасности, – сухо объяснила я. – Может быть, напрасно.

– Да нет. – Ари покачал головой. – Я рад, что ты так себя чувствуешь с нами.

– Я не собираюсь плакаться в жилетку. Особенно в свете того факта, что у тебя собственные проблемы.

– Обо мне не думай. Твой жених просто сволочь! Вернешься домой – брось кольцо ему в морду!

– Я не могу этого сделать...

– Ну хорошо, оставь кольцо себе, но с ним порви в любом случае.

– Слушай, а тебя не Жюли надоумила? Только сегодня вечером она говорила мне то же самое.

Он покачал головой:

– Мы независимо друг от друга пришли к одному и тому же мнению. Не трать на него свою жизнь, Изабель.

– Спасибо за совет.

Я допила свой коктейль и поставила стакан на стол.

– Если ты не возражаешь, Ари, я пойду спать. Надеюсь, Жюли и Энди не упустили свой шанс.

– Спокойной ночи!

Он взял меня за руку и слегка пожал. Его рука была горячей и сухой.

На мгновение я задержала его руку в своей.

– Спокойной ночи, – сказала я и пошла к себе в номер.

Глава 4

ЛЕЖАЩАЯ ЖЕНЩИНА

(Сальвадор Дали, 1926)

Я очень нервничала по поводу возвращения домой, потому что все еще не знала, чего ждать от Тима и как себя с ним вести. Жюли продолжала твердить, что я должна с ним порвать окончательно и бесповоротно и начать новую жизнь. Ари Джордан придерживался того же мнения. Но такое единодушие меня мало убеждало. Они плохо знали Тима, говорила я себе.

Если бы такое случилось с кем-нибудь из моих подруг, я наверняка посоветовала бы ей то же самое: забудь его, он твоих слез не стоит. Но в жизни так не бывает... Никто не может просто так взять и забыть человека, тем более человека, с которым ты провела два чудесных года.

Алисон объявила, что я выгляжу потрясающе.

– Поздоровела, – сказала она после критического осмотра. – Хотя взгляд все еще затравленный.

– Это потому что перелет был слишком долгим, – объяснила я. – К тому же я сидела в такой скрюченной позе, что у меня до сих пор ноет шея.

– Пока тебя не было, он не звонил, – безучастно продолжала она.

– Кто?

– Гад.

– Почему он должен звонить? Он же знает, что меня нет.

– Ага! – победоносно воскликнула она. – Ты сразу догадалась, о ком идет речь!

– Конечно, догадалась.

– Ну что, ты собираешься наконец дать ему пинка под зад? – спросила она. – Ты хоть привела себя в чувство за это время?

– Дай мне передохнуть, Али! – взмолилась я. – Я не могу вот так сразу ответить на твой вопрос!

Девчонки на работе тоже в один голос подтвердили, что я выгляжу потрясающе.

– И волосы лежат классно! – сказала Ньям.

За это время мои волосы отрасли, и я стала заплетать их в косичку.

Мне тоже очень нравилась моя косичка, хотя быть длинноволосой – это не совсем мой стиль. Наверное, в скором будущем мне снова захочется подстричься.

Я села за стол и открыла ежедневник. У Барри на целый день было запланировано совещание в одном из пригородных филиалов, и это меня вполне устраивало. Пока его нет, я успею переделать массу бумажной работы. Кроме того, в отсутствие шефа я смогу спокойно позвонить Тиму.

Я уже звонила ему прошлым вечером, но его не было дома, а разговаривать с автоответчиком мне что-то не хотелось. Я все еще не знала, как с ним поступить.

Я позвонила ему на работу в обед – в самое удобное время, когда его можно было легко застать.

– На этой неделе его не будет, – ответила мне Шона, секретарша. – Кажется, он уехал в Штаты.

Ну что ж, он действительно время от времени летал в Штаты. Там у Дублинской дочерней фирмы находилась головная компания, которая в свою очередь управлялась другой головной компанией, расположенной на Дальнем Востоке. Тим несколько раз бывал в Калифорнии и пару раз в Токио. Меня одно время даже занимал вопрос: а знает ли кто-нибудь точно, кто чем владеет в корпоративном мире? Может, на свете существует одна-единственная компания, которая владеет всем, – только никто об этом не догадывается?

– А вы не знаете, когда он вернется?

– Я думаю, к концу недели, – ответила Шона. – Если вы минутку подождете, я узнаю точно.

В телефонной трубке заиграла классическая музыка, хотя меня больше устроила бы тишина.

– Он вернется в пятницу вечером, – снова раздался в трубке голос Шоны. – Изабель?

– Да.

– Мы все так сожалели о том, что случилось.

– Спасибо.

– Но если уж вы оба начали колебаться, то с вашей стороны это было мудрое решение.

Очевидно, такова была версия событий, изложенная Тимом. Ну что ж, все же лучше, чем признать, что это было его единоличное решение.

– Спасибо, – поблагодарила я снова.

– Я надеюсь, что вы все равно поженитесь. Мне всегда казалось, что вы очень хорошо подходите друг другу.

– Посмотрим, – неопределенно ответила я, хотя тоже надеялась на такой же исход событий.

Я никак не могла оторваться от Тима, хотя то, что перед своим отъездом он даже не удосужился оставить мне сообщение, меня сильно обидело. Но он всегда был таким – рассеянным и безалаберным, никогда не помнил про звонки и другие знаки вежливости, не мыл посуду после вечеринки, перед долгим путешествием никогда не заправлял заранее бензобак. Я объясняла это его успешной профессиональной деятельностью. Может быть, даже гениальностью в компьютерном деле. Нельзя от гения ждать того же самого, что от обычного человека!

Пока его нет, я решила заехать к нему домой, чтобы забрать оттуда свои старые туфли. Его машина была припаркована перед домом. Я припарковалась неподалеку и вставила ключ в замок. Немедленно сработала сигнализация, и я набрала нужный код, чтобы ее отключить.

В доме было тихо. На столе в гостиной стояла пустая консервная банка с остатками мясного карри – от нее шел ужасный запах. По всему полу были раскиданы компьютерные журналы, тут же валялась раскрытая рабочая папка Тима с его каракулями обо всех рабочих мероприятиях за последние несколько недель.

Остатки карри я выбросила в мусорное ведро, журналы собрала и сложила в аккуратную стопку, папку, не закрывая, переложила на журнальный столик.

На кухне я достала из сушилки тарелки и убрала их в буфет, со стола смахнула хлебные крошки, в вазе с цветами сменила воду. Что-то не похоже на Тима украшать дом цветами, подумала я. Но это были гладиолусы, мои любимые цветы. Мне очень хотелось думать, что он принес их сюда ради меня.

Постель в спальне была разобрана, одеяло скомканной кучей лежало посередине. Здесь стоял безошибочный запах Тима – сочетание его любимого геля для душа и лосьона после бритья. Я села на постель и зарылась лицом в одеяло. Я так по нему тосковала!

Свои туфли я нашла в гардеробе. Я положила их в пакет, затем расправила на постели одеяло, взбила подушки. Внезапно мне пришла в голову мысль, что, если бы дело повернулось по-другому, мне предстояло этим заниматься всю оставшуюся жизнь, и жила бы я в этом самом доме вместо того, чтобы приходить сюда время от времени, как гостя.

– Как ты мог так со мной поступить? – громко спросила я воображаемого Тима. – Как ты мог?

Я швырнула пакет с туфлями в другой конец комнаты.

– Как ты мог устроить такое?

Я упала на постель и судорожно зарыдала.

На столе зазвонил телефон. Я услышала, как включился автоответчик, и по комнате разнесся голос Тима... «Хулиган! Тебе меня не догнать!»

– Это я, – сказал в трубке женский голос. – Я собиралась поймать тебя перед отъездом. Хотела, чтобы ты просмотрел заметки по проекту «Сарацин». Но ничего страшного. Пересечемся потом.

Я вздохнула с облегчением. Звонок был рабочим. В первое мгновение мне показалось, что звонившая женщина имеет отношение к отмене нашей свадьбы. Но это было глупо. Я сама создаю себе монстров из ничего!

Я подхватила пакет с туфлями и вышла из дома.

В пятницу вечером я снова ему позвонила, но на том конце снова сработал автоответчик. На этот раз я все-таки оставила ему сообщение и попросила позвонить мне домой.

Он позвонил в воскресенье днем.

– Как твое путешествие?

– Прекрасно, – ответила я сдержанно. – Отель превосходный, погода лучше некуда, отдых в целом получился что надо.

– Хорошо, – сказал он. – Изабель, ты заходила ко мне в мое отсутствие?

В его голосе звучала тревога.

– Да, – ответила я. – Я забыла у тебя туфли, которые мне срочно понадобились. Я звонила тебе на работу, но мне сказали, что ты вернешься только в пятницу вечером.

– То есть это ты навела порядок?

– Я же ничего не выбрасывала! – Я немедленно встала в защитную позицию.

Мне было известно, какое значение придает иногда Тим какой-нибудь самой ничтожной мелочи.

– Я выбросила только остатки этого ужасного карри!

– Спасибо, – произнес он более спокойным голосом. – Но тебе не следовало за мной убирать. Я сам прекрасно могу это сделать.

– Я не могла удержаться. У тебя был такой кавардак, что мне стало просто не по себе.

– Очень мило с твоей стороны.

– Да уж, я такая!

– Ты бы не хотела вечером встретиться?

– Сегодня?

– Ну а когда же?

– Хорошо, – сказала я. – Давай встретимся сегодня. Мы встретились в «Замке Клонтарф». Когда дома я сказала, что иду на свидание, Алисон скорчила презрительную физиономию, мать беспокойно заерзала на стуле, а отец сдержанно зашуршал газетой.

– Мне надо с ним поговорить, – объяснила я, как будто ни к кому из них не обращаясь в отдельности, и вышла из дома.

Замок был освещен закатным солнцем и казался сказочной декорацией. Я нашла пару свободных мест у окна и заказала себе пиво. Я приехала слишком рано. Это было в корне неправильно – мне следовало опоздать и заставить его дожидаться меня. Но все светофоры по пути как назло оказались зелеными, а машин почему-то было совсем мало. Я достала из сумочки ежедневник и сделала вид, что погружена в его изучение.

Я почувствовала присутствие Тима раньше, чем его увидела. С его стороны такой чувствительности не наблюдалось. Мне пришлось махнуть ему рукой, прежде чем он меня заметил.

– Прости, что опоздал, – сказал он, садясь со мной рядом. – На Мохэмптон-роуд произошла авария, и я простоял в пробке.

– Ничего, – утешила его я, затем подозвала официанта и заказала два пива.

– Ты выглядишь потрясающе! – Он смотрел на меня с восхищением. – Отпуск явно пошел тебе на пользу.

– Да и чувствую я себя гораздо лучше, – признала я. – Ты же знаешь, я была просто чуть живая.

Он взял меня за руку. Его рука показалась мне такой теплой и знакомой, что сердце мое начало таять.

– Я так себя виню, Изабель! – Он еще крепче сжал мою руку. – Я не должен был так тебя обижать!

Я была с ним согласна.

– После всего случившегося я подумал, что был настоящим идиотом. Что я должен был себя пересилить и пройти через эту процедуру. Что мы вместе запросто смогли бы все это преодолеть. Хотя, конечно, уверенности никакой, – тут же поправился он. Он откинул с глаз челку, но она немедленно упала обратно. – Ты мне очень подходишь, Изабель.

– Надеюсь, что так, – согласилась я. – К тому же мы все еще помолвлены.

– Разумеется, помолвлены! – горячо подтвердил Тим. Я облегченно

вздохнула.

– Так ты уже решил, когда мы поженимся? – спросила я.

– Нет еще. – Он забарабанил пальцами по краю стола. – Я очень сожалею, Изабель, но мне нужно еще немного времени, чтобы подумать.

Все предупреждения Алисон и Жюли разом пронеслись у меня в голове.

– Но мне нужно знать точно! – Я решила проявить твердость. – Я должна все прояснить до конца.

– Я уверен в том, что хочу на тебе жениться, – не очень уверенно произнес Тим. – А вот насчет времени у меня еще остались сомнения...

Я прикусила губу. Это было не совсем то, что мне хотелось бы услышать.

– Меня бы больше устроило, если бы ты переехала ко мне жить, – продолжал Тим. – У меня просто сердце упало, когда я понял, что ты приезжала и забрала свои вещи. Мне показалось, что ты покидаешь меня навсегда.

– Дело не в этом, – объяснила я. – Просто это очень удобные туфли, и я часто надеваю их с джинсами.

– А когда я снова увидел тебя рядом, то понял, что просто сошел с ума! – продолжал Тим. – Да и все мне говорят, что я сошел с ума!

– Ты и правда совершил ужасную ошибку. – Ко мне внезапно вернулось все мое раздражение. – Ты сыграл со мной злую шутку, Тим. Теперь все смотрят на меня и говорят: «Бедная девочка! Он бросил ее у самого алтаря!» А что мне пришлось выдержать на работе, этого я не могу тебе передать! Кроме того, я отменила банкет, оркестр, фотографа и все остальное. Мама и отец просто раздавлены. Ян собирался тебя убить. Только Алисон считает, что я счастливо отделалась.

Он улыбнулся.

– С нее станется.

– Может, она и права! – жестко продолжала я. – Ты поступил жестоко, Тим. Очень жестоко.

– Я знаю. – Он снова взял меня за руку. – И просто ненавижу себя за это. Но в тот момент мне казалось, что я поступаю правильно. Это же ужасно – жениться, когда тебя гложет сомнение. Ты ведь меня понимаешь, Изабель?

– О, я очень хорошо тебя понимаю! – сказала я. – Жюли говорит, что я даже слишком понятливая. Просто священник, а не женщина!

– Но у нас с тобой хорошие отношения! – убежденно продолжал Тим. – Мы с тобой все преодолеем, не правда ли?

Теперь он казался мне таким беспомощным и уязвимым, что мой гнев немедленно начал утихать.

– Разумеется, преодолеем, – вздохнула я.

Семья сидела перед телевизором. Я тоже уселась в свое любимое кресло и взяла в руки газету.

– Ну как? – спросила мать.

– Что как?

Я перевернула страницу.

– Что он сказал в свое оправдание?

– Ничего нового, – ответила я. – Сказал, что сожалеет, вот и все.

– Ха! – усмехнулась мать. – Я не хочу, чтобы ты тратила на него время.

В море ходят косяки другой рыбы.

– Мам! – взмолилась я. – Я не сомневаюсь, что в море хоть отбавляй другой рыбы, ты мне об этом уже говорила множество раз! Помнишь, когда я порвала с Аленом Дэвенпортом? Ты мне и тогда говорила то же самое. А помнишь эпизод с Барри Дилоном? Не стоит все время заводить одну и ту же шарманку!

– Я всего лишь пытаюсь помочь, – вздохнула мать.

– Да-да, конечно, спасибо, – ответила я. – Только в данном случае я помогу себе сама.

– Хотелось бы мне в это поверить, – мрачно пробормотала мать и снова повернулась к телевизору.

Тим пригласил меня на корпоративную вечеринку в ближайшую пятницу. Днем должна была состояться презентация нового системного продукта его компании, а вечером – ужин. Мне не хотелось идти на презентацию, а вот ужин казался мне заманчивым. С работы я заскочила домой и тут же юркнула в ванную, чтобы принять душ, – к великому неудовольствию Яна, который тоже собирался в пятницу куда-то уходить.

– Подожди две минутки! – крикнула я ему через дверь.

– Между прочим, мне надо побриться! – не унимался Ян. – Ты не одна такая в семье, кому нужна ванная!

Для вечеринки я выбрала темно-голубое платье с вырезом на спине, в котором хорошо смотрелась моя загорелая кожа, а волосы заплела в косичку, которую подвязала темно-голубой бархатной лентой. Эффект получился сногшибательный. Напоследок я сбрызнула себя «Аллуром» – любимыми духами Тима – и проверила, достаточно ли незаметна моя косметика.

– Ты выглядишь фантастически! – воскликнула Алисон, когда я спустилась. – Этому гаду не поздоровится!

– Прекрати его так называть! – Я застегнула сережки с бриллиантами и сапфирами, которые на последний день рождения подарил мне Тим.

– Я просто о тебе беспокоюсь.

– Отдохни. – Я выглянула в окно. Тим должен был за мной заехать, но в дом заходить постеснялся. Я тоже не жаждала сталкивать его лбами со своим семейством, и поэтому сказала, что буду выглядывать в окно и выйду, как только замечу его машину на улице. Тут как раз с улицы раздался знакомый рев мотора, я подхватила сумочку и выбежала из дома.

– Господи, да ты настоящая красавица! – воскликнул он, когда я села с ним рядом в машину.

– Я и сама это знаю. – Я не удержалась, чтобы не съязвить. – Я столько времени потратила на это!

– Да уж!..

– Когда я так выгляжу, никто не сможет сказать, что я старалась насильно прибрать тебя к рукам.

– Когда ты так выглядишь, я не смогу до тебя даже пальцем дотронуться!

– Вот и прекрасно. А то твои сослуживцы решат, что ты хочешь устроить скандал.

– А я действительно очень хочу устроить скандал! – засмеялся Тим.

Мы уже ехали по шоссе.

– Только попробуй!

Ужин состоялся в одном из дорогих отелей. Вдвоем мы смотрелись замечательной парой. Тим по такому случаю побрился и сменил свои старые джинсы и майку на смокинг, что очень ему шло.

Ужин был назначен по первому разряду – что не очень вязалось с компьютерной публикой, – но Тим сказал, что время от времени они тоже любят приодеться. По крайней мере, он чувствовал себя в смокинге непринужденно и ловко, хотя и уверял, что это не так.

– Я тебя поздравляю. – В вестибюле я поправила ему галстук-бабочку. – Ты выглядишь совсем взрослым.

– Я не хочу быть взрослым! – захныкал он. – Я хочу навеки остаться ребенком!

– Ну что ж, мой маленький Питер Пэн, пошли туда, где все.

Я знала почти всех компьютерщиков. Шона, секретарша, стояла у двери с бокалом вина в руках.

– Ой, Изабель! – воскликнула она при виде меня. – Как я рада тебя

видеть!

– Спасибо.

– Ты выглядишь замечательно. Ты что, уезжала?

– Я была на Родосе, – небрежно сказала я, и это произвело эффект.

Шона вспыхнула.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я не хотела сыпать соль...

– Ничего.

Я тоже подхватила стакан вина с проносимого мимо подноса.

– Сколько тут народу сегодня!

– В этом году это наш самый важный продукт, – объяснила она. – К нам даже американцы пожаловали.

– Классно. – Я увидела, как Тим жмет руку какому-то высокому светловолосому человеку.

– Последние несколько недель Тим был очень задумчив, – сказала Шона. – То есть, конечно, ему пришлось прокатиться в Штаты, но мне кажется, что он по тебе очень скучал, Изабель.

– Вина целиком на нем.

– Изабель! – Меня обнял за плечи Дэйв Бреннан, еще один программист компании. – Как поживаешь?

– Спасибо, Дэйв, прекрасно.

– Как хорошо, что ты пришла! А мы боялись, что ты не рискнешь!

– Почему бы мне не прийти?

– О! – Он выглядел смущенным. – Мы подумали, что ты не захочешь...

– Не беспокойся обо мне, Дэйв. Со мной все в порядке.

Публика начала занимать места. Мы с Тимом оказались едва ли не за главным столом.

– Мы на высших ступенях пьедестала, – сказал он мне. – То есть меня это, конечно, не волнует...

Морис Фицджеральд, глава компании, произнес спич о новом продукте, который, по его словам, должен был обойти все остальные, конкурирующие, продукты того же класса. Несколько раз он произнес слова «промышленный стандарт». Я не слушала Мориса, потому что изучала в это время меню.

Многочисленным блюдам были даны компьютерные названия – «Дынные байты» в качестве закуски, «Мегабайты из телятины с картофелем по-лионски» в качестве горячего и, наконец, «Десертный интерфейс». Морис закончил спич, и в зал внесли еду.

Я попивала вино, как вдруг почувствовала на своем колене руку Тима.

Темно-голубое платье имело на боку длинный разрез, который Тим заметил еще в машине. Я взглянула на него, но он в это время на меня не смотрел и разговаривал со своим соседом по другую руку. Я стиснула колени, и рука Тима оказалась в ловушке. Я чуть расслабила ноги, но когда он попытался высвободиться, поймала его снова. Я чувствовала, как его рука судорожно задергалась в поисках свободы, но не ослабила хватку. При этом я продолжала непринужденно есть и разговаривать с Дэйвом, который сидел рядом со мной с другой стороны.

В конце концов Тим повернулся и прошептал мне в самое ухо:

– Отпусти!

– Зачем?

– Потому что я хочу намазать себе бутерброд.

– Надо было раньше об этом думать, – насмешливо сказала я.

– Я знаю.

– Придержи свои ручки до лучших времен.

– Вот зануда!

Я расслабила хватку, и он смог наконец вытащить из-под стола свою руку.

Тим терпеть не мог танцевать. А я обожала. Поэтому я танцевала с Дэйвом и Морисом, потом еще с двумя программистами, Кейтом и Грегом, потом с парнем из калифорнийского офиса по имени Дон. С Доном танцевать было хорошо, потому что он был самым длинным и худым партнером из всех, кого я когда-либо встречала. Он сказал, что он афроамериканец. А я сообщила, что недавно познакомилась с греко-американцами, и поинтересовалась, имеются ли в природе просто американцы.

– Это аборигенные американцы, – сказал он политически корректно и очень серьезно, отчего меня разобрал безудержный смех, причину которого он, кажется, совершенно не понял.

Около половины второго Тим, наконец, решился пригласить меня на танец.

Оркестр играл чувственную медленную мелодию, Тим крепко прижимал меня к себе.

– Кажется, я слишком много выпил, – сонно бормотал он. – Я не собирался так много пить.

– Все нормально.

– Нет-нет, я хотел быть в форме.

– Ты будешь в форме, как только выйдешь на свежий воздух, – заверила его я.

– Поехали сегодня ко мне, – он прижал меня к себе еще крепче. – Останься у меня сегодня ночью!

Я и сама хотела с ним остаться больше всего на свете. Я уже обдумала заранее такую возможность и только ждала, предложит он мне это или нет.

– Но сохранится ли до утра твоя любовь? – прошептала я ему в ухо слова песни.

– Главное, что я люблю тебя сейчас!

Ночной воздух был прохладным, и я стала мерзнуть. Тим снял пиджак и накинул его мне на плечи.

– Не нужен мне твой пиджак! – запротестовала я.

– У меня рубашка с длинными рукавами, – настойчиво возразил он. – Неужели ты не понимаешь, что если ты замерзнешь, то мне тоже будет плохо?

– Зато у тебя будет возможность меня согреть.

Он взял меня за руку, и мы пошли по Пембрук-роуд. Над нашей головой шумели листья деревьев. Улица, всегда забитая машинами, была тихой и безлюдной, дома стояли темные. По дороге Тим тихонько свистел, и я ему подсвистывала.

Они будут в отношении меня очень разочарованы, подумала я и слегка улыбнулась. Алисон и Жюли, мать и отец, Ян. И Ари Джордан. Все эти люди, которые считали, что Тиму не следует давать поблажки. Которые готовы были ради меня не прощать его вовеки. И все они глубоко ошибались.

Мы повернули к его дому. На столбе тускло мерцал сигнальный фонарь. Тим долго шарил в кармане, потом уронил ключи на землю. Я их подняла и отдала ему. Он открыл дверь и выключил сигнализацию.

Мы стояли друг против друга в прихожей. Я сбросила с плеч пиджак Тима.

Он расстегнул мне бретельки, и темно-голубое платье соскользнуло на пол, легло у ног бархатной волной. Я была без колготок, только в синем боди. Тим молча смотрел на меня. Я – на него.

Он подхватил меня на руки и понес наверх по лестнице. В спальне он положил меня на кровать, затем начал судорожно стаскивать галстук, расстегивать рубашку. Мне очень нравилась его грудь. Не то чтобы она была очень уж мускулистой, но это была крепкая и надежная грудь, покрытая черными волосами. Иногда я гладила и завивала эти волосы, и тогда Тим вздрагивал от боли и блаженства.

Я неподвижно лежала на кровати. Он лег рядом и начал расстегивать мое боди. Пока мы занимались любовью, выражение его лица было очень

серьезным. Иногда он двигался очень медленно, так что временами казалось, что он вовсе застыл. Затем он наращивал ритм, и возникало впечатление, что он вот-вот кончит, но тут он внезапно останавливался и снова переходил на медленный ритм. Мне было с ним очень хорошо этой ночью. Он ласкал мои самые чувствительные места, изобретал новые виды ласк. А когда я крикнула, что больше не выдержу, то внезапно кончил одним решительным натиском.

Мы лежали под одеялом, обнявшись. Он заснул почти моментально, а я смотрела на него в темноте, и мне хотелось кричать от любви и счастья. Я знала, что это единственный мужчина, которого я когда-либо любила или буду любить. И еще я знала, что когда-нибудь я обязательно выйду за него замуж.

Глава 5

ЖИЗНЬ

(Пабло Пикассо, 1903)

За окном лил дождь. Я прижалась носом к стеклу и долго смотрела на небо: облака чиркали по верхушкам деревьев, и за ними нельзя было даже предположить наличие голубизны и яркого солнышка.

Я долго шарила в кладовке в поисках непромокаемой куртки, но ее нигде не было. Скорее всего я забыла ее у Тима.

Хлопнула входная дверь: это ушел Ян. Через несколько минут то же самое сделала Алисон. Я начала думать, что чувствуют родители, когда их дети подрастают. И как относятся к тому, что те в конце концов покидают родительский кров: с сожалением или с облегчением?

Я снова начала искать куртку. Тут зазвонил телефон. Я бросилась к нему.

– Изабель, привет, хорошо, что я тебя застал!

– Привет, Тим.

Я взглянула на свое отражение – зеркало висело над телефоном – под глазами снова залегли темные тени.

– Изабель, я очень сожалею, – продолжал Тим, – но сегодня с тобой встретиться никак не смогу.

– Почему? – Мы с ним не виделись уже почти две недели: он работал над каким-то очередным компьютерным проектом.

– Потому что я по горло завяз в работе, – ответил он. – Я и сейчас звоню с работы, не было времени заскочить домой.

– И как долго ты пробудешь на работе?

– Понятия не имею. Зависит от того, как скоро я со всем раскидаюсь. Может быть, час, может быть, двенадцать часов.

– О Тим, мне так хочется тебя увидеть!

– Мне тоже, особенно ночью, – сказал он. – От одного предвкушения у меня настроение поднимается. Но я абсолютно привязан к стулу в данный момент.

– А почему бы мне не прийти к тебе домой и не приготовить ужин? – предложила я. – К твоему приходу он был бы уже готов, и тебе бы оставалось только плюхнуться перед телевизором и его съесть.

– Мысль хорошая. – Мне показалось, что я даже вижу улыбку на лице

Тима. – Но я действительно не знаю, когда освобожусь, и мне противно причинять тебе столько хлопот.

– Да такие тут хлопоты!

– Все равно. – Тим был непреклонен. – Это несправедливо. Почему бы тебе не пойти и не развлечься? А завтра я тебе звякну.

– Ну хорошо.

Очевидно, я казалась ему слишком навязчивой.

– К завтрашнему дню все будет закончено, – пообещал он.

– Я же сказала «хорошо».

– Ну ладно. Мне пора идти. Чем раньше начну, тем быстрее закончу.

– Хорошо, пока.

Не в первый раз я испытывала желание, чтобы работа Тима значила для него гораздо меньше и чтобы он не отдавался так страстно каждому новому проекту, в котором ему приходилось участвовать. Я вздохнула и вернулась в гостиную.

Мать сидела у телевизора.

– А я думала, что ты собралась уходить.

– Я собралась, но Тим работает. Это он только что звонил.

В ответ она выразительно хмыкнула.

– Не надо.

– Что не надо?

– Вот так хмыкать.

– Что значит «не надо хмыкать»? – спросила она с невинным видом.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. – Я вздохнула и взялась за какую-то очередную газету.

Субботний вечер, размышляла я сумрачно, а я сижу дома с родителями и пялюсь в телящик. Какая скука! Я небрежно полистала газету и остановилась на киноафише. Может, пойти в кино? Сейчас идет какой-то новый фильм про Джеймса Бонда. Тим терпеть не мог Джеймса Бонда, но мне все равно, раз я одна. Может, Жюли составит мне компанию? Пирс Бросман ей нравится.

Я отправилась звонить Жюли.

– Пошли, – сказала она.

– Отлично. Я закажу билеты на свою кредитную карту, а потом за тобой заеду, идет?

– Хорошо. В котором часу фильм?

– В восемь сорок пять. Я буду у тебя через пятнадцать минут.

Когда я сказала, что ухожу с Жюли, мать снова хмыкнула. Отец выглянул из-за своей газеты.

Дождь лил не переставая, и теперь перешел в ливень. Он громко барабанил по бамперу и заливал ветровое стекло. Я включила дворники.

– Кошмарная погодка, – сказала Жюли, забираясь ко мне в машину. – Может, лучше было посидеть дома?

– Ерунда, – заверила я ее. – Имей в виду: больше всего на свете ты сейчас хочешь пойти со мной в кино.

– Я думала, ты сегодня с Тимом, – сказала она, стряхивая со свитера воду.

– Я собиралась, но он работает.

Жюли не особенно страдала от того, что стала альтернативой Тиму.

– Мне кажется, что если бы я была в кого-то влюблена, то уж точно предпочла бы проводить время с ним, а не с подружкой, – беспечно тараторила она. – Даже если этот «он» – Тим Мэлон.

– Заткнись!

Из машины до кинотеатра нам пришлось бежать, но мы все равно вымокли. Про зонтики почему-то обе забыли.

– Не имеет значения, – заверила меня Жюли, оглядывая фойе. – Теперь надо купить попкорн и мороженое.

Именно это мы и сделали в следующие несколько минут, а затем – с продовольственными припасами в руках – углубились в темноту зрительного зала.

После кино Жюли предложила пойти куда-нибудь поесть.

– После попкорна и мороженого?

– Я сегодня не обедала. А попкорн – это вообще не еда.

Мы заехали в маленький ресторанчик в Старом городе, где очень вкусно и недорого кормили. Он был битком набит влюбленными парочками, которые смотрели друг другу в глаза поверх горящих на столах свечей.

– Господи! – пробормотала Жюли. – Я себя чувствую абсолютной гусыней!

Я засмеялась:

– Кому какое дело?

Мы заказали цыпленка с приправами и чесночный картофель. Когда нам принесли еду; я поняла, что голодна, как волк.

– Ты разговаривала за последнее время с Андреасом из Греции? – спросила я, дуя на свою порцию цыпленка. Даже при свете свечей я заметила, как она покраснела.

– Что с тобой? – невинно спросила я.

– Он сегодня звонил, – сказала она. – Между прочим, как раз перед

тобой.

Я откусила цыпленка и чуть не поперхнулась от обилия перца. Пришлось срочно запивать его водой.

– Здорово тебя проняло! – засмеялась Жюли, глядя, как я вытираю слезы с глаз. Я знала, что он позвонил ей через два дня после нашего возвращения домой, но с тех пор она хранила на этот счет абсолютное молчание.

– Вообще-то он звонил с тех пор еще пару раз, – сказала она безразличным тоном.

– Жюли!

– Но мне он правда нравится! – Она немедленно заняла оборонительную позицию.

– Очевидно, ты ему очень понравилась, – предположила я. – И что, вы всегда разговариваете по его инициативе?

– Да, – снова как будто безучастно ответила она.

– Жюли Донеган! – провозгласила я. – Тебе не кажется, что у тебя с этим парнем серьезные отношения?

– Мне кажется, что да, – сказала она тихо. – Правда, очень трудно поддерживать серьезные отношения с человеком, который находится за океаном...

– Да уж, надо полагать, – согласилась я и откусила от цыпленка еще кусочек, на этот раз более осторожно.

– Что-то в нем такое есть, – продолжала Жюли мечтательно. – С другими я такого не испытывала ни разу.

– Правда?

– Правда. Я знаю, ты скажешь, что это потому, что мы были на отдыхе и вокруг царил сплошной идиллия. Но мне кажется, что это не так.

– Если так, то я удовлетворена, – объявила я.

– Тебе-то легко говорить, что ты удовлетворена, – произнесла она язвительно. – Но он во Флориде, а я в Дублине, и что нам прикажешь в таком случае делать?

– Да, я понимаю. – Я снова наполнила стакан водой. – И как же вы собрались встретиться?

– Он пригласил меня к нему приехать, – сказала она. – В сентябре.

Я тихонько присвистнула.

– Что это тебя так удивляет? – сказала она. – Я скорее всего поеду.

– Обязательно поезжай! – убежденно сказала я и сама удивилась своей настойчивости. – Поезжай и определи на месте, любишь ты его или нет.

– Господи, Изабель! – Она засмеялась. – С чего это ты так

переживаешь?

– Сама не знаю. – Мне стало немного грустно. – Просто я хочу, чтобы ты была счастлива, Жюли.

– А как насчет тебя? – спросила она. – Ты счастлива?

Я сделала глоток воды.

– Разумеется.

– Решили с Тимом все ваши разногласия?

– Да.

– И когда же вы поженитесь?

Я снова отпила воды.

– Еще не знаю.

– Но вы хотя бы назначили срок?

– Нет, – честно созналась я. – Но это не имеет значения, Жюли. Мы все еще только собираемся это сделать. Это все из-за того, что он сейчас действительно очень занят на работе. У него идет новый проект. Когда он с ним развяжется, то мы с ним тут же обсудим вопрос заключения брака.

– Я рада, что ты счастлива, – серьезно сказала Жюли. – Но не позволяй ему снова тебя обижать.

– Я не позволю, – заверила я ее и погрузилась в ответственную работу поедания цыпленка.

Когда на следующее утро я спустилась на кухню, Алисон делала себе тост. За ночь дождь кончился, и на безоблачном небе сияло веселое солнышко. Я развела в кружке немного зерновой каши и села завтракать в плетеное кресло у двери. Алисон непрерывно зевала. Вид у нее был всклокоченный и невыспавшийся, волосы все время падали на глаза.

– Где ты вчера была? – спросила я. – У тебя такой вид, словно ты падаешь с ног от усталости.

– Я и правда падаю с ног от усталости, – сказала она, снова зевая. – Сьюзи устраивала прощальную вечеринку, и я вернулась домой в полпятого.

– А когда она уезжает? – Сьюзи была старой подружкой Алисон, и она на полгода уезжала в Австралию.

– Сегодня. Если, конечно, проснется.

– Ей нравится Австралия?

– Как тебе сказать? – Она налила в стакан молока и залпом его выпила.

– Она говорит, что хочет много путешествовать. У нее там тетя, или кузина, или еще кто-то, и она едет туда просто так.

– Хорошо поработать за границей...

Алисон со мной согласилась, но тут же взвизгнула:

– Ой, что это?!

– У тебя тост сгорел.

– Гадство! – Она перевернула тостер и вытрясла из него два обугленных кусочка. – Терпеть не могу сгоревший хлеб!

– А ты поджарь еще.

Она вздохнула и выбросила хлеб за окно.

– Жарь не жарь, а запах такой, что у меня уже все равно пропал аппетит.

Она налила в чайник воды и поставила его на огонь. Я наблюдала, как она стояла, опершись о стену. Большинство людей не могут поверить в то, что мы с Алисон сестры, такие мы с ней разные. У нас действительно по множеству вопросов прямо противоположные мнения, и тем не менее мы с ней отлично ладим.

Чайник закипел, и она приготовила нам обеим кофе.

– Кажется, я постепенно становлюсь похожа на человека, – сказала она, попивая кофе. – У меня даже кровь веселее забегала по жилам!

Я засмеялась.

– А моя так прямо носится по всему телу. Меня просто распирает от избытка энергии! Надо убедить Тима поиграть со мной в теннис.

– О! – При этих словах Алисон брякнула свою чашку на стол и уставилась на меня. Шея и щеки ее начали покрываться румянцем.

– В чем дело? – удивилась я.

– Ни в чем.

Она снова взяла чашку и принялась пить кофе.

– Алисон!

Она была явно смущена.

– Говори! – потребовала я. – Что бы там ни было, ты должна мне обо всем рассказать!

На кухню влетела оса. Алисон схватила полотенце и попыталась выгнать ее вон, но оса кинулась к окну и начала бешено в него биться. Алисон снова пошла в атаку, и на этот раз удар достиг цели: оса упала на стол и закрутилась на одном месте.

– Ой, я ее убила! – взвизгнула Алисон.

– Может, и не убила. Положи ее куда-нибудь, может, она очнется.

Алисон подхватила осу газеткой и выбросила в окно.

– Теперь я вообще не узнаю, умерла она или нет! – Сестра принялась мыть чашки. – Ну, мне пора, надо идти одеваться.

– Но прежде ты все-таки мне расскажешь, в чем дело, – не отставала я.

– Ни в чем.

– Не прикидывайся! Рассказывай!

Мне всегда удавалось заставить ее говорить.

– Ну, просто... – начала она без энтузиазма. – Я думала, что вчера вечером вы были с Тимом.

Я удивленно взглянула на нее.

– Мы собирались, но у него появилась срочная работа, и мы пошли в кино с Жюли. А что случилось?

– Да нет, ничего...

– Так в чем же дело?

– Вчера вечером я встретила Тима...

– Неужели?

– То есть не встретила, а просто видела. Я думала, что он собирался быть с тобой.

– Где ты его видела?

– В Доннибруке.

– Ну и что? Может, он зашел после работы выпить, – возразила я. – Когда я устаю после работы, то могу только хлопнуться перед телевизором, а Тим любит пойти куда-нибудь проветриться. Он говорит, что лучшие идеи к нему приходят, когда он слегка пьян. Только потом он их не помнит.

Алисон все еще томилась какой-то неловкостью.

– Так ты с ним поговорила?

Можно было себе представить, что это вышел за разговор. Алисон была очень злопамятна. В этом состояло еще одно существенное различие между нами. Я ни на кого не могу долго сердиться, а вот Алисон может хранить обиду месяцами, а потом в любой момент выплеснуть ее на ничего не подозревающую жертву.

– Нет. Я собиралась, но потом не стала.

– Я все еще не понимаю, в чем здесь проблема. – Я тоже допила свой кофе. – Просто ты его недолюбливаешь, вот и все.

– Просто, я не хочу причинять тебе неприятности! – воскликнула она запальчиво. – И не хочу, чтобы ты на меня злилась потом!

– Что ты натворила? – спросила я, внезапно забеспокоившись. – Только не говори мне, что ты совершила нечто ужасное!

– Ничего ужасного я не совершила, – ответила она с достоинством. – За кого ты меня принимаешь? – Она глубоко вздохнула. – Просто... ну, то есть... я хочу сказать... одним словом, он был не один.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы пошли в ресторан поесть, – запинаясь начала рассказывать она. –

Сперва я подумала, что это ты с ним, потому что девушка, с которой он был, была очень похожа на тебя. Только волосы подлиннее. Но вообще-то я не очень ее разглядела. И вот когда я собралась к вам подойти и сказать... ну, не знаю... может быть, что я о нем думаю... – Алисон выглядела совершенно несчастной. – И вот тут я заметила, что он не с тобой.

– Ну, так что же? – Я старалась не обращать внимания на тревожно забившееся сердце. – Он допоздна работал, потом решил пойти поесть.

– Да, я понимаю...

– Так что же тебя так расстроило?

– Сама не знаю. – Она начала тереть глаза. – Просто, когда я увидела его с этой девушкой, я подумала... Я сама не знаю, что я подумала.

– Самое худшее, разумеется, – раздраженно dokonчила я. – Все это из-за того, что ты не хочешь, чтобы я выходила за него замуж! Ты считаешь, что если он один раз меня надул, то будет продолжать надувать все снова и снова! Нет, такого не будет, Алисон Кавана! – воскликнула я патетически. – Если два месяца назад все у нас с Тимом пошло наперекосяк, то это не значит, что мы не сделали из этих событий никаких выводов, не приняли кое-каких важных решений. И я не собираюсь расстраиваться из-за того, что в субботу вечером он позволил себе пообедать с коллегой по работе!

– Да, конечно, я очень сожалею, – пробормотала Алисон.

– Ну вот и хорошо, – закончила я разговор.

Плотнее запахнув свой халат, я решительным шагом направилась к себе наверх. Там я заперлась в ванной и включила душ. Как бы мне хотелось, чтобы Алисон не рассказала мне про Тима! Не то чтобы я ему не верила! Как раз в том, что он весь день работал, я была уверена. Но вот то, что он пошел обедать с какой-то незнакомой девушкой, а не позвонил мне и не пригласил на ужин, доставило мне нестерпимую боль.

Дурочка, говорила я себе, раздеваясь и вставая под душ. Почему он должен был звонить? И как бы я поступила на его месте? Если бы допоздна задержалась на работе и очень захотела есть? Неужели я стала бы звонить Тиму вместо того, чтобы просто пойти куда-нибудь с одной из подруг?

Я не знала, что по этому поводу думать. Такого со мной никогда не случалось. Потом мне пришло в голову, что он наверняка звонил. Просто я была в это время в кино, и он решил пойти поужинать с другой девушкой. Очень разумное соображение.

Я выключила душ и завернулась в полотенце. Я сама ему позвоню и выясню все как есть. Это самое лучшее решение.

От горячего пара зеркало в ванной запотело. Я нарисовала на нем сердце, а в середину вписала имя Тима. Такими глупостями мы занимались

еще в школе. Если на затуманенном зеркале написать имя парня, то он наверняка в тебя влюбится! Но сейчас я немедленно стерла свой рисунок...

Ради всего святого, мы же с Тимом помолвлены! У меня нет необходимости писать его имя на запотевшем зеркале!

– Изабель! – В дверь ванной изо всех сил стучала Алисон.

– Я сейчас выйду.

– Изабель! Я очень сожалею!

– О чем? – Я старалась говорить непринужденно.

– О том, что у меня такой длинный язык! Я должна была помалкивать!

– Ты что, чокнулась! – Я начала расчесывать мокрые волосы, вскрикивая каждый раз, когда щетка цепляла запутанное место.

– С моей стороны это просто глупо! Ты права, он просто пошел с коллегой пообедать, и все такое прочее.

– Все в порядке.

– Тем не менее...

– Забудь, я тебя очень прошу! – крикнула я. – Все это не имеет никакого значения!

Но на самом деле все это имело даже очень большое значение, подумала я, садясь на кровать и подсушивая волосы феном. Неважно, виноват Тим на самом деле или нет. Главное, что меня это очень уязвило. В субботу вечером сидеть в ресторане с другой женщиной – это еще полбеды. Но главное, что он сделал это после того, как отменил свидание со мной! То есть как раз тогда, когда мы должны были с ним встречаться! Все это не может быть простым совпадением.

«Ты больше никогда не сможешь ему до конца доверять», – еще раньше говорила мне Жюли, но тогда я пренебрегла ее советами. И вот теперь они зазвучали во мне с новой силой. Теперь семена сомнения успели во мне прорасти и превратиться в целую рощу подозрительности и отчуждения.

Конечно, хорошо бы, если бы Алисон ничего мне о нем не говорила. Но раз уж она сказала, то я должна все выяснить сама. Теперь мне терять нечего.

«То есть как это – нечего терять? – спросила я себя, забираясь с ногами на кровать. – Разве похоже, что у него с этой женщиной есть связь? А разве не похоже?» – возразила я тут же себе.

От тоски и тревоги я начала дрожать. Вполне возможно, что он отложил свадьбу именно из-за нее. Вполне возможно, что он в нее влюблен. Но если он в нее влюблен, пытался найти какую-то логику мой встревоженный ум, почему же он тогда сказал, что не хочет разрывать

помолвку? Почему он просто не мог сказать, что вышла ужасная ошибка и что он потерял голову из-за другой женщины? Почему он тогда послал меня с Жюли в отпуск, а затем провел со мной такую чудесную ночь, полную любви? Какой во всем этом смысл?

Мне нужно позвонить ему сейчас же и все выяснить. Нет никакого резона вот так сидеть и потакать воспаленному воображению!

Когда я спустилась вниз, Алисон была на кухне.

– Не беспокойся, – заверила я ее. – Все идет замечательно. Я собираюсь ему позвонить.

Она с ужасом смотрела на меня.

– Почему бы тебе куда-нибудь не пойти? – спросила я. – Что ты увиваешься вокруг меня и смотришь скорбными глазами спаниеля?

– Я сейчас ухожу, – засобиралась она. – Пойду проветрюсь.

– Тебе это очень даже кстати.

Я дождалась, пока она уйдет, и только потом набрала номер Тима. Сработал автоответчик, и я повесила трубку.

Может, он еще не вставал с постели. По воскресеньям он иногда себе это позволяет. Раньше мне случалось заезжать за ним по воскресеньям, и он даже днем никак не мог проснуться. И тогда он оставлял включенным автоответчик.

Через полчаса я позвонила снова. Тот же результат.

Я решила, что теперь-то он уж точно не может быть в постели. Мне не хотелось додумывать свою мысль, потому что в таком случае мне все время представлялась рядом с ним другая женщина. Я подумала, что это очень подло с моей стороны – думать о нем такое.

Алисон вернулась с прогулки. Мать и отец тоже откуда-то вернулись. Ян проводил время с друзьями.

Я снова позвонила. Автоответчик – и больше ничего.

Я больше не могла этого выносить. Я должна была немедленно с ним увидеться. Если он все еще в постели, то я извинюсь за вторжение и скорее всего лягу в постель рядом с ним. Правда, он мог работать. Когда он работает, то иногда тоже не поднимает трубку. Я же не оставляла ему никаких сообщений, и он просто не знал, что это звоню я!

Господи, я веду себя как подросток! В конце концов, он же мой жених! Он меня любит. Он сам мне это сказал.

Но демон в моей голове тут же нашептал, что эти слова он ничем не подтвердил. Ему просто нечем было их подтвердить.

Я схватила со стола ключи от машины и бросилась к Тиму.

Глава 6

ПЕЧАЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

(Сальвадор Дали, 1929)

Воздух в машине прогрелся до критической отметки – до руля едва можно было дотронуться. Странно, только вчера непрерывно лил дождь, и вот сегодня уже стоит такая жара. Я открыла два боковых окна, но это мало помогало. Я поставила кассету с Тиной Тернер и включила магнитофон на полную мощность.

Я никак не могла решить, быстро мне ехать или медленно. С одной стороны, мне очень хотелось поскорее увидеть Тима – сию же минуту! А с другой – я очень этого боялась. А вдруг оправдаются самые худшие опасения? Я не позволила себе думать на эту тему. Но все равно ненавидела Тима за то, что он вверг меня в такие переживания.

Его «Альфа» стояла во дворе. Значит, он дома. Я не знала, считать это хорошим признаком или плохим. Некоторое время я так и просидела за рулем, не выключая мотора, боясь столкнуться с ним нос к носу.

Это глупо, сказала я себе наконец, выключая зажигание. Но окна машины оставила открытыми, а дверь незапертой.

Прошла целая вечность, прежде чем Тим отозвался на мой звонок. Он был босиком и одет в шорты и голубую майку. Он посмотрел на меня с удивлением.

– Я не ждал, что ты сегодня придешь, – сказал он.

– Но ты же сам собирался мне звонить, – чуть запинаясь, произнесла я.

– Но не раньше вечера.

– Так я могу войти? – Я стояла на пороге, как какая-нибудь незнакомка.

– Разумеется. – Он распахнул дверь пошире, и я вошла. – Прошу прощения, я был занят. И не ожидал, что ты вот так, без звонка, придешь.

Задняя дверь тоже была открыта. Тим прошел через весь дом и вышел в маленький внутренний дворик. Я проследовала за ним.

– Мы работали, – сказал он спокойно.

В его вертящемся кресле, поджав под себя ноги, сидела девушка. Она была одета в ярко-розовую длинную майку, которая почти прикрывала обтягивающие шорты. Волосы были убраны с лица, но я тут же поняла, что имела в виду Алисон. Она действительно была очень похожа на меня.

– Это Лаура, – представил ее Тим. – Она мой партнер по проекту

«Сарацин».

Лаура сняла огромные солнечные очки в модной оправе. Ее глаза были небесно-голубыми.

– Привет, – произнесла она лениво. – А ты, наверное, Изабель?

Я кивнула, от волнения не решаясь заговорить.

– А Тим был прав, – усмехнулась она. – Мы похожи, как две сестры.

– Только цвет глаз у нас разный, – поправила я, глядя ей прямо в глаза.

– А во всем остальном вы очень похожи, не правда ли? – сказал Тим, обращаясь ко мне. – Когда она вошла в офис, я решил, что вы двойники.

Лаура встала с кресла. Она была гораздо выше меня. Для Тима такой рост больше подходит, подумала я. Она была очень хорошо сложена, ее голова сидела на шее по-королевски прямо и грациозно. Не то что у меня, снова подумала я. Моя голова кособочится где-то между желудком и подмышкой.

– Наверное, мне лучше уйти, – сказала Лаура. – К тому же мы все равно уже сделали большую часть работы.

– Но мы еще должны обсудить проблему замораживания программы! – запротестовал Тим.

– У меня есть на этот счет своя теория...

Лаура пустилась в длинные профессиональные рассуждения, которые для меня звучали полной абракадаброй. Я села на опрокинутый глиняный котел и слушала научный разговор моего жениха со своим коллегой.

Вряд ли он мне изменяет с этой женщиной, думала я. (Хотя как можно говорить об измене между людьми, которые еще не женаты?) То есть если бы ему захотелось мне изменить, то вряд ли бы он избрал для этих целей мой клон – пусть повыше, поинтеллигентнее и с голубыми глазами. Своих идеальных женщин Тим всегда представлял блондинками с непомерным бюстом, тонкой талией и ненасытными сексуальными аппетитами. Но все-таки мне очень хотелось, чтобы она ушла.

Наконец они закончили свою дискуссию. Договорились, что Лаура будет продолжать работать над проблемой замораживания, а Тим поставит финальную точку и сложит отдельные куски программы вместе. Таким путем они опоздают с графиком всего на одну неделю.

На прощание она махнула мне рукой. В ответ я принужденно улыбнулась. Во всяком случае, эта улыбка не коснулась моих глаз. Да она и губ-то моих едва коснулась.

Они еще долго болтали у двери. Мне казалось, что целую вечность. Наконец Тим вернулся во двор с двумя банками пива в руках. Он открыл одну и протянул мне. Он всегда открывал для меня пиво, потому что я

никогда не могла справиться с замком – он у меня регулярно отламывался.

– Спасибо, – сказала я.

– Хорошо, что ты не приехала раньше. – Он сделал большой глоток из своей банки.

– Почему это?

– Потому что мы были очень заняты.

– Ты по этой причине не отвечал на телефонные звонки?

– А ты звонила? – Он выглядел удивленным. – Я не слышал. Но ведь автоответчик был включен.

– Я знаю. Но мне не хотелось оставлять сообщение.

– Ну и зря. Я входил и выходил. Я бы заметил мерцающий огонек.

– Я не знала, что тебе сказать.

– Что значит, не знала? Сказала бы то, что и положено говорить в таких случаях: свое имя, номер телефона и время звонка. Я бы обязательно перезвонил.

– Да, ты прав.

– Ой, Изабель, ради всего святого, объясни мне, что происходит?

И вот теперь, когда настало время все ему высказать, я вдруг испугалась. В машине, под музыку, я всю дорогу репетировала свою речь, и мне казалось, что она получилась убедительной. Но теперь, когда Тим сидел напротив меня, я поняла, что выгляжу сварливой занудой. Я сама терпеть не могла таких подружек. Подозрительных. Ко всему цепляющихся. Недоверчивых. В отчаянии я подумала, что это он виноват, что я ему не доверяю. Он не должен был так себя вести со мной.

– Али видела тебя прошлой ночью, – наконец выдавила я из себя. – В ресторане.

– Неужели? – Он был удивлен, но ничуть не сконфужен. – А я ее не видел.

– Ты был с женщиной. С Лаурой, надо полагать.

– Что все это значит? – Теперь его голос зазвучал жестко. – Вы что, устроили за мной прошлой ночью тотальную слежку?

– Никакую не слежку, – начала оправдываться я. – Я просто хотела узнать, вот и все. Ты собирался провести вечер со мной. Али тебя видела. Сперва она подумала, что это я, но потом поняла, что нет.

– Поэтому она бросилась домой и начала рассказывать всем эту ужасную новость?

– Ты несправедлив! Она рассказала мне обо всем только сегодня утром, да и то, когда я заставила ее это сделать.

– Могу себе представить, как это было трудно, – съязвил он. – Твоя

сестра всегда меня недолюбливала.

– А твоя мать недолюбливает меня, – объявила я с притворной веселостью.

Он залпом проглотил остатки пива и отфутболил пустую банку в сад. Она с грохотом запрыгала по мощеной дорожке.

– Мы с Лаурой работали допоздна. Когда мы закончили, я пригласил ее пообедать. В этом нет никакого преступления, и я возражаю, когда ты ведешь себя так, словно оно было.

– Я так не говорю.

– Нет, говоришь.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, и глаза у него при этом были очень злыми. Мне не понравилось выражение его глаз.

– Я очень сожалею.

– И днем мы сегодня тоже работали. И уже почти закончили, когда кое-кто нам помешал.

– У меня не было намерения вам мешать.

– Я же сказал, что позвоню тебе сегодня вечером, и наверняка бы позвонил.

– Просто мы так долго с тобой не виделись!.. – У меня получилось какое-то поскуливание.

– Я же не твоя собственность! – Тим разозлился не на шутку.

В сад залетела яркая птичка. Я смотрела на птичку и думала о том, что если я сейчас заговорю, то наверняка заплачу. В словах Тима слышалось слишком явное раздражение, даже враждебность. В этот момент я со всей ясностью поняла, что Тим меня больше не любит.

От этой мысли меня, несмотря на жару, пробил озноб. Я встала, и птичка улетела, громко хлопая крыльями. Я откашлялась.

– Ну так что ж... Лекарство не сработало.

– Что ты имеешь в виду? – Тим яростно выдирает сорняки из газона.

– Я имею в виду нас.

– Не будь идиоткой, Изабель!

– Я не идиотка, – вздохнула я. – Я реалистка. Надо было мне раньше такой стать. Вот раньше я точно была идиоткой. Как это так... в мае ты не захотел на мне жениться, но решил жить со мной просто так?! Почему я тебе поверила, нашла такую мысль разумной? Ты что, считаешь меня такой жалкой?

– Я никогда не считал тебя жалкой, – возразил Тим.

– Но тем не менее ты не захотел на мне жениться.

– Тут совсем другое дело. – Тим выглядел сконфуженным. – Я просто

не готов к женитьбе. Я же тебе все уже объяснял, Изабель.

– Я знаю, что ты объяснял, – сказала я. – Но я тебя не слушала. Я не хотела тебя слушать. Мне больше нравилось притворяться, что все у нас хорошо. Но все было совсем не хорошо – просто не могло быть хорошо.

– Мне нужно было некоторое время.

– Тебе нужно. А мне не нужно. Но я решила дать тебе это время, потому что надеялась, что все образуется. – Я покачала головой. – Ничего удивительного, что все смотрят на меня с сожалением. Они думают, что я пропащий человек. Ты все сделал для того, чтобы сломать мою жизнь, а я все еще бегаю за тобой, как какой-нибудь влюбленный подросток!

– Прекрати драматизировать! – Тим окончательно разбушевался. – Я не ломал ничью жизнь и не собирался этого делать. Я бы поступил еще хуже, если бы женился на тебе, а потом решил, что этого не надо было делать. Я оказал тебе любезность, Изабель.

– О да! – Я горько засмеялась. – Огромная любезность, когда мне пришлось отменять всю церемонию, встречаться с агентами и рассказывать им, что ты больше не хочешь на мне жениться. Огромная любезность пережить такое унижение, Тим!

– Я думала, ты все поняла.

– Я поняла, что мое сердце разбито. Я поняла это очень хорошо.

– А выглядишь ты вполне нормально.

– А со мной все нормально! – запальчиво объявила я ему. – Я ведь Скорпион. Мне хорошо в кризисе. Я всегда могу найти выход из кризиса. Кое-что перераспределить, кое-что отменить. На людях я держу себя в руках, но каждую ночь, Тим, каждую ночь этого так называемого путешествия на Родос я плакала в подушку!

Он снова как-то сник и забеспокоился.

– Я очень сожалею, – снова повторил он.

Я не хотела доводить дело до такого накала. Но так получилось. У меня просто не было другого выхода. До сих пор я жила в каком-то выдуманном мире. Делала вид, что свадьбу можно отложить до следующего года. Делала вид, что наши отношения ничуть не изменились.

Я сняла с руки обручальное кольцо и отдала ему.

– Мне следовало сделать это раньше. Я была идиоткой.

Он нервно вертел в руках кольцо. На секунду мне показалось, что вот сейчас он мне его вернет, но он сделал по-другому – он зажал его в кулаке.

– Я буду его хранить, – сказал он. – Может быть, нам с тобой оно еще пригодится.

Я покачала головой, прикусила губу, чтобы снова не расплакаться, и

заспешила к машине.

Я неслась со страшной скоростью, потом притормозила и съехала к тротуару. Пошарив в сумочке, вынула оттуда ингалятор и впустила в легкие распыленную струю лекарства. После этого дышать стало легче, сердце чуть успокоилось.

Все мои друзья оказались правы, а я не права. Даже если отношения Тима с Лаурой были сугубо профессиональными – а это вполне могло так и быть, по крайней мере, никаких признаков обратного я не обнаружила, – я не могла принять его рассуждений. Это значило, что на замужестве с Тимом придется поставить крест. Я должна его забыть и поискать себе другого мужчину.

Или нет, в этом нет никакой нужды. Я вполне могу жить самостоятельно. Снять себе квартиру, в конце концов. Может, мне удастся найти что-нибудь подходящее неподалеку от работы. Это даже смешно, когда двадцатисемилетняя женщина живет с родителями в одном доме.

Я поежилась от мысли, что придется возвращаться домой без кольца. Снова придется проходить через все эти муки!

Поэтому я решила сперва заехать к Жюли. Она сидела в садике и подновляла свой загар. Я села рядом с ней на аккуратно подстриженный газон и протянула к ней руки.

– Что случилось? – Подруга была безмятежна.

Мне казалось, что в данный момент я смогу прекрасно обойтись без слез... Просто прорепетирую свой рассказ перед возвращением домой. Но не тут-то было. Слезы потекли рекой. Жюли молча сходила в дом и вернулась оттуда с целой коробкой разовых носовых платков мужского размера.

– Итак?

Я громко высморкалась.

– Я с ним порвала, – кое-как выдавила я из себя.

– А ты говорила, что вы с ним выяснили все отношения?

– Мне очень хотелось так думать.

– Так в чем же дело?

Я сорвала травинку и порвала ее на мелкие кусочки.

– Это случилось прошлым вечером? – продолжала расспрашивать она.

– Когда вы не смогли встретиться?

Только прошлым вечером, подумала я тоскливо. А кажется, словно это случилось сто лет назад.

– Али его видела, – рассказала я. – Он был с другой женщиной.

– Вот гад! – Глаза Жюли засверкали от возмущения. – Абсолютная сволочь! Как он посмел так себя вести после всего, что сам же и наговорил? Я бы его просто задушила!

– Все было не совсем так, – запротестовала я, сама удивляясь тому, что его защищаю. – Эта женщина с работы. Они вместе делают проект.

– Неужели? – Жюли не могла скрыть сарказма.

– Я ему верю! Он сказал, что они допоздна работали, а потом пошли что-нибудь перекусить. Ведь это же не преступление, Жюли.

– Ха!

– Только я все равно не перестаю сомневаться. – Я оторвала новую травинку. – Помнишь, ты мне говорила, что я уже никогда не смогу ему доверять? И действительно, так оно и есть: я все время его в чем-то подозреваю, не могу отделаться от сомнений...

– Мне очень жаль, что я вогнала тебя в такое состояние...

Я энергично затрясла головой.

– Ты здесь ни при чем. Я сама продолжала сомневаться, вот и все. Он пообещал, что сегодня позвонит, но вместо это я позвонила ему сама. Ответа не было. Тогда я представила себе худшее и отправилась к нему домой.

Глаза Жюли широко раскрылись.

– И что?

– Она была там, – выдохнула я. – Правда, между ними ничего не было. Правда ничего. Они просто работали в саду. В руках у них были книги и бумаги, и я поверила ему, что они ничем другим, кроме работы, не занимались.

– Тогда почему же ты с ним порвала?

– Потому что я больше никогда не смогу ему доверять, – захныкала я. – Я никогда не смогу быть уверена на все сто, что он женился на мне по любви и что он действительно этого хотел. Он просто вышел из себя, когда я начала расспрашивать его о ней. Раньше мы никогда так не разговаривали, Жюли. Я спокойно ходила со своими друзьями, он – со своими, и мы друг друга ни о чем не расспрашивали.

– А может быть, следовало, – веско вставила она.

– Не знаю, не думаю. – Я обняла руками колени. Палец странно себя чувствовал без кольца. Мне самой было странно, что я только что приняла такое важное решение: мне продолжало казаться, что главное решение принимал Тим.

– И что же ты собираешься теперь делать? – спросила Жюли.

Я тяжело вздохнула.

– Не знаю. Может быть, найду себе квартиру, где-нибудь рядом с работой.

– Хочешь купить?

Я поежилась.

– Такого мне не потянуть. Я уже думала об этом на пути домой. Дома оставаться тяжело, они не оставят меня в покое своим сочувствием. Мать считает, что мужчина должен быть либо мужем, либо ничем. – Я вытерла глаза кулаком. – Может быть, именно из-за этого мне так хотелось выйти замуж за Тима. Она каждый день мне твердила, что я должна выйти замуж до тридцати. В последний раз она объявила, что я и так несколько опоздала с созданием семьи. Даже показала мне статью в журнале, где говорится о бесплодии женщин после тридцати и о том, что потратить свою молодость на карьеру и только после тридцати завести ребенка, – это роковая ошибка многих женщин. Я пыталась ей втолковать, что я не делаю никакой карьеры, что я просто работаю, но она оставалась непреклонной.

Жюли засмеялась.

– Твоя мать всегда была женщиной-наседкой.

– И в то же время она постоянно твердит, что хочет, чтобы мы веселились и развлекались в свое удовольствие, – сказала я. – Может быть, потому, что сама она вышла замуж в двадцать лет, а меня родила в двадцать один. Ей хочется, чтобы хоть мы повеселились вдоволь.

Жюли вздохнула:

– Ты же знаешь родителей. Они всегда все делают наоборот, не то, что от них ожидаешь. Помнишь, когда я встречалась с Уиллом? Моя мать все сделала для того, чтобы мы расстались, а до этого она же просто поедом меня ела, чтобы я завела себе бойфренда.

Я непроизвольно засмеялась.

– Но, Жюли, что ты хочешь! Это же Уилл!

– Ну да. – Она тоже улыбнулась. – Конечно, у него был такой вид, как у ангела смерти, но все равно он очень хороший парень!

– Жюли, своим видом он наводил на меня настоящую панику! – сообщила я ей. – Я все время боялась, что встречу его как-нибудь с его друзьями, и они сделают со мной что-нибудь непотребное.

– Он был не таким! – горячо возразила Жюли.

– Да-да, я знаю, – торопливо заверила ее я. – Я хочу сказать, что он мне таким казался.

– Тем более что он действительно долго не продержался, – вздохнула она. – У меня тогда как раз была фаза бунта. – Она взмахнула рукой,

указывая на свой недавно покрашенный дом, тщательно возделанный сад и нахмурилась. – Мне хотелось иметь что-нибудь совсем другое, только не это.

Я понимающе кивнула. У Жюли был дом практически такой же, как у моих родителей. Вернее, половина двухквартирного дома с четырьмя спальнями, построенного в середине пятидесятых. В таких домах были большие комнаты, большие сады, все вылизано и расчерчено, а владельцами таких домов были, как правило, люди возраста моих родителей. То есть те, кому в молодости пришлось хлебнуть бедности, кто прошел через ранний брак, скопил немного деньжонок, а тратил их преимущественно на летние отпуска, на хорошие кухонные гарнитуры, на новые ванны и оранжереи.

Вот у меня не было фазы бунта. Мне с самого начала хотелось быть такой же, как эти люди. Разница лишь в том, что нам с Тимом не пришлось хлебнуть бедности.

Мы с самого начала должны были стать успешной счастливой парой.

О Господи, подумала я в отчаянии. До чего же я все тщательно спланировала! И все это почти что осуществилось. Почему я вовремя не заметила, что Тим по дороге струсил? Почему я не разглядела его сомнений? Почему не стала такой, какой он хотел меня видеть? Почему такое случилось со мной, кричала я безмолвно? Почему?

Жюли помалкивала, сидя рядом со мной. Она глядела в пространство, давая мне время прийти в себя.

– Сейчас тебе наверняка очень плохо, – через некоторое время сказала она, – но ты все преодолеешь.

Я криво улыбнулась.

– Знаю! Люди многое преодолевают. Только вряд ли с другим мужчиной я буду чувствовать то же самое, что с ним.

– Ты найдешь себе другого мужчину, с которым почувствуешь себя еще лучше, чем с ним!

– Дай мне повалиться в своем горе. Я тебе сообщу, когда мне станет лучше.

– Хорошо. – Она меня обняла. – Хочешь, я тебе покажу свой новый костюм?

Я кивнула, и мы пошли в дом обсуждать вещи, которые действительно имели реальное значение.

Как ни странно, исчезновение моего обручального кольца первым заметил Ян.

Когда я приехала домой, все сидели за обедом. Пахло ростбифом, и я удивилась, почему это мать решила готовить ростбиф в такую жаркую погоду?

– Вчера было холодно и мокро, – объяснила она в ответ на мой вопрос.

– Кроме того, – с набитым ртом продолжил Ян, – я растущий организм. Мне нужно много еды, чтобы наращивать мускулы. Не то что вы, девчонки, которые целый день могут бродить без еды, как тени.

– Мускулы! – захихикала я, тыкая его в бок.

Он поймал мою руку.

– А где кольцо?

За столом воцарилась тишина. Отец положил на тарелку свой прибор и торжественно воззрился на меня.

– Я вернула его Тиму. Я передумала.

– Вот дерьмо! – Алисон не постеснялась.

– Алисон Кавана! – строго одернул ее отец. – Ты же знаешь, что я не люблю, когда произносят такие слова!

– Пардон! – пробормотала она, хмуро глядя из-под своих длинных ресниц. – Так что, значит, все кончено, Изабель?

Я подтвердила.

– Но я-то думала, что вы все уладили! – запричитала мать. – Я-то думала, что вы осенью поженитесь! Что вы со всем этим покончили!

– А я-то думала, что вы все обрадуетесь, – отрезала я. За столом снова наступило молчание.

– А я очень рад, – наконец произнес отец.

– И я тоже! – воскликнула Алисон.

– Делай, что хочешь, – пробормотал Ян.

– Ну разумеется, я тоже очень рада! – не очень уверенно подтвердила мать. – Я тебе всегда говорила, что он тебя не стоит. Но тогда ты еще не совсем разобралась в своей душе, Изабель. Мне не хотелось, чтобы ты сделала что-нибудь, о чем потом стала бы жалеть. Мне не хотелось, чтобы ты порвала с ним на пике отношений.

– Я и не порвала с ним на пике отношений.

– А что же ты сделала? – уже спокойно спросила Алисон.

Я сжала под столом кулаки.

– Я сделала это, потому что поняла, что больше никогда не смогу ему доверять. Потому что он может еще сто лет решать, жениться ему на мне или нет. Потому что я больше не хочу испытывать с ним судьбу.

С моей помощью обед был начисто испорчен. Только Ян продолжал еще что-то есть, а по виду остальных я понимала: моя новость стала для

них не меньшим ударом, чем отложенная свадьба.

– Я иду к себе, – заявила я наконец. – Не пытайтесь проверять, разрешила я себе вены или нет. Со мной все в порядке.

Я легла на кровать и уставилась в потолок. Теперь надо было что-то решать со своим будущим. Тима следовало сдать в архив вместе с другими бывшими. Я вспомнила Алена Давенпорта, с которым у нас была скорее физическая близость, но после разрыва я тоже ходила как в воду опущенная. С Тимом у меня то же самое, уверяла я себя. Я привыкну к этому через некоторое время. В один прекрасный день я проснусь и ничего не почувствую. Я постараюсь вспомнить, как он выглядит, и не смогу. Я перестану душить его любимыми духами, которые заставляют меня чихать. Я начну носить хлопчатобумажные трусики и лифчики вместо дорогих полупрозрачных комплектов. В общем, снова стану нормальным человеком.

Но пока этого не случилось, я чувствовала себя так, словно у меня из тела вырвали кусок. Хуже, чем теперь, я никогда себя не чувствовала.

Через несколько часов в мою дверь постучала Алисон. Я срочно спрятала фотографии Тима, которые в это время рассматривала, в старую коробку из-под обуви, а в руки взяла биографию Джекки Кеннеди Онассис и сделала вид, что читаю.

– Ты как?

– Нормально.

– Так что же случилось?

– Ничего.

– Послушай, Изабель, не темни! Что-то же должно было все-таки между вами случиться? Почему вы порвали?

– Это не я решила порвать, – завела я свою шарманку. – Он первый это начал.

– Я знаю, но ты сказала... я подумала... – Она смотрела на меня с отчаянием.

– Ты здесь ни при чем, – уверенно повторила я. – К тому, что ты рассказала, это не имеет никакого отношения.

– Но, Изабель...

– Никаких но. Я просто поехала к нему, и мы поговорили. Пока мы говорили, я поняла, что не могу вечно его ждать. Он, как всегда, ни в чем не был уверен. Я подумала, что пришло время поставить все точки над «i», вот и все.

– О Изабель! – Алисон обняла меня и крепко к себе прижала. – Мне

так жаль!

– Да что же тебе жаль? – спросила я, выбираясь из ее объятий. – Ты просто оказала мне услугу.

– Я, конечно, глупа, но все-таки не настолько...

– Послушай, Алисон! Выходить за него замуж – это действительно было бы непростительной ошибкой! Тебе не в чем себя винить.

– Я виню себя в том, что очень рада вашему разрыву. Я всегда считала, что тебе не стоит выходить за него замуж. Он всегда был таким самонадеянным. И к тебе не питал настоящего чувства.

– А я-то думала, что ты вообще не веришь в браки! – улыбнулась я.

– Это тоже, – признала Алисон. – Но в его глазах ты была простой секретаршей, в то время как он имел настоящую работу.

– Я не просто секретарша, – возразила я. – Я менеджер по работе со смежными организациями. В мои обязанности входит не просто печатать и подавать кофе шефу.

– Я знаю. – Алисон повесила голову. – Прошу прощения. Я всегда говорю что-то не то.

– Все это не имеет значения, – целуя, заверила я ее. – Оставь меня сейчас в покое. Я обещаю, что со мной ничего не случится.

Легко сказать! Легко сказать – легко и прикинуться. Я повторяла себе эти слова до тех пор, пока не заснула.

Глава 7

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ПЕРСОНАЖИ

(Хуан Миро, 1949)

Но, разумеется, мне было несладко. Каждый день я ходила на работу, вечером возвращалась домой, даже иногда куда-нибудь выбиралась с Жюли, – но никакого облегчения не наступало. Я старалась вести себя так, словно ничего не случилось. Не рыдала за компьютером. Четко и деловито отвечала на телефонные звонки. По выходным дням ходила за покупками для матери. В разговорах с родственниками и Жюли старалась вообще не упоминать имя Тима. Но все это не могло заполнить образовавшуюся пустоту. Ничто не могло убедить меня, что когда-нибудь я снова стану счастливой.

Я говорила себе, что для полного излечения необходимо только время. Я старалась поддержать себя и другими подобными житейскими истинами, но очень часто, уставившись в папки с заказами, я вдруг чувствовала, что теряю самообладание, и все невыплаканные слезы внезапно подступали к горлу.

– Изабель.

Барри стоял в дверях своего кабинета. Я быстро заморгала, чтобы скрыть эти подступившие слезы.

– Зайди ко мне на минутку.

Я последовала за ним. Он вынул из кожаного футляра карандаш и начал вертеть его в руках. Я молча за ним наблюдала. Он откашлялся.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он напрямик. Его вопрос меня удивил.

– Как я себя чувствую? – переспросила я.

– Да, да, именно, – подтвердил он.

Я сглотнула. Когда кто-нибудь спрашивал меня, как я себя чувствую, меня немедленно охватывало желание зарыдать в голос. Но сейчас я не могла себе этого позволить.

– Прекрасно.

– В самом деле?

– Абсолютно!

Он помолчал.

– Ну, не совсем абсолютно, – поежилась я. – Иногда, если честно, мне

немножко не по себе. Но большую часть времени со мной все в порядке.

– Ты уже преодолела всю эту историю с Тимом?

– Трудно сказать, когда человек что-то преодолевает до конца, – начала я. – Но мне кажется, что, да, перешагнула.

– Рад это слышать. – Он слегка улыбнулся. – Но вот я что-то не испытываю такой уверенности, как ты.

– Почему?

Он вытащил из своего стола папку.

– Это фактуры. Ты послала в «ДельтаКон» те, что предназначались в «ДельтаПак», и наоборот. – Он взял в руки другую папку. – Это платежные ведомости персонала. Ты оставила их в верхнем ящике своего стола на ночь. А сам ящик не заперла, как это предписано правилами.

У меня пересохло в горле.

– Прошу прощения, Барри, это мой недосмотр.

– И наконец... – Он открыл свой ежедневник. – Ты можешь мне объяснить, почему ты заказала мне билет в Манчестер, когда я собираюсь лететь в Лондон?

О Господи! – с ужасом подумала я. Неужели я действительно все это натворила?

– Прошу прощения, – снова пробормотала я. – Я просто не знаю, как это могло произойти. Очевидно, я была слишком рассеянна. Я постараюсь сосредоточиться.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Послушай, Изабель, – сказал он задумчиво. – Ты работаешь на этом месте уже долгое время. И мне кажется, мы с тобой хорошо сработались. Ты многое сделала для нашей компании. Вернее, делала, вплоть до настоящего времени.

Я похолодела от ужаса. Неужели он хочет меня расчитать? Он может – хотя бы из-за платежных ведомостей. Я сама не знала, как это я могла оставить их в незапертом ящике.

– Раньше я никогда с тобой так не говорил, – продолжал Барри, – и не могу сказать, что мне очень нравится эта обязанность. Но так больше продолжаться не может.

– Я понимаю, что все это ужасные промахи, – постаралась оправдаться я. – Seriously, понимаю. И очень сожалею о случившемся. Я даже представить себе не могла, насколько я рассеянна!

– Но если бы дело было только в этих серьезных вещах, – не унимался Барри. – А как насчет не отправленных сообщений? Или грубости с клиентами? Или с тем, что ты перестала быть полноценным членом

команды?

Я прикусила губу. Ну это уже слишком. О какой грубости может идти речь, если я всего лишь отвечаю по телефону официальным тоном? Все ясно. Мало того, что я потеряла жениха, теперь мне светит еще потерять и работу.

Что ж, наплевать, как говорил Оскар Уайльд. Барри встал со своего кресла и сел на крышку стола.

– Насчет свадьбы я тебе очень сочувствую, – продолжал он чуть более теплым тоном. – Представляю, какой это был для тебя удар. Но жизнь продолжается, Изабель, ты не можешь теперь до конца своих дней только чахнуть и томиться.

– Я не чахну и не томлюсь, – возразила я.

– Но и не работаешь как следует.

Я начала играть ремнем от юбки. Мне было стыдно смотреть ему в глаза.

– Это предупреждение, Изабель. – Барри казался усталым. – Я не хочу тебя терять. Я уже говорил, что ты хороший работник. Но ты должна снова вернуться в обойму. Прекратить одеваться на работу, словно на похороны. Немножко взбодриться. Не вести себя так, словно тебя постигла тяжелая утрата!

Но, по-моему, меня как раз постигла очень тяжелая утрата. Вряд ли кто-нибудь, лишившись близкого человека, чувствовал бы себя по-другому!

– Спасибо, Барри. – Я наконец решилась на него взглянуть. – Я очень ценю то, что ты мне сказал.

– Ну вот и прекрасно, – объявил он. – Мне очень тяжело было затевать этот разговор. – Он поморщился. – В разные периоды жизни у всех случается что-нибудь горестное и труднопереносимое. У разных людей разное. Но что-нибудь обязательно случается. Такова жизнь.

Я попыталась представить себе, что же такое горестное и труднопереносимое могло случиться с Барри Клири. И мне ничего не приходило в голову.

Но Барри тем не менее был прав. Я позволила своему несчастью себя поработить. Я должна избавиться от его власти. Снова начать жить полноценной жизнью. Восстановить над собой контроль.

Я встала.

– Обещаю, что больше никогда не подам тебе повода к такому разговору.

– Вот и хорошо. – Он улыбнулся. – Главное, что мы с тобой во всем разобрались.

Я вернулась к своему столу и попыталась взять себя в руки. От напряжения у меня даже вспотела спина. Над моей работой нависла реальная угроза. Я знала, что Барри хорошо ко мне относится. Но никакое хорошее отношение не остановит его, если он решит, что я больше не смогу работать так, как прежде. Я склонилась над счетами и начала проверять их еще более тщательно, чем обычно.

Я купила себе красный шерстяной костюм и стала ходить в нем на работу. Красный цвет мне шел, и от этого у меня даже улучшился цвет лица. Кроме того, я стала накладывать более яркий грим и носить бижутерию. Я снова начала обедать вместе с Ньям и Анной. Входя в кабинет Барри, я старалась улыбаться. И вообще, в течение всего рабочего дня я культивировала вокруг себя атмосферу суперделовитости, чем удивила саму себя.

Я сидела за столом и редактировала набросок речи Барри, которую он собирался произнести на Совете директоров в Киларни. К нему впервые обратились с такой просьбой, и он не хотел ударить в грязь лицом. Речь его, по-моему, вышла неплохая, в ней соблюдались все пропорции: она была не слишком длинная, не слишком легкомысленная, вполне компетентная и т. д.

– Изабель! – Рядом со мной стоял Джон Фергюсон из отдела маркетинга.

– Привет!

Он нервно улыбнулся.

– Ты как?

– Нормально. А ты?

Мы с Джоном были мало знакомы. Он пришел в «ДельтаПринт» только в прошлом году и, как правило, вел себя замкнуто. Я даже считала, что не слишком ему нравлюсь, – по причине, скажем, своей вечной растрепанности и легкомысленности.

– Знаешь, я хотел тебя спросить, – начал он, запинаясь, – что ты делаешь в пятницу вечером?

– В пятницу вечером?

Я уставилась на него во все глаза.

– Да. – Он скорчил сконфуженную гримасу. – Я тут купил билеты на концерт Мэри Блэк. Ты не хочешь пойти со мной?

– О!

Я просто не знала, что сказать. Такого я ожидала от него в последнюю очередь. Неужели это время, подумала я саркастически, подбрасывает мне

такие штучки, чтобы выполнить свою функцию лекаря?

– То есть, конечно, если ты занята... – поспешил он оговориться.

– Нет, я не занята, – твердо ответила я и минутку помолчала. – Это так мило с твоей стороны, Джон, что ты меня приглашаешь...

– Но?..

Я криво усмехнулась.

– Но я не могу с тобой пойти, Джон. По крайней мере, не сейчас.

– А по какой причине?

– Просто я еще не готова ходить с кем бы то ни было. Извини меня, пожалуйста.

– Ничего страшного, – ответил он ровным голосом. – Не беспокойся, все нормально.

– Может быть, в другой раз.

– Разумеется. – Он принужденно улыбнулся. – Ты мне тогда скажи.

– Обязательно, Джон, – ответила я.

Он ушел, а я начала в задумчивости тереть нос. Надо было сказать «да». Ничего страшного со мной не случилось бы, если бы я пошла с ним на концерт. А теперь у него будут неприятности с билетами. Да и чувства его оскорблены. А я не хотела оскорблять ничьих чувств. Я слишком крупный эксперт по части оскорбленных чувств.

Черт, сказала я себе, подчеркивая в тексте Барри повторяющееся слово. Черт, черт, черт!

Его речь имела грандиозный успех. «Бизнес и финансы» дали о ней отчет, что для нашей фирмы означало вспышку деловой активности. Мы заключили очень важный контракт, я работала допоздна три вечера подряд, и Барри больше не пришлось делать мне замечаний по поводу производительности труда и выполнения своих обязанностей. Время неотвратимо мчалось вперед, но никакого «излечения» оно почему-то не приносило.

Однажды в начале сентября я залезла в мамин гардероб и обнаружила там свое свадебное платье. Оно висело там – вызывающе белое, нетронутое, дразнящее. Дома как раз никого не было. Я достала платье и некоторое время его разглядывала. Оно было очень красивым. Четыреста двадцать жемчужинок весело поблескивали при ярком дневном солнце.

Я решила его еще раз примерить. Мое сердце бешено заколотилось, как будто я совершала преступление. Я застегнула молнию и остановилась в задумчивости перед зеркалом. Платье сидело замечательно, теперь даже лучше, чем раньше, потому что за это время я немного похудела. Загорелая

кожа только подчеркивала его белизну, глаза казались большими и печальными, длинные волосы придавали всему облику романтичность. Неужели я всегда была такая? Я не могла ответить на этот вопрос. Мне казалось, что из зеркала на меня смотрит незнакомка. Из глаз моих снова непроизвольно полились слезы.

Я сняла платье и отнесла его в свою комнату. Там я положила его на кровать, и вдруг оно напомнило погребальный саван. Я достала портновские ножницы и разрезала его посередине. Потом еще и еще раз, вдоль, поперек, через юбку, через лиф, пока наконец оно не превратилось в ворох тонких белых лент и россыпь жемчужин. В таком виде я запихнула его в пластиковый пакет и забросила под кровать.

На следующий день мы с Жюли отправились на прогулку в парк. Погода стояла солнечная, но неустойчивая. Но нам повезло, дожди обошли стороной. Мы сели на валун и стали смотреть вдаль.

– На следующей неделе я уезжаю во Флориду, – сказала Жюли.

– Ой! – не поверила я. – На свидание с Энди?

– Разумеется, на свидание с Энди, – засмеялась она. – Какие у меня другие поводы ехать во Флориду?

– Да-да. – Я начала царапать ногтем по валуну. – Надеюсь, ты классно проведешь время.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Жюли, – Кстати, я хотела тебя спросить... Ты не могла бы меня проводить до аэропорта?

– Конечно, могла бы. Везет же некоторым!

– Ты знаешь, даже если мы с Энди решим, что терпеть не можем друг друга, все равно я постараюсь хорошо провести время, – сказала Жюли. – Отгулять еще один отпуск – уже одно это можно считать подарком. – Она критически посмотрела на меня. – Да и тебе тоже, подружка. У тебя вид измочаленный.

– Благодарю. – Я дружески ткнула ее в плечо. – Что бы я без тебя делала?

– Причем ты стала хуже выглядеть за последние несколько дней, – продолжала Жюли. – Ты какая-то бледная и безжизненная, и, вообще, сама на себя не похожа.

– Просто я уже не знаю, кто я такая на самом деле, – вздохнула я.

Жюли помолчала. Над нашей головой прокричала чайка.

– Я думала, что у тебя все идет на лад, – наконец сказала она. – Ты так много работала и казалась в норме.

– Да. – Я не знала, как ей объяснить. – Только иногда мне хочется обо

всем забыть. Просто заснуть где-нибудь и никогда не просыпаться.

– Изабель! – с ужасом воскликнула Жюли. – Такого не может быть!

– Я не знаю, может или не может, – ответила я сдавленным голосом, – только мне все равно.

– О, Изабель! – Жюли порывисто меня обняла. – Ты не должна доводить себя до такого состояния! Разумеется, ты этим переболеешь. Просто нужно что-нибудь, что вернуло бы тебе интерес к жизни!

– Что например? – спросила я. – Моя жизнь бесполезна. Что я сделала, чего достигла? У меня нудная работа в дурацкой бумажной компании. Несмотря на все свои обещания, я так и не уехала из дома родителей. Я потеряла жениха и никак не могу с этим примириться. У меня нет будущего...

– Нет, есть! – твердо сказала Жюли. – Ты просто в депрессии и жалеешь саму себя, но при чем тут отсутствие будущего? Когда-нибудь ты перешагнешь через Тима, и сама это прекрасно знаешь.

– Но если я не хочу перешагивать через Тима! – воскликнула я. – Если я хочу его любить!

Жюли глубоко вздохнула.

– Что толку хотеть такие несбыточные вещи?

– Но я же не могу выключить его, как лампочку? – продолжала я. – Я сама думала, что смогу. Но он постоянно со мной, никуда не уходит. Что бы я ни делала, я постоянно думаю о нем, представляю, как это было бы вместе с ним. Я думала, что со временем станет легче, но нет, Жюли, со временем становится только хуже.

– О Господи! – в ужасе воскликнула Жюли. – А я-то надеялась тебе помочь!

На свете не было никого, кто мог бы мне помочь. Мне даже стало казаться, что я действительно больна. У нас в школе когда-то был такой случай: одна девочка очень тосковала после разрыва со своим парнем. И все над ней смеялись. И я тоже смеялась. Я думала... как можно впасть в депрессию, когда у тебя такая фарфоровая кожа и такие красивые голубые глаза? Но теперь-то я очень хорошо это понимала, и мне было стыдно за свое тогдашнее поведение. Мне стало мерещиться, что теперь все смеются надо мной.

Однажды, когда я сидела дома одна, мне в руки попала телефонная книга. Я поискала в ней номер Тима и с удивлением обнаружила, что он там. Такой знакомый, черным по белому написанный номер, который я знала наизусть.

Неужели Тим все еще существует?

Мне жутко захотелось с ним поговорить, услышать его голос. Нет, не быть с ним, а просто удостовериться, что он действительно находится на том конце провода, живой и здоровый. Некоторое время я боролась с соблазном, а потом не выдержала и набрала его номер. Наверняка включен автоответчик, подумала я. Никаких сообщений я оставлять не буду, не хочу, чтобы он считал меня прилипалой.

– Алло! – послышался в трубке такой знакомый голос.

Я открыла рот, но ничего не смогла из себя выдать.

– Алло! – снова повторил Тим.

Я отодвинула трубку подальше от себя и на нее смотрела.

– Алло! – На этот раз с оттенком нетерпения. Я снова приложила трубку к уху.

– Алло! – Теперь уже со злостью.

Я молчала – просто не могла ничего сказать.

Тим положил трубку на рычаг, и я услышала короткие гудки. Руки мои дрожали, колени подкашивались. Несколько раз я сглотнула слюну, а затем снова набрала его номер.

– Алло!

Я снова не могла говорить.

– Послушайте! – сказал Тим. – Это вы только что звонили? Я вас не слышу.

Разумеется, не слышишь, подумала я. Но, может быть, ты догадываешься, что это звоню я? Ты должен меня почувствовать, Тим!

– Если вам действительно что-то надо, – продолжал Тим, – то перезвоните попозже. А если вы телефонный хулиган, то прекратите свои шутки.

Я горько улыбнулась. «Прекратите шутки!» – прошептала я беззвучно. Он повесил трубку. Я снова набрала номер.

– Да? – мрачно произнес Тим.

Я люблю тебя, Тим, послала я ему мысленное сообщение. Ты должен меня понять! Кто еще может тебе звонить так настойчиво?

– Если вы сейчас же не прекратите, я позвоню в полицию!

Неужели, Тим? Неужели ты вызовешь полицию ради меня?

Он повесил трубку.

Я снова набрала номер. Но на этот раз он отключил телефон. Я решила сделать то же самое.

Я спросила себя: а вдруг я схожу с ума? Вряд ли. Но все может быть. Последние несколько недель я прожила, как во сне. То есть я, конечно,

жила, но при этом была скорее неживой. Наблюдала за событиями своей жизни со стороны, но в них не участвовала.

Я решила, что потом еще раз ему позвоню. Мне просто необходимо было слышать его голос.

Мы с Жюли поехали в аэропорт. Она дрожала от возбуждения, предвкушая увидеть Андреаса. При этом она без умолку болтала.

– Понятно, что на самом деле все окажется не так, как видится отсюда, – сказала она, когда мы сидели в кафе. – Но мне обязательно это нужно узнать самой.

– Он и правда очень мил, – ободряла я ее. – Вполне возможно, что он не позволит тебе вернуться домой.

– Я должна вернуться домой! – От волнения у нее дрожали руки. – У меня в этом году больше нет отпусков.

– Тебе и так посчастливилось слетать просто так в Штаты, – сказала я.

– А Энди надеялся, что вы с Ари...

Она скорчила физиономию.

– Он же гей, Жюли, о чем ты говоришь? – Я энергично затрясла головой. – Я не собираюсь охотиться на голубого. От этого не произойдет ничего хорошего, кроме психических травм у нас обоих. Кроме того, будь он даже не голубой, он все равно не в моем вкусе.

– Да кто сейчас может быть в твоем вкусе? – воскликнула она.

– Ты права, – безучастно согласилась я, снимая ложечкой пену со своего капучино. – Я начинаю склоняться к мысли, что Алисон права. Мне вообще не стоит выходить замуж.

– Могу поклясться, что к двадцати пяти годам она сама выскочит замуж, как миленькая! – пообещала Жюли. – И заставит тебя шить ей свадебное платье!

Я промолчала.

– Что-то ты давно ничего не шила, – вдруг вспомнила она.

– Да как-то нет настроения. Какое у меня могло быть настроение, если в своей жизни я, как правило, шила только свадебные платья да еще наряды для подружек невесты? Откуда тут взяться энтузиазму?

Жюли посмотрела на часы.

– Пожалуй, мне пора, – заторопилась она. Я последовала за ней в посадочный отсек.

– Счастливого пути! – пожелала я ей на прощание.

– Ты для меня будешь путеводной звездой! – захихикала она. Мы обнялись. – Спасибо за то, что проводила. Увидимся через неделю.

– Привет! – И я пошла к своей машине.

В следующую пятницу я решила пойти погулять с девчонками с работы. Сперва мы зашли во «Фруктовый сад», чтобы что-нибудь выпить, а потом отправились в город поесть.

Есть мне не хотелось. Голова болела от только что выпитого пива. Это было странно, потому что обычно такая порция на меня не действовала. Я все еще чувствовала себя отгороженной от реальности. Мне казалось, что моей жизнью живет кто-то другой.

Марион пребывала в хорошем настроении.

– У меня так мало времени заниматься собой! – щебетала она за десертом. – Замужество, дети – все это приходится ставить в жизни на первое место.

– Ну не всегда же, – возразила Ньям. – В конце концов, у тебя есть и собственная жизнь.

– Да, конечно, – согласилась Марион, – но моя жизнь так крепко связана с их жизнью! Для детей хочется сделать буквально все. Но иногда хочется чего-нибудь и для себя.

– Я тоже люблю иногда оторваться, – сказала Ньям, младшая из нас... ей было всего двадцать. – Просто представить себе не могу, что будет, если у меня когда-нибудь тоже будут дети.

– Моя сестра всегда такая усталая! – сказала Лесли. – Летом у нее родился второй ребенок. Очень милый мальчик, но все время кричит и кричит. Симона уже без сил. А Стив и рад бы помочь, но мальчишка не идет ни к кому, кроме матери. А старшая девочка такая ревнивица! Симона боится, что она может выколоть Ноэлю глаза.

– Ужасно! – воскликнула Анна.

– У них это часто бывает, – сказала Марион, поглощая свой десерт и закатывая глаза от удовольствия. – Мои точно так же. Джойс ненавидел Лина, когда тот родился, но это длилось всего несколько месяцев. А Бетси они оба просто обожали, и это длится до сих пор.

Я слушала их болтовню без всякого интереса. Какое мне дело до детей и проблем с ними?

Все решили пойти в ночной клуб, но я слишком устала. Зачем куда-то ходить, если все равно у меня не было сил ни веселиться, ни танцевать? Я пошла пешком по Графтон-стрит и возле «Речного острова» увидела Тима. Он был одет в черные джинсы, белую рубашку и пестрый пиджак. Рядом с ним стояли еще три человека – все мужчины, отметила я непроизвольно и с облегчением. Они оживленно беседовали.

Я стояла на противоположной стороне улицы среди толпы галдящих подростков и не знала, что делать: подходить к ним или не подходить?

Вдруг Тим распрощался с остальными и пошел в сторону колледжа Грина. Я бросилась за ним. Тим всегда ходил очень быстро, я едва за ним поспевала.

Он остановился на пешеходном переходе, и тут я его нагнала.

– Привет, – сказала я непринужденно. Он удивленно оглянулся.

– Изабель!

– Да, это я, – согласилась я, улыбаясь спокойной дружественной улыбкой.

– Ты как? – спросил он.

– Отлично. А ты?

– Неплохо. Мы тут отдыхали с друзьями.

– Мы тоже.

В это время светофор переключился, и мы перешли улицу.

– Ты сейчас куда? – спросила я.

– Домой.

– Такси лучше брать не здесь, – посоветовала я. – Здесь слишком длинная очередь.

– У меня машина. Я тут в переулке припарковался.

– Так тебя наверняка оштрафуют! Или, еще того хуже, эвакуируют!

– Все может быть! – засмеялся он. – Но такова жизнь!

От его смеха мне стало больно... Его лицо так и сияло.

– Ты домой? – спросил он.

– Да.

– Хочешь, подвезу?

– Тебе в другую сторону, – возразила я.

– Неважно, – сказал Тим. – Не хочу, чтобы ты мучилась с транспортом.

– Ну, если ты так настаиваешь...

– Разумеется, настаиваю. Иначе бы не предложил.

– Спасибо.

Мы пошли к машине... она была на месте, и даже без квитанции.

– Ну, вот видишь, – сказал Тим. – У тебя есть шанс.

Я села в машину.

– Ну, как все? – спросил он, когда мы отъехали.

– Хорошо.

– Как Алисон?

– Лучше всех.

– Все работает?

У Алисон был диплом по специальности «городское планирование», но в данный момент она работала в обувном магазине. Она не считала обувной магазин работой.

– Нет, – сказала я.

– Ничего, найдет себе в конце концов что-нибудь подходящее.

На мосту мы проехали на желтый свет, и я взвизгнула.

– Конечно. – Я снова поудобнее устроилась на сиденье. – Как идут дела с проектом «Сарацин»?

– Закончили, спасибо, – сказал он. – Просто какой-то кошмар, а не проект. С виду простенький, а на каждом шагу самые идиотские проблемы.

– Как Лаура? – Я была сама небрежность.

– Она сейчас в Калифорнии. Счастливая телка!

– Да уж! А Жюли во Флориде.

– И она? Снова отдыхает?

– Помнишь, я рассказывала тебе, что на Родосе мы встретили двух парней? Американских греков?

Он наморщил лоб.

– Значит, я тебе не говорила. Ну, так вот она поехала на свидание с одним из них.

Тим присвистнул.

– Отпускной роман?

– Все может быть. Со мной такое вряд ли могло случиться, но зарекаться тоже нельзя.

Я вдруг вспомнила, что на руке у меня нет кольца. Интересно, что с ним сделал Тим?

Он включил радио. Исполняли его любимую музыку 1960-х годов. Я всегда ему говорила, что любить такую музыку слишком претенциозно.

Он остановился возле моего дома. Все окна были темными.

– Спасибо, что подвез. Очень мило с твоей стороны.

– Никаких проблем.

– По дороге домой не гони.

Он засмеялся.

– Изабель!

– Извини. Я знаю, что сейчас похожа на твою маму.

– Ну, не совсем. Хотя есть немножко.

Глядя на него, мне тоже захотелось улыбнуться.

– И надевай пальто, когда холодно.

Он снова засмеялся.

– Спокойной ночи, Изабель.

– Спокойной ночи, Тим.

Я не собиралась его целовать – и ему не собиралась позволять себя целовать. Но так получилось, что только что мы сидели в машине, а в следующую минуту уже целовались, причем так, как целуются любовники после долгой разлуки. Каковыми мы в сущности и являлись, подумала я мельком. Его поцелуй был долгим и страстным. Я таяла в тепле его тела, в крепости его рук.

– Изабель! – пробормотал он, тяжело дыша.

– О Тим! Я так по тебе соскучилась!

Он резко от меня отстранился и взглянул своими огромными задумчивыми глазами.

– Извини. Это была ошибка.

– Ошибка?

– Я не должен был тебя целовать. Это несправедливо.

– По отношению к кому?

– По отношению к тебе, ко мне.

– Почему же несправедливо?

Я старалась успокоиться, взять себя в руки.

– Ты знаешь почему. Извини.

Я провела рукой по его щеке. Он отстранился, как будто я его ударила.

– Я не собираюсь делать тебе больно.

– Зато я делаю тебе больно, – возразил Тим. – Мне бы не хотелось снова причинять тебе боль после всего, что было.

Я мысленно сосчитала до десяти.

– Все нормально, Тим. Мы друзья.

– Ты уверена?

Он взглянул на меня с удивлением.

– Разумеется. Просто дружеский поцелуй. Я принужденно засмеялась.

– Я для тебя оказался не очень хорошим другом.

– Только не сегодня, – возразила я. – Ты, как настоящий друг, довез меня до дома.

– Я бы любого довез.

– Но сделал это именно для меня.

– Лучше я поеду.

– А может, зайдешь, выпьешь чашечку кофе?

Он покачал головой.

– Нет-нет, мне нужно идти.

– Хорошо.

Уже из машины он крикнул:

– Не поминай лихом, Изабель, и береги себя!

– Звони мне иногда!

Я махнула на прощание рукой.

Ложась спать, я все еще чувствовала на губах поцелуй Тима. Конечно, он сам был шокирован своим поцелуем. Удивлен силой своей страсти, которая никуда не исчезла. Он все еще меня любил, думала я. Должен был любить. Если судить по тому, как он себя вел, как меня целовал. Может, он и не готов со мной жить, но перешагнуть через меня он тоже все еще не мог.

Во сне я снова видела Тима и с ним целовалась.

Я не собиралась ему звонить, но тем не менее позвонила. В субботу утром, когда отец с Яном смотрели телевизор, мать пошла за покупками, а Алисон была на работе. Некоторое время я кругами ходила вокруг телефона, а потом не выдержала и набрала его номер.

Иногда мне приходила в голову мысль, что человека, который изобрел автоответчик, надо было пристрелить. Может быть, Тим был дома, работал, но я этого не знала, потому что терпеть не могла оставлять сообщения. Кроме того, я не знала, что ему сказать. Никаких реальных причин для моего звонка не было, мне просто хотелось с ним поговорить. Я прослушала его отзыв и повесила трубку.

Жюли тоже еще не приехала из Америки. Я больше не могла находиться одна, мне надо было хоть с кем-то поговорить о Тиме, хотя я точно знала, что они мне на это скажут.

При дневном свете и без капли алкоголя в крови мне самой все произошедшее стало видеться в другом свете. Никакой любви у Тима не осталось. Он просто довез меня до дома. Не принял моего приглашения выпить кофе (ничего более оригинального я выдумать в тот момент не смогла). И не пытался вселить в меня ложные надежды. А то, что он меня поцеловал...

Я схватилась за голову. Ну почему жизнь такая сложная штука?

Тим бросил меня, и я должна с этим смириться. Я должна его ненавидеть. Но у меня ничего не получается!

Проснувшись в четыре утра, я едва поборолла в себе страстное желание ему позвонить. Стань наконец взрослой, убеждала я себя. Тебе уже двадцать семь, а не семнадцать.

На работе Барри уехал на совещание, и особой суеты не было. В одиннадцать часов я позвонила Тиму на работу.

– Его нет, – ответила Шона. – Он в Калифорнии.
– В Калифорнии! – с ужасом повторила я.
– Да, – продолжала Шона. – Там презентация проекта «Сарацин».
Поехали Тим, Джек Бенсон и Лаура Харт.

– О!
– Он вернется через неделю. – В голосе Шоны слышалось любопытство. – А у тебя что-нибудь срочное, Изабель?
– Нет-нет, – заверила я ее. – Совершенно ничего срочного.

Положив трубку, я долго смотрела перед собой. Он в Калифорнии. С этой Лаурой, которая так на меня похожа, только гораздо прекраснее. С Лаурой, для которой слова «Символическое кольцо», сеть «Эзернет» или «Расширение файлов» не являются простыми словами. Она понимает их значение. Не то что я. Я снова осталась в дураках...

Вечером девчонки пригласили меня пойти с ними отдохнуть. Но я отказалась.

– Я шью платье для подруги, – соврала я. – Оно должно быть сегодня готово.

До чего же легко обманывать людей!

– Ну что ж, как-нибудь в другой раз, – вздохнула Лесли.

– Да, в другой раз, – согласилась я.

Запирая перед уходом ящички стола, я вдруг нащупала в глубине одного из них связку ключей. Ключей от дома Тима. Я и забыла об этой связке.

Очевидно, Тим тоже о ней забыл.

Некоторое время я вертела ключи в руках. Надо бы бросить их в его почтовый ящик. Без всяких комментариев. Тим и так поймет, что ключи от меня.

После работы я отправилась к его дому. Стоя перед почтовым ящиком, я вдруг поняла, что совершаю нечто абсолютно необратимое. Слегка поколебавшись, я отперла входную дверь.

К счастью, кодов сигнализации он не сменил. А то вряд ли мне удалось бы внятно объяснить полиции, что я здесь делаю. Я почувствовала легкое головокружение от окутавшей меня тишины пустого дома. В последний раз, когда я здесь была, мы с Тимом все еще были помолвлены. Хотя и номинально. А теперь я совершала нечто вроде преступления, хотя ничего и не взламывала. Я закрыла за собой дверь и осторожно прошла в дом.

Там царил неожиданный порядок. Все чашки и блюдца были вымыты и аккуратно сложены в сушилке. Нигде не валялось полупустых пластиковых коробок из-под карри, журналы и бумаги не были разбросаны

в гостиной по всему полу. Даже рабочий стол, на котором стоял компьютер, был чист и опрятен. Дом Тима больше не был похож на себя самого. И я больше не чувствовала себя его частью.

Я прошла наверх. Сердце мое бешено колотилось, и я понимала, что не имею права этого делать, но остановиться уже не могла. Господи, пришла мне в голову неожиданная мысль, а вдруг он дома, и только прикидывается, что уехал в Калифорнию? А сам забавляется в постели с Лаурой. От этой мысли меня едва не стошнило.

Спальня была пуста, кровать тщательно застелена. Я постояла в дверях и вдруг уловила краем глаза, как в глубине комнаты что-то сверкнуло. На туалетном столике лежало мое обручальное кольцо и сверкало бриллиантом. Я надела его на палец, но оно словно обжигало мне кожу, и я его быстро сняла. Рядом с ним лежало еще одно кольцо, с печаткой, то самое, которое я подарила Тиму на помолвку, и незнакомые мне серьги с красными камнями. На минуту мне стало дурно. Потом я взяла серьги, прошла в ванную комнату и спустила их в унитаз.

Я не знала, сколько времени я простояла в ванной комнате. Ноги мои как будто примерзли к полу. Я не могла двигаться, не могла думать. Тим больше меня не любит, у него другая женщина.

Шум подъезжающей машины прошиб меня насквозь, как током. Я бросилась бежать из спальни вниз и сквозь занавески на окнах выглянула на улицу. Приехали соседи Тима по второй половине дома. Мне следовало подождать, пока они благополучно не водворятся в свои апартаменты и не закроют за собой дверь. Еще не хватало, чтобы они меня заметили и донесли об этом Тиму!

Теперь я стояла перед безжизненным компьютером и не смогла удержаться от соблазна его включить. Он слегка зажужжал, заурчал, и на его экране появились символы разных программ. Я нашла файл «Сарацин 2» и с удовольствием отправила его в «Корзину». Конечно, я знала, что Тим, как и все хорошие программисты, всегда сможет вернуть свой файл обратно. И к тому же у него наверняка есть дубли всех его файлов не только дома, но и на работе. Стало быть, своим действием я причиняю ему всего лишь мелкие неудобства. Среди сложенных в коробке дискет я нашла ту, на которой стояло название «Сарацин», и тоже сбросила с нее все содержимое в «Корзину». Затем я нашла команду «Очистка». На экране компьютера высветилась надпись: «Контейнер „Корзина“ содержит четыре файла объемом 30 мегабайт. Вы уверены, что хотите стереть его содержание?» – «Да», – ответила я с помощью мышки и наблюдала за тем, как все файлы с экрана исчезли.

После этого я положила дискету на место, выключила компьютер, забросила связку ключей в самый нижний ящик стола, где Тим их вряд ли найдет в ближайшее время, включила сигнализацию и покинула дом.

Глава 8

МАТЬ И ДИТЯ

(Пабло Пикассо, 1971)

Тим не удосужился позвонить, чтобы узнать, кто стер у него компьютерные данные. Я даже не знала, заметил ли он пропажу или просто подумал, что стер их сам. Точно так же он не поинтересовался второй связкой ключей.

Я все время ждала, что он позвонит. Вздрагивала от каждого телефонного звонка и воображала, что всем в доме слышен громкий стук моего сердца.

Но они ничего не замечали и продолжали жить своей жизнью: мать разговаривала по телефону с друзьями по боулинг-клубу, отец – с сослуживцами, Ян – со школьными товарищами, Алисон – с разношерстной компанией знакомых. А мне звонила только Жюли. Я и не подозревала, что за последние годы до такой степени растеряла всех своих друзей. Начав встречаться с Тимом, я постепенно оборвала связи со множеством людей.

Еще мне звонили с просьбами сшить платье. Но сейчас к этой работе у меня не лежало сердце. Я просто представить не могла, как смогу взяться за свадебный наряд.

Поэтому я жила в совершенно замкнутом мирке. Ходила на работу, сидела дома, иногда куда-нибудь выходила, но все это происходило как будто не со мной. Иногда – несмотря на все мои усилия быть в форме – Барри приходилось дважды вызывать меня по внутренней связи, прежде чем я осознавала, что он звонит. Я прочитывала целые главы книги, и только потом замечала, что прочла их дважды. И по телевизору я просматривала целые программы, но после просмотра не могла вспомнить из них ни слова. Я все еще вынашивала план уехать из дома, но не находила в себе сил начать поиски жилья.

В этом было все дело: у меня не было сил ни на что.

Дни становились короче, погода с каждым днем все отвратительнее, и каждое утро мысль о том, что надо вставать с постели, казалась мне все более невыносимой. Периодически, когда никто не видел, я сидела на работе у своего компьютера и большими буквами, подряд, печатала имя Тима – ТимТимТим, – а если кто-нибудь входил, тут же стирала написанное

нажатием одной клавиши. Иногда я пыталась себя уверить: без него мне даже лучше. Когда все успокоится, я буду благодарить Бога за то, что он так устроил. Но периодически я не могла сдержаться и, исчезнув в туалете, тихо, чтобы никто не слышал, плакала.

На Рождество по приглашению Жюли в Дублин должен был приехать Энди Джордан. Жюли просто с ума сходила от него. Я была рада за подругу, но в то же время меня грызла самая черная зависть.

– Я от него становлюсь как будто газированная, – призналась она мне как-то, когда мы отправились погулять. – Даже когда он несет несусветную чушь, я просто млею от восторга!

Я засмеялась:

– Это потому, что он говорит не то, что все. Это придает ему своеобразный шарм.

– А у него есть шарм, не правда ли? – ухватывалась она за мои слова. – Это ты видела его только в пляжной одежде, а мы с ним однажды ходили вместе ужинать, так он был одет в шелковый темно-синий костюм! Ты можешь себе представить ирландца в шелковом темно-синем костюме?

Представить себе такого я действительно не могла.

– Надеюсь, что он здесь не замерзнет, – продолжала она серьезно. – Он в жизни не бывал ни в одной холодной стране.

– А ты же говорила, что он ездит кататься на лыжах в Колорадо?

Она поморщилась:

– Это совсем другое дело. Там сухой холод. Не то что здесь – влажный, пронизывающий и мрачный.

– Надеюсь, ты не говорила ему, что его тут ждет влажный, пронизывающий и мрачный холод?

– Я сказала ему, чтобы он взял с собой побольше свитеров и плащ. А он ответил, что у него нет плаща.

– Могу поспорить на что угодно, что есть, – сказала я. – Просто он тебя разыгрывает, Жюли.

– Ты так думаешь? – Жюли покачала головой, с прошлой недели украшенной целым каскадом каштановых кудряшек.

– Скорее всего.

– Просто не могу дождаться, когда он придет, – продолжала она. – Купила ему на Рождество свитер из ангорки. А дома он его, скорее всего, ни разу и не наденет.

– Во Флориде, действительно, вряд ли возникнет необходимость надевать свитер!

Перед моим мысленным взором предстал Тим в темно-бордовом

свитере, который был на нем, когда он сказал, что наш брак не состоится. Все подробности этой сцены вспомнились мне так, словно это было вчера.

– Изабель! – окликнула меня Жюли. – Что с тобой?

– Ничего.

Образ Тима немедленно испарился из моей головы.

– У тебя такой вид, словно ты где-то далеко.

– Просто задумалась, – сказала я. – А какого цвета твой свитер?

Она посмотрела на меня так, словно сомневалась в моей вменяемости.

– Бежевый, разумеется. Ты уверена, что с тобой все нормально?

– Разумеется, уверена, – нетерпеливо повторила я. – Хочешь еще погуляем?

Она покачала головой:

– Пойдем лучше домой. Я обещала матери испечь к вечеру торт. Представляешь, она почему-то не может пойти и, как все люди, купить готовый. Ей подавай обязательно домашний!

– Моя то же самое, – вздохнула я. – Пудинги, торты, ореховые пироги – она их печет в несметных количествах. И при этом жалуется, что ненавидит это занятие.

– Зачем же тогда столько хлопот?

– Не знаю. Наверное, срабатывает какой-то первобытный инстинкт. Алисон просто в ярость впадает, убеждая ее не напрягаться, но, между прочим, уплетает за обе щеки, когда перед ней оказывается тарелка с пирожками!

Жюли засмеялась.

– Хорошо бы у Энди был хороший аппетит. А то мать сильно разочаруется.

– Я совершенно уверена, что у Энди будет просто волчий аппетит, – заверила я ее. – И не только на еду.

Жюли поморщилась, но не стала мне возражать.

На Рождество к нам из Лондона приехала погостить мамина сестра Рейчел со своим мужем Дэннисом и маленькой дочкой Соркой. Рейчел и Дэннис были единственными нашими родственниками. Разница в возрасте между моей матерью и ее сестрой составляла двенадцать лет, так что Рейчел скорее напоминала мою старшую сестру, нежели тетю. Мы были с ней хорошими друзьями.

Рейчел работала в страховой компании и достигла там выдающихся успехов: теперь у нее был собственный офис, на котором красовалась медная табличка с ее именем. Деннис был консультантом по рекрутингу в

Сити и тоже неплохо зарабатывал. Можно сказать, что они оба были зажиточными людьми.

– Привет, Иззи! – патетично воскликнула Рейчел, когда отец привез их из аэропорта домой. – Как поживаешь?

– Элен, ты выглядишь потрясающе! – продолжала она восхищаться, обнимая и целуя мою мать.

– Уймись, наконец, – чуть не задохнулась мать. – Ты не в Лондоне. Хотя сомневаюсь, чтобы в Англии появилась мода на бурные поцелуи.

– Не знаю, какая там мода, – сказала Рейчел, разматывая шарф, – только мне всегда хотелось вернуться домой такой вот блудной эмигранткой и устроить дома настоящий дебош!

В это время в комнату вошел Деннис. Это был необыкновенно привлекательный человек, хотя его привлекательность заключалась не во внешности, а скорее – в доброте, покладистости и надежности характера. Мать говорила, что он уравновешивает собой ее безалаберную сестру. За Деннисом вошел отец с Соркой на руках.

– Какое прелестное дитя! – запричитала мать, глядя на нее тем затуманенным взглядом, которым обычно женщины смотрят на маленьких детей.

– У нее зубки режутся, – сообщила Рейчел. – По ночам она иногда плачет.

Сорка потянулась к матери, устроилась у нее на руках, а потом изо всей силы ударила ее по уху.

– Сорка! – в ужасе воскликнула Рейчел, но мать сделала вид, что ей не больно.

В духовке успели рулетики с сосисками, мужчины ударились в деловые разговоры, Сорка капризничала с дороги, и потребовалось теплое молоко и печенье, чтобы ее успокоить. Мы разошлись по комнатам только после полуночи, но я не особенно волновалась, потому что завтра можно было спать сколько угодно.

Но мне не удалось поспать с утра ни завтра, ни на следующий день. В шесть утра Сорка всех будила и требовала, чтобы взрослые совершали с ней прогулку по дому. Рейчел призналась, что ее дочь обладает ненасытным любопытством и неиссякаемой энергией.

– Это очень утомительно, – пожаловалась она.

– Надо было раньше детей заводить, – не подумав, ляпнула мать. – Тогда бы ты так сильно не уставала. Пожилым матерям всегда трудно приходится.

На минуту в кухне повисла напряженная тишина.

– Надеюсь, ты не совсем то хотела сказать, – наконец произнесла Рейчел.

– Да-да. – Мать явно чувствовала себя смущенной. – Просто с детьми всегда так трудно. А ты к тому же так много работаешь.

– Ты родила Изабель, когда тебе было на четырнадцать лет меньше, чем мне сейчас, – засмеялась Рейчел. – Но я в хорошей форме, у меня отличное здоровье и отличный муж, который ухаживает за нами обеими. – Она выразительно стиснула руку Денниса.

– Но мне все равно кажется, что это дурная идея – работать и иметь детей, – не унималась мать. – Особенно в столь позднем возрасте.

– Не будь такой старомодной. – Рейчел подбрасывала Сорку на коленях. Та громко смеялась от удовольствия. – В двадцать лет я даже за собой не могла ухаживать, не то что за другими. – Она улыбнулась матери. – Посмотри на нее, Эллен! Она полностью от меня зависит. Ты могла бы представить меня с ребенком на руках в двадцать лет?

– Нет, – вынуждена была признать мать.

– Ну вот видишь!

Она начала делать Сорке шуточную гимнастику.

– Моя старшая сестра просто зануда! – сказала она Сорке. – За-ну-да! – И обе они залились веселым смехом.

В день Святого Стефана, когда вся семья вечером собралась пойти отдохнуть, я предложила себя в качестве няни для Сорки.

– А ты справишься? – с беспокойством спросила Рейчел.

– Рейчел! У меня же есть младшие брат и сестра!

– Она может немного покапризничать, потому что еще не привыкла к незнакомой обстановке.

– Все будет хорошо, – пообещала я. – Ты уложишь ее в кровать, а потом и делать-то ничего не придется.

Я удивлялась, насколько материнство меняет психологию человека.

Наконец они все ушли. Так странно было находиться в пустом доме наедине с маленьким ребенком. Рейчел включила в спальне наблюдательное устройство с индикатором звука, так что я могла спокойно посидеть в гостиной и почитать книжку. Через час я пошла взглянуть на Сорку. Она лежала в одолженной у соседей кроватке, положив одну ладошку под щеку, и была такая маленькая, такая хорошенькая, такая беззащитная! Я поняла, что смотрю на нее с точно таким же сентиментальным чувством, как это делала мать. Да и трудно было

смотреть по-другому. Господи, подумала я, как было бы хорошо снова стать ребенком! Никаких забот, лежи себе в кровати и жди, когда взрослые исполнят любой твой каприз!

Я дотронулась до Соркиной щеки. Кожа ее была теплой и сухой. Мне показалось невероятным иметь собственного ребенка. Человечка, который является твоей частью. Интересно, как это – дотрагиваться до существа, которого произвела на свет ты сама?

Образ Тима снова начал витать в моем воображении. Я выбросила его из головы... Мне не хотелось думать о ребенке, которого я могла бы произвести на свет в союзе с Тимом!

Сорка проснулась где-то около полуночи. В индикаторе раздался ее тоненький голосок, и я вскочила с кресла, как ужаленная, и помчалась наверх, перескакивая через две ступеньки. Сорка сидела в кровати с мокрыми от слез глазками.

– Что случилось? – ласково спросила я. – Какие у нас проблемы?

Она снова заплакала.

Я взяла ее на руки, прижала к себе и вдыхала специфический детский запах. Она на минуту затихла, потом снова начала подвывать. Я начала ходить с ней по комнате, слегка покачивая на руках.

– Кто у нас такая хорошая девочка? – пробормотала я, и сама засмеялась абсурдности своего вопроса.

Она воззрилась на меня огромными круглыми глазами.

– Ты такая прелестная, – прошептала я, прижимая ее к себе еще крепче.

Я села к окну в плетеное кресло и вдруг почувствовала такое облегчение, какого не испытывала уже сто лет. Вот и я наконец кому-то нужна, подумала я. Сорка, не отрываясь, смотрела мне прямо в глаза. Я поцеловала ее в лоб. Она начала сонно мигать, а затем заснула на моих руках.

Я проснулась, только когда в спальню вошла Рейчел, но и тут не выпустила из рук ребенка, чтобы не потревожить его сон.

– Ну, и как? – шепотом спросила Рейчел.

– Она не спала всего несколько минут, – тоже шепотом ответила я.

Пошевелившись в кресле, я поняла, что у меня сильно затекли все конечности.

– А она тяжеленькая!

Рейчел положила ее обратно в кровать, и несколько минут мы стояли и вместе любовались ею.

– До чего же они невинные! – печально сказала Рейчел.

– Неужели и мы когда-то были такими маленькими? – в тон ей спросила я.

– Говорят, дети растут быстро, – сказала Рейчел, поправляя у дочери одеялко.

– А ты хочешь еще детей?

– Не знаю, – ответила она. – Хотелось бы, конечно, только это тяжелая работа.

– Брось работу, – не подумав, брякнула я. – Как мать советовала. Тогда ты не будешь так уставать.

– Думаю, что уставать я буду в любом случае, – улыбнулась Рейчел. – И работу свою бросать не хочу. Я так старалась, чтобы добиться того, что сейчас имею.

– А я бы бросила работу, – мечтательно сказала я. – Какая прелесть – не вставать каждое утро по будильнику!

Рейчел минутку помолчала.

– А вообще, как ты? – наконец спросила она. – С тех пор, как порвала с Тимом?

Я знала, что рано или поздно этот разговор должен был состояться.

– Нормально.

– Ты уверена?

– Да вроде бы.

Я не собиралась плакать. Да и какой смысл плакать, когда прошло уже, слава Богу, восемь месяцев?

– А от Эллен наверняка мало помощи? – продолжала расспрашивать Рейчел.

– Она сама в ужасе.

– Ты уже начала встречаться с кем-нибудь другим?

– Ты что, шутишь?

– О Изабель! Тебе надо поскорее найти себе другого мужчину. Ты уже переболела своим Тимом?

– Не знаю, – сказала я и начала плакать. Вместо ответа Рейчел вытащила из коробки носовой платок. Я вытерла глаза, высморкалась и сделала инъекцию из своего ингалятора.

– Так ты уже им переболела? – повторила она свой вопрос.

– Я думала, что да, – ответила я. – А затем каждый раз что-то случается, и я начинаю плакать снова, вот как сейчас. Это несправедливо, Рейчел! – воскликнула я с отчаянием. – Я очень стараюсь его забыть, но где бы я ни была, куда бы ни пошла, я не могу выбросить его из головы! Я все время воображаю себя замужней женщиной. А когда моя подруга Жюли

рассказывает мне о своем бойфренде, я чувствую себя полной неудачницей. Все места в городе напоминают мне о нем – все пабы, кино, рестораны, все! Он мне мерещится повсюду!

– О Изабель! – Рейчел обняла меня и прижала к себе, как ребенка. – Со временем станет легче.

– Мне все так говорят. Но никто этого не знает. Все только предполагают.

Она вытащила еще один носовой платок из коробки.

– А почему бы тебе на некоторое время не переехать в Лондон? – спросила она. – Найдешь себе там работу, дашь себе возможность отвлечься.

– Я не думала об этом, – прохныкала я. – Никогда в жизни не хотела работать в Лондоне.

– Но так ты порвешь этот порочный круг, – настаивала Рейчел. – Перестанешь везде видеть Тима. Познакомишься с новыми людьми. Это тебе очень поможет, Изабель.

Я вздохнула.

– Может быть.

– Нет, правда, – продолжала она. – Позвони в пару агентств. Они вечно ищут секретарей и административный персонал. Могу поспорить на твое первое жалованье, что ты найдешь работу без всяких проблем.

Я слабо улыбнулась.

– Я подумаю!

– Обещай мне! – настаивала Рейчел. – Не говори сразу нет.

– Обещаю, – снова вздохнула я.

Вместе с Жюли и Энди я отправилась на новогодний бал. Сперва я не собиралась этого делать, потому что не хотела быть третьей лишней, но они настаивали, едва не насильно всучили мне билет и потребовали за него 50 фунтов. Чем больше пойдет людей, тем лучше, говорили они.

Я облачилась в свое темно-голубое платье для коктейлей, которое не надевала со времен вечеринки на работе у Тима, и удостоилась высших похвал своих друзей.

– Выглядишь потрясающе! – сказал Энди, когда мы ехали в такси.

– Сказочное платье! – вторила ему Жюли.

Сама она была одета в облегающее черное платье с бриллиантовой брошью на плече. При ее высоком росте и заколотых на макушке волосах она смотрелась очень элегантно.

Отель был заполнен толпой в вечерних туалетах, неудержимо

рвущейся к бару. Огромный плакат желал всем счастливого нового года, оркестр наигрывал знакомые благозвучные мелодии. Я пожалела, что пришла. И в лучшие-то времена я ненавидела новогодние празднества, когда все слушают глупые мелодии, говорят друг другу глупые шутки и прикидываются, что им весело!

Энди пошел добывать напитки. Когда он вернулся, Жюли на минутку удалилась.

– Ну как ты? – спросил Энди, воспользовавшись ее отлучкой. – Переболела своим женихом?

– Разобралась с ним, – ответила я, отхлебывая из своего стакана. Вместе с алкоголем по моему телу разлилось живительное тепло.

– Ты слишком красивая, чтобы страдать из-за такого дерьма, как он, – продолжал Энди.

– Он не дерьмо, – возразила я.

– Разумеется, дерьмо, – безапелляционно подтвердил Энди. – Как можно бросать женщину у алтаря?

– Он бросил меня не у алтаря, – засмеялась я, и сама удивилась своему смеху, который был похож на настоящий смех, а вовсе не на нечто среднее между смехом и рыданием. – До свадьбы оставалось две недели.

– Все равно. – Энди был неумолим. – Он поступил не очень красиво.

– Да, не очень красиво, – согласилась я. – Но все равно лучше, чем если бы мы поженились, а потом пришли к выводу, что совершили ужасную ошибку.

– Жюли рассказывала, что ты и потом продолжала с ним встречаться. Зачем тебе это надо было?

– Потому что я думала, будто мы сможем начать все с начала. Потому что я все еще его люблю...

Энди покачал головой.

– Я никогда не понимал женщин. И никогда не пойму.

– Тебе и не надо нас понимать, – поддразнила его я.

– То есть как?

– Правильно, – сказала подошедшая Жюли. – Ты должен нас любить.

– О, разумеется! – Энди с восхищением взглянул на свою возлюбленную. – Хочешь потанцевать?

Они оба вопросительно взглянули на меня.

– Я не возражаю, – успокоила их я.

Они умчались на танцплощадку, крепко обняли друг друга и начали медленно кружиться под музыку. Я смотрела на них и думала: неужели Ари такой же красивый, как Энди? Насколько я помнила, братья были очень

похожи, но все равно лица Ари я так и не смогла вспомнить.

Мне захотелось напиться. Может, мне на роду написано провести весь следующий год в алкогольном тумане, подумала я, направляясь в бар. А что? Тем самым я избавлюсь от навязчивых мыслей о Тиме, пойму наконец, что с ним покончено.

Но в то же время я знала, что не напьюсь. Во-первых, потому, что от чрезмерного количества алкоголя я всегда чувствовала дурноту и терпеть не могла напиваться. А во-вторых, потому, что терпеть не могла терять самоконтроль. Поэтому я взяла еще один коктейль и утешила себя тем соображением, что могу напиться в любую минуту.

Жюли с Энди продолжали самозабвенно кружиться на танцплощадке, забыв обо всем на свете.

В полночь все встали в круг и начали громко считать до двенадцати. Оркестр заиграл «Доброе старое время», все бросились друг друга обнимать и целовать. Жюли сказала, что этот год для меня должен стать просто замечательным. Я тоже на это надеялась. Энди обнял меня и сказал, что Ари просил передать мне привет. По словам Энди, он вообще считал меня одной из самых красивых девушек, каких он когда-либо встречал в своей жизни, и еще он просил передать, что если я хочу, то он приглашает меня приехать в этом году в Штаты. Я обняла их обоих и сказала, что они замечательные друзья.

Потом Энди заказал шампанского и открыл его так профессионально, что не пролил ни одной капли. Я решила, что если уж мне суждено страдать завтра от похмелья, то пусть это будет самое изысканное похмелье – от шампанского!

Надо полагать, что вечер получился очень удачным. Я не могла этого с достоверностью подтвердить. Я думала: неужели когда-нибудь наступит время, когда я снова почувствую себя самой собой и точно буду знать, когда я счастлива, а когда нет? Глядя на Энди с Жюли, мне хотелось рыдать.

На утро меня мучило самое отвратительное похмелье...

Глава 9

ИСПАНИЯ

(Сальвадор Дали, 1938)

В квартире царил полумрак. Тяжелые льняные шторы успешно защищали ее от жаркого дневного солнца. Летом, возможно, я бы и обрадовалась такой услуге, но сейчас мне хотелось света и тепла. Я с наслаждением раздвинула занавеси и вышла на балкон.

Вид с моего балкона открывался не слишком впечатляющий. Незнакомый город казался беспорядочным скоплением многоэтажных домов и офисных зданий – без всяких ориентиров и достопримечательностей. Не то что в Дублине, подумала я. Мне стало вдруг необыкновенно одиноко и тоскливо.

Это не я выбрала Испанию. У меня и в мыслях не было сюда приезжать, но, когда подвернулась такая возможность, я поняла, что было бы просто безумием ею не воспользоваться. Испания означала бегство из Дублина, где все напоминало мне о Тиме и о моей несложившейся жизни. Уже во второй раз, напомнила я себе, я пытаюсь спастись бегством от своих несчастий.

Но пока бегства что-то не получилось. Я все еще чувствовала себя не в своей тарелке. Я прекрасно понимала, что и здесь многие сочтут меня полной неудачницей, чем-то вроде ни на что не способной феминистки. Но я не обманывала себя, потому что знала: с каждым днем дела мои идут все хуже и хуже.

Кроме того, поездка в Испанию избавляла меня от неприятной перспективы неминуемого увольнения.

После достопамятного разговора с Барри я честно постаралась взять себя в руки и вернуться к прежнему собранному состоянию. Но это прежнее состояние означало только одно – в нем я неизменно оставалась невестой Тима, и тут уж я ничего не могла с собой поделать. Помня об обещании, данном Рейчел, я покорно пролистывала газеты с предложениями о работе, но ни на чем не могла остановиться. Однажды за этим занятием меня застукал Барри, и мне пришлось сделать вид, что это случайность.

– Зайди в мой кабинет, Изабель, – произнес он командирским голосом, совершенно не свойственным ему в обычное время.

Я зашла и робко села на краешек стула. Кажется, никаких ошибок на этот раз за мной не числилось: билеты на рейсы я не перепутала, все счета прошлого месяца продублировала, участие Барри в очередной конференции подтвердила. Но он не стал ходить вокруг да около.

– Это не работа, Изабель!

Я уставилась на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

– Но я же стараюсь, Барри! – запричитала я. – Ты же знаешь, что я стараюсь и выполняю свою работу хорошо!

– Хорошо – может быть, – возразил он. – Но не эффективно. С тобой теперь очень трудно работать, Изабель. Я все время боюсь сказать что-нибудь не то и тебя расстроить.

– Ты никогда меня не расстраивал, Барри.

– Это потому, что я очень стараюсь.

Меня сильно задела его слова, и я почувствовала где-то в глубине души знакомое желание расплакаться.

– Ты потеряла всякую способность к инициативе, – продолжал Барри. – Я должен тебе постоянно обо всем напоминать. Фактически держать в голове твою работу. И постоянно ее проверять на случай, если ты напустила ошибок.

– Я не напускаю ошибок, – возразила я без выражения.

Он вздохнул.

– Да, не напускаешь. Но и радости от твоей работы тоже мало. Никакого огонька, смеха, Изабель.

– Я же на работе! – попыталась защищаться я. – Какая уж тут радость!

– Но ты же не всегда так работала.

Я рассматривала свои ногти.

– Тем не менее, – продолжал Барри, – взгляни, вот это может представлять для тебя интерес.

Он передал мне газету, и я удивилась, потому что она была на испанском языке. Я собралась с мыслями, мобилизовала свой испанский и перевела вслух...

– Актриса и певица Мадонна приезжает сегодня в Мадрид.

– Не это, – перебил меня Барри. – Чуть ниже объявление.

– «Помощник администратора. Свободный английский язык. Компьютерная грамотность. Требуется престижной учебной корпорации».

Я снова ничего не поняла.

– Ну как? Что ты об этом думаешь?

– А что я могу думать?

– Требования как раз для тебя. Я снова воззрилась в газету.

– Да, но точно так же они подходят к множеству других людей. Положим, английский у меня свободный, потому что это мой родной язык. А как насчет испанского?

– Но ты же указывала в анкете, что у тебя свободное знание французского и испанского языков, – сказал Барри.

– Да, но говорила я на них сто лет назад.

– А мне казалось, что в позапрошлом году ты была в Испании, – не унимался Барри. – Кажется, ты говорила, в Малаге?

– Да, но Малага – это туристический центр, – указала я ему. – Там вообще не нужно много говорить по-испански.

– Это не имеет значения, – вздохнул Барри. – Главное, что ты говоришь на языке.

– Ну, и что из этого?

– Как что? Это объявление дала подруга Шарон, – рассказал он. – А Шарон считает, что ты попадаешь в яблочко.

Шарон была женой Барри.

– Так что же, Шарон обо мне беспокоится?

– Это потому, что мы дома о тебе говорили, – продолжал вздыхать Барри. – Я попросил ее совета относительно тебя, и она мне посоветовала.

– От меня избавиться?

Я глядела на него во все глаза.

– Не говори глупости! Она считает, что тебе необходима смена обстановки. Что ты должна уехать из Дублина на некоторое время. Отвлечься и соберись с силами.

У меня в горле образовался комок.

– Я не чувствую себя на это способной.

– Здесь – да, это, наверное, трудно, – продолжал он. – Но подумай, Изабель, – Мадрид! Теплый, солнечный, такой красивый город!

«Да, – подумала я, – и с твоих плеч долой, Барри».

– А что, если меня это предложение не заинтересует?

– Изабель! – нахмурился он. – Почему оно тебя не заинтересует? Для тебя это новая жизнь, новые впечатления. Ты прекратишь ныть и тосковать по человеку, который этого не стоит. Ты еще такая молодая, Изабель!

Я вздохнула.

– Это такой серьезный шаг.

– Тебе и нужно сделать серьезный шаг, – обрадовался Барри. – И, кроме того, Изабель, если говорить честно, мне тоже нужно от тебя

отдохнуть.

Я вернулась в квартиру. Она была маленькая, но очень функциональная: гостиная, соединенная с ней кухня, спальня и ванная. Моя первая собственная квартира, сказала я себе. И даже произнесла это вслух, чтобы почувствовать реальность события.

Габриэла Суарес, подруга Шарон и управляющий директор компании «Адванта», организовала мой приезд так, что в первый месяц мне не надо было платить за жилье. Это делала компания, что было очень удобно. К тому же Шарон наговорила обо мне Габриэле массу лестных вещей, но в глубине души я была уверена, что все это она устроила только для того, чтобы увести меня с дороги своего супруга. Он хотел меня рассчитать, мрачно подумала я, но боялся, что это добьет меня окончательно.

С матерью едва не случился удар, когда я ей рассказала про Испанию. Она никак не могла понять, зачем покидать семью и хорошо оплачиваемую работу.

– Мне нужна передышка.

– Но почему именно в Испании? Почему не в Ирландии? Или в Лондоне? Откуда легко вернуться домой.

– До Мадрида всего два часа лета, – нервно возразила я. – Я могу приезжать домой, сколько мне вздумается.

– Но это же дорого! – не сдавалась мать. – Ты такого не осилишь!

– Существует масса дешевых рейсов.

Она вздохнула.

– Мне это не нравится, Изабель.

– Ой, ради Бога! – Раз решившись, я была теперь непоколебима. – Я должна была это сделать сто лет назад! – Ее осуждающего взгляда я старалась избегать.

Жюли мне сначала просто не поверила.

– Мадрид!

– А почему бы и нет?

– Да что ты, я считаю это просто сказкой! Мне самой так хотелось бы поработать за границей! Просто не понимаю, чего я сижу?

– А вот я чего-то боюсь, – призналась я.

– Чего ты боишься?

– Что мне там не понравится. Что я не справлюсь с работой. Что моя начальница Габриэла меня возненавидит.

– Какая глупость! – Жюли посмотрела на меня без всякого сострадания. – Ты занимаешься пустым самокопанием, слишком много времени тратишь на разглядывание собственного пупа. Разумеется, тебе там понравится. И с работой ты прекрасно справишься. И с чего это ты взяла, что Габриэла тебя возненавидит?

– Ну да, – согласилась я, – только...

– Никаких «только». Этот подонок Мэлон украл у тебя всякую уверенность в себе, – продолжала она раздраженно. – Раньше ты никогда не боялась новизны.

– Дело не в этом...

– Нет, именно в этом! – поставила точку в разговоре Жюли.

Алисон тоже была в восторге.

– Теперь, когда я поеду в отпуск, мне будет где остановиться!

– Я очень рада, сестричка, что являюсь для тебя только средством для проведения отпуска, – рассмеялась я.

– Не говори глупости! Но и это тоже немаловажно. Ян попросил прислать ему фотографии красивых испанок.

– Зачем?

– Чтобы я знал, чего лишен в жизни.

– И дома полно красивых женщин, – сурово упрекнула его Алисон.

– Разве можно сравнить наших с континентальными? – серьезно вздохнул Ян.

– У них всегда классическая внешность. И одеваются они так красиво.

Я взглянула на свои потрепанные джинсы. Ян был прав. Континентальные женщины всегда выглядят загадочно, даже когда на них надеты потрепанные джинсы. Такая стильная женщина, как я, давно уже перестала следить за своей внешностью. Может быть, Мадрид и правда был хорошим выходом из положения?

Сидя в своей новой квартире, я начала распаковывать чемодан. Мне все еще было трудно поверить, что я в Испании. Тишину нарушал только стрекот холодильника. Эта тишина уже действовала мне на нервы. Из соседних квартир не долетало ни единого звука. Многоэтажный дом казался пустым или вымершим. Я включила портативный телевизор. Там передавали футбольный матч между мадридским «Реалом» и «Ювентусом».

Слушая комментатора, я старалась привыкнуть к чужим словам и интонациям. Вот комментатор возмутился, когда судьи назначил

«Ювентусу» пенальти.

– Г-о-о-а-а-а-л! – закричал он через минуту и ударился в рассуждения по поводу полного произвола футбольного судейства.

Я снова окинула взглядом свое жилье, теперь, так сказать, более пристрастно. Мебели мало, но – учитывая его размеры – это даже хорошо. В гостиной стоял стол и несколько тяжелых испанских стульев с высокими спинками. От кухни жилой отсек отделяла невысокая перегородка. Тут же помещалась двухместная софа, кресло. На кухне вообще не было места для мебели, стояли только шкаф с разрозненным набором тарелок и кружек, плита, к стене была привинчена раковина. Надо было взять с собой хотя бы тостер, подумала я. И кофеварку.

Надо было срочно пойти и купить что-нибудь поесть. Мой дом стоял на Эдифисио Джерона неподалеку от центра города. Я вышла на улицу, сжимая в руке карту и стараясь не выглядеть как туристка. Даже в это время года Мадрид был наводнен туристами. Я повернула на Пласа де Колон, где в маленьком магазинчике купила воду, хлеб, молоко и фрукты. Это удалось сделать без всяких затруднений, и я почувствовала себя едва ли не старожилкой. Дома лифт поднял меня на пятый этаж – и снова по дороге мне не встретилось ни души. Может быть, я единственная квартирантка, живущая на Эдифисио Джерона? Может быть, этот дом подвергся аресту или приговорен к сносу, и Габриэле Суарес вообще не понадобилось за него платить?

К восьми часам я уже была сыта по горло своей собственной компанией и телевизионными новостями. «Ювентус» нанес поражение «Реалу» два – один. Хосе Мария Оласабал выиграл в Америке турнир по гольфу. Король Хуан Карлос и королева София находились с визитом в Италии. Премьер-министр выступил с призывом повышать производительность труда в условиях усиления конкурентной борьбы на мировом рынке. Завтра ожидается облачная погода, возможны дожди.

Я выключила телевизор, натянула на себя тонкий свитер и снова оказалась на улице. На этот раз я повернула в другую сторону и чуть не за первым же поворотом попала на оживленную улицу со множеством ярко освещенных магазинов и кафе. В одном из них я и устроилась за столиком. Укрепленный над барной стойкой телевизор показывал острые моменты матча «Ювентус» – «Реал», и толпа мужчин громко реагировала на решение судьи о пенальти и на последующий гол. Я заказала себе коктейль и открыла газету.

Рядом со мной сел какой-то мужчина. Я слегка подвинулась, чтобы

дать ему место.

– Gracias, – поблагодарил он.

– De nada, – ответила я без запинки.

В это время «Ювентус» забил свой второй гол, и толпа мужчин ответила новым взрывом возмущенного рева. Мужчина рядом со мной прищелкнул пальцами от разочарования и сказал, обращаясь ко мне:

– Наши играют, как безмозглые котятка.

– Это судья раньше их засудил, – пробормотала я.

– Вы – англичанка? – спросил он. Очевидно, мой акцент был не столь мягким, как мне того хотелось бы.

– Нет, – ответила я. – Ирландка.

– Irlandesa! – воскликнул он и переключился на английский. – Я полгода работал в Дублине.

– Неужели? – Я была сама вежливость.

– В ресторане у крепостной стены. Он назывался «Ла Кочина».

Я кивнула:

– Я его знаю.

– Что-то я вас там ни разу не видел.

– Вы просто не запомнили.

– Ну что вы, вас бы я наверняка запомнил, – галантно возразил он. – Разве можно забыть такое красивое лицо?

Мне стало смешно. Такой откровенный треп! Но трепался он очень красиво.

– Как вас зовут?

– Изабель.

– Прекрасное имя. А меня Игнасио.

– Приятно познакомиться, Игнасио.

– Надолго ли вы в Мадриде?

– Еще не знаю. Я только начинаю здесь работать.

– Интересно, где же?

– В учебном комплексе повышения квалификации. Называется «Адванта».

Он пожал плечами:

– Не слышал о таком, к сожалению. А я работаю в банке «Бильбао».

– Возможно, мне придется открыть здесь банковский счет, – предположила я.

– Конечно, открывайте! – с воодушевлением поддержал меня Игнасио.

– Вот вам моя карточка. Я буду счастлив лично проследить за открытием вашего счета.

Я взяла карточку и положила ее в сумку.

– Спасибо.

– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда, может быть, кофе?

– Нет, спасибо, Игнасио.

– Может быть, потом вы согласитесь как-нибудь со мной поужинать? –

Он улыбался. – Я понимаю, как трудно, должно быть, начинать работу в новом городе. Я буду счастлив показать вам его достопримечательности.

– Это очень мило с вашей стороны. Но...

– Вам не надо решать ничего так сразу, – торопливо возразил он. – Но я часто захожу в этот бар. Вполне возможно, что мы увидимся с вами здесь снова.

Я тоже в ответ улыбнулась.

– Большое спасибо.

Трансляция матча «Ювентус» – «Реал» закончилась, и по телевизору начали показывать английский футбол: матч «Ливерпуль» – «Челси».

– Хорошая команда, – сказал Игнасио, когда «Челси» забил гол. – Но им никогда не сравниться с «Реалом».

– Ни одна команда на свете не сможет сравниться с «Реалом», – решила подыграть ему я, хотя мне было все равно.

– Вы говорите как истинная мадридка, – сказал Игнасио, вкладывая в свою улыбку полную мощь латинского обаяния.

Мне так и послышалось, как у меня над ухом Жюли с Алисон в унисон поощрительно хмыкнули...

– Неплохо! Первый день – и уже некто пытается тебя закадрить!

В понедельник утром я приехала в фирму «Адванта» очень рано. Так рано, что за барьером в фойе находились только охранники. Они позвонили Габриэле и сообщили, что я приехала.

Я очень нервничала перед встречей с ней. Судя по голосу, она представлялась мне то толстой и доброй мамашей, то худой и элегантной фурией. Возраст ее, судя по тому, что она дружила с Шарон, был сорок с небольшим. Больше ничего путного мне в голову не приходило.

Женщина, которая вышла из лифта и заспешила мне навстречу, скорее напоминала второй вариант. У нее были черные короткие волосы, строгий коричневый костюм от Донны Каран, который сидел на ней идеально, а на руке я заметила часы фирмы «Ролекс».

– Добро пожаловать в Мадрид и в фирму «Адванта», – приветствовала

меня Габриэла. – Надеюсь, вы хорошо долетели и устроились.

Ее английский был безупречен.

– Спасибо, все хорошо.

– Идемте со мной.

Мы сели в лифт и поднялись на восьмой этаж.

– Нашей фирме в этом здании принадлежит два этажа, – объясняла она по дороге. – На восьмом находятся офисы и администрация, на седьмом – конференц-залы и учебные классы.

Я кивала в ответ.

– У нас есть штатный персонал в количестве двадцати человек и еще тридцать контрактников, – продолжала она. – Некоторые из них ведут всего пару семинаров в год, это лекторы не на полной ставке. Другие имеют полную нагрузку. Мы очень гордимся уровнем нашего персонала и высоким стандартом нашего образования. Наша цель – стать лучшей учебной компанией в Испании.

В это время двери лифта открылись, и мы прошли по коридору к офисам компании «Адванта». Здесь было очень современно и светло. Мебель светлого дерева, стены отделаны панелями, напоминающими орех, на полу – серебристо-серый ковер. Габриэла провела меня в свой угловой кабинет. Когда-то Барри обмолвился, что все менеджеры стремятся иметь угловые кабинеты, потому что это считается престижным.

Габриэла села за стол и еще раз внимательно посмотрела на меня.

– Шарон говорила мне о вас много хорошего, – начала она.

Я смутилась. Мы с Шарон Клири были очень мало знакомы.

– Надеюсь, что я докажу это своей работой, – пробормотала я.

– Я тоже на это надеюсь. – Она слегка улыбнулась. – Для нас вы просто находка. За одну неделю от нас уволилось трое лучших сотрудников. Как вам это нравится? – Я промолчала. – Одна девушка нашла себе лучшую работу, другая решила, что хочет продолжать обучение, а третья вышла замуж и переехала в Барселону.

– Какое несчастье, – вставила я.

– И тогда я подала это объявление. Правда, тут возникла одна трудность: я не люблю принимать на работу временный персонал, потому что считаю, что сотрудники должны быть преданы своей компании, а быстро найти человека с опытом работы практически невозможно.

– Но я ничего не понимаю в обучении, – возразила я. – Я вам уже говорила об этом по телефону.

– Но у вас есть опыт организационной работы, – в свою очередь, возразила она. – Говорят, вы хороший администратор.

– Да, это то, что я умею делать лучше всего, – согласилась я, не упоминая некоторые комментарии Барри по этому поводу.

– Вот и прекрасно, – резюмировала Габриэла. – А теперь я покажу вам ваше рабочее место и представлю коллегам.

Она была очень энергичной и деловой. Раньше я никогда не работала под начальством женщины и не знала, что это такое.

Вскоре я узнала, что Габриэла Суарес – настоящий бульдозер в смысле напористости и трудоспособности, и, по словам других сотрудников, такой же трудоспособности и отдачи она требовала от всех остальных. Те, кто хорошо работал, получали хорошую зарплату, всячески поощрялись прибавками и премиями. Другие покидали фирму очень быстро. Я понадеялась, что смогу сработаться со своей новой начальницей. Меня бросил Тим, потом Барри. Я просто не выдержу, если меня бросит еще и «Адванта»!

Глава 10

ОБНАЖЕННАЯ СТОЯ

(Хуан Миро, 1918)

Днем было легче, чем ночью. Днем я была занята, но, возвратившись домой, я чувствовала себя отрезанной от всего мира. Ночью, лежа в кровати, я размышляла о том, что будет, если я заболею и никто об этом не узнает. На работе подумают, что я сбежала домой, а дома не спохватятся и не узнают, что я лежу в Мадриде без сознания, без всякой помощи и поддержки. Я очень скучала по дому, постоянно воображала себе, что делает мать или Алисон. Как поживает Жюли. Как идут дела у Тима.

В пятницу вечером административный персонал фирмы «Адванта» в полном составе отправился что-нибудь выпить в близлежащий бар. Я тоже решила пойти, поближе познакомиться со своими сослуживцами.

Чуть ли не в первый раз за всю историю фирмы эту пятничную вылазку отметила своим присутствием Габриэла. Это она заказала всем напитки.

– Ну, как твоя первая неделя? – спросила она меня.

– Трудовая.

Так оно и было. Мне приходилось осваивать много нового материала и одновременно не забывать о текущей работе.

– Как ты считаешь, ты справишься?

– Разумеется! – Я спокойно улыбнулась. – Мне даже начинает здесь нравиться!

– Вот и прекрасно. – Она вернула мне улыбку. – Магдалена сказала, что ты сменила картотечную систему для налогообложения.

– Не то чтобы сменила... – Я несколько замаялась. – Она ведь в компьютере. Просто мне показалось, что вы используете не слишком эффективное приложение. Я перешла на «Грааль».

– Я плохо разбираюсь в программах, – вздохнула Габриэла. – Главное, чтобы она работала и не доставляла особых хлопот.

– Вы сами увидите, что теперь все операции будут проходить гораздо быстрее, – убежденно сказала я. – И перебрасывать информацию станет гораздо легче.

– Звучит убедительно. – Габриэла казалась удовлетворенной. – А твое какое мнение, Магдалена?

Магдалена Майер была персональной секретаршей Габриэлы.

– Все нормально, – сказала та. – Изабель показала мне кратчайший путь для переброски данных, и, действительно, он оказался гораздо эффективнее.

– Какая прелесть! – засмеялась Габриэла. – Кажется, предложив тебе эту работу, я оказала фирме неоценимую услугу!

– Я тоже рада, что вы это сделали. Спасибо.

– Луис! – позвала Габриэла, махнув рукой одному из сотрудников. – Ты не мог бы к нам подойти?

С Луисом я еще не была знакома, слышала только, что у него репутация дамского угодника. Магдалена мне успела насплетничать, что его появление в любом офисе действует на женщин, как доза слабительного. Вроде бы с виду ничего особенного, но в постели просто ас.

Он и правда выглядел не особенно презентабельно. Маленького роста, нечесанные волосы, никакого шика в одежде. В Мадриде это особенно бросалось в глаза. Поношенный наряд Луиса отличался кричащей несочетаемостью цветов. Тем не менее он, действительно, обладал каким-то неуловимым шармом, и когда он улыбался, то, казалось, что эта улыбка предназначена только тебе. Впрочем, мне еще он ни разу не улыбался.

– Привет! – сказал он, протискиваясь поближе к нам. – Хороша неделька, не правда ли, Магдалена?

– Неплохая, – захихикала та. – Габриэла купила себе еще пару новых костюмов.

Я покосилась на управляющего директора, но та в это время беседовала с кем-то по другую руку от себя.

Она действительно всегда носила одежду от лучших дизайнеров и жила в одном из самых престижных районов Мадрида. Я и не знала, что обучение может быть таким доходным делом.

– А тебе как понравилась твоя первая неделя, Изабель? – спросил Луис.

– Хорошо. Думаю, что мне здесь понравится.

– Превосходно! – Он улыбнулся своей фирменной улыбкой. – И ты мне очень понравилась.

– Луис! – одернула его Магдалена.

– Я просто хотел сказать, что Изабель прекрасно впишется в нашу компанию, – энергично запротестовал он. – Видишь, Изабель, какая у меня в этом коллективе несправедливая репутация!

Я осторожно за ними наблюдала. Магдалена вроде бы ни слова не сказала о своих взаимоотношениях с Луисом, но, когда речь зашла о его

фантастических способностях в постели, она заговорщицки подмигнула.

– Почему же несправедливая? – спросила Магдалена и ткнула его в бок. – Это только я никогда не поддавалась на твои заигрывания.

– Это всего лишь означает, – оборонялся он, – что здесь есть только две недоступные женщины. И Изабель одна из них.

– А Габриэла? – спросила я, и они оба прыснули со смеху.

– Она не в счет, – сквозь смех пробормотал Луис. – Она начальница!

Я сделала вид, что обиделась за женщин.

– Странно получается. Если начальник – мужчина, то это не мешает ему заигрывать со своими сотрудницами. И сотрудницам с ним. Почему не признать того же права за женщинами?

Они не совсем поняли, в шутку я говорю или нет.

– Габриэла этим не занимается, – наконец сказал Луис. – И, честно говоря, я даже представить себе не могу такого.

– Лучше расскажи о себе, Изабель, – сменила тему Магдалена. – С чего это ты вдруг решила приехать в Испанию?

Никто меня здесь не знает, напомнила я себе. Я могу заново себя пересоздать. И при этом не обязана выворачивать перед ними свою душу.

– Просто решила сменить обстановку. Старая работа мне надоела, истеричный приятель бросил, я понятия не имела, что с собой делать. Вот, подумала, что хорошо бы поработать за границей.

– Хорошая мысль, – одобрила Магдалена. – Когда меня бросит мой приятель, я подумаю о такой возможности. Может быть, это заставит его одуматься.

– А ты долго встречалась со своим приятелем? – спросил Луис.

– Долго, – ответила я. – Это вошло в привычку, казалось вполне естественным.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала Магдалена. – От такой привычки очень трудно избавиться.

Мы допили свои коктейли.

– Пойдем домой, – сказал Луис. – Правда, у меня еще встреча в джазовом кафе. Хочешь пойти со мной, Изабель?

– Нет.

– Как хочешь. – Он не настаивал, но все-таки добавил: – У нас неформальная группа друзей, мы встречаемся в десять.

– Ну, не знаю, – слегка поддалась я.

– Приходи! – Он поощрительно улыбнулся. – А что еще делать в пятницу вечером?

– Как что? – возразила я. – А уборка квартиры?

– Изабель! – Он посмотрел на меня так, словно у меня было две головы. – Кто занимается уборкой в пятницу вечером?

И мы снова все вместе прыснули от смеха.

В холодильнике у меня стояло вино и несколько банок легкого пива. Кроме того, там была половинка дыни и кусок какого-то пахучего сыра. Я открыла бутылку вина и решила не ходить в джазовый клуб. Я еще не готова к такому интенсивному общению с чужими людьми, не слишком уверена в новой Изабель. И к тому же мне не хотелось ни с кем связываться, ни о чем волноваться. Луис пригласил меня, продолжала я размышлять, и для начала этого достаточно. По крайней мере, очень полезно для укрепления собственного эго.

На столе зазвонил телефон. Я так испугалась, что едва не выронила из рук стакан. Это был первый телефонный звонок в моей новой жизни. То есть я сама, конечно, звонила домой, но мне еще никто не звонил ни разу.

– Изабель! – раздался в трубке голос Жюли. – Ты как?

– Ничего, – осторожно ответила я. – Работа неплохая. В мои обязанности входит регистрация преподавателей и учет их нагрузки. И Габриэла, мой босс, очень милая...

– К черту работу! – прокричала на том конце связи Жюли. – Я спрашивают о твоей личной жизни!

– Какая личная жизнь в первую неделю?

– Но что-то же ты делаешь по вечерам? – не отступала Жюли. – Не сидишь же ты просто дома у телевизора?

– Сегодня ходила с сотрудниками в бар, – рассказала я. – У них тут, кажется, не принято ходить друг к другу в гости, как у нас. Я записалась на углубленные курсы делового испанского языка по средам.

– А еще? – настаивала Жюли. – Как насчет роскошных латинских мужчин, живущих с тобой по соседству?

– Никаких роскошных мужчин по соседству не живет, – заверила ее я. – На моем этаже, кажется, вообще больше никто, кроме меня, не живет. Где-то внизу я слышала однажды радио, и в общем холле иногда попадают люди, вот и все.

– Но должен же кто-то быть! – не унималась Жюли.

– Я не такая быстрая, как ты. Правда... Я тут познакомилась с одним парнем в прошлую субботу...

– Поздравляю! – восхищенно одобрила Жюли. – В первый же вечер! Я знала, что ты сможешь, Иззи!

– Не говори глупости, – охладила я ее восторг. – Ничего особенного не

произошло.

– Но ты с ним говорила?

– Пару слов.

– Ну вот видишь! – с триумфом заключила Жюли. – Я так и знала, что стоит тебе уехать, и ты снова станешь такой, как прежде. Ты наконец избавишься от этого негодяя Мэлونا, который искалечил твою жизнь!

– Ты же меня знаешь, Жюли, – улынулась я. – Я не такая, какой ты меня хочешь вообразить.

– Очень даже такая, – заверила меня Жюли. – Когда я с тобой познакомилась, ты была вполне жизнерадостной девчонкой, и за тобой ходил целый хвост парней. Тебе оставалось только выбирать.

– Тогда я была моложе.

– А теперь что? Ты хочешь сказать, что собралась на пенсию?

– Нет.

– Ну тогда не хандри и хорошо проводи время. И помни, что, если дело пойдет слишком далеко, ты сможешь в любую минуту вернуться домой.

– Ты жуткая женщина, Жюли Донеган!

– Да что ты говоришь? – захихикала она. – Зато я даю хорошие советы.

В субботу шел дождь. А я-то думала, что в Испании дождей не бывает. К тому же мне все равно необходимо было выйти за покупками. Квартира постепенно приобретала жилой вид, и в ней стало чувствоваться влияние моей персоны. А что, совсем неплохо жить одной. Никто не внедряется в твои мысли с ненужными разговорами, не переключает каналы, когда ты смотришь кино. По телевизору, кстати, шел фильм «Красотка» в переводе на испанский. Это был любимый фильм Тима, и вместе мы смотрели его, кажется, раз десять.

– Какая дребедень, – каждый раз говорила я.

– Ну и что, – возражал Тим. – Зато Джулия Робертс такая милая.

Глядя на нее, он просто млел от восторга.

– Мог бы сам найти себе такую проститутку, – регулярно предлагала я ему.

– Это же типичная экранизация мужских фантазий!

– Ну и что, – снова возражал он. – Мне нужны фантазии.

И мне тоже, Тим, сказала я себе. И, как Джулия Робертс, я сочиню себе собственную сказку.

Фильм закончился в полдевятого. Жюли права, сказала я себе, надо сделать над собой усилие, попытаться развлечься. Меня зовут Изабель

Кавана, повторяла я как заклинание. Я независимая, уверенная в себе женщина. Я имею право делать, что мне вздумается.

Я пошла в то самое кафе, в котором была в первый вечер.

Там снова было много народу. Через некоторое время появился Игнасио и, увидев меня, улыбнулся.

– Изабель! Рад тебя видеть снова! – Он подошел к моему столику.

– Я тоже.

– Ты так и не позвонила в банк.

– У меня пока еще слишком мало денег, – я улыбнулась.

– Тебе много и не надо. – Он расстегнул кожаную куртку. – Можно заказать тебе что-нибудь выпить?

– Пожалуй. Мне хочется пива.

Он заказал два пива и сел рядом со мной.

– Ну, как тебе Мадрид?

– Хорошо, – ответила я. – И фирма, где я работаю, хорошая, и сотрудники симпатичные.

Разговор на чужом языке, да еще с незнакомым мужчиной давался мне не очень легко.

– Смотрела на этой неделе футбол?

Мне стало смешно.

– Нет!

– Надо сходить на стадион, там интереснее! – убеждал он меня. – Например, когда «Мадрид» будет играть с «Барселоной». Это всегда такая игра!

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно!

«Интересно, в Мадриде такие же мужчины, как на курортах?» – спрашивала я себя. Когда мне было двадцать два года, мы с девчонками отправились на Майорку. Вели себя там просто ужасно, каждый вечер напивались, потом буквально вешались на мужчин. Там было полно англичан и ирландцев, но я почему-то предпочитала испанцев, хотя понимала, что их интересует только свободный секс. С одним я даже спала, о чем потом, дома, вспоминала со стыдом и отвращением. Это был мой первый одноразовый секс в жизни. Ни до этого, ни после я не могла спать с мужчиной, к которому не испытывала абсолютно ничего. Каждое мое увлечение, как мне казалось, будет длиться вечно.

– Ты спишь, Изабель?

– Ой, прости! – Я взглянула на Игнасио. – Ты что-то сказал?

– Я спросил, может, пойдём, вместе поужинаем? Тут в округе полно

симпатичных ресторанов.

– Спасибо, Игнасио, но у меня на вечер другие планы. А вот еще одно пиво можно.

В баре было полно народу, но атмосфера царила совсем иная, нежели в Дублине. Может быть, потому, что мужчины в углу играли в домино, как будто не в столице, а в деревушке. Может быть, потому, что женщины за соседним столиком заедали капучино засахаренными фисташками. А может быть, просто потому, что я здесь никого не знала.

– Ты опять спишь, – вернул меня к действительности Игнасио.

– Нет. Просто принимаюсь к атмосфере.

Я заказала еще одно пиво, потом он заказал еще.

В его квартире царила тишина.

– Ты самая прекрасная девушка из всех, кого я когда-либо встречал! – шептал он нежно.

– Не будь дураком.

– Нет, правда! – убеждал он меня. – Кожа у тебя, как шелк. Волосы совсем мягкие. Глаза, как два озера.

Ну, это он несколько перегнул, подумала я. Он погладил меня пальцами по щеке.

– Ты такая хрупкая! Такая очаровательная! Неплохо, подумала я.

После пива голова у меня кружилась. Надо было брать коктейль, подумала я, а то теперь от меня пахнет пивом.

От него точно несло пивом. А еще коньяком и сигаретами «Кэмел».

Совершенно не похоже на Тима, думала я, пока Игнасио расстегивал мою блузку. Я смотрела на все происходящее как будто со стороны. Как будто все это происходило не со мной. Я была статистом в чьей-то чужой жизни.

– О Изабель! – продолжал шептать он. – Как ты прекрасна!

Я понятия не имела, что я чувствую. Я не знала, почему меня занесло в эту квартиру на другом конце города. Когда мы вышли из бара, я просто села в такси вслед за Игнасио и вдруг почувствовала себя рядом с ним такой защищенной, что мне больше не хотелось от него отрываться. Раньше, перед тем как пойти в постель с каким-нибудь парнем, я узнавала, по крайней мере, его фамилию. А также имена его родителей, братьев и сестер, адреса, где они живут, и что любят есть на обед, то есть весь тот ворох вещей, который казался мне важным в преддверии долгих и серьезных отношений.

Но так, может быть, даже лучше, говорила я себе. Сплошная

физиология, щекотание чувств. И от этого мое настроение явно улучшилось.

Он и любовью занимался не так, как Тим. Как-то более обдуманно, четко.

– Тебе нравится? – шептал он мне в ухо.

– О да! – бормотала я в ответ. – Да, да, да!

В три часа ночи я проснулась от пульсирующей головной боли и чувства сдавленности в груди. Я скатилась с кровати и начала шарить в поисках сумочки. Дышать с каждой минутой становилось все труднее. Наконец я нашла ингалятор и несколько раз вдохнула животворное лекарство. Воздух клокотал в моих легких, как в железной трубе. Сейчас тебе станет легче, убеждала я себя, такой шум означает, что воздух преодолевает какую-то преграду.

Через некоторое время лекарство действительно подействовало. После чрезмерной выпивки мне всегда становилось плохо, особенно если пить пиво или красное вино. От красного вина я начинала к тому же чихать.

В квартире у Игнасио было холодно. Я оделась, прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Глаза красные, макияж потек. Вот что значит пересоздавать саму себя, подумала я. Я приехала в Испанию и легла в постель с первым встречным. Я даже не знала его фамилии! Какое глупое безрассудство! Жюли могла мной гордиться...

Меня мучили угрызения совести перед Игнасио за то, что я вот так, тайком, покидаю его квартиру. Но встречаться с ним утром мне точно не хотелось. Мне вообще не хотелось с ним больше встречаться. Он, конечно, отличный парень, и с ним, наверное, я бы чувствовала себя хорошо. Но мне не хотелось узнавать его фамилию, или имена его родителей, или подробности из жизни его братьев и сестер. Мне хотелось оставаться Изабель Каваной, свободной и одинокой женщиной, счастливой своим одиночеством. Мне хотелось стать сердцедакой, которая от жизни получает максимум удовольствия.

Я проснулась в одиннадцать часов утра и долго не могла понять, где нахожусь. Я долго искала на стене репродукцию «Подсолнухов» Ван Гога, которая висела у меня дома в спальне, но голая белая стена начала падать на меня. Я закрыла глаза, чтобы не потерять сознание.

Слишком много выпивки, вспомнила я наконец. А потом – Игнасио.

От этого имени внутри у меня все похолодело. Неужели я с ним спала? Какой стыд! О чем я думала раньше? Куда подевался мой рассудок? Может быть, он выпал, когда я летела через Пиренеи? Прыгать в кровать к

незнакомому мужчине! Да ты просто спятила, Изабель Кавана!

Через секунду мне уже стало жарко. По ночам еще можно себя пересоздавать, подумала я с отчаянием, но при свете дня это пересоздание приобретало очень странные очертания. Жюли посоветовала мне развлечься, но вряд ли даже она имела в виду такую пруть!

Я вскочила с постели, натянула халат и бросилась в ванную. Лицо вроде то же. Никаких следов вчерашнего приключения. Ничего, что могло бы поведать миру: я впервые после Тима переспала с мужчиной.

Ну ладно, подумала я, слегка успокаиваясь. Теперь, по крайней мере, я могу думать о сексе без всяких ассоциаций с Тимом. Может быть, хотя бы ради этого стоило пойти на риск!

Глава 11

ВИНОГРАДНИКИ И ОЛИВКОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ В МОНТРЕ

(Хуан Миро, 1919)

Из полуденной дремы на рабочем месте меня вывел телефонный звонок. Мне грезился Тим Мэлон, который ехал на спортивном автомобиле по улице Мадрида. «А, это ты! – якобы сказала я ему. – Рада тебя видеть!»

– Алло! – сказала я в настоящий телефон.

– Изабель, это Луис!

– Луис? – Некоторое время я не могла сообразить, кто это такой. – Чем могу быть полезна?

– У тебя есть файл осенних курсов? Что-то я не могу его найти.

– Нет. – Я точно знала, что у меня нет такого файла.

– Ты не знаешь, где он может быть?

– Ну при чем здесь я, Луис? Я не имею к этим курсам никакого отношения.

– Я просто так спросил. – Он вздохнул. – Я его перезагрузил и теперь сам не могу найти.

– Может, дискета с ним валяется в конференц-зале, где проходило утреннее совещание? Ты вечно там что-нибудь забываешь.

На моем телефоне замигала красная лампочка – знак того, что звонит кто-то еще.

– Извини, позже поговорим, – сказала я Луису и переключилась на другую линию... – Алло!

– Я бы предпочла, чтобы ты по телефону называла свое имя. – Это была Габриэла, и я чуть не выронила из рук трубку.

– Да-да, конечно, – забормотала я в ответ. – В следующий раз я непременно так и сделаю.

– Послушай, – она звонила с мобильного, и на линии слышались постоянные электрические помехи. – Магдалены сейчас нет на месте, а у меня днем назначено несколько встреч. Я задерживаюсь. Ты не могла бы перенести встречи на более поздний срок? Ежедневник у меня на столе, там написаны имена и номера телефонов, так что никаких проблем не должно возникнуть.

– Конечно! – воскликнула я, польщенная, что по такому важному вопросу она обратилась именно ко мне, а не к кому-нибудь еще. – Может быть, что-нибудь еще надо сделать?

– Нет, – ответила Габриэла. – Только с этими людьми будь предельно вежлива. Терпеть не могу отменять договоренности и считаю это верхом неприличия, тем более в последний момент. Но я тут на переговорах и не могу их прервать.

Я понятия не имела, на каких это она переговорах и о чем они там переговариваются. О Габриэле я знала только то, что она ухитряется успешно сочетать карьерный бизнес с воспитанием двоих детей. От нее словно исходила уверенность, что все должны быть счастливы с ней работать, и к каждому она обращалась так, словно была с ним лично знакома и очень дорожила его мнением. В то же время мне не хотелось попадаться ей под горячую руку. По словам Магдалены, у нее бывали кошмарные вспышки гнева, если дела шли не так, как ей хотелось бы, но эти вспышки, к счастью, очень быстро проходили.

Я дозвонилась ее клиентам и переназначила все встречи без всякой суеты.

Впервые за сто лет я наконец почувствовала себя действительно нужной.

В четыре часа на край моего стола сел Луис. Я едва не опрокинула стакан с карандашами.

– Что ты на меня так тарацишься?

– Я не тарачусь, – усмехнулся он. – Это ты тарацишься в свой экран, словно вокруг ничего не существует.

– Да нет, дело не в этом.

Он наклонился, чтобы заглянуть в мой экран, но там только плавала в энергосберегающем режиме заставка программы «Грааль».

– И ты этим любишься? – с удивлением спросил он.

– Нет, – коротко ответила я. – Я думаю о своем.

Я думала о Тиме. Какая-то неведомая сила внезапно перебросила меня в его дом. Я вспомнила, как однажды он сидел за своим компьютером, а я, заглянув ему через плечо, увидела у него на экране как раз эту самую картинку программы «Грааль». Вся боль и обида внезапно вернулись ко мне снова... Я едва не вскрикнула, сидя за две тысячи миль от места своего страдания.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Я нашел файл, – сообщил словоохотливо Луис. – Причем в

конференц-зале, как ты и предполагала.

– Хорошо.

– Можно задать тебе вопрос?

– Задавай. – Я дважды кликнула мышкой, и волшебная картинка с экрана исчезла.

– Ты кого предпочитаешь: мужчин или женщин? Я воззрилась на него с удивлением.

– Какое тебе дело? – наконец огрызнулась я.

– Значит, есть дело. Мне надо знать.

– Ничего тебе знать не надо. – Я не имела склонности вести с ним такие разговоры.

– О дорогая моя Изабель! – Он казался уязвленным. – Мой вопрос вполне корректен. В конце концов, ты не часто составляешь нам компанию после работы. И толкуешь в основном только о женщинах...

– Луис, – сказала я с отвращением. – Заткнись.

Когда он ушел, я решила, что он говорил несерьезно. Он же слышал, как я рассказывала Магдалене о разрыве со своим приятелем. Он просто издевался, потому что я с ним не флиртую, как поголовно все в офисе.

Но даже если бы Луис был в моем вкусе, я бы все равно не хотела иметь с ним никаких взаимоотношений, потому что они наверняка закончились бы слезами и необходимостью уволиться из «Адванты».

Я стояла перед делегатами конференции по управлению человеческим ресурсами. Руки мои дрожали, по спине текли струйки холодного пота. Это была первая конференция, которую я организовывала сама. На мне лежала полная ответственность за все: за аренду конференц-зала в отеле, за состав выступающих, за устройство буфета, за подготовку и налаживание оборудования. За то, что все участники получили информационные пакеты и расписались в ведомостях. В «Дельте» ничего подобного на таком уровне мне никогда не поручалось.

Габриэле самой такая мысль пришла в голову внезапно.

– Всю организацию я бросаю на тебя, Изабель, – сказала она. – Ты дашь мне знать, только если начнутся какие-нибудь неувязки.

Но никаких неувязок не возникло. Все прошло на удивление гладко, и вот теперь я стояла перед аудиторией, чтобы произнести вступительную речь и представить участников друг другу. От страха я забыла все слова, Я так боялась за свой испанский, что некоторое время стояла безмолвно, как рыба, открывая и закрывая рот.

Наконец я облизнула губы, сжала кулаки, чтобы никто не заметил, как дрожат руки, и кинулась в свою речь, как прыгун с вышки.

Никто не заметил, что одного лектора я пропустила. Когда мне на смену вышел следующий оратор, я едва нашла в себе силы сойти со сцены и юркнуть в боковую дверь, где жадно начала глотать кофе. Никто мне не сделал ни одного замечания, все сошло благополучно. Семинар имел громадный успех, и позже, когда я просматривала опросные листы, в них делегаты проставили только высокие оценки, в том числе и за организацию семинара.

В этот день мы с Габриэлой оставались на рабочем месте допоздна.

– Изабель! Ну, как твои ощущения?

Я не могла скрыть улыбку.

– Отлично!

Она тоже улыбнулась мне в ответ.

– Хорошо, я очень рада.

– И они тоже, Габриэла! – Я открыла свой кейс и вытащила наобум один опросный лист. – Вот, какой-то парень пишет, что организация была идеальной, а состав выступающих как нельзя лучше.

– Это наверняка писал мой папаша, – сострила Габриэла, глядя на меня невинными глазами. – Я просила его прийти на семинар.

С минуту я не могла сообразить, что это шутка.

– Да они все так пишут! – наконец спохватилась я. – Только один сделал незначительное замечание, да и то не нам, а одному лектору.

– Хорошо. – Она закрыла папку с бумагами. – Я горжусь тобой, Изабель. Шарон была права, рекомендуя тебя к нам на работу. Я очень рада, что ты с нами работаешь.

– Я тоже!

Она выключила настольный свет:

– Хочешь, пойдём, выпьем после работы пива?

– О...

– Ты не обязана этого делать.

– Спасибо, Габриэла, но я с удовольствием соглашаюсь.

Мы пошли в уже знакомый мне бар.

– Что ты хочешь? – спросила Габриэла.

– Ветчину. – В стоячих барах это было едва ли не единственное блюдо, которое я могла есть. Всякие там моллюски, скаты, улитки мне что-то не очень нравились.

– Хорошо, – снова сказала Габриэла и заказала ветчину, оливки и креветки. Креветки – это не так плохо, подумала я, потому что от змей или осьминогов меня просто тошнило.

– Прими мои поздравления, – сказала Габриэла, когда принесли пиво.

– Это твой первый семинар.

– Спасибо.

– Вначале я в тебе немного сомневалась, – продолжала она. – Все-таки взять работника не глядя...

Интересно, что наговорила обо мне Шарон, чтобы только удалить меня от Барри? Интересно, а что бы она сделала, если бы Габриэла отказалась? Или, еще того хуже, если бы я не оправдала ее рекомендаций?

– А тебе нравится в Мадриде? – продолжала расспрашивать Габриэла.

– Да, здесь хорошо.

– Ты не чувствуешь себя одинокой?

– С чего бы это?

Она экспрессивно пожала плечами на манер всех континентальных жителей.

– Ну, ты далеко от дома. От своих близких и друзей.

– Иногда чувствую. – Я не стала распространяться перед Габриэлой, какой ужас одиночества посещает иногда меня по ночам, когда, просыпаясь в одиночестве, я начинаю задыхаться и не могу найти свой ингалятор. Мне даже казалось, что я могу умереть.

– Представляю себе, – улыбнулась она, и ее глаза потеплели. – Вот я всегда была очень домашним человеком.

– Я тоже так раньше думала.

– Но все равно решила уехать.

Я внимательно посмотрела на нее.

– Что Шарон вам обо мне наговорила?

Она съела очередную оливку.

– Что ты очень способная, милая и работающая девушка. Но у тебя в жизни случилось несчастье, и ты решила на некоторое время уехать.

– Все правильно, – поморщилась я.

– Но я не знаю, какое у тебя несчастье, – продолжала она. – И в качестве работодателя меня это мало интересует. Но вот в дружеском плане очень даже интересует.

Я быстро замигала ресницами.

– Это очень глупо.

– Ничего не глупо, – поощрила меня Габриэла.

С минуту я помолчала. Мне не хотелось рассказывать о себе. Собираясь изменить жизнь, я соответственно хотела забыть прошлое. Да и ничего интересного в моей истории не было. Другие страдают сильнее. Я была просто эгоисткой.

– Мы были помолвлены с одним человеком, – наконец решилась я. – А

потом помолвку отменили. Я была очень расстроена.

– Еще бы! – воскликнула она.

– Я вела себя глупо. Он хотел, чтобы мы остались друзьями, чтобы все шло как прежде, вернулось на круги своя. А я не смогла вернуться.

– Но ты можешь пойти вперед.

Я засмеялась.

– То же самое мне все и говорят, – сказала я. – Но я не хочу идти вперед. Я не хочу, чтобы все изменилось.

– Я понимаю...

– Понимаешь? – Я была потрясена ее словами. – Большинство людей считают меня идиоткой. Друзья советуют развеяться и повеселиться. Но я не хочу.

– И поэтому ты приехала в Мадрид...

– Надо полагать, что да.

– И ты здесь развеялась?

– Тут совсем другое дело. Тут работа и языковые курсы.

– Но ты куда-нибудь выходишь?

При воспоминании об Игнасио я вспыхнула. Мне все еще трудно было поверить, что это случилось со мной.

– Иногда.

– И ты уже с кем-нибудь познакомилась?

– Я же сюда не знакомиться приехала.

– А как насчет сослуживцев? – спросила она как бы невзначай.

– Ходила с ними однажды в этот самый бар.

– Луис тобой интересуется. Так я слышала.

Я слегка улыбнулась.

– Луис интересуется всеми. Я тоже так слышала.

Она улыбнулась в ответ.

– Да, он не слишком верный мужчина, – согласилась Габриэла. – Но работать с ним хорошо.

– Пожалуй, – не возражала я. – Но я не хочу связываться с кем-нибудь из сослуживцев.

– Ты права, – признала Габриэла. – Это слишком усложняет жизнь, которая и так нелегка. Мне было тридцать, когда я встретила Альфредо. До него у меня не было серьезных связей. Но я встретила его и моментально поняла, что это ОН.

– Неужели? – Меня снова потрясло ее признание.

– Да, это странно, – продолжала она. – На одной вечеринке мы сидели за столом друг против друга. Мы переглянулись и поняли, что дело

сделано. Просто химия какая-то. Никаких причин, понять ничего невозможно...

Я вздохнула.

– В таком случае здесь я в полной безопасности, – сказала я. – Никто еще не вызвал во мне такую химическую реакцию.

– С моим прежним бойфрендом мы порвали. Вернее, он бросил меня из-за одной каталонки. Я была просто убита.

Трудно было себе представить, что такая сдержанная и деловая женщина, как Габриэла Суарес, когда-то была убита горем по поводу тяжелых личных переживаний.

– Да-да, все так и было, – продолжала она. – Каждую ночь я плакала в подушку.

Я засмеялась:

– Звучит драматично.

– И тем не менее это так. Я думала, что никогда с собой не справлюсь.

– И как же ты справилась?

– Я бросила работу и учредила «Адванту», – просто объяснила Габриэла. – Пожалуй, это лучшее из всех моих начинаний.

Так вот как надо было поступать, подумала я. Вместо того чтобы убегать в Мадрид, мне надо было оставаться дома и организовать свой собственный потрясающе успешный бизнес. Тогда бы я стала такой же богатой, как Габриэла, вышла бы замуж за человека столь же успешного, как я, а потом ко мне пришел бы наниматься на работу Тим Мэлон, и я бы сказал ему: «Очень сожалею, но вы нам не подходите»...

– Ну что ж, – сказала Габриэла, осушая свой стакан. – Мне пора домой. Приятно было провести с тобой время, Изабель.

– Спасибо за приглашение.

– Ты тоже себя преодолеешь, – продолжала она. – Веселись и хорошо проводи время в Мадриде. Только помни, Изабель, что на работе мне нужны именно работники. Так что вовремя приходи на работу и будь в форме.

Может быть, она говорит об этом потому, что несколько дней назад – из-за недосыпания и похмелья – я опоздала на работу?

– Не беспокойся, Габриэла, – вслух сказала я. – Мне нравится эта работа, и я хочу здесь задержаться.

Она улыбнулась:

– Рада слышать это, Изабель.

Сегодня показывают «Чужой-2». Хорошо, что не какую-нибудь

слезливую романтическую историю. Или дурацкую романтическую комедию. В романтике нет никакого кайфа. Я допила вино и улыбнулась, когда Рипли сказала: «Отстань от нее, ты, сука!» Рипли играла хорошую характерную роль: такую беззащитную девчушку, которая в кризисе становится как железо. Я выбросила пустую бутылку и пошла спать.

В «Адванте» человека ценят в зависимости от того, как прошел его последний семинар. Все время надо было организовывать новые курсы, устанавливать контакты с новыми преподавателями, набирать на компьютере новые брошюры, а эти самые компьютеры все время модернизировать. Я провела полную реорганизацию способов ведения нашей документации, так что теперь делать ссылки и находить нужные файлы стало гораздо проще.

Магдалена признавалась, что моя предшественница сделала большое одолжение компании тем, что ушла с работы. Я купалась в лучах своей славы, и иногда мы с Магдаленой ходили вместе обедать.

– У Луиса новая девушка, – сообщила она мне как-то последние сплетни. – Ее зовут Мария. Она работает в универмаге.

– В универмаге! – рассмеялась я. – Как же Луис с ней встретился? Неужели он добровольно пошел что-нибудь покупать в универмаг?

Магдалена тоже рассмеялась.

– Да, очень странно, – признала она. – Но даже Луис время от времени ходит по магазинам. И факт остается фактом... он ее встретил и пригласил к себе домой.

– А есть кто-нибудь, кого Луис не приглашает к себе домой?

– Не знаю. Но он при этом ничего плохого не имеет в виду.

– И как долго он встречается с одной девушкой?

Магдалена пожала плечами.

– Не знаю. С Луисом это обычно длится несколько недель, потом все кончается.

– А с тобой как долго это длилось?

– Ровно столько, сколько нужно, чтобы он понял, что в постель ему меня не затащить, – захихикала она. – Просто умора, честное слово.

– А что в этом такого странного?

– Странного в чем?

– В том, что мужчины ведут себя таким образом?

– Некоторые мужчины действительно так себя ведут, – с легкостью согласилась она. – И Луис один из них. Но на него невозможно сердиться, потому что он всегда такой беспомощный.

Она была права. Эта его вечная дисгармонирующая одежда, всклокоченные волосы, такой вид, словно у него есть дела поважнее, чем думать о своей внешности...

– К тому же он такой милый, такой воспитанный, – продолжала она.

– Все равно, Луис Кардозо – это не мой тип, – объявила я. – И лично я спать с ним не собираюсь. К тому же, судя по твоим словам, он предпочитает спать с женщиной не больше одного раза. Мне такой стиль не подходит.

– Изабель! – воскликнула Магдалена. – Неужели ты спала со многими мужчинами?

– Не так, чтобы со многими, – призналась я, – но собираюсь изменить эту ситуацию.

– Изабель!

– А в чем, собственно, дело? Почему Луису можно делать, что ему вздумается, а мне нельзя?

– Не знаю, – замялась Магдалена. – Наверное, потому, что он мужчина, а с женщинами все не так.

Мы немного помолчали.

– Ты все еще думаешь о своем бойфренде? – наконец спросила она.

– При чем здесь бойфренд? – мрачно ответила я. – Мне просто хотелось куда-нибудь поехать. Я, конечно, думаю о нем иногда, но здесь мне и без него хорошо. И у него, наверное, уже есть другая девушка.

– До чего же ты спокойная, Изабель! – вздохнула Магдалена. – Вот бы и мне такой стать!..

При этих ее словах я едва не поперхнулась кофе.

Вечером я снова пошла в знакомое спортивное кафе. Не то чтобы мне снова хотелось видеть Игнасио. На этот раз показывали матч «Манчестер Юнайтед» против «Спурс». Ян всегда болел за манчестерскую команду. Вспомнив о Яне, я почувствовала, как сильно без него скучаю. Я попивала свое вино. Никаких признаков Игнасио не было и в помине.

Придя сюда, я совершила очередную глупость. С чего это он вдруг явится сюда ни с того ни с сего? Особенно после того, как я от него сбежала, не сказав даже до свидания. Но мне просто необходимо было побыть с кем-нибудь сегодня вечером. С кем-нибудь, кто называл бы меня прекрасной и замечательной и ласкал в самых чувствительных местах. Я пошла домой и там продолжала пить. Одиночество легче переносить, когда есть бутылка вина.

Глава 12

НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Сальвадор Дали, 1929/33)

Иногда мне казалось, что во мне уживаются два разных человека. Одна Изабель была счастлива, что приехала в Мадрид. Радовалась новой работе, пила кофе с сослуживцами, наслаждалась красивым городом, насквозь пропитанным историей. А другая Изабель очень страдала от того, что находится вдалеке от дома, боялась одиночества в квартире, много пила и презирала себя за это.

Жюли позвонила в один из нехороших дней.

– Привет, – сказала я мрачно. – Как дела?

– Ну и голосок же у тебя, Изабель! Что случилось?

– Ничего. – Между тем глаза мои наполнились слезами. – Что со мной может случиться?

– Но я же знаю этот твой упавший голос!

– Просто я сыта по горло, – не выдержала я.

– Чем?

– Всем.

– Но почему?

– Ох, Жюли, я не знаю, зачем я сюда приехала! – Я изо всех сил терла глаза, чтобы не разреветься в голос. – Люди здесь хорошие, но подружиться я ни с кем не могу. Мне нужно хоть с кем-нибудь говорить.

– Тебе нужно выходить в свет, – оживленно дала Жюли свой обычный совет. – Ты в большом городе, зачем же сидеть все время на одном месте и смотреть телевизор?

– Откуда ты знаешь, что я сижу на одном месте?

– Ну, просто предполагаю, – сказала она. – Если бы ты жила полноценной личной жизнью, то у тебя был бы другой голос и тебя не было бы дома, когда я звоню.

Я вздохнула.

– Какой смысл в личной жизни?

– Прекрати, Изабель! А как поживает тот парень, о котором ты мне вначале говорила?

– Жюли! – прервала я ее. – Я с ним больше ни разу не виделась. Мне не хочется никаких душевных травм.

- А что, дело уже дошло до душевных травм?
- Да нет! Но ты знаешь, как это бывает: он позвонит, потом пригласит в кино, потом позвонит на работу, и вот мы уже пара. А я не хочу ни с кем становиться парой.
- Никто и не просит тебя вступать в серьезные отношения. Просто лучше с кем-нибудь развлечься, чем сидеть на одном месте и хныкать.
- Я не хнычу.
- Не лги.
- Ну хорошо, – признала я. – Я действительно хныкала. Просто у меня черная полоса в жизни.
- Изабель, твоя черная полоса может длиться полжизни! Тебе обязательно надо выйти!
- А почему ты так жаждешь выгнать меня из дома? – подозрительно спросила я. – Сама-то, небось, сидишь дома?
- Я жду звонка Энди, – призналась она.
- Ну как Энди?
- Откуда я знаю? – фыркнула она. – Он давно не звонил. А сама ему я звонить не собираюсь.
- Не будь дурой! – Настал мой черед в увещеваниях. – Может, он занят. Позвони.
- Может, он и занят, – согласилась она. – Но знаешь, Изабель, я тебе кое-что скажу. В этих дистанционных отношениях очень мало радости.
- Догадываюсь...
- Она внезапно расхохоталась.
- Мы с тобой два сапога пара! – сказала она, отсмеявшись. – Ты сидишь перед телевизором и оплакиваешь своего потерянного бойфренда, а я оплакиваю еще не потерянного, но все же того, кто за тысячи миль от меня.
- Я приглашаю тебя на свою очередную свадьбу, при условии, что ты пригласишь меня на свою, – сказала я мрачно. – Учитывая положение дел, это приглашение ни к чему не обязывает.
- Ладно, – сказала Жюли. – Мы ведь женщины. Мы сильные. Мы выживем.
- О да, подумала я, плотнее заворачиваясь в плед. Только выжить – этого еще не достаточно.

У меня появились новые знакомые в Мадриде: Барбара и Бриджет, с которыми мы вместе учились на курсах, пригласили меня как-то к себе на вечеринку.

Народу набилось масса. Люди сидели на полу, гроздьями лепились на диванах, полностью оккупировали балкон. Меня посетило давно знакомое чувство полного одиночества в толпе, поэтому я выпила хорошую дозу коктейля и только после этого решила оглядеться.

Вечеринка так себе, мрачно размышляла я, ни за что бы сюда не пришла, если бы не желание хоть немного побыть в компании. Осушив еще один стакан, я пристроилась к группе девушек, которые танцевали фламенко.

– Пардон, – извинилась я, натолкнувшись на какого-то светловолосого молодого человека, стоящего у стены.

– Ничего, – ответил он.

– Вы – ирландец? – От удивления глаза мои широко раскрылись.

– А как же? – ответил он.

– Из Дублина?

– Не могу отрицать.

– А что вы здесь делаете?

– Сам не знаю. – Он поморщился. – Я пришел с компанией. Но все они куда-то испарились. А вы?

– Я знаю двух девушек, которые здесь живут.

– Вам посчастливилось.

Он был очень мил, хотя и не соответствовал привычным для меня критериям. Худой, да, но эти светлые волосы, эта младенчески нежная кожа, голубые глаза...

– Кончила?

– Что?

– Меня разглядывать?

Я вспыхнула.

– Извини.

– Если бы я так на тебя смотрел, ты бы сказала, что я тебя кадрю.

– Я тебя не кадрю.

– А что же ты тогда делала?

– Я глазела.

– Давай глазеть куда-нибудь еще. – Он обнял меня за талию и привлек к себе.

Он не хотел, чтобы мы пошли к нему, а я не хотела приглашать его к себе.

– Мы живем впятером, – объяснил он. – Никакой приватности нам там не светит.

– Так придумай что-нибудь!

Он придумал очень быстро. У него были ключи от офиса, где он работал. Это было маленькое, уютное здание. Все было почти так же, как с Игнасио, только я впервые занималась любовью на вертящемся офисном кресле. А потом я настояла на том, чтобы ехать домой в одиночестве.

Барбара видела, как мы с ним исчезли.

– Ты где была? – спросила она на следующей неделе, когда мы зашли все вместе в студенческое кафе.

– Нигде.

– Изабель!

– Ну, я не помню. – Мне не хотелось ни с кем обсуждать свою вылазку. Она была ошибкой.

– Она не помнит!

– Ну, мы пошли погулять. Напились. Больше я ничего не помню.

– Слушай, когда я тебя впервые увидела, – сообщила Барбара, – то подумала, что ты настоящая пуританка. И на вечеринку не хотела сперва идти. Как я в тебе ошибалась!

– Ты во мне не совсем ошибалась.

– А как же это объяснить? Ты исчезла едва ли не с единственным симпатичным парнем на вечеринке, а потом не можешь вспомнить, где была и что вы делали.

– Ну и что? Просто я не хочу вспоминать. К нашему столику подседа Бриджет.

– Привет, Изабель! – сказала она. – Могу поклясться, что вы с Джоном очень хорошо провели время.

– С Джоном?

– Господи, Изабель! Только не говори мне, что ты даже не помнишь его имя!

– Не то чтобы не помню. Я просто его не спрашивала.

– Ты просто невыносима. – Бриджет глядела на меня со смешанным чувством восхищения и недоверия. – Провела с человеком ночь и даже не потрудилась спросить, как его зовут!

– Я не проводила с ним ночь.

– То есть ты даже не знаешь, увидишься с ним еще раз или нет?

Я пожала плечами.

– Что-то я сомневаюсь, что хочу его еще раз видеть. И вообще, Барбара, давай оставим этот разговор. Мне он начинает надоедать.

– Хорошо, никаких проблем. – Они с Бриджет обменялись взглядами. – Мы сейчас идем в бар. Хочешь пойти с нами?

Я очень устала. На неделе было много работы. Мне следовало отправиться домой и пораньше завалиться спать.

– Пошли, – согласилась я.

Бар находился в отеле «Люкс». В нем работал Томас Медина, бойфренд Бриджет. Он стоял за подковообразной стойкой и протирает стаканы. Бриджет села у стойки на высокий табурет и начала ворковать с ним, а мы с Барбарой взяли стаканы и отправились в фойе.

Отель был средней руки, скорее всего предназначен для ограниченных в средствах бизнесменов и туристов, которые группами приезжали на выходные. Но здесь тоже было свое ночное шоу – в испанском стиле, – которое состояло из танцоров фламенко, хотя и не таких хороших, как на вечеринке у Барбары.

Жизнь практически везде одинакова, думала я. Все равно где сидеть – что в отеле «Люкс», что в дублинском «Бурлингтоне» или «Конраде». Вокруг снует та же толпа людей. Нетерпеливо дожидается лифтов. Подзывает к себе носильщиков. Празднует чей-нибудь день рождения, или свадьбу, или годовщину. Я допила свой коктейль.

– Хочешь еще? – спросила я Барбару. У нее еще было полстакана, но она кивнула.

Я слишком много пью, думала я, заново наполняя наши стаканы. Никогда не думала, что начну вот так регулярно напиваться. Но чувствовать в теле алкогольное тепло было так приятно, что отказать себе в удовольствии я уже не могла. К тому же это чувство отстраненности от всего мира, оно казалось большим облегчением.

Барбара что-то болтала о работе. Мне было трудно себе представить, что кто-то может с удовольствием преподавать английский язык. Но она это делала именно с удовольствием. Из обрывков разговоров, подслушанных на курсах, я знала, что она котируется среди студентов очень высоко.

– Мне надо как-нибудь прийти к вам на занятия, – сказала я неожиданно. – Проверить твои знания, как я это делаю с нашими преподавателями в «Адванте».

– Ой, только не это! – воскликнула она. – Когда кто-нибудь меня проверяет, я просто холодею от ужаса.

– А ты здесь надолго?

– Понятия не имею. Сколько захочу.

– А тебе здесь нравится?

– Пока да. Может, через несколько месяцев мне все это надоест. Но скоро лето, а летом здесь хорошо, даже несмотря на то, что на мостовой можно обжечь пятки и приходится, как арестант, большую часть времени

сидеть дома.

– Мне тоже хочется побыть здесь летом.

– Это просто ад, – убежденно сказала она.

– А что ты делаешь летом?

– В колледже проводятся разные занятия. У меня полно дел.

– Приятно смотреть на человека, которому нравится учить. Хочешь еще выпить?

– Да что ты, у меня еще эта почти полная.

Бриджет и Томас все еще ворковали через стойку. Я покашляла.

– Еще одну? – Томас едва обратил на меня внимание и налил двойную порцию.

Не слишком удачный вариант, подумала я, нетвердо ковыляя обратно в фойе. Голова разболится, завтра работать будет трудно.

– Пардон! – сказала я, натолкнувшись на кого-то, кто выходил из Испанского культурного центра.

– Изабель! – На меня с удивлением смотрела Габриэла. – Что ты здесь делаешь?

– Зашла с приятельницей. – Я усиленно пыталась сфокусировать взгляд.

– Кажется, ты уже хорошенько набралась.

– Какая разница? – спросила я. – Если я хорошо работаю, какая разница, что я делаю в свободное время?

– Разумеется, – ответила Габриэла. – Если работа идет хорошо.

– Но ведь ты же сама мне это говорила? – Я знала, что надо заткнуться, но меня несло. – Столько раз говорила!

– Да.

– Значит, остальное не имеет значения.

– Абсолютно.

– И что я делаю после работы – это никого не касается.

– Ни в малейшей степени.

– Значит, все в порядке, – подытожила я.

– До завтра, – сказала Габриэла.

– Никаких проблем, – заверила я ее.

Надо же, подумала я, меньше всего на свете хотелось бы мне столкнуться с ней в таком состоянии. У меня на работе сложилась репутация – Изабель спокойная, подтянутая, компетентная, деловитая. А тут такое. Изабель пьяная! С другой стороны, ну и что, что я пьяная? Никто же не знает, как часто я напиваюсь. На работу я пока прихожу вовремя, под столом исподтишка к бутылке не прикладываюсь. Остальное Габриэле

должно быть все равно. И все-таки мне было неприятно.

На следующий день она не сказала мне ни слова. За ночь я выпила едва ли не литр воды, проснулась за час до будильника и тщательно навела макияж. Кроме того, я надела свой любимый костюмчик из голубого шелка, который придавал мне очень таинственный вид. Она вызвала меня к себе в кабинет в восемь тридцать.

– Хочу просмотреть расписание на следующий месяц, – сказала она.

– Я его как раз печатаю, – ответила я. – Ты не могла бы подождать пять минут?

– Разумеется, Изабель.

Через пять минут я снова зашла к ней в кабинет с пачкой бумаг в руках. Она сидела в кресле и смотрела в потолок.

– Вот расписание.

Она выпрямилась и начала его пролистывать.

– Спасибо.

– Мне хотелось бы обратить твое внимание только на пару вещей, – сказала я. – Во-первых, на неподтвержденное абонирование отеля и, во-вторых, на двойную регистрацию одного из лекторов. Но у меня есть на примете кое-кто, кто сможет заняться этим вопросом. А кто-нибудь из сотрудников Хосе сможет проследить за подыскиванием альтернативного варианта места сбора.

– Хорошо, – сказала Габриэла. – По всей видимости, ты все это держишь под контролем.

– Я же тебе говорила, – я лучезарно улыбнулась. Она начала барабанить по столу длинными ногтями.

– А как ты себя чувствуешь?

Я сделала вид, что удивлена.

– Разумеется, превосходно.

– Да, и вид у тебя нормальный, а то я беспокоилась.

– О чем тут беспокоиться, Габриэла?

– Не играй со мной в прятки! – наконец не выдержала она и перешла на жесткий тон. – Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду!

Я несколько потерялась, потом сказала:

– Если тебя беспокоит, что яхватила лишку прошлым вечером, то не стоит придавать этому значения. Такое со мной случается не часто. Просто у меня было такое настроение. Да и ты, Габриэла, могу дать руку на отсечение, время от времени тоже позволяешь себе чуть-чуть расслабиться.

– Да, – сказала она. – Но предпочитаю это делать, когда рядом есть

человек, который может за мной присмотреть.

– Я сама могу за собой присмотреть, – завершила я ее. Она вздохнула.

– Просто я чувствую свою ответственность за тебя, Изабель. Я обещала Шарон, что присмотрю за тобой.

– О, ради Бога! – Я была потрясена. – Я что, ребенок? Я не желаю, чтобы за мной кто-то присматривал! И ты, Габриэла, моя работодательница, а не нянька!

На секунду мне показалось, что она сейчас на меня закричит, – может, даже выгонит вон. Но она вдруг улыбнулась.

– Ты права, разумеется, – сказала она спокойно. – И я прошу прощения. Твои личные дела меня совершенно не касаются.

– Ну вот и прекрасно.

– Раз ты работаешь хорошо...

– Абсолютно!

Некоторое время мы в упор смотрели друг на друга, а потом она разрешила мне уйти.

Вечером я пошла с работы прямо домой. Погода стояла теплая и душная, было ясно, что лето не за горами. На улицах и площадях уже повсюду сновали туристы в шортах и майках, они сидели вокруг фонтанов и пили пиво. Я радовалась, что не принадлежу к их числу. Мне нравилось то, что я здесь живу.

В супермаркете я купила бутылку вина к ужину. Если не считать вина, то моя диета здесь была исключительно здоровой: я существовала на салатах, макаронах и фруктах. Даже чипсы попадали мне на зуб очень редко, только когда голод застигал меня на улице или я забегала в Макдоналдс. Я похудела и выглядела поздоровевшей. Я даже подумывала о том, чтобы заняться гимнастикой, подтянуть мышцы, но все никак не могла себя заставить.

Около лифта стояла синьора Карраско, моя соседка по этажу.

– Здравствуйте, Изабель! – приветствовала она меня широкой улыбкой.

Мне очень нравилась сеньора Карраско – такая утяжеленная версия Софи Лорен лет сорока с небольшим.

– Здравствуйте, Тереза! – ответила я по-испански. – Как поживаете?

– О, прекрасно! А вы? – В наших отношениях мы явно прогрессировали от формализма к дружбе.

– Знаете ли вы, – продолжала она, – что в следующем месяце в Прадо пройдет выставка Миро? Вы обязательно должны пойти, Изабель! Для вас это прекрасная возможность увидеть картины мастера.

– Спасибо, схожу.

– О, вы просто обязаны! – уверяла она меня все время, пока лифт поднимал нас на пятый этаж.

Вообще-то сама я не очень любила Миро. По-моему, величайший художник Барселоны рисовал картины, которыми могут восхищаться разве что младшие школьники. Но игнорировать его все равно было невозможно.

Она права, думала я уже в квартире. Мне следует сделать над собой усилие и постараться лучше познакомиться с городом. А то это просто преступление – жить в пяти минутах ходьбы от всемирно известных музеев и галерей и ни разу в них не заглянуть. Лучше уж занять себя какими-нибудь культурными мероприятиями, чем проводить вечера в компании Барбары и Бриджет. Или уговаривать себя не встречаться с Игнасио. Или ломать себе голову, а встречалась ли я когда-нибудь с таинственным Джоном.

Поужинала я на балконе, любуясь видом города. Мне очень нравился городской шум внизу: машины, громыхание метро, случайные голоса людей, снующих по улицам, их смех, восклицания.

Я налила себе еще стакан вина. В такой жизни есть что-то очень цивилизованное, сказала я себе. Таинственная горожанка попивает вино на балконе своей квартиры. Жаль, что здания в этом квартале не очень старые – построены в семидесятые годы. Если я останусь здесь надолго, то когда-нибудь сменю квартиру. Перееду в один из старых особнячков с белыми оштукатуренными стенами и зелеными ставнями. С ажурными коваными балконами и кустами роз перед крыльцом. Сейчас я не могу позволить себе такое жилье. Но однажды... когда-нибудь... может быть... Если я здесь останусь.

Я допила вино и отправилась в постель.

Глава 13

ТРИ ТАНЦОРА

(Пабло Пикассо, 1925)

Пасха в этом году была поздняя, она пришлась на конец апреля. Погода стояла сказочная – чистейшее голубое небо и температура под тридцать градусов. На главных улицах Мадрида транспорт двигался сплошным потоком, извергая клубы выхлопных газов. Водители нервно нажимали на клаксоны, стоило кому-нибудь понахальнее перестроиться не в тот ряд. Перед светофором нетерпение нарастало: зеленого света никто не хотел ждать даже секунду, из открытых окон машин то и дело вылетали очереди отборных испанских ругательств. Но к концу недели, когда перед праздником мадридцы в массовом порядке покидали город, машин стало меньше, и воздух несколько расчистился.

У меня не было никаких особых планов на праздник. Барбара с Бриджет на несколько дней собирались домой, большинство сотрудников «Адванты» тоже увлеченно строили планы. И тут я внезапно поняла, что на несколько дней остаюсь совершенно одна. От этой мысли мне стало нехорошо. Даже страшно. Я боялась, что не с кем будет перемолвиться словом, не к кому обратиться в непредвиденном случае. Я даже попросила Габриэлу, не позволит ли она мне поработать в офисе, без спешки и назойливых телефонных звонков доделать кое-какую административную работу.

– Даже думать об этом не смей! – категорически возразила та. – Тебе тоже нужно передохнуть. Ты слишком напряженно работаешь, и у тебя уже круги под глазами.

Круги под глазами были потому, что всю прошедшую ночь мы с Барбарой просидели в ночном клубе, чего перед понедельником делать категорически не стоило, но рассказывать об этом Габриэле я не стала. Как не стала настаивать на своей работе в выходные дни. Но наступления четверга я все равно ожидала с паническим ужасом.

В Мадриде Пасху празднуют гораздо серьезнее, чем в Дублине. Каждый вечер в старой части города устраиваются шествия со статуями святых, за ними следуют процессии кающихся грешников в скорбных одеждах. Не придумав ничего лучшего, я присоединилась к людской толпе

на Пласа Майор, где проходил самый масштабный священный парад. Во главе него ехали всадники в парадных формах, за ними следовали представители различных религиозных объединений, одетые в широкие туники ярко-розового, красного и зеленого цветов. Лица их покрывали причудливые маски, в большинстве они шествовали босиком. Кто-то рассказал, что раньше кающиеся грешники – флагелланты – при ходьбе били себя тяжелыми веревками по всему телу. Некоторые грешники действительно шли с повязанными вокруг пояса веревками, но для них это был скорее декоративный элемент, нежели орудие пытки. Я почувствовала облегчение. Многие участники несли свечи, другие медленно и ритмично ударяли в огромные барабаны.

Я пошла за ними по улицам, и внезапно меня захватила эта атмосфера религиозного экстаза и покаяния. С ужасом я подумала, что в Мадриде я просто прожигаю жизнь. Что у меня здесь появилась прекрасная возможность обновиться и начать все сначала, а вместо этого я медленно, но верно превращаюсь в опустившуюся алкоголичку, которая спит с кем попало. Несмотря на жару, мне стало холодно. Я приехала в Мадрид, чтобы взять себя в руки и установить контроль над своей жизнью, а вместо этого жизнь ускользает из-под контроля все сильнее и сильнее.

В воскресенье я поехала в старый парк – Ретиро-парк, – где всегда царил веселье, и грустить было просто невозможно. Я очень любила этот парк. Огромный зеленый массив посреди города всегда был полон народа. Я пошла вдоль берега озера, привлеченная звуками гитары. По дорожкам молодежь каталась на роликах: какие-то девчушки в коротеньких розовых юбочках делали сложные повороты и прыжки и едва не порхали по воздуху. Над парком плыл детский смех – где-то показывали сказочное шоу. На озере отдыхающие катались на лодках. Я смотрела на озеро, на скрипучие и неуклюжие весельные лодки. Рядом расположилась компания африканцев, которые били в свои традиционные барабаны: музыка получалась причудливая, но довольно приятная.

Я подумала о Тиме. Вдруг перед моим мысленным взором возник его образ, и я ничего не могла с этим поделать. «Интересно, что он сейчас делает? – начала воображать я. Сидит дома с этой интеллектуалкой, Лаурой Харт? Или лежит с ней в постели?» Стоило мне вспомнить о Тиме, как рядом с ним непременно возникала Лаура Харт или какая-нибудь еще, столь же красивая и сексуальная женщина. Я никак не могла отделать от ревности и обиды.

Интересно, смогу ли я когда-нибудь освободиться от этого наваждения? Иногда мне даже казалось, что мне срочно требуется помощь

психиатра. Я уже не могу управлять своим разумом, видеть события и вещи в перспективе. Только выпив несколько стаканов вина, я чувствовала себя хорошо и была уверена, что все у меня в порядке.

Утром, к сожалению, это чувство проходило...

Когда я пришла домой, зазвонил телефон.

– Алло, Изабель! – раздался в трубке радостный голос. – Поздравляю тебя с Пасхой!

– Алисон! Как поживаешь?

– Отлично! – Моя сестричка всегда поживала отлично. – Я, объелась пасхальными яйцами, и у меня был понос, но теперь все прошло.

А у меня нет ни одного пасхального яйца, подумала я горестно. Какая жалость.

– Как дома? – продолжала расспрашивать я.

– Нормально. А у меня есть хорошие новости! Угадай какие?

– Ну?

– Я нашла работу!

– О! И что это за работа? – Я изо всей силы старалась говорить с энтузиазмом.

– Я буду работать в городском совете, – гордо объявила она. – По вопросам охраны окружающей среды.

– Алисон, я так за тебя рада! – Тут я действительно очень обрадовалась, потому что она ненавидела свою работу в обувном магазине. – Когда ты начинаешь?

– Через две недели. – Она вздохнула. – Все еще поверить не могу, что буду делать то, что мне хочется.

– Все приходит к тому, кто умеет ждать, – ханжеским голосом произнесла я.

– Ой, да брось ты! – Но даже по телефону я видела, как она улыбается. – Слушай, – тут она несколько осеклась, – у меня возникла одна мысль...

– Да?

– Можно я к тебе приеду на несколько дней?

– Конечно, можно! Только времени с тобой заниматься у меня будет мало. Тебе придется кормиться самостоятельно.

– Ничего, – не стала капризничать она. – Поброжу по городу, то да се. В конце концов, я у тебя надолго не задержусь.

– Классно!

Мне самой очень понравилась мысль о приезде Алисон. Я покажу ей свой дом, мы вместе погуляем по улицам, посетим – не будучи туристами –

туристические объекты.

Она продолжала рассказывать про домашние дела.

– У Яна появилась девушка, – сообщила она между прочим. – Блондинка. Совершенно потрясающая. У отца челюсть отвисает, когда она входит в дом.

– Девушка? – Что-то не похоже на Яна, подумала я про себя. У него и раньше были знакомые девушки, но он их в дом не водил.

– Мать смотрит на нее, словно она с луны свалилась. Отец завидует. Мне стало смешно.

– И что же эта красавица нашла в нашем брате? – спросила я, не очень подумав.

– Как что? Она оказывает на него положительное влияние! Он постриг волосы, перестал все дни напролет возиться с мотоциклами. Теперь он, когда собирается с ней встретиться, долго себя осматривает, чтобы, не дай бог, под ногтями не обнаружилось машинного масла, и все такое прочее. Поливает себя лосьоном после бритья.

– Просто чудо!

– Ее зовут Хани, – продолжала Алисон. – Она косметичка.

Это было уже слишком, и я не преминула выразить свое сомнение Алисон.

– Нет, серьезно, – заверила она меня. – То есть это их салон называется «Хани», а она просто взяла себе такое имя. На самом деле ее зовут Хельга.

– Она немка?

– Нет, – ответила Алисон. – Но она считает, что ее настоящее имя ассоциируется с концентрационными лагерями и мало подходит человеку, который занимается устранением дефектов кожи. Вот она его и сменила.

– Вот это новость! – Я никак не могла в это поверить.

– Я привезу тебе их фото, – сказала на прощание моя сестра.

На следующий день я отправилась на культурный фестиваль. До этого все мои блуждания по городу ограничивались барами и магазинами, и только однажды мы с Барбарой и Бриджет заглянули в королевский дворец. Но они не проявили к нему ни малейшего интереса, и я не стала настаивать на продолжении экскурсии. Но сегодня я отправилась в Прадо и в самую известную художественную галерею Мадрида – «Королева София». Мне хотелось посмотреть выставку Миро, о которой говорила сеньора Карраско.

Вообще-то я мало смыслила в искусстве, но Мадрид полон репродукций Пикассо, Дали, Гойи, Миро, так что в конце концов я почувствовала себя знатоком их живописи. Картины Миро были яркими и

красочными, но с моим теперешним настроением больше гармонировал голубой период Пикассо.

Устав от искусства, я купила бутылку вина и снова отправилась в старый парк. Там я села под каштан и начала читать книгу о Пикассо, которую только что купила на выставке. Но книга оказалась слишком заумной и быстро оказалась под моей головой: я сама не заметила, как легла, немного пощурилась на небо, послушала классическую гитару и очень быстро заснула.

Снился мне Тим Мэлон. Он стоял в гостиной своего дома и пил красное вино. Один стакан он протянул мне и сказал:

- Не грусти. Все еще может наладиться.
- Как наладиться? – спросила я, жадно глотая свое вино.
- Просто пей вино, и почувствуешь себя хорошо.
- Но, Тим, я не чувствую себя хорошо!
- Неважно, – ответил Тим. – Пойдем в постель.

На этом месте я проснулась, как ужаленная, и с ужасом начала оглядываться кругом. Люди проходили мимо, никто из них не обращал на меня внимания. Но мне казалось, что всем известно, что я собиралась лечь в постель с Тимом, словно мой сон отпечатался у меня на лице. Я быстро вскочила и едва ли не бегом бросилась вон из парка.

Хани действительно была очень красивой. Я просматривала фото, привезенные Алисон, и не переставала удивляться, как могла такая чудесная девушка влюбиться в Яна.

– Она что, слепая, что ли? – спросила я.

– Изабель! Ты несправедлива! – Алисон положила передо мной еще одно фото. – Смотри, он тоже стал совсем другим человеком.

Она была права. У меня дух захватило, каким он стал симпатичным. Из маленького мальчишки, который только и знал, что смотрел кино про терминаторов, космических пришельцев и секретных агентов, который приходил домой, с головы до ног покрытый грязью после игры в футбол под проливным дождем, который гораздо лучше разбирался в машинах и механизмах, нежели в людях, он вдруг превратился в привлекательного парня, представляющего интерес не только для своих домашних.

– Как он повзрослел, возмужал! – невольно воскликнула я. – Да и ты тоже, если честно!

– Слушай, ты, мерзавка! – Она бросила в меня одной из диванных подушек. – Как можно говорить девушке, что она возмужала?

– Извини. – Я приняла покаянный вид. – Если уж ты возмужала, то я,

должно быть, стала совсем ветхой.

– Да нет, не сказать, – заверила меня Алисон. – Ты только жутко похудела.

– Это потому что я сижу на фруктах и овощах, – ответила я беззаботно. – Вес так и ползет вниз.

– От тебя остались кожа да кости, – продолжала она. – Тебе надо есть побольше чипсов и всего такого.

– Да, – съязвила я, – чтобы наконец превратиться в поросенка. – Я засмеялась, чтобы показать, что не принимаю ее слова всерьез. – И вообще, давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Хорошо. Тебе здесь нравится? – Она встала с дивана и вышла на балкон.

Я последовала за ней. Уже стемнело, зато повсюду яркими огнями обозначились улицы, зажглись окна в доме напротив.

– Да! – убежденно сказала я, свешиваясь с железных перил. – Здесь шумно илюдно, и вокруг постоянная суета.

– Значит, тебе здесь не одиноко?

– Разве что иногда, – призналась я. – Особенно вначале было очень одиноко, когда я чувствовала себя неприкаянной иностранкой. Но потом к этому привыкаешь.

– А друзья у тебя есть?

– Немного. Девчонки с курсов. Они из Ливерпуля. Коллеги по работе, пару раз мы с ними ходили в бар. Так что я постоянно в круговороте событий.

– А парни? – спросила она как бы невзначай.

– А что парни? Я думала, тебе идея парней вообще не близка.

– Замуж за них выходить – да, не стоит. Но против парней как таковых я ничего не имею.

– Я тоже, – брякнула я.

– Ну и?..

Я откупорила бутылку красного вина.

– Иногда, – сказала я.

– Изабель, я не хочу больше вина! – запротестовала Алисон. – Мы и так за обедом выпили две бутылки. У меня голова разболится от такого количества!

– Но ты же вроде как в отпуске.

– Да, но тебе утром на работу! Я хочу, чтобы ты была в форме!

– Обо мне не беспокойся, – заверила я ее. – Со мной будет все в порядке.

Она повертела на пальце прядь волос.

– Раньше ты никогда столько не пила, – сказала она смущенно.

– Это континентальный обычай, – весело улыбнулась я. – Здесь принято пить много вина.

– Да, но на тебя это не похоже. – Некоторое время она озабоченно сопела. – С тобой все в порядке, Изабель?

– Разумеется, все в порядке. – Я начала терять терпение. – Господи, Алисон, ты говоришь, как мамаша!

Она вспыхнула.

– Извини, – пробормотала она сокрушенно. – Просто... ну, в общем... ты изменилась, вот и все.

– Разумеется, я изменилась! – воскликнула я. – Я полностью изменила свою жизнь.

– Да-да, конечно, я знаю. – Но вид у нее при этих словах все равно оставался сокрушенным.

На следующий вечер, когда мы ложились спать, она спросила:

– А как насчет гада? Ты его вспоминаешь?

Мне хотелось солгать, сказать, что я и думать о нем забыла, но я знала, что с Алисон такая ложь не пройдет.

– Не очень часто, – нашлась я, что сказать, после паузы. – Стараюсь не вспоминать.

– С тех пор я его не видала, – объявила она сумрачно.

– Было бы удивительно обратное.

– Я часто заезжаю в Доннибрук, – продолжала она. – Думаю, может, натолкнусь на него как-нибудь. Натолкнусь в прямом смысле.

– В этом нет нужды. Я им переболела.

– А мне все еще хочется его убить! – Она обняла меня за плечи.

– Не будь идиоткой! – Но все равно мне было приятно слышать, что она хочет его убить.

Мы пошли осматривать достопримечательности. В огромных залах Прадо мы едва не потерялись. Я сказала, что Алисон – единственная в семье, кто умеет ориентироваться на местности. Но когда мы в третий раз прошли мимо одного и того же портрета семнадцатого века, то сразу поняли: пора бежать отсюда.

Вместо музея мы пошли за покупками. Алисон купила себе голубые кожаные лодочки и голубой с белым костюм.

– Классная тряпочка! – восхищенно говорила она, когда мы уже

вышли на улицу. – Однако здесь жарко!

– Я уже привыкла.

– Бедняжка!

В воскресенье вечером мы сидели с ней в кафе под большим зонтиком и пили пиво.

– Здесь просто рай! – щебетала Алисон, разглядывая прохожих. – Будь моя воля, я бы осталась здесь навеки.

«Я тоже», – размышляла я про себя. Хорошо вот так сидеть на старой мадридской площади и слушать гитарные звуки, смотреть, как вокруг по бульжной мостовой носятся дети, играют в салочки, в то время как их родители шумно болтают, периодически покрикивая: «Антонио!» или «Кристобаль!», когда ребенок ускользает от их всевидящего ока. Но еще лучше сидеть вот так, неожиданно пришло мне в голову, когда рядом находится любимый человек.

Гитаристы играли музыку Битлов – самую мелодичную, балладную, медленную. Они были одеты в обязательные облезлые джинсы и майки с картинками Миро. Просто возвращение хиппи, подумала я, разве что тогда не было кроссовок Рибок.

– Так почему ты не завела себе бойфренда? – вдруг спросила Алисон.

– Что?

– Не увиливай, Изабель, тебя знаю! У тебя всегда на хвосте висел какой-нибудь парнишка.

– Только не сейчас, – пробурчала я.

– Не можешь же ты оплакивать его вечно!

– Я не оплакиваю.

– Оплакиваешь!

– Не говори глупостей, Алисон!

– Я просто констатирую факт, вот и все.

– Я не оплакиваю. И бойфренда у меня нет. Но зато у меня есть друзья.

И социальной лишенкой тебе меня не сделать.

– А куда же тогда девался твой вес?

– О, вот куда ты клонишь? – Я гневно взглянула на нее.

– А что? Что я такого сказала? Я только говорю, что ты его оплакиваешь, худеешь, много пьешь, но это же факты!

– Ради бога, Алисон! – взмолилась я. – Прекрати меня критиковать! Я знаю, что много пью. Но меня же не привозят домой в бесчувственном состоянии! И работаю я нормально! Просто мне нужно что-нибудь иметь для себя, вот и все.

– Но...

- Никаких но! – Я снова пламенно взглянула на нее.
 - Но если пить по несколько бутылок в день... – не унималась она.
 - Послушай, Алисон! – Тут уж я разозлилась не на шутку. – Занимайся своими делами! Можешь приезжать ко мне, когда хочешь и на сколько хочешь, но только не вмешивайся в мою жизнь!
 - Хорошо, – сказала она покорно. – Я не буду вмешиваться.
- Больше мы к этой теме не возвращались.

Алисон очень понравился Мадрид. Она сказала, что с сожалением возвращается домой. Я рассталась с ней в зале ожидания международного аэропорта Барайяс.

- Я рада, что ты приехала, – обняла я ее напоследок.
 - Спасибо за прием.
 - Приезжай еще.
 - Приеду.
- В доме без нее казалось очень пусто.

Глава 14

КУПАЛЬЩИКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

КОСТА БРАВА

(Сальвадор Дали, 1923)

Погода становилась все жарче и жарче. Теперь я знала, что имеют в виду мадридцы, когда называют свой город адом. Солнце, кажется, проникало сквозь каменные стены домов, раскаляло мостовую, как сковородку, и та, в свою очередь, начинала излучать душное, сухое тепло. В офисе мы работали с восьми до пяти, и я выработала привычку, придя домой, сперва устраивать себе сиесту, и только потом, ближе к ночи, когда жара спадала, снова выходить на улицу.

Чаще всего я проводила время с Барбарой и Бриджет. Эти девушки умели как следует поразвлечься, и когда я была с ними, то тоже развлекалась на полную катушку.

Однажды я снова встретила Игнасио. Он стоял у барной стойки и попивал коктейль.

– Привет!

– О Изабель! – Он едва не поперхнулся своим коктейлем. – Вот уж не думал, что увижу тебя когда-нибудь снова. Я даже решил, что ты уехала домой.

– Нет, не уехала. Но была очень занята.

– Это все равно. – Его глаза затуманились. – Ты тогда от меня так странно убежала.

– Прости, пожалуйста, – сказала я. – Я понимаю, что поступила ужасно. И даже не могу найти слов в свое оправдание.

– Ну ладно, – улыбнулся он. – Хочешь что-нибудь выпить?

Я тоже заказала себе коктейль.

– Чем ты занималась все это время? – начал расспрашивать он. – Тебе было весело?

– Сплошная работа.

– Но послушай! В этом нет ничего примечательного!

– Ну и что? Мне нравится моя работа.

– Наверное, лучше, чем в банке «Бильбао».

– Не знаю, я никогда не работала в банке.

Я понятия не имела, зачем сюда пришла. И желания болтать с Игнасио у меня не было никакого. Он мне нравился, конечно, но я его почти не знала. Мои мысли слегка путались.

– Хочешь, пойдём куда-нибудь поедим? – предложил он.

Мне было все равно.

– Тут за углом есть один милый ресторанчик. Называется «Мирабель». Ты была там?

– Нет.

– Иногда во время отпуска я там подрабатываю. – Он широко улыбался, глядя на меня. – Я отличный официант, и с подносом в руках объездил чуть ли не все европейские столицы.

Я тоже улыбнулась.

– Идет.

Он взял меня под руку, и мы пошли ужинать.

В постели с ним было очень хорошо. Он делал вещи, которые мне очень нравились. Целовал в нужные места, гладил именно там, где мне больше всего хотелось. От его прикосновений у меня по коже начинали пробегать мурашки. Когда мы лежали, свернувшись, под простыней, он спросил, счастлива ли я.

Я глядела в потолок.

– Ты меня любишь? – снова спросил Игнасио.

– Что? – словно не расслышала я. Он улыбался.

– Не беспокойся, – сказал он. – Я и не жду, что ты скажешь да.

– А что же ты ждёшь, чтобы я сказала?

– Сам не знаю, Изабель. Наверное, хотя бы то, что я тебе нравлюсь. Но если честно, то вряд ли это так.

– Разумеется, ты мне нравишься, Игнасио. – Я села и закуталась до подбородка в простыню. – Ты очень милый.

– Но ты меня не любишь?

– Я тебя совсем не знаю, Игнасио.

Он вздохнул.

– С тобой в постели очень хорошо, Изабель. Но я слишком старомоден, и мне нужно иметь с девушкой, с которой я сплю, настоящие, теплые отношения. А у нас с тобой есть ли настоящие, теплые отношения, Изабель?

– Это как тебе нравится.

Я не знала, хочу ли я его видеть снова или нет. Все было очень странно.

- Хочешь, встретимся в среду? Сходим в кино или еще куда-нибудь?
- Хорошо, – сказала я. – Давай встретимся в среду.

Мы встретились в среду вечером после занятий по испанскому языку, а потом в пятницу, а потом снова в среду. Он был очень мил, внимателен и остроумен. Но, если не считать постели, я его не любила, и знала, что никогда не полюблю. Я пыталась себя убедить, что он замечательный и надежный, но все равно – в нем было что-то не то, хотя мне было трудно сказать, что именно.

К тому же в один прекрасный день Игнасио со мной порвал.

– Мне очень жаль, – сказал он, когда мы с ним сидели в кафе. – Несколько раз мне с тобой было очень хорошо, Изабель. – Он улыбнулся, чтобы смягчить удар. – Но у нас с тобой ничего не выйдет. Тебе нужен кто-то другой, а не Игнасио де Рибера.

Я молча глядела на него. Потом сказала:

– Прекрасно. Спасибо за все, Игнасио. – Я встала, прихватила свою сумку и пошла домой. – Приятно было с тобой познакомиться, – сказала я на прощание.

Этот удар не был столь тяжелым, как предыдущий, но все равно я чувствовала себя уязвленной. На следующей вечеринке у Барбары и Бриджет я не пыталась кого-нибудь подцепить, а просто сидела в углу и молча пила коктейль. И домой явилась довольно рано, как раз вовремя, чтобы поймать звонок Жюли.

– Как делишки? – спросила она. – Все так же работаешь?

– Работаю потихоньку, – ответила я, заглушая звук телевизора.

– Что подделываешь? – продолжала расспрашивать она.

– В данный момент ничего, – ответила я. – Меня как раз бросил мой последний бойфренд.

– Что? Какой бойфренд?

Я еще не рассказывала ей новости о повторном круге отношений с Игнасио.

– Но, судя по голосу, ты не особенно расстроена.

– Кажется, нет. – Я налила себе еще один стакан вина. – Все было ничего, пока худо-бедно катилось. Но это не любовь моей жизни, Жюли! А ты как? – Я переключила разговор на нее.

Она вздохнула.

– Нормально.

– Только нормально? Не замечательно?

– Нормально. Но могло быть и лучше.

– Слушай, у тебя проблемы? – забеспокоилась я. – Я тут все болтаю о своем, а тебе, наверное, нужно высказаться?

– Не то чтобы высказаться... Я просто хотела спросить... ты не могла бы поехать со мной в отпуск на пару недель?

– Мне казалось, что ты бережешь свой отпуск для Америки! – брякнула я, не особенно подумав.

На том конце связи воцарилось молчание.

– Жюли! Ты меня слышишь?

– Я сама не знаю, берегу я его или нет, – наконец произнесла Жюли.

– Только не говори мне, что у вас все кончилось! Мне казалось, что у вас царит полное согласие!

– Мне тоже так казалось.

– Так в чем же дело?

– Не хочется сейчас говорить. Но именно поэтому я и прошу тебя со мной поехать.

– Можешь приезжать в Мадрид в любое время! Здесь масса интересного, только очень жарко.

– У меня кое-что другое на уме.

И она рассказала, что ее менеджер арендовал номер на побережье, но воспользоваться им не сможет. Он предложил этот номер Жюли, если ее этот вариант заинтересует.

– К тому же Ситхе в Испании, – сказала Жюли, – ты уже, можно сказать, на месте.

– Ничего себе на месте! – воскликнула я. – Это в пятистах километрах от Мадрида!

– Все равно, – вздохнула она. – Поехали, Изабель! Немного развлечемся.

Судя по ее голосу, развлечение будет такого же сорта, как на Родосе, подумала я. Но все равно согласилась, не раздумывая.

На следующее утро я попросила у Габриэлы отпуск.

Мы встретились в аэропорту Барселоны. Я приехала на пару часов раньше и оформила прокат ярко-голубого «Сеата Ибица». Наконец в толпе пассажиров появилась Жюли. Стоя за ограждением в толпе встречающих, я бешено замахала ей рукой. Она меня заметила и бросилась мне навстречу.

Я подхватила ее чемодан – он весил всего ничего. Жюли была из тех, кто мог из одной белой блузки сочинить полдюжины разных нарядов.

– Однако ты изменилась! – сказала Жюли, целуя меня в щеку. – Похудела.

– А ты совершенно не изменилась, – солгала я. На самом деле Жюли выглядела ужасно: бледная, с некрашеными тусклыми волосами, с усталыми глазами. Ее изможденное лицо не имело ничего общего с прежней Жюли.

– Не дури, – осадила она меня. – Я знаю, что выгляжу как привидение. И все потому, что вышла сегодня из дома в три утра.

Я улыбнулась. На первое время сойдет и такое объяснение.

– Пошли, – сказала я просто. – У нас с тобой есть машина.

На самом деле я очень сомневалась насчет машины. В Мадриде, где я всегда выступала в качестве пешехода, мне было ясно, что водить машину не смогу ни за какие коврижки. При таком безалаберном движении и с правосторонними рулями. И действительно, стоило нам выехать на шоссе, как я едва не повернула не в ту сторону, подрезая соседний ряд. Тормозить пришлось с визгом, нашу машину развернуло поперек движения, из проезжающего мимо тягача с прицепом раздалась отборные испанские ругательства.

– Ох! – только и смогла выдохнуть Жюли. – Кажется, мы живы.

– Пардон, – извинилась я, снова разворачивая машину по ходу движения. – Кажется, я поняла, в чем дело.

– Надеюсь. – Жюли вытирала со лба обильный пот. – Может, я и в расстроенных чувствах, но кончать с собой еще не собираюсь.

– А ты в расстроенных чувствах? – Я немного расслабила на руле руки и даже отважилась прибавить скорость.

– Теперь, когда я не дома, мне гораздо лучше, – объявила она, обмахиваясь платком, как веером.

Мы погрузились в молчание. Я терпеть не могла втягивать людей в разговор, когда они этого не хотят. Я знала, что Жюли сама все расскажет, когда будет к этому готова. Поэтому я включила радио, и в машине полились звуки фламенко.

– Весьма колоритно, – проямлила Жюли. – Только я терпеть не могу фламенко.

Тогда вместо радио я включила магнитофон, у меня была с собой дискета с песнями Брайяна Ферри, но, когда зазвучали «Эти глупости», я заметила краем глаза, что Жюли плачет. Ничего себе, подумала я, веселенький у нас ожидается отпуск!..

Наш приют находился в паре километров от центра города. Это было низкое здание у подножия холма, окруженное оливковой рощей. Нам дали комнаты на первом этаже.

– Всеми подобными приютами здесь владеют англичане, – сказала Жюли, когда мы входили в дом. – По крайней мере, мой менеджер купил двухнедельное пребывание здесь у англичанина.

Квартирка была крохотной: маленькая кухня, гостиная, ванная и одна спальня. Скользящие двери из гостиной вели в мощный внутренний двор.

– Неплохо, – сказала Жюли, разбрасывая вещи по стульям.

– Да, славно, – ответила я и вышла во внутренний двор. Посреди него находился бассейн, окруженный шезлонгами, на половине из которых лежали загорающие на вечернем солнце люди.

– Я знаю, что для тебя это уже не новость. – Жюли тоже вышла во двор. – А для меня это просто чудо – побыть на солнышке. В Ирландии даже летом так просто вокруг бассейна не посидишь.

Но сидеть вокруг бассейна нам и здесь что-то не хотелось. В тот же вечер мы отправились на прогулку и обнаружили чудесную бухту с нежно-кремовым песком и чистой теплой водой. На следующее утро, едва позавтракав, мы побежали прямо туда.

– Ну вот, отдых и начался, – вздохнула Жюли, втирая в кожу крем для загара. – Теперь нам остается только спать, есть, плавать и читать.

– А как насчет танцев до упаду? – поинтересовалась я.

– Танцы меня больше не интересуют, – мрачно заявила Жюли. – Я для них слишком стара.

Мы обе фыркнули.

Прошлым вечером мы так и не успели как следует поговорить. Так, болтали за ужином о наших семьях, о работе в Испании, но об Энди не было произнесено ни слова. Я ждала, что Жюли сама начнет этот разговор.

– Смотри! – вдруг сказала она, толкая меня в бок и указывая на море.

В бухту заруливал большой белый катер с затемненными стеклами, который неплохо бы смотрелся на самом фешенебельном курорте.

– Интересно, кому он принадлежит? – спросила она.

– Кому-нибудь очень богатенькому, – высказала я предположение.

Она вздохнула.

– И я когда-нибудь стану очень богатенькой, – мечтательно сказала она.

– Каким образом? – поинтересовалась я. – Собираешься стать агентом по недвижимости? Или выйти замуж за такого агента?

– Нет, замужество мне не грозит, – снова вздохнула она. – Я просто по природе одинокая женщина.

– Странно, а мне всегда казалось, что ты по природе как раз семейная женщина, – возразила я. – Если вспомнить хотя бы те орды поклонников,

которые таскались за тобой в годы дикой юности. Да и сейчас я думала, что ты собираешься замуж за Энди.

– У меня на уме кое-что посерьезнее, чем Энди Джордан, – сказала она, покручивая на пальце прядь волос.

– Расскажи мне про него! – взмолилась я, умирая от любопытства.

Она снова вздохнула – в который раз.

– Знаешь, Изабель, я думала, что он меня любит. Он так мило себя вел на Рождество. Говорил, что свою жизнь больше не представляет без меня. Подарил золотую цепочку, состоящую из сцепленных сердечек. Что я должна была думать по этому поводу?

– Нечто вполне определенное, – согласилась я.

– Из Штатов прозвонил целое состояние, – продолжала она. – Правда, насчет будущего разговор крутился всегда вокруг да около. В общем, в прошлом месяце я задала ему прямой вопрос о том, как он мыслит наши с ним отношения.

– А он что?

– Он предложил мне приехать в Штаты и пожить с ним некоторое время.

– Ну? Так в чем же проблема?

– В том, что он предложил пожить с ним, а не выйти за него замуж.

– О! – только и смогла выдохнуть я.

– Я ответила, что не совсем понимаю такую постановку вопроса. А он сказал, что это важно – лучше узнать друг друга перед тем, как принимать долгосрочные решения.

На секунду мне показалось, что Жюли вот-вот заплачет.

– Послушай, – начала я как можно мягче. – Вы действительно не очень много времени провели вместе. Возможно, ему кажется, что вам так хорошо вместе, потому что вас разделяет большое расстояние.

– Я понимаю, – вздохнула Жюли. – Но пойми и ты, Изабель! Мне тридцать лет. Он хочет, чтобы я бросила работу и уехала в Штаты на три месяца. А кто знает, что будет через три месяца? Женится он на мне или нет? К тому же большую часть времени он все равно будет проводить на работе, и мне придется коротать время в полном одиночестве.

– А ты смотри на это, как на продолжительный отпуск.

– Я не могу! – взвизгнула Жюли. – Я не хочу откладывать свою жизнь на потом, и к тому же у меня в Ирландии хорошая работа. Если он собрался меня от всего этого оторвать, то пусть дает хоть какие-нибудь гарантии!

– Но ты же всегда говорила, что ненавидишь свою работу, – мягко продолжала я.

– Нет, не ненавижу! – капризно возразила она. – То есть это, конечно, не самая блестящая карьера, но за нее платят хорошие деньги, и мне они нравятся. Кроме того, менеджер обещал в будущем сделать меня своим персональным помощником.

– О! – снова выдохнула я.

– И ради чего мне все это бросать? – продолжала Жюли. – Ради сомнительной трехмесячной любовной авантюры во Флориде?

– Может, и не сомнительной, – выразила надежду я. – Может, тебя там ожидает роскошное венчание в церкви или хотя бы скромная регистрация в Лас-Вегасе!

Она горько рассмеялась.

– Я понимаю, – продолжала я, – ты хочешь сказать, что я стою на его точке зрения. Но любить человека на расстоянии в несколько тысяч миль действительно очень трудно, Жюли. Такая ситуация не очень способствует узнаванию друг друга, не правда ли?

– Да, все правильно. – Она вздохнула и зарылась пятками в песок. – Я тоже вполне способна встать на его точку зрения. Просто... просто я не хочу. Это не то, что мне нужно.

Вот, она наконец произнесла главные слова: «Это не то, что мне нужно».

То же самое я сказала Тиму, когда он предложил мне переехать к нему домой. Теперь я очень хорошо понимала Жюли. Это не значило, что мы считали замужество пределом всех мечтаний и концом нашего существования. Просто мы хотели получить гарантии того, что нас любят. Почувствовать уверенность в своей безопасности. А без брачного свидетельства, похоже, такой безопасности мы не чувствовали.

– Мы с тобой просто невыносимые провинциалки, – подвела я мрачный итог.

– Что же я могу с этим поделать? – спросила она. – Я родилась и выросла в пригороде.

На борту катера появилась девушка, высокая и стройная, в поблескивающем оранжевом купальнике, который прекрасно подчеркивал ее совершенную фигуру. Она подняла руки к небу, пару раз качнулась на носках, а затем нырнула в ярко-голубую воду, рассылая во все стороны фонтаны сверкающих брызг.

– Сволочь, – припечатала Жюли.

– Прекрати злостствовать, Жюли, – сказала я. – Почему бы нам тоже не окунуться?

Жюли поморщилась...

– Но я только что вся намазалась кремом.

– Ну и что такого? Он защитит тебя и в воде.

Вода была сказочно теплой. Я плавала с закрытыми глазами и никак не могла остановиться. Жюли бултыхалась где-то возле берега. Когда я открыла глаза, то девушка уже вернулась на катер, и вокруг нее теснилось с полдюжины мускулистых загорелых парней.

– Как ты думаешь, может быть, она – кинозвезда? – спросила Жюли, когда мы с ней вылезли на берег.

– А может, попзвезда?

– Но все это мясо вокруг нее. Вокруг одной-единственной женщины. Да, жизнь несправедлива!..

Мы вместе повздыхали по поводу несправедливости жизни и снова улеглись загорать.

– Знаешь, я тут как-то встретила Тима Мэллона, – призналась Жюли.

Мы сидели после обеда в баре и потягивали пиво. Произнося эти слова, подруга старательно избегала моего взгляда.

– Что? – Я едва не поперхнулась своим пивом.

– Встретила Тима, – повторила она. – Не нарочно, разумеется.

– Где?

– На Графтон-стрит. В субботу. Он стоял впереди меня в очереди в банк.

– Ты с ним говорила? – У меня во рту пересохло, грудь сдавило так, что пришлось прибегнуть к ингалятору.

Жюли наблюдала за мной совершенно спокойно. Она уже знала, как это бывает в таких случаях.

– Немного, – сказала она, когда ритм моего дыхания восстановился.

– Что он сказал?

Она пожала плечами.

– Почти ничего. Он знает, что ты ушла из «ДельтаПринт», но не знает, что ты уехала в Мадрид.

– Он что-нибудь спрашивал обо мне?

– А это имеет значение?

– О Жюли! – Я просто не знала, как ей объяснить. – Расскажи!

– Он спросил, как ты поживаешь, – нехотя заговорила она. – Сказал, что чувствует себя свиньей по поводу случившегося. Сказал, что очень по тебе скучает.

– Неужели?

– Сказал, что он просто не понимал, насколько ты ему дорога, и что он

скорее всего совершил ужасную ошибку.

– Ты шутишь. – Я чувствовала, как бледнею и вот-вот собираюсь упасть в обморок.

– Сперва я вообще не собиралась тебе рассказывать, – продолжала Жюли. – Да и сейчас не знаю, правильно я поступила или нет.

Официант поставил перед нами тарелку с соленым арахисом. Я машинально взяла горсть и начала жевать.

– Мы не долго с ним разговаривали, – продолжала она. – Пять минут, не больше. Он расспрашивал о твоей работе, и вообще как твои дела. Я сказала, что твои дела идут превосходно и что у тебя появился новый бойфренд.

– Жюли!

– А что бы ты хотела, чтобы я ему сказала? – спросила она. – К тому же это почти правда. У тебя прекрасная работа. У тебя была связь с испанцем, пусть даже я о ней ничего и не ведала. Могу еще добавить, что твоего Тима едва не вырвало, когда я сказала ему о бойфренде.

– Неужели?

– Честное слово. – Она тоже взяла с тарелки несколько орешков. – Это самое надежное средство, Изабель. Рассказать ему, что тебя он больше не интересуется, что у тебя появились новые поклонники. После этого мужики быстро прибегают назад.

– Тим не прибежит назад, – с грустью указала я.

– Может, и не прибежит. Но я думаю, что очень хотел бы прибежать.

– Тебе лишь бы болтать.

Она засмеялась.

– Ну может я действительно немного преувеличиваю. Но его просто перекосило, когда он услышал про Хуана.

– Какого еще Хуана?

– Твоего бойфренда, разумеется.

– Жюли! Что еще ты ему рассказала про несуществующего бойфренда?

– Не так много, – ответила она. – Что он бизнесмен и что он по тебе сходит с ума.

– Это ты сходишь с ума, – в отчаянии пробормотала я.

– Какая тебе разница? – Она оставалась совершенно спокойной. – Главное, чтобы в нем проснулась ревность, а правду он все равно не узнает.

Мысль о ревнующем Тиме мне понравилась.

– Он наверняка догадался, что ты блефуешь.

– Какая разница? Но я точно знаю, что он ревновал. Это было

написано в его глазах.

– Мне надо было раньше заставить его ревновать, – задумчиво произнесла я. – Тогда бы мои дела пошли по-другому.

Мы немного помолчали. Из прибрежного отеля доносились звуки диско.

– А как ты себя сейчас чувствуешь по его поводу? – через некоторое время спросила Жюли.

– Не знаю, – ответила я.

– Если бы ты его сейчас встретила, что бы ты ему сказала?

– Не знаю, – снова повторила я.

Я смотрела на море. Катер уже уплыл из бухты, и на его месте покачивалась на волнах маленькая лодочка.

– Это трудно объяснить, – продолжила я после паузы. – Я никогда не переставала его любить. И в то же время ненавидеть за то, что он сделал. Но когда я увидела его с Лаурой, то едва не сошла с ума от ревности. Он сказал, что это вопрос доверия. Значит, я ему больше не доверяю. И не считаю, что все у нас прекрасно, как прежде. И не могу к нему относиться так, словно ничего не произошло. Кроме того, я сама совершила кое-что ужасное.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда он был в командировке, я решила завезти ему ключи. Я вошла в дом и стерла в его компьютере некоторые данные.

– Изабель! – Жюли смотрела на меня с ужасом и восхищением одновременно.

– Он работал над проектом под названием «Сарацин-2». Я уничтожила все файлы, относящиеся к этому проекту.

– Господи! – с ужасом выдохнула она.

– На самом деле в этом нет никакой катастрофы. У него наверняка есть дубли. Но зато я почувствовала себя лучше. Кроме этого, я сделала кое-что еще.

– Что именно?

– В спальне лежали серьги. Они были не мои. Я спустила их в туалет.

У Жюли открылся от удивления рот.

– Я не знаю, как это получилось, – попыталась оправдаться я. – Я подумала, что у него есть женщина.

– Наверняка есть.

– Ну вот видишь, – горестно взглянула я на нее.

– О Изабель! – Жюли взяла меня за руку. – Мы с тобой пара старых калош, две несчастные неудачницы.

– Глупости, – бодро прервала я ее излияния. – Мы просто две одинокие женщины, которые приехали отдохнуть.

Мы действительно отдыхали очень хорошо. С Жюли я даже стала похожа на прежнюю Изабель Кавану. С ней мне не надо было напрягаться, кого-то из себя изображать, пытаться себя переделать. Меня не посещало желание стать душой общества. Мы даже не пытались заигрывать с мужчинами, которые сновали по побережью. Каждый вечер мы отправлялись в какой-нибудь ресторан, брали бутылку вина, кофе и разговаривали. Я рассказала ей о своих похождениях с Барбарой и Бриджет, с Игнасио и Джоном в вертящемся кресле. Она смотрела на меня в полнейшем изумлении.

– Вы хоть предохранялись?

– Ради Бога, Жюли!

– То есть я хочу сказать, если ты спишь со всеми направо и налево, то надо же что-то предпринимать.

– Я не сплю со всеми направо и налево, – раздраженно ответила я.

– А как, по-твоему, называется то, что ты делаешь? Конечно, я сама тебя толкала в объятия латинских любовников, но мне и в голову не могло прийти, что ты воспримешь мои слова буквально.

– Я и не восприняла их буквально. Латинский любовник из них только один – Игнасио.

– Просто не могу в это поверить. – Жюли почти забыла про капуччино в руках. – Все это совершенно на тебя не похоже.

– А что на меня похоже?

– Ну, я не знаю. Только пьянство, вечеринки и легкомысленный секс с кем попало точно на тебя не похожи.

– Судя по твоим словам, я просто какая-то грязная потаскушка!

– Извини, я не то хотела сказать.

– А между прочим, я просто как могла развлекалась. Я ведь уже взрослая, Жюли. Не какой-нибудь там глупый подросток. К тому же на качество моей работы это не влияет.

– А выглядишь ты неважно.

– Кто бы говорил! – Я тоже не выдержала. – В аэропорту я тебя едва узнала!

– Тогда были причины, – повторила она свою предыдущую версию. – А сейчас со мной все в порядке. Не то что с тобой... ты как была тощая, так и осталась!

– Я худею здесь, потому что мало ем! – воскликнула я запальчиво. –

Овощи, фрукты, почти никакого мяса – вот тебе и диета! Между прочим, весьма полезная!

– Вегетарианство в сочетании с пьянством – хорошенькая диета, – поправила меня Жюли.

– Прекрати читать мне нотации, Донеган! – воскликнула я. – Больше никаких нотаций слышать от тебя не желаю! Да и что утешительного можешь сообщить мне ты, которая явилась сюда, чтобы забыть своего проходимца Джордана? Вот я здесь сижу, чтобы забыть своего проходимца Мэлона. Не думаю, что между нами такая уж большая разница!

– Я не пытаюсь его забыть, – поправила Жюли. – Я просто хочу установить перспективу.

– Именно это самое и я здесь делаю, – объявила я. – Проясняю перспективу в своей жизни.

– Вот и прекрасно.

– Да, замечательно.

К счастью, на следующий день она улетала домой.

– Извини, – сказала я, когда мы стояли в терминале аэропорта.

– Ничего. – Жюли все еще на меня немного дулась.

– Правда извини, – повторила я с искренним раскаянием.

– Неужели это всегда так трудно – получать от жизни то, что хочется? – спросила Жюли. – Вот мне казалось, что у нас с Энди все сложилось как нельзя лучше. Это ничего, думала я, что он американец, а я ирландка, и наши отношения в основном развиваются по телефону. И вот на тебе. Своим предложением он все испортил. Я слишком стара, чтобы просто так, неизвестно ради чего, терять пару лет своей жизни. Я хочу замуж, хочу иметь детей и все такое прочее. Независимость мне надоела. – Она тяжело вздохнула. – От моих слов веет скукой, не правда ли?

Я энергично покачала головой.

– Только не для меня. Мне тоже всегда хотелось того же самого. Причем всегда хотелось.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, все дело в моих родителях. Они поженились очень рано, когда мать была уже беременна. А потом она потеряла ребенка.

– О Изабель! Я об этом не знала!

– Мать редко об этом говорит, – продолжала я сумрачно. – Вскоре после этого случая родилась я, вроде бы все завершилось благополучно. Но иногда мне кажется, что мать напоминает мне то, что я не первая. Первая беременность ведь самая главная, не правда ли? Они поженились из-за этой

беременности, а потом потеряли ребенка, который стал причиной их брака. А потом родилась я, но я была уже словно не самым главным ребенком.

– По-моему, ты несешь абсолютную чушь, – твердо сказала Жюли. – Твоя мать просто пылинки с тебя сдувает. Со всех вас.

– Может быть, – согласилась я. – Но мне всегда казалось, что я сумею все сделать гораздо лучше, чем она. У меня все произойдет надлежащим образом, по порядку: сперва помолвка, потом свадьба, потом дети, и все у меня будет превосходно. Не как у нее.

– Ты просто сумасшедшая, Изабель, – со вздохом сказала Жюли.

– Наверное, – согласилась я. – Просто я так чувствую. И когда весь мой порядок нарушился, я едва не потеряла голову. Оказалось, что я не лучше ее.

– А кто говорит, что тебе надо быть лучше или хуже кого-нибудь, Изабель? Разве жизнь – это соревнование?

– Да, ты права. Но мне почему-то всегда казалось, что соревнование.

– Ты просто чудачка. – Она улыбнулась, потом крепко меня обняла. – Я уверена, что ты обязательно найдешь себе мужа, Изабель. Причем в ближайшее время. И еще будешь вспоминать период ожидания с удовольствием.

– И ты найдешь себе мужа, Жюли, – улыбнулась я в ответ. – Гораздо лучше, чем Энди Джордан.

Мы помахали друг другу на прощание и разъехались по домам.

Глава 15

ЖЕНЩИНА В ПОГОНЕ ЗА НЕДОСТИЖИМЫМ

(Хуан Миро, 1954)

На работе творилось что-то кошмарное. Еще у лифта слышались истошные вопли Габриэлы, что на нее было мало похоже и с ее имиджем не вязалось совершенно. Конечно, бывали моменты, когда она раздражалась и несла что-то несусветное на неразборчивом испанском языке, но это случалось редко, и к тому же ей самой было стыдно давать волю темпераменту при сотрудниках.

Стоило мне сесть за свой стол, как она накинута на меня.

– А, Изабель! – воскликнула она язвительным тоном. – Как мило с твоей стороны наконец явиться на работу!

От удивления у меня открылся рот.

– Приятно видеть, что, кроме меня, здесь появились и другие люди, которые понимают, что главное наше дело – зарабатывать деньги. И что если нас здесь не будет, то не будет и бизнеса. – Она опрометью бросилась в коридор.

– Что это с ней? – спросила я Магдалену, которая устремилась вслед за ней.

– Хосе попал в аварию на своем байке, лежит в госпитале с поломанной ногой, – начала рассказывать она. – У Марии грипп. София позвонила и сказала, что у нее болит живот. А мы только что обнаружили, что для завтрашней конференции не арендован отель.

– О! – Я была в ужасе. – А как Хосе?

– Ничего, кроме ноги, ни одной царапины.

– Слава богу. А что делать с конференцией?

– Понимаешь, в другое время все было бы в ажуре. Но на этой неделе в Мадриде промышленная выставка.

– О!

На промышленную выставку собираются все производители Испании и показывают свои товары. Когда такое случается, все отели полны, и шансов найти что-нибудь свободное очень мало.

– А разве мы не должны заблаговременно подтверждать аренду

помещения?

– В нормальных условиях да, – ответила Магдалена. – Это входит в обязанности Луиса. Но на этой неделе, как назло, что-то случилось, и заказ не был подтвержден. Просто катастрофа какая-то.

– А здесь разве нет места?

– Здесь мало места. Самая большая комната вмещает двадцать человек, а их в этот раз будет пятьдесят.

– Теперь понятно, почему у Габриэлы шок, – задумчиво сказала я.

– Но если конференцию придется отменять, шок будет не только с ней, – мрачно подытожила Магдалена. – Она всех нас в порошок сотрет. С Хосе взятки гладки, он в госпитале, а вот Луису скорее всего не поздоровится. Это он должен был подтвердить заказ.

Тут в комнату снова вошла Габриэла, и было ясно, что она едва сдерживается, чтобы не закатить новую истерику.

– Какие-нибудь светлые идеи вас посетили? – глухо спросила она.

Бедная Магдалена выглядела совершенно беспомощной. Ей уже и так пришлось взять на себя главный удар гнева начальницы.

– У меня есть идея, – вкрадчиво сказала я. – Есть один отель, в котором должно найтись место.

– Ну так что же ты стоишь? – набросилась на меня Габриэла. – Скорее договаривайся об аренде!

Она ушла в кабинет, хлопнув дверью.

– Месячные у нее, что ли? – спросил Луис, который только что явился на работу.

– Заткнись, Луис! – закричала на него Магдалена. – Лучше о себе подумай. Это из-за тебя придется отменять завтрашнюю презентацию, и Габриэла тебя за это наверняка рассчитает!

– Что?

С Луиса моментально слетела вся его веселость.

– Сегодня утром я позвонила в отель, чтобы кое-что уточнить, а там про нашу аренду уже и думать забыли, потому что она не подтверждена. Если мы сегодня не найдем альтернативный вариант, то ты вылетишь с работы, как мячик, – продолжала распекать Луиса Магдалена. – И уж кто-кто, а я по тебе плакать не буду. Вместо того чтобы работать, ты только и делаешь, что болтаешь с девчонками!

И она гордо отправилась к своему столу.

Луис в волнении хватался то за одну папку, то за другую, а я между тем начала методично искать номер отеля «Люкс». Где же он? Последние несколько недель я не встречалась с Барбарой и Бриджет, потому что

стоило мне с ними встретиться, как я напивалась допьяна. Хватит с меня, наконец решила я благоразумно, а то можно зайти слишком далеко с пересозданием Изабель Каваны. Правда, мое благоразумие иногда мне изменяло, особенно когда я оказывалась дома одна.

– Не знаю, подойдет ли вам то, что у нас есть, – сказал сеньор Мурильо, менеджер отеля. – Но могу предложить вам одно функциональное помещение, которое завтра будет свободно.

– Не отдавайте его никому! – воскликнула я. – Я буду у вас через пятнадцать минут!

Сунув голову в кабинет Габриэлы, я на ходу ей прокричала:

– Только без паники! Я еду смотреть место! Буду через час.

– Изабель! – жалобно всхлипнула Габриэла. – Если у тебя все получится, я обещаю тебе прибавку к жалованью!

На такси я добралась до отеля «Люкс» в считанные минуты. По ступеням взлетела, не чуя под собой ног.

– У вас особая срочность? – спросил сеньор Мурильо, пожимая мне руку.

– Да, – не стала скрывать я.

– Надеюсь, что отель «Люкс» сможет вам помочь, – галантно объявил он и повел меня по коридору куда-то вниз. – Не беспокойтесь, – приговаривал он при этом, – я веду вас в пристройку, где совсем не так плохо.

– Я не беспокоюсь, – соврала я: бизнесмены не любят, когда их задвигают куда-то в подсобку.

– Ну, вот мы и на месте, – сказал менеджер, открывая двойные двери.

Открывшийся там конференц-зал не был идеальным, но в нашем положении он вполне мог сойти. Для пятидесяти человек места хватало, по стенам стояли аккуратно сложенные штабеля стульев.

– А у вас есть проекционное оборудование? – начала деловито расспрашивать я. – Микрофоны? А вы сможете обеспечить нам ланч?

Он посмотрел на меня вопросительно.

– Ничего особенного, – уверила я его. – К примеру, холодный мясной салат?

– Ну что ж, кое-что мы можем для вас сообразить.

– Главное – качество, – озабоченно настаивала я. – Не надо ничего экстраординарного, лишь бы все было качественно.

– Отель «Люкс» никогда не экономит на качестве, – торжественно провозгласил он.

– Ну что ж. – Я еще раз внимательно огляделась кругом. – В таком

случае я звоню в офис для подтверждения.

– Разумеется.

Я позвонила Габриэле по прямой линии. Судя по всему, она мне сначала не поверила и засыпала вопросами.

– А места хватит? А все, что нам надо, у них есть? А питание они смогут нам обеспечить?

– Да, да и да.

– А сколько это будет стоить?

– Мы еще не обсуждали, – ответила я. – Сперва хотелось бы выяснить наши лимиты.

– Лимиты как обычно, – быстро включилась Габриэла. – Но срочность оставляю на твое усмотрение.

– Хорошо. Я скоро буду. – Положив трубку, я обратилась к сеньору Мурильо... – Скажите, сеньор, сколько будет стоить аренда помещения на целый день, прокат проекционного оборудования, экрана, микрофонов, а также легкая закуска для пятидесяти человек?

– Вы хотите, чтобы я вам назвал цену навскидку? – спросил он.

– О сеньор, – нетерпеливо произнесла я. – Я знаю, что в данной сделке моя позиция слабейшая. Но если вы пойдете нам навстречу, то мы, возможно, еще не раз обратимся в ваш отель за помощью. Если вы, конечно, в этом заинтересованы. – Я пожала плечами, чтобы показать, что дальнейшее сотрудничество зависит только от него.

Он понимающе улыбнулся.

– Пройдемте в мой офис, – сказал он. – Там разберемся, какие у нас с вами могут быть взаимные выгоды.

Через двадцать минут мы пришли к приемлемому для обеих сторон решению. Получилось дороже, чем во время обычных наших сессий, но не намного. Я решила, что Габриэле это устроит.

Ее действительно устроило. Она обняла меня и долго ворковала, что в офисе я самый стоящий работник, что тот день, когда она взяла меня на работу, стал самым счастливым днем ее жизни, что я самая разумная персона из всех, кого они когда-либо встречала, что у меня есть интеллект, что я пойду далеко, если, конечно, найду себе достойное применение.

– Спасибо, – сказала я, аккуратно высвобождаясь из ее объятий.

– Нет-нет, – не унималась она. – Я знаю, что со мной иногда трудно работать, но до сих пор ты меня не покинула, и я тебя за это вознагражу.

Я слегка откашлялась.

– Ты, кажется, что-то упоминала насчет повышения жалованья? – как можно индифферентнее спросила я.

– Да-да! – энергично закивала Габриэла. – В этом месяце ты получишь к жалованью премию.

– Спасибо, – ответила я, размышляя в то же время, какого размера будет эта премия. Я была очень довольна собой: ведь не кто-нибудь, а именно я, Изабель Кавана, разрушила этот кризис ко всеобщему удовольствию. Я доказала, что умею работать не хуже других, что я тоже умею делать бизнес.

Во время перерыва Луис пригласил меня пообедать.

– Слушай, я тебе так благодарен! Если бы не ты, мадам уволила бы меня в два счета. Вина целиком на мне.

– Бывает, – ответила я, жуя своего цыпленка под майонезом. – Хотелось бы только, чтобы не очень часто.

– Мне казалось, что я послал подтверждение! – продолжал оправдываться он. – Мне даже казалось, что я видел факс собственными глазами. – Он сокрушенно покачал головой. – А оказалось, что нет!..

– Бывает, – снова повторила я. – Главное, что теперь все позади.

– Она бы съела меня с потрохами! – Он никак не мог успокоиться и сдвинуться со своего пунктика. – Она терпеть не может, когда совершаются такие грубые ошибки.

– Еще бы! Кому это может понравиться? – Его мрачность ничуть не мешала моему хорошему аппетиту. – Теперь тебе надо в свое оправдание сделать что-нибудь замечательное.

Он потер лоб.

– Да разве она мне теперь что-нибудь доверит? – жалобно спросил он.

– Слушай! Кончай разыгрывать мелодраму! – не выдержала я. – Разумеется, она тебе что-нибудь доверит!

– Но ошибка была такая грубая!

– Заткнись! – Я швырнула на стол вилку и нож. – Еще одно слово – и тебе придется жаловаться уже на меня!

В офисе меня встречали как победительницу.

– Мои поздравления! – щебетала Магдалена. – Ты спасла день! Габриэла не устает петь тебе дифирамбы!

Мне стало неудобно. Из-за чего весь этот сыр-бор? Ничего особенного я не совершила – всего лишь арендовала отель. Но если Габриэла из-за этого почувствовала себя счастливой, то ладно, пусть себе радуется. Я вставила в компьютер новую дискету и снова взялась за работу.

Вечером мне позвонила Барбара и пригласила к себе на вечеринку.

– Будет весело, – сказала она. – Тебя и так у нас не было видно сто лет.

– Работы много, – без запинки ответила я.

– Все работа да работа! А между прочим, это будет не простая вечеринка. Соберется самая тесная компания, и никакого пьянства.

Я засмеялась.

– Хорошо.

Около девяти я была у нее в квартире. Собралось человек двадцать, кое-кого из них я знала, кое-кого нет. По рукам пошла бутылка «Южного комфорта».

– Может, лучше вина для начала? – спросила Барбара.

– Я присосалась к «Комфорту». Не хочу мешать выпивку, – ответила я.

Она засмеялась и познакомила меня с девушкой, которая вела в колледже курсы по искусству. Здесь был и Томас, бармен из отеля «Люкс», который крутил любовь с Бриджет.

– Леди и джентльмены! – через некоторое время провозгласила Барбара, вставая на журнальный столик. – Прошу тишины!

Шум разговоров постепенно стих.

– Сегодня мы собрались здесь по замечательному поводу, – продолжала она свою речь. – Но об этом вам лучше скажет сеньор Томас Медина, главный виновник сегодняшней новости. – Она подмигнула Томасу. – Ваше слово, сеньор!

Томас, как заправский оратор, сперва откашлялся.

– Сеньоры и сеньориты! – заметно волнуясь, начал он. – Как вы знаете, все последнее время я встречался с замечательной леди, с Бриджет. Внезапно я понял, что мне с ней очень повезло. Мое счастье портила лишь одна мысль: а вдруг в один прекрасный день леди решит вернуться домой, в Англию? Чтобы этого не случилось, я нашел очень простое решение проблемы – я решил на ней жениться! Я сделал ей предложение, и она ответила, что идея ей нравится. – Он широко улыбнулся. – И вот сегодня мы с Бриджет решили вам всем объявить о нашей помолвке!

Он вытащил из внутреннего кармана маленькую коробочку, и мы все зааплодировали. Бриджет встала рядом с ним, и он надел ей на палец обручальное кольцо. У меня в горле застрял комок величиной с теннисный мяч. Все ринулись к ним с поздравлениями. Бриджет подняла руку так, чтобы всем было видно сверкание бриллианта.

Я тоже подошла их поздравить.

– Я рада за вас, – прохрипела я. – И кольцо чудесное.

– Хочешь нам что-нибудь пожелать, Изабель? – спросила Бриджет.

– Как-то не знаю... – начала было я, но она уже снимала с пальца кольцо.

– Ты знаешь условия: про мужа ничего не желать! – предупредила она.

– А если я пожелаю тебе богатую свекровь? – растерянно спросила я. – Такая форма подойдет?

Она засмеялась.

– К сожалению, сеньора Медина не богата. Но Томаса я все равно люблю.

– Я рада за тебя. – Надев кольцо на палец, я повернула его против часовой стрелки три раза. И ничего при этом не пожелала.

В этот вечер я снова выпила несколько больше, чем намеревалась вначале. Улицы даже в полночь кишели народом, подтверждая репутацию Мадрида: это действительно веселый город. Казалось, что здесь все только и делают, что развлекаются.

Томас и Бриджет. Вот уж не думала, что они решат пожениться. Я думала, что Бриджет, как Барбара, любит веселиться, гулять и ни о чем серьезном не задумываться. А она, оказывается, относится к оседлому типу женщин. Впрочем, мы все, наверное, такие, подумала я. Где-то в глубине души каждая из нас стремится найти своего единственного и свить с ним гнездо. Несмотря на все отвлекающие обстоятельства. На блестящие карьеры. На путешествия по всему миру. На прочие миражи. Это желание просто встроено в нас.

Несмотря на жару, меня пробил озноб. О Тим, почему ты больше меня не любишь? Я поняла, что сейчас заплачу. Мне не хотелось плакать – ни из-за Тима, ни из-за кого-то еще. Но слезы потекли сами...

– Изабель!

Я подняла глаза. Из всех людей на свете мне меньше всего хотелось видеть сейчас этого – передо мной стоял Луис.

– Привет, Луис, – вяло сказала я.

– Что с тобой?

– Ничего.

– У тебя такой расстроенный вид.

– Нет-нет, все в порядке. – Я сделала усилие и слегка улыбнулась. – У моей подруги помолвка, вот и все.

– А плачешь ты из-за чего... из-за ее помолвки или из-за того, что не ты на ее месте?

Предположение было слишком реалистичным, и я вздрогнула.

– Изабель!

– Я не знаю, почему я плачу, Луис. Это женские дела, – нехотя выдавила.

– Просто тебе не нравится жизнь в Мадриде, – продолжал строить догадки он. – И ты думаешь, что теперь делать.

– Жизнь в Мадриде мне очень нравится, – со вздохом ответила я. – Хотя бы потому, что не надо спать с тобой.

– А почему бы и нет?

– А потому, что мы вместе работаем.

– Ну так что же? Не вижу тут никаких проблем.

– А я вижу.

– Это не ответ.

– Другого не получишь.

От выпитых коктейлей у меня кружилась голова. Я споткнулась. Луис подхватил меня под руку.

– Не надо! Оставь меня в покое!

– Только после того, как ты мне скажешь, от чего плачешь.

– Это не твое дело, Луис.

– Не глупи, Изабель. – Он еще крепче сжал мою руку. – Мы с тобой друзья. Ты спасла меня от увольнения. Так, я слушаю – почему ты плачешь?

– Потому что... – вздохнула я. – Потому что я тоже когда-то была помолвлена, а потом мы решили... ах, нет, Луис, он решил!.. порвать помолвку.

– О!

– Впрочем, я не знаю, почему я плачу, Луис.

– Слушай, пойдем ко мне! – предложил он. – Я сварю тебе кофе!

– Не хочу я никакого кофе.

– Ну просто составлю тебе компанию. Тебе ведь нужна компания?

– Я сама не знаю, что мне нужно.

– Тогда я за тебя решу, – сказал Луис.

Я даже не подозревала, что он живет так близко от меня. Его дом был более старым, а квартира – просторнее моей.

– Садись, – сказал он, усаживая меня на видавшую виды софу. – Устраивайся поудобнее.

Я выполнила все его указания.

– Можешь включить телевизор или музыкальный центр, если хочешь, – продолжал он болтать из кухни.

Но мне больше нравилась тишина. Я закрыла глаза.

– Изабель! – Голос Луиса раздался откуда-то издалика. – Что с тобой?

– А? – вернулась я к реальности.

– Что с тобой? – повторил он.

Его лицо близко склонилось к моему, глаза были темными и заботливыми. Я подняла руку и дотронулась до его лица.

– Все нормально, Луис, – пробормотала я.

– Вот и хорошо. – Он не шевелился, и я притянула его ближе к себе.

– Иди сюда, – жалобно прошептала я. – Как же я смогу тебя поцеловать, если ты так далеко?

– А ты хочешь меня поцеловать?

– Хочу.

Наши губы теперь были в миллиметре друг от друга.

– Ты уверена?

– Уверена.

Луис Кардозо превзошел всех, с кем я до него спала. Наши поцелуи, как мне казалось, длились часами. Он взял меня на руки и положил на обеденный стол, где мы занимались любовью. Потом он отнес меня в спальню, и там мы снова занимались любовью.

– О Изабель! – бормотал он, обнимая меня. – Ты самая замечательная женщина из всех, кого я когда-либо знал!

– И ты! – отвечала я ему в тон. – Ты самый замечательный, потрясающий, бесподобный Луис!

Проснулась я в полседьмого утра. Рука Луиса лежала на моей талии. Голова болела, во рту пересохло. Я поняла, что совершила очередную, ужасную ошибку.

Глава 16

ПЕРСОНАЖИ В НОЧИ

(Хуан Миро, 1949)

Я встала с постели как можно тише. Луис что-то пробормотал во сне и перевернулся на другой бок. К счастью, он не проснулся.

Я была в ужасе. Последнее, что мне хотелось сделать в этой жизни – это спать с Луисом. Мне же с ним работать! Встречаться каждый день в офисе!

Просто так удрать из его квартиры, как от Игнасио, и притвориться, что между нами ничего не было, я не могла.

Господи, и о чем я только думала? Какое наваждение на меня нашло (если, конечно, Луиса не считать наваждением)? Мне необходимо заняться своей головой, с ней явно что-то не в порядке. Я на цыпочках прошлась по спальне, собирая свои разбросанные вещи. Просто удивительно, как они там очутились? Например, бюстгальтер висел на пристенном бра. Несколько месяцев назад я точно также собирала свои вещи в квартире у Игнасио.

Жюли была права: мои похождения приобретают грязный характер.

На работу я наверняка опоздаю. Луис тоже опоздает, если не вскочит с постели прямо сейчас. Теперь понятно, почему он каждый день выглядит таким растрепанным. Очевидно, он оттягивает вставание до последней минуты. Пока я бежала вниз по лестнице, в моей голове работали тысячи молотилок. Голова раскалывалась, я чувствовала себя совершенно больной.

Скрипучий, старый лифт в Эдифисио Джерона, как всегда, не работал. Значит, от этих испанских лестниц меня скоро хватит удар. Дома я быстро разделась и ринулась под холодный душ. От холодной воды соски с готовностью встали. Ты глупая, грязная сучка, подумала я про себя. Твои соски тебя выдают с головой.

Надо было во что бы то ни стало попасть на работу раньше Луиса. Обдумать, что ему сказать, как себя с ним вести. Вообще-то, Луис мне нравился. Его обаянию никто не мог противиться. Но я не любила его и знала, что никогда не полюблю. Это только в кино так бывает, что у главной героини всегда в нужный момент под рукой оказывается надежный,

преданный друг, а потом выясняется, что это и есть ее настоящая, единственная любовь (о чем она, разумеется, не догадывается до самой последней сцены, хотя зрители это поняли с того самого мгновения, когда этот друг впервые появился на экране). Для нас с Луисом такой сценарий не был актуален.

Зато все в офисе об этом немедленно пронюхают. Луис будет мной хвастаться, как хвастался до этого другими своими победами. «Интересно, а что случилось с его прежней девушкой?» – подумала я мимоходом. Но тут же забыла об этой девушке. Мне бы решить свои собственные проблемы.

Изабель – идиотка. Изабель – еще один пункт в списке побед донжуана Луиса. Изабель Кавана – женщина без мозгов. Очевидно, все дело в количестве выпитого спиртного. Как, бишь, назывался тот коктейль, который подавали у Барбары? Я остервенело терла себя полотенцем. На минуту телу стало легче. Но только не душе. Воспоминания о Луисе волнами вгоняли меня в краску. Неожиданно для самой себя я превратилась в фанатичную нимфоманку. От стыда мне хотелось выть и стонать.

На укладку уже не оставалось времени. Я долго рылась в гардеробе в поисках красного льняного костюма. Надену его с белой блузкой. Я терпеть не могла белые блузки, но в данный момент это была единственная глаженая вещь среди вороха давно не глаженного белья, и у меня не оставалось другого выбора.

Джин, внезапно вспомнила я. В этом коктейле был джин, от которого мне всегда становилось плохо. Кроме того, туда наверняка добавили антидепрессант. На столе у Луиса я явно не ощущала никакой депрессии.

Голова все еще раскалывалась. В метро была давка. Я уже опаздывала на работу на полчаса.

– Доброе утро, Изабель! – Луис уже сидел за своим столом – в помятом костюме и с всклокоченными волосами.

– Доброе утро, Луис, – пробормотала я, заливаясь краской.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Спасибо. – Я направилась напрямиком к кипятильнику и налила себе пластиковый стаканчик горячей воды.

– А, Изабель, привет! – Магдалена положила на мой стол внушительную стопку скоросшивателей. – Что-то ты сегодня опаздываешь.

– Знаю. Габриэла уже спрашивала про меня?

– Тебе повезло, – захихикала Магдалена. – У нее сегодня совещание в восемь.

– Слава богу!

– Где ты была вчера после работы? – начала расспрашивать она. – Что

делала?

– После работы? – В сторону Луиса я старалась не смотреть. – У одной знакомой была помолвка, мы праздновали, долго засиделись.

– Я бы никогда не смогла столько пить, сколько ты! – зачем-то сказала Магдалена. – А потом еще притащиться на работу, хоть и на полчаса позже.

– А сколько, по-твоему, я пью? – в ужасе воскликнула я. Неужели все в «Адванте» считают, что я алкоголичка? Надо кончать с выпивкой, иначе мне конец, подумала я. Раньше я действительно никогда не пила такого количества спиртного.

К разговору подключился Луис. Они с Магдаленой начали обсуждать, много ли я пью и что значит много.

– Вчера она выпила совсем немного, – объявил Луис.

– А вы что, встречались? – моментально отреагировала Магдалена. – Посмотри мне в глаза! – повернулась она ко мне. – Тебе меня не одурачить!

– Да я только тем и занимаюсь, что тебя дурачу! – спокойно ответила я, и она засмеялась.

Все, она обо всем догадалась, подумала я и начала шарить в ящике стола в поисках парацетамола. Как назло, коробочка из-под лекарства оказалась пуста.

– На! – сказал Луис, подавая мне таблетки и усаживаясь на край моего стола.

– Я занята! – отчаянно запротестовала я.

– Чем же ты так занята, моя прелесть?

– Луис! – От ужаса я опрокинула стакан с водой. Вода образовала на столе лужу и начала стекать на пол. – О черт! – Все в офисе обернулись в нашу сторону. Луис выхватил откуда-то пачку с бумажными платками и принялся вытирать воду сперва со стола, а потом и с пола.

– Ну и утро сегодня выдалось, очень запоминающееся! – радостно провозгласил он, выбрасывая использованные платки в корзину.

– Луис, не мог бы ты уйти?

– Зачем? Надсмотрщицы Габриэлы нет, работы у меня тоже нет. Можно посидеть, поболтать с тобой, моя прелесть.

– У меня нет времени с тобой болтать! – вскипела я. – И к тому же я не твоя прелесть!

– Ну зачем так кипятиться, моя прелесть!

– Ну пожалуйста, Луис!

Он пожал плечами.

– Не понимаю, Изабель, в чем дело? – спросил он. – Если я уйду, то ты скажешь, что Луис Кардозо был горазд затащить тебя в постель, а потом

моментально перестал обращать на тебя внимание. Женщины этого не любят.

– Луис, ради бога!

Все в офисе за нами наблюдали.

– Давай обсудим твою проблему после обеда, – сказала я громко, чтобы все слышали.

– Как тебе будет угодно, моя прелесть! И в любое время, когда тебе будет угодно! – сказал он и вернулся к своему столу.

Я открыла одну из папок, но никак не могла сосредоточиться на том, что там написано. Хорошо еще, что сегодня не было семинара. Можно спокойно переключать бумаги и делать вид, что работаешь.

«Господи, что же я сделала со своей жизнью?» – с ужасом думала я. Я перестала чувствовать себя собой, потеряла свое лицо. Раньше я колесила по побережью на велосипеде, и ветер развеивал мои волосы. Я шила своим подругам свадебные наряды, и даже на свое платье умудрилась нашить четыреста двадцать жемчужинок. Я пила по ночам чай со своей сестренкой и обсуждала с ней планы на будущее. А теперь я чувствую себя совершенно чужой.

«Но разве не ради этого ты бежала в Мадрид? – безжалостно спросила я саму себя. – Ты хотела стать другой – и вот, ты стала другая. В чем же тут проблема?»

Я потеряла виски. Голова раскалывалась, казалось – вот-вот лопнет.

– Изабель! – Возле моего стола стояла Магдалена со стаканчиком кофе. – Мне показалось, что тебе стоит это выпить.

– О Магдалена, спасибо! – Мне самой показалось, что кофе – это именно то, что мне сейчас надо.

Она склонилась над моим столом.

– С тобой все в порядке? – спросила она тихо.

– Голова болит, а так все ничего.

– Ты выглядишь кошмарно!

– Спасибо, но ты не оригинальна, – попыталась улыбнуться я, но улыбки не получилось. – Все говорят мне те же самые комплименты: что я бледная и худая, и черные круги под глазами.

– Ты и правда сегодня бледная. И черные круги у тебя под глазами. А худая, сколько я тебя знаю, ты была всегда.

– Вот настоящий друг, – снова попыталась отшутиться я.

– Изабель! – Она придвинулась ко мне еще ближе. – Конечно, это не мое дело, но у вас с Луисом что-то было?..

– Да. Это действительно не твое дело.

Она вспыхнула.

– Извини. Пожалуй, я пойду. Но если ты захочешь поговорить...

– О чем это я захочу поговорить? – Я закрыла одну папку и открыла другую. – Мне нечего о себе рассказывать.

С каждой минутой моя головная боль становилась все хуже. В глазах появилась резь. Я читала бесконечные отчеты о лекциях и семинарах и не понимала в них ни слова. В двенадцать часов я отправилась в туалет. Меня бил озноб, в животе что-то клокотало. Может, я действительно больна? И тогда мое плохое состояние легко объяснимо. Я прислонилась лбом к холодному кафелю. Внезапно у меня началась рвота. Вместе с рвотой начался приступ астмы. Это потому, что нет возможности правильно, глубоко дышать, сообразила я. На секунду мне показалось, что я умираю. Но даже ингалятор мне сейчас вряд ли бы помог, потому что рвота продолжалась. В животе все еще происходило нечто невообразимое.

Дверь в туалет открылась, и на пороге появилась Габриэла. Надо же! Только ее здесь не хватало. Говорить я не могла.

Она быстро оторвала кусок бумажного полотенца и вложила мне его в руки.

– Сейчас я принесу тебе воды, – сказала она. Рвота прошла. Я закрыла крышку унитаза и села на нее. Головная боль усилилась, стала какой-то пульсирующей, руки дрожали. Я с трудом ловила ртом воздух. Габриэла вернулась с водой. Я сделала глоток и с трудом прохрипела...

– Ты не могла бы принести мою сумочку? Мне нужен ингалятор.

Она с готовностью помчалась за ингалятором, а я прополоскала рот водой.

Когда она вернулась, я впрыснула себе в легкие лекарство, и едва ли не мгновенно мне стало легче.

– Что с тобой? – заботливо суетилась вокруг меня Габриэла. – У тебя астма? Вот уж не думала, что ты так серьезно больна!

Болезнью можно было оправдать все, но мне не хотелось оправдываться.

– Дело не только в астме, – произнесла я слабым голосом. – Дело в том, что у меня другая болезнь, которая спровоцировала приступ астмы.

– А какая у тебя болезнь? – с готовностью поинтересовалась она. – Может быть, ты что-нибудь съела?

До чего же она тактична, подумала я.

– Нет, Габриэла. – Я не видела причин ей лгать. – Мне очень неудобно!

И тут я начала плакать. Я не собиралась плакать, но это получилось

как-то само собой. В ответ Габриэла только оторвала еще один кусок бумажного полотенца.

– Может быть, тебе хочется высказаться? – спросила она, когда мои слезы иссякли, и я высморкала нос.

– Ой, нет! Мне уже хорошо! Мне уже ничего не надо!

– Не дури! – твердо сказала Габриэла. – Тебе еще явно нехорошо.

В этот момент в туалет вошла София.

– Ты не могла бы воспользоваться туалетом на другом этаже? – обратилась к ней Габриэла, и та без разговоров закрыла за собой дверь.

Теперь она разнесет новости по всему учреждению, подумала я. Изабель Кавана плачет в туалете, а Габриэла ее утешает. Луис подумает, что это из-за него. Я окончательно пропала.

– Я считаю, что тебе надо все мне рассказать, – спокойно сказала Габриэла.

– Нет-нет! – От головной боли я едва ли не теряла сознание.

– Изабель! Ты должна мне все рассказать!

Это не твое дело, подумала я сквозь боль. К тебе это не имеет никакого отношения. Она терпеливо ждала.

– Прошу прощения, – наконец выдавила из себя я. – Мне не надо было сегодня приходить на работу.

Я не собиралась ей ничего рассказывать, но внезапно меня прорвало.

– О Габриэла, – запричитала я. – Я такая идиотка! Я все в своей жизни запутала!

– Ты беременна? – спросила она напрямик.

От такого вопроса я опешила. Такая возможность мне и в голову не приходила. Но, с другой стороны, глядя на меня, сидящую в туалете и причитающую о кошмарной жизни, что еще в первую очередь могла подумать Габриэла? Это только мне было ясно, что ни о какой беременности не может быть и речи.

– Нет. – Я сделала попытку улыбнуться. – Я не беременна.

Она с облегчением вздохнула.

– В таком случае все не так плохо, не правда ли? – Ей казалось, что беременность – это самое страшное, что может случиться с женщиной на свете. Но, с другой стороны, если бы я действительно была беременна, то нам вообще не о чем было бы разговаривать. – В таком случае давай поговорим о том, что тебя волнует, – продолжала Габриэла. – Я давно заметила, что ты выглядишь неважно, Изабель. Может быть, все дело в бессонных ночах? Или в чем-то другом?

– Дело в массе разных глупостей! – тихо сказала я. – Я ужасный

человек, Габриэла! Если я тебе расскажу, то ты изменишь обо мне свое мнение!

– Не изменю. Рассказывай. И я рассказала...

– Когда я приехала в Мадрид, то думала, что стану здесь другим человеком. В молодости у меня было много друзей, но я никогда не теряла голову. А потом я встретила Тима. Я просто с ума по нему сходилась! Не могла дождаться того дня, когда мы поженимся! А когда он отказался на мне жениться, для меня это был удар. Мне показалось, что моя жизнь кончена.

Я немного помолчала. Габриэла внимательно меня слушала и не перебивала.

– Дома мне все напоминало о моем несчастье, все от меня устало, даже Барри Клири. И тут Шарон, его жена, нашла выход из положения – она отправила меня работать за границу. И вот я здесь, Габриэла. Я думала, что смогу себя перебороть, стать другой. Что здесь про меня никто ничего не знает, что, если каждую ночь развлекаться, то в конце концов можно забыть Тима. И я начала развлекаться.

Тут я рассказала ей обо всех своих похождениях.

– Да, я много пила, но в пьяном виде я чувствовала себя лучше. С меня спадало напряжение. А в прошлую ночь я была на вечеринке по случаю помолвки одной знакомой. Мы много выпили, я снова вспомнила о прошлом, о Тиме, и когда пошла домой, то встретила Луиса.

– Луиса! – воскликнула она на этом месте. – Нашего Луиса?

– Этого самого.

– О Изабель!

– Не говори мне: «О Изабель!», – скорчила я гримасу. – Он был очень мил. Пригласил меня к себе, приготовил кофе и...

– И затащил в постель, – закончила фразу Габриэла.

– Да. – От стыда я готова была провалиться. – Но тогда мне казалось, что так и надо. А теперь он называет меня «моя прелесть» и усаживается ко мне на стол, и все на работе узнают, что я спала с Луисом Кардозо и что я идиотка!

Габриэла вздохнула.

– Не стоит драматизировать, – наконец сказала она спокойным голосом. – Слухи о донжуанстве Луиса весьма преувеличены. Просто он такой человек, который любит этим прихвастнуть. Но все, с кем он спал, остаются после этого его друзьями.

– Весьма континентально, – вставила я. Габриэла засмеялась.

– Просто мы не так склонны к аналитике, как вы, – сказала она. – Но

может, ты хотела бы продолжить с ним отношения?

– Нет! – твердо ответила я. – Мне он нравится, но это не мой тип.

– Ха! – усмехнулась Габриэла. – Альфредо тоже не мой тип, но все равно я с самого начала знала, что выйду за него замуж.

– Ну вот видишь – ты знала. А с Луисом у меня нет такой уверенности.

– Но ведь не все это знают, – резонно заметила она. – К тому же так это или не так, но тебе все равно лучше сейчас пойти домой и лечь в постель.

– В постель к Луису?

Мы обе заулыбались.

– Иди домой, Изабель, – продолжала она. – На работе сегодня нет ничего срочного. Отоспись и приходи завтра здоровой.

Я попыталась встать. Ноги мои дрожали.

– Я вызову тебе такси, – глядя на меня, решительно заявила Габриэла.

– Выходи не через главный офис, а через мой кабинет. Я тебе помогу сойти с лестницы.

– Спасибо, Габриэла, ты так добра ко мне!

– Но ведь мы же с тобой друзья, не правда ли?

Дома я легла в постель. Голова не проходила. Руки и ноги похолодели, дыхание стало прерывистым. Я сделала слишком много впрыскиваний из ингалятора, и сердце бешено колотилось. Чувствовала я себя ужасно. Мне хотелось оказаться дома, в Дублине, чтобы мама заботливо надо мной склонилась, принесла чашку горячего чая (хотя, если честно, то вряд ли я смогла бы сейчас удержать в руках даже чашку чая), а на голову положила холодное полотенце. Мне до смерти хотелось почувствовать на лбу холодное, мокрое полотенце. В квартире стояла страшная жара – кондиционер весь день не работал. Я одновременно жарилась под простыней и дрожала от холода. Может, у меня и правда температура? Может, коктейли здесь ни при чем? А заодно и Луис, и чувство оскорбленного достоинства?

Но я прекрасно знала, коктейли именно при чем, а заодно и Луис, и чувство оскорбленного достоинства.

Постепенно я впала в какое-то забытие. Разбудил меня звонок домофона. Я села на постели и долго прислушивалась к своему телу. В нем образовалась какая-то легкость. Голова почти прошла, вообще – мне стало как-то лучше, только ноги еще дрожали. На дрожащих ногах я дошла до прихожей и нажала кнопку внутренней связи.

– Кто там?

– Это я, Луис.

– Луис?

– Можно мне войти?

– О!.. Хм... Хорошо, Луис, входи.

А что еще я могла ответить? До его прихода я успела только натянуть на себя джинсы и майку.

– Привет, Изабель! Как ты себя чувствуешь? – Весь его вид выражал только заботливость и ничего больше.

– Ничего, спасибо.

– Что с тобой стряслось? Может, ты и правду что-то съела?

– Скорее выпила, – буркнула я в ответ.

– Так, значит, прошлым вечером ты много выпила?

– Надо полагать, что да. – Я насмешливо скривила губы. – Сразу это как-то до меня не дошло.

– Бедная Изабель!

– Я сама во всем виновата, – затараторила я. – Надо было соображать получше.

– И не ходить ко мне домой, – продолжил мою мысль Луис.

– И не ходить к тебе домой, – подтвердила я.

– Да, Изабель, – со вздохом сказал Луис, – я тоже виноват. Не надо было тащить тебя в постель в таком состоянии. Но все равно, это было потрясающе!

– Луис!

– А что такого? – спросил он. – Ты потрясающая, чувственная, сексуальная женщина.

– Луис, прекрати!

– Да что тебя так задевает?

– Просто я тебя не люблю, вот и все.

– Ну, это не причина.

– А для меня причина.

– Но ты и с другими спала в Мадриде. Боже, подумала я, что они обо мне все знают?

– Но это не имеет значения, Изабель.

– Я очень сожалею, Луис. Поверь мне. – (С чего это вдруг я начала извиняться?!)

– Не бери в голову, – сказа Луис. – Для нас это был хороший опыт. И для тебя, надеюсь, тоже.

Я вспыхнула.

– Да.

- Ну вот видишь. И теперь мы друзья.
- Да.
- В таком случае ты мне все расскажи.
- О чем?
- Об этом парнишке. Ирландце.
- А кто тебе сказал? Габриэла?
- Изабель, Габриэла тут ни при чем, мы и сами не дураки.

Итак, никакой новой Изабель с чистым прошлым не получилось. А заодно и пересоздания самой себя. Во всяком случае, эта новая Изабель мне нравилась гораздо меньше прежней. Я рассказала Луису о Тиме и о нашей помолвке. Он смотрел на меня с симпатией.

– Ничего удивительного, что ты приехала в Мадрид, – сказал он под конец моего рассказа. – Здесь мужчины лучше.

Мне стало смешно, хотя смех больно отдавался в моей несчастной голове. С его утверждением мне пришлось согласиться.

– Я больше не потащу тебя в постель, – пообещал Луис. – Разве что ты сама этого захочешь. Просто я всегда буду рядом, Изабель, вот и все.

– Знаешь, Луис, ты только не обижайся, но я вряд ли в скором времени прыгну к кому-нибудь в постель, – сказала я. – Разве что опять на меня кто-нибудь найдет, и я напьюсь до потери сознания. – Я пошла на кухню и принесла оттуда несколько бутылок вина. – Ты не мог бы унести их с собой? Отныне я не хочу даже в доме своем держать это.

– Тебе не кажется, что ты несколько перегибаешь палку? – спросил он.

– Не кажется. Я приехала сюда, чтобы стать другой, Луис. Но эта другая оказалась весьма отвратительной особой. Поэтому вместе с выпивкой я хочу избавиться одним махом и от нее. Разве это непонятно?

– Понятно, – вздохнул он. – Надеюсь, что тебе от этого полегчает, Изабель.

– И я надеюсь.

Когда он ушел, я села в кресло и начала становиться лучше.

Глава 17

КОМБИНАЦИИ

(Сальвадор Дали, 1931)

В Мадриде, как всегда в октябре, стояла чудесная погода. Поэтому мне совсем не хотелось уезжать. Но я пообещала домашним, что приеду на день рождения Яна, и не собиралась нарушать своего обещания. Дело было даже не в Яне – он вряд ли заметит мое отсутствие. Дело было в матери, которая соскучилась и очень просила ее навестить. С одной стороны, я и сама соскучилась по домашним, но, с другой – мне было как-то боязно.

В самолете нас предупредили, что в Дублине холодно и дождливо, и над Ирландией мы пролетали сквозь густую пелену облаков. Наконец раздался глухой удар шасси о посадочное покрытие, самолет бодро пробежался по бетону, потом начал с ревом тормозить.

– Вот ты и дома, Изабель, – пробормотала я, отстегивая ремни безопасности. В окна самолета стучал дождь.

В аэропорту было полно народу. Просто невыносимо, как можно в такой толпе разглядеть встречающих? Но тут я услышала свое имя...

– Изабель!

Мне на шею кинулась сестричка Алисон.

– Добро пожаловать домой, – сказала она, и мы вместе начали проталкиваться к выходу. – В доме подключают центральное отопление, – на ходу рассказывала она, – и отец не смог приехать тебя встретить.

От одной мысли, что до сего дня в доме не подключено отопление, мне стало холодно. Я с удовольствием оглядывала Алисон. Она коротко остригла волосы и только на макушке оставила несколько длинных прядей, отчего вид у нее стал таинственным и интересным, в тысячу раз более пикантным, чем был раньше. Она была одета в черные джинсы, черные башмаки и черную кожаную куртку с серым меховым воротником.

– Ты научилась водить машину? – спросила я. Она отрицательно покачала головой.

– Нет еще. То есть я собираюсь пойти на курсы, но вечера такие темные, а дождь льет постоянно, и я решила подождать до весны.

– А как же мы доберемся до дому? – удивилась я.

– Питер нас довезет, – просто ответила она.

– Питер?

– Мой друг. – Она взглянула на меня с вызовом.

– Ну что ж... – Я сделала вид, что все в порядке вещей, но на самом деле мне не терпелось увидеть человека, которого Алисон сочла достойным для такой ответственной миссии, как встреча сестры, и притащила с собой в аэропорт в такую ужасную осеннюю ночь.

Он ждал нас у выхода. Высокий, со светлыми волосами, с ясными синими глазами.

– Если у тебя будут от него дети, – тихо сказала я ей, когда издали она махнула на него рукой, – то все решат, что вы из Скандинавии.

– Изабель! – Она больно ткнула меня в бок. – Я не собираюсь иметь от него детей. Не говори глупостей.

Она подошла к нему и поцеловала в щеку.

– Вот Изабель, – представила она меня.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – ответил он. Алисон взяла его под руку.

– Извини, что так долго, – сказала она. – Там полно народу.

– Да, вижу, – ответил он.

Молчаливый, подумала я про себя. Очень трудно представить Алисон в компании с таким молчальником.

– Можно я возьму ваш чемодан, Изабель? – спросил он.

И галантный, продолжала я наблюдение. В этом есть свое преимущество.

– Большое спасибо, – это я уже произнесла вслух.

– Зря предложил, – пошутила Алисон. – У нее там в чемодане кирпичи.

– Ничего, – сказал Питер и легко поднял чемодан. На меня он произвел сильное впечатление – мой чемодан весил не меньше тонны. Когда он отошел заплатить за стоянку, я спросила Алисон:

– Где ты его нашла?

– Я с ним работаю.

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно.

– Служебный роман! – засмеялась я. – Алисон Кавана, отпетая феминистка, закрутила служебный роман!

– Это не роман, – обиженно возразила она. – Это дружба.

– Ну хорошо. – Я постаралась стереть с лица улыбку, но Алисон моих усилий даже не заметила. Она искала глазами Питера.

Наконец мы уселись в машину.

– Скажи, – спросила я по дороге, – зачем тебе понадобилось стричься

в машине? Тут все сиденье в волосах.

Питер и Алисон весело засмеялись.

– Это не мои, – сказала Алисон. – У Питера есть Лабрадор. Он линяет.

– О! – Я принялась счищать собачью шерсть со своего клетчатого жакета.

– Прошу прощения, – сказал Питер. – Если бы я знал, что повезу пассажира, то обязательно пропылесосил бы сиденье. Но Алисон наскочила на меня со своей просьбой совершенно неожиданно.

– Алисон! Зачем ты это сделала? Я могла бы и на такси добраться.

– Ничего страшного, – сказал Питер. – Мы все равно собирались сегодня куда-нибудь пойти проветриться.

– Но вряд ли в аэропорт, – заметила я.

– В такую погоду ты вряд ли поймала бы такси, – усмехнулась Алисон.

Дождь лил, не переставая. Я поплотнее закуталась в свой жакет. До чего же здесь холодно! Я с тоской вспомнила о Мадриде, о своих друзьях, которые сейчас, наверное, сидят в спортивном баре или в каком-нибудь другом дешевом, но очень милом ресторанчике, каких там миллионы, и мне стало еще холоднее.

Когда мы приехали домой, центральное отопление уже подключили. В холле, по крайней мере, было тепло. Мать набросилась на меня, едва я переступила порог, и заключила в горячие объятия.

– Добро пожаловать домой, моя родная! – повторяла она, поглаживая меня по голове, как ребенка. – Наконец-то ты к нам вернулась.

Я тоже жадно прижималась к ее груди, вдыхала родной запах.

– Все хорошо, мама, – бормотала я, не слишком вникая в смысл слов. – Как хорошо вернуться домой.

– Я так боялась, что рейс задержится, – продолжала мать. – У нас такая погода!

– Рейс задержался немного, – ответила я. – Хорошо, что Алисон с Питером меня встретили.

– Да, Питер! – воскликнула мать. – Изабель права. С твоей стороны это очень любезно.

– Не стоит беспокоиться, – ответил Питер.

– Снимай скорее куртку и проходи в дом, грейся. – Матери хотелось обнять всех сразу. – Отопление уже час как работает. А то мы боялись, что придется ходить по дому, закутавшись в одеяла, и питаться возле включенной плиты, чтобы не замерзнуть.

Мне было странно вернуться под родной кров. Странно не чувствовать себя хозяйкой своей жизни. Не бродить по дому в одной рубашке. Не сметь переключать телевизор по своему желанию.

Вечером зашла Хани, подружка Яна. Она оказалась еще более красивой, чем на фотографии, и к тому же очень воспитанной и интеллигентной. Ян был от нее без ума, и его трудно было в этом упрекнуть.

Алисон, в свою очередь, была без ума от Питера Хофни. Смешно было смотреть, как вспыхивало ее лицо, когда кто-нибудь произносил его имя. И свой гардероб она сменила полностью: теперь у нее появились какие-то замысловатые изысканные вещи, в которые она облачалась, когда шла с ним на свидание.

Итак, Ян был влюблен в Хани, Алисон – в Питера, и только я, старшая сестра, стала настолько благоразумной, что не испытывала никакой влюбленности.

День рождения Яна прошел веселее, чем я думала. Он арендовал зал в соседнем пабе и пригласил настоящий оркестр, который играл хиты 1970-х. Родители были в восторге и весь вечер бодро отплясывали танцы своей молодости.

– Какая прекрасная идея! – сказала я Алисон.

– О, Ян теперь весь в ретро! – захихикала она. – Но ты права, идея прекрасная. Да и песенки ничего, веселенькие.

Ян подошел спросить, как я себя чувствую.

– О, я едва не отплясала себе ноги! – ответила я. – Такой гимнастики у меня давно уже не было.

– Ты хорошо выглядишь, – заметил между прочим он. – Алисон сказала, что, когда она к тебе ездила, ты была похожа на привидение.

– Она преувеличивает.

– Она сказала, что ты тоскуешь и много пьешь и почти ничего не ешь.

– Она преувеличивает, – снова сказала я.

– А если честно? – спросил он. Очевидно, в семье давно собирались вытащить меня на разговор.

– А если честно, то я действительно некоторое время пила, потому что чувствовала себя несчастной и занималась самооплакиванием. Но теперь я снова в колее, и со мной все в порядке.

– Хорошо, – быстро произнес он. – Я тебе верю. К тому же ты действительно выглядишь классно.

Я была рада, что удостоилась его похвалы. Мне самой хотелось

выглядеть на все сто, и я приложила к этому максимум усилий: еще в Мадриде уложила волосы, купила облегающий блестящий топ и черные джинсы, которые сидели на мне как вторая кожа.

– Ян! – позвала его Хани. – Пошли танцевать! Это «АББА».

Он охотно бросился на ее зов. Они были чудесной парой.

Но через некоторое время я села в уголок возле барной стойки. Состояние мое резко ухудшилось, я чувствовала себя совершенно разбитой. Ян с Хани, Алисон с Питером, мать с отцом резвились под музыку, как дети. На них было радостно смотреть, особенно на мать с отцом, которые в таком хорошем настроении не были уже лет сто. Думая про их брак (что случалось довольно редко), я догадывалась, что он не столь уж счастливый. Они уже устали друг от друга. Однажды, когда я была маленькая, у них возникла ссора. Меня уложили в кровать и сочли спящей. Но я не спала, я все слышала. Когда снизу раздались ненормально громкие голоса, я на цыпочках подошла к своей двери и стала слушать.

– Я на тебе женился, разве этого недостаточно? – громко спрашивал отец, и от его слов мне стало холодно. Ответ матери разобрать было невозможно.

– Это не моя вина, – продолжал он чуть менее раздраженно. – Такое со всяким могло случиться.

А потом я услышала рыдания матери.

– Но это случилось со мной! – вскрикивала она. – Именно со мной! Это я потеряла ребенка!

Я бросилась назад в спальню и зарылась с головой под одеяло. Тогда еще я не знала ничего о потерянном ребенке и о том, почему они поженились. А когда через много лет мать все мне рассказала, то я решила, что со мной такое не должно случиться. Мой избранник женится на мне ради меня самой.

Рядом со мной сел отец.

– Ты как? – спросил он участливо.

– Хорошо.

– Ты такая красивая.

Я улыбнулась.

– Спасибо.

– Мы о тебе очень беспокоились.

– С чего бы это?

– Ну, после всего, что было. Ты тогда чувствовала себя такой

несчастной.

– Только не с вами.

Он положил мне руку на плечо.

– А как твоя новая работа?

– Хорошо. Начальница добрая. Все остальные очень милые, дружелюбные.

– Когда думаешь возвращаться домой?

– Не знаю. Когда-нибудь вернусь, очевидно.

– А рядом с тобой никого не обрисовалось?

– Никого. Похожих на тебя нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Что лишь бы кого не надо, а таких, как ты, не найти!

Я чмокнула его в щеку.

– Я вдруг обнаружила: чтобы чувствовать себя защищенной, вполне можно обойтись без бойфренда.

– Конечно, можно, – согласился он. – Но мы о тебе заботимся.

– Я знаю.

Некоторое время мы молчали.

На следующий день я позвонила Жюли.

– Как праздник? – спросила она.

– Очень хорошо. Мы вернулись домой в четыре.

– А как головка? Не болит?

– Нет.

– Что с тобой, Изабель? Ты не заболела?

– Нет, я просто мало пила. И поэтому очень хорошо себя чувствую.

– Это хорошо, что ты себя так чувствуешь, – заговорщицки произнесла она. – А то тут есть одно дело.

– Какое?

– Это касается не только меня.

Я несколько опешила. Разумеется, все наши дела касаются не только нас, высказала я мысль. Но и наших родителей, к примеру.

– Дело не в родителях! – воскликнула она. – Какая ты глупая!

Тут до меня дошло.

– Энди?

– А кто же еще?

– Когда он приехал?

– В начале недели. Ни с того ни с сего обрисовался на пороге.

– Совершенно неожиданно?

- Совершенно. Я не поверила собственным глазам.
- И какой встречи он ждал от тебя? С распростертыми объятиями?
- Она засмеялась.
- Не знаю. Он вел себя очень застенчиво. Привез плюшевого медвежонка.
- Медвежонка!
- Да. И в лапах у него была огромная коробка.
- А что в коробке?
- А в коробке еще одна коробка. – Казалось, что на том конце провода она просто прыгает от радости. – А в ней еще одна, потом еще одна и так далее, до самой маленькой коробочки.
- Жюли!
- Я уже знала, что за этим последует.
- Это такое восхитительное кольцо, Изабель! – едва не пела она. – Я тут же его надела.
- И не снимаешь до сих пор?
- Разумеется. Я его так люблю!

Вечером я пришла к ней домой. Она вся лучилась от счастья. Ее темно-каштановые волосы, почти натурального цвета, блестели при свете ламп. Она была одета в черное шелковое платье.

– Вот это да! – Глядя на нее, я чуть не присела от восторга. – Покажи кольцо.

- Оно было сказочно красивым. Почти таким же красивым, как мое.
- Потрясающе! – выдохнула я. – А где же Энди?
- Он в гостиной. Мы смотрели телевизор.
- Энди без тапочек полулежал на диване со стаканом пива в руках и читал газету. При виде меня он вскочил на ноги.
- Изабель! Рад тебя видеть!
- Привет, Энди! Мои поздравления.
- Спасибо, Изабель, я так счастлив.
- И я! – радостно пропела Жюли.
- Как это тебя угораздило? – спросила я Энди.
- Просто я не могу без нее жить, вот и все.
- Жюли вспыхнула.
- О Энди, – сказала я. – Как это все до невероятности банально!
- Ну и что? Главное, что это правда.
- А когда ты это понял?
- Он на минутку задумался.

– Однажды во время работы, – наконец сказал он. – Я сидел за столом и никак не мог сосредоточиться. Из головы не выходила Жюли. И тут я понял, что если ее упущу, то просто сойду с ума.

Жюли еще сильнее вспыхнула и застеснялась.

– И тогда он решил меня не упускать, – сказала она.

– Решил не звонить, боялся, что она начнет возражать. – Он слегка усмехнулся. – Наш последний разговор вышел не слишком многообещающим. Оставался один шанс – захватить ее врасплох.

Жюли подхватила его рассказ.

– Дома никого не было, и я мыла голову. Только я собралась ее подсушить, как раздался звонок в дверь. И вот тебе пожалуйста.

– Стоит такая мокрая, дрожит от холода, – вставил Энди.

– И мишка у него в руках такой мокрый и замерзший! – вспомнила Жюли.

– Кажется, ты больше внимания обратила на мишку, чем на меня, – горестно заметил Энди.

– Ты тоже выглядел очень несчастным, – ободрила его Жюли.

– Я же знал, что ты обожаешь мишек!

Они счастливо засмеялись и взялись за руки. Потом снова повернулись ко мне.

– А дальше все было как в книжке, Изабель! – пропела Жюли. – Он сказал, что меня любит!

Казалось, для Энди ее слова прозвучали откровением.

– Да-да, ты именно так сказал! – подтвердила Жюли, давая ему хороший пинок. – А потом попросил выйти за тебя замуж.

– Как романтично, – вставила я слово. – Первый раз в жизни слышу такую историю.

– Сперва я просто не знала, что сказать, – продолжала рассказывать Жюли. – А потом он вручил мне плюшевого мишку и коробочку с кольцом.

– Кольцо пришлось впору? – деловито спросила я.

– Изабель! – Жюли взглянула на меня укоризненно.

– Немножко велико, – ответил за нее Энди. – Завтра мы его чуть-чуть уменьшим.

– Никому я его не отдам! – воскликнула Жюли.

– Как я рада за вас обоих! – от всего сердца поздравила их я. – И когда же счастливый день?

– Следующим летом, – со вздохом ответила Жюли. – У Энди в будущем году контракт в Праге на три месяца, потом он должен вернуться на некоторое время в Штаты, и только потом мы сможем пожениться.

Раньше июня или июля по всем прикидкам не получается.

– Но вы можете уже сейчас зарегистрироваться! – подала реплику я.

– Изабель Кавана! Вообрази, что скажет моя мать, если мы не устроим самую грандиозную и пышную церемонию на свете!

– Она хочет общественного резонанса?

– Разумеется, хочет! – Жюли просто клокотала от переполнявших ее чувств. – Она ждала моей свадьбы с самого дня моего рождения! К тому же у Энди греческие родственники, они тоже обожают грандиозные семейные торжества.

– И что, они все приедут в Ирландию? – с любопытством спросила я.

– Откуда мы знаем, – безразлично вздохнул Энди. – Я им еще не говорил.

– То есть как?

Он несколько замялся.

– То есть я рассказал своим родителям – я к ним ездил на День благодарения, и Ари тоже знает, а больше никто.

– Его родители были разочарованы, что он не женится на гречанке или на худой конец на американке, – с улыбкой сказала Жюли. – Но потом они согласились, что ирландка – вообще-то тоже не самый плохой вариант.

Мне стало смешно.

– Вот это будет день!

– Да, – скромно подтвердила Жюли. – Я тоже на это надеюсь.

Мы расселись перед телевизором и принялись за коктейли.

– А где же твои? – спросила я.

– Отправились с визитом к сестре, – ответила Жюли. – Она насмотрелась программ по приготовлению разных блюд и решила поэкспериментировать на своих родственниках. Мы с Энди попали у нее в черный список, потому что отказались сегодня прийти. Я отговорила твоим визитом и пообещала, что мы зайдем в другой раз. Меня просто в дрожь бросает от мысли, что там соберется вся наша разношерстная семья.

– Зато прекрасная возможность всем представить Энди, – заметила я.

– Ничего страшного, – храбро сказал он. – Я не против больших семей.

– Да и я, в сущности, – призналась Жюли. – Просто в массе Донеганы несколько утомительны.

По телевизору шла «Правдивая ложь» с Арни в главной роли. Энди заметил, что у Джеми Ли Кертис – самое совершенное тело в мире. Пока мы баловались чаем с конфетами, Арни благополучно спасал Джеми Ли, а заодно и весь свободный мир от гибели.

– Потрясающе, – сказала Жюли, когда фильм кончился. – Совершенно

неправдоподобно. Я имею в виду даже не фильм – я имею в виду скорей живот Джемми. После семнадцати у женщин такого вогнутого живота не бывает.

– А у меня и в семнадцать такого не было, – призналась я. – И, судя по всему, уже никогда не будет, потому что мне больше нравится отдавать должное этим замечательным конфетам.

– Что ж, раз тебе нечего терять, ты можешь себе заодно позволить и кусочек фруктового торта!

Мы с Жюли отправились на кухню за тортом.

– До чего же я счастлива! – щебетала Жюли, разрезая торт. – Я просто не могу в это поверить!

– Кажется, раньше ты говорила, что если он позвонит, то ты еще подумаешь, стоит ли вообще с ним разговаривать.

– Ты что, с ума сошла? – Жюли не на шутку испугалась. – К тому же он не позвонил. Он явился лично. И я его очень люблю.

Это было видно невооруженным глазом, потому что их любовь каждую минуту выражалась в массе самых незначительных вещей. В том, с каким взаимным пониманием они смотрели друг на друга, как они представляли себя в будущем единым и неразделимым целым. Точно так же я чувствовала себя с Тимом. Внезапно меня захлестнула такая волна отчаяния, что я едва не заплакала.

– Я сейчас приду, – пробормотала я, выбегая в туалет.

Там я села на крышку унитаза и подперла голову руками. Мое отчаяние на этот раз не было связано с потерей Тима – это была самая настоящая ревность.

Мне самой стало страшно от силы своей ревности. И к кому? К своей лучшей подруге! Я завидовала тому, что она любит и любима, а я сижу здесь одна. Как это глупо, говорила я себе. Как по-детски. Я преодолела свое чувство к Тиму, всю историю оставила позади. Так чего же мне вдруг стало так больно?

Но я не могла ничего с собой поделать.

Если бы все у нас вышло хорошо, то сейчас у нас был бы уже ребенок. Мы стали бы настоящей семьей. Какая я дура, говорила я себе, зажимая руками рот, чтобы не разреветься вслух. Прекрати сейчас же дурить, Изабель!

Кто-то однажды сказал, что зависть – самое непродуктивное из всех чувств. Я напомнила себе это изречение, постаралась взять себя в руки и вернулась в гостиную, где вместе с Жюли и Энди продолжала праздновать их счастливое соединение.

Глава 18

ПЬЕРО И ГИТАРА

(Сальвадор Дали, 1924)

В Ретиро-парке я сидела под деревом и просматривала журнал «Алло!». Меня не интересовали напечатанные там сплетни и фотографии инфанты Елены на Лазурном берегу – я практиковалась в испанском языке. Вот загорелый и пышущий здоровьем Леонардо ди Каприо получает очередную кинопремию. Для тебя он слишком молод, Изабель, вздохнула я с грустью... Слишком молод и далек!..

Я зевнула. Прошлым вечером мы снова встречались с Барбарой и Бриджет и засиделись допоздна. На этот раз поводом послужила беременность Бриджет.

Ну вот, думала я, Бриджет беременна. Всего год назад в это же время она знать не знала Томаса, и вот – она уже носит его ребенка. Поженившись, они переехали в новое жилье, на другом конце города. Я была там несколько раз, и увиденное меня потрясло. В квартире, которую Бриджет снимала с Барбарой, вечно царил хаос: в мойке громоздились грязные тарелки, на креслах грудями валялось неглаженое белье, в ванной во всех мыслимых и немыслимых местах сушились трусики. Но теперь все было по-другому. Семейное гнездышко Томаса и Бриджет отличалось красотой и уютом. Отполированные деревянные полы, под ногами яркие ковры, которые молодожены привезли из свадебного путешествия по Мексике, современная мебель, которая в таком старинном доме должна была по идее выглядеть неуместной, но почему-то не выглядела. Возвращаясь от них к себе, я всякий раз чувствовала, что совершаю прыжок не только в пространстве, но и во времени. Все здесь было не так: и мебель слишком громоздкая, и стоит она неудобно, и безделушек вокруг слишком мало, чтобы кто-то мог догадаться о моем вкусе и почувствовать индивидуальность хозяйки. Эта квартира навевала на меня тоску.

После замужества Бриджет Барбара предложила мне переехать к ней, но я отказалась. У нее дома всегда толпилось слишком много гостей, и к тому же я привыкла жить самостоятельно.

В парке было полно народу. Воспользовавшись первым теплом, мадридцы в массовом порядке ринулись на природу, и парк снова заселился продавцами воздушных шаров и попкорна, гитаристами и флейтистами,

семьями с детьми и влюбленными парочками.

Как была, в джинсах и свитере (пусть меня считают туристкой!), я легла на траву и положила под голову журнал. Мне было очень хорошо и спокойно. Никуда не хотелось спешить, не к чему было стремиться. Мне даже не мечталось, чтобы моя жизнь сложилась по-другому. Звуки гитары ласкали слух, вокруг звенели детские голоса, лицо оведал нежнейший ветерок. Я чувствовала себя необыкновенно, совершенно умиротворенной. Как будто вся предыдущая жизнь прошла только для того, чтобы подготовить это волшебное мгновение. Все было так, словно лучше уже и быть не может. Я улыбнулась самой себе и погрузилась в приятную дремоту...

Когда я проснулась, гитаристы уже не играли, и детских голосов не было слышно на дорожках. День клонился к вечеру, но все еще стояла приятная теплынь. Вдруг я почувствовала, что очень голодна, и тут же вспомнила, что с утра ничего не ела. Я встала, отряхнула с джинсов траву, несколько раз провела рукой по волосам и пошла к выходу из парка. Там было небольшое кафе, и, проходя мимо него, я вдруг поняла, что если туда не зайду, то тут же на месте умру с голода.

На террасе сидело мало народа: для испанцев вечер казался прохладным, но только не для меня, которая с жадностью впитывала в себя последние лучи солнца. Я уселась на террасе и заказала себе кофе и тарталетки. Чувство тишины и покоя все еще не покидало меня.

Просто поразительно, до чего же человеку может быть хорошо!

Вдруг возле кафе раздались голоса.

– Я же тебе говорила, Джерард! – Женщина в ярко-розовом костюме резко выговаривала своему спутнику, покусывая дужки ненужных к вечеру солнечных очков. – Нам надо было повернуть налево!

– Ну хорошо, согласен. – Физиономия Джерарда выражала напряжение мысли. – А почему на указателе стояло направо?

– Очевидно, направо у них другая художественная галерея, – высказала предположение женщина.

– Просто невероятно! – кипятился Джерард, поправляя перекинутый через плечо ремень. – Сколько в этом городе художественных галерей? Ну хорошо, это чертово Прадо. Раз уж мы в Мадриде, то без Прадо не обойтись. Но все остальные – это просто пустая трата времени. – И он неопределенно взмахнул в воздухе рукой.

Одним взмахом руки Джерард разжаловал в ненужные одну из самых знаменитых художественных галерей мира. Они медленно побрели вдоль по улице.

Я тоже взглянула на часы: пожалуй, и мне пора домой. Вот только оплачу счет. Я долго рылась в сумочке в поисках кошелька. Кошелька нигде не было. Меня охватила паника. Перед мысленным взором немедленно встала картина, как я объясняю официанту, что денег у меня нет, и при этом забываю весь свой продвинутый испанский язык, так что официанту ничего не остается, как вызвать полицию.

Но это же ерунда, постаралась уверить я себя. Кошелек должен быть на месте, возможно, на дне сумочки. Только там его тоже не было. Вот зачитанная книга, вот флакон с духами «Аллюр», вот связка ключей, вот тюбик с кремом «Фактор-6», вот гигиеническая помада, вот несколько давно купленных, но так и не отправленных открыток с видами Мадрида. И никаких признаков кошелька.

Меня снова охватила паника. Надо сосредоточиться, говорила я себе, вспомнить, где я могла его забыть. Только не в метро, потому что у меня многоцветный билет. И не в парке, потому что там я просто сидела под деревом и в деньгах не нуждалась. Но где же тогда он может быть?

А, наверное, в отдельном карманчике, вспомнила я вдруг. Может быть, он проскользнул туда случайно, а я даже не заметила. Я туда клала иногда вещи для пущей сохранности, но только не в этот раз. Тщательные прощупывания карманчика ничего не дали. Кроме упаковки тампаксов, там ничего не было.

Ну вот, подумала я, только этого мне не хватало.

Я вновь запихнула все вещи в сумку и некоторое время просто сидела, оттягивая неприятный момент объяснения с официантом.

– Пардон, – раздалось у меня над ухом. Я подняла глаза и увидела улыбающегося мужчину. – У вас проблемы?

– Нет. – Я тоже улыбнулась ему как можно любезнее. – Никаких проблем.

– Вы англичанка? – догадался он.

– Нет, – снова ответила я.

– Но ведь не испанка же?

– Нет. – Нашел время для знакомства, подумала я с раздражением.

– Так кто же вы? Неужели американка?

– Нет. – У меня не было желания вступать с ним в разговор. – Но если вам так интересно, то я ирландка.

– О, ирландеса! – воскликнул он радостно. – Я бывал в Ирландии. Прекрасная страна.

«Господи, что же делать? – думала я мучительно. – Как все это сейчас нехстати».

– Вы здесь отдыхаете? – спросил он, присаживаясь за мой столик.

– Нет, я здесь работаю. – Мне очень хотелось, чтобы он ушел. – Простите меня, пожалуйста, но мне надо идти.

– Куда вы пойдете? У вас же нет денег!

Я посмотрела на него с ужасом. В ответ он только засмеялся.

– Не стоит отнекиваться, – продолжал он. – Я видел всю вашу пантомиму с сумкой, как вы извлекали из нее вещи. Кстати, вы пользуетесь хорошими духами. Так что не составляло труда догадаться, что кошелек вы там не нашли.

– Наверное, я его потеряла, – жалобно произнесла я, не смея взглянуть ему в лицо.

– Ну разумеется, – сказал он. – Разве такая девушка, как вы, отправится в кафе, не имея денег, чтобы оплатить свой заказ?

Я вспыхнула. Очевидно, он считает меня мелкой воровкой. Считает, что я только тем и занимаюсь, что захожу в разные кафе, а потом убегаю из них, не заплатив.

– Я вас уверяю, – начала я хныкающим тоном. – Я была совершенно уверена, что кошелек со мной.

– Ну вот видите – у вас проблемы.

– Я все объясню владельцу, – беспомощно оправдывалась я. – В конце концов, мой долг составляет не такую уж большую сумму.

– Но туристы сплошь и рядом убегают, не заплатив, – насмешливо сказал он.

– Ничего подобного! – От возмущения мой испуг куда-то улетучился.

– Все равно. – Он равнодушно пожал плечами. – Я хочу сказать: может, вы позволите мне за вас заплатить, и тем исчерпать сей неприятный инцидент?

«Ах, вот куда он клонит!» – подумала я.

– Что ж, хорошо, – развязно согласилась я. – Только пусть сеньор скажет свое имя и адрес, и я завтра же верну ему эти деньги.

Он изогнул одну бровь.

– Пожалуй, – сказал он. – Только не проще ли просто заплатить, и все?

– Для меня не проще.

– Но почему?

– Потому что у меня нет привычки позволять чужим мужчинам оплачивать свои счета.

Он засмеялся. Очень хорошим смехом. И после этого сразу же перестал казаться страшным и агрессивным и превратился в незнакомца, действительно желающего помочь. Тут я увидела, что он гораздо моложе,

чем показался мне с первого взгляда, тридцать с небольшим разве что. Вот только глаза его были скрыты за темными очками. У него было худое лицо, гладкие черные волосы, и вообще, он был очень привлекательным. Не совсем мой тип, подумала я. Мне нравились изящные тонкие мужчины с красивыми лицами. Для этого у него были слишком широкие плечи. Но все равно, что-то в нем было такое... Я отвела взгляд, чтобы не думать о таких вещах. Он был одет в джинсы и майку с рисунком Хуана Миро, на плечи его был наброшен кожаный пиджак.

– Вы говорите, как в кино 1960-х годов, – сказал он. – Вроде как Одри Хепберн. Только по сравнению с ней вы не такая хрупкая. Разве что разрез глаз у вас тот же самый.

Я слегка улыбнулась и, не удержавшись, сказала:

– Как глупо!

– Совсем не глупо, – ответил он. – Это с вашей стороны глупо. – Он с чувством взмахнул руками. – Мне всего лишь надо от вас, чтобы вы позволили мне за вас заплатить. А дальше разойдемся по домам, и никаких проблем.

Я снова испытующе взглянула на него. Его улыбка была весьма располагающей.

– Я знаю, что для вас я незнакомец, подозрительный тип, – продолжал он, но теперь я уже знала, что бояться его не стоит. – Но если я представлюсь, то перестану быть таким уж подозрительным. – Он протянул мне свою руку. – Николас Хуан Карлос Альварес, – сказал он. – Но друзья зовут меня просто Нико.

Я пожала его руку. У него было крепкое и решительное пожатие.

– Очень мило с вашей стороны, сеньор Альварес, сделать мне такое предложение, но я все-таки боюсь...

– А вы не бойтесь, – перебил он меня. – Просто действуйте.

– Я вам обязательно верну эти деньги, – пообещала я.

– Разумеется! – воскликнул он. – Хотя и не обязательно.

– Это случилось не нарочно...

– Разумеется! – снова воскликнул он. – Вы вряд ли рассчитывали на то, что под рукой окажется такой тип, как я.

Он снял очки, и я увидела его глаза. Со мной произошло нечто вроде электрического удара: волна физического влечения подбросила меня и подхватила снова. В животе начались спазмы, губы пересохли, пальцы вцепились в сумочку. Я несколько раз беспомощно сглотнула и устала в стол.

– Ну вот мы и договорились, – говорил между тем он. – Я за вас плачу.

– Его голос доносился до меня откуда-то издалека.

– Хорошо, – прохрипела я.

Он подозвал официанта, который все это время с любопытством за нами наблюдал.

– И всего-то? – протянул Николас разочарованно, услышав названную им сумму.

– Да. – Я старалась не смотреть ему в глаза. Внезапно он стал серьезным.

– Вы сказали, что здесь работаете? – спросил он. – Значит, вам есть где переночевать?

– Разумеется, есть. – Мне не понравился его вопрос. – Когда я сказала, что забыла кошелек, то говорила сущую правду. А может, я его потеряла в Ретиро-парке.

– Вы сегодня были в парке?

– Да.

– И я тоже, – признался он.

– Вот и прекрасно. – Мне очень хотелось поскорее покончить с этой неприятной процедурой и пойти домой.

– Только вы не сказали одного, – продолжал он. – Как ваше имя, ирландеса?

– Меня зовут Изабель.

– Изабелла! – Он со вкусом посмаковал это имя, растягивая каждую гласную.

– Нет, – поправила его я. – Изабель.

– Но Изабелла красивее, – улыбнулся он.

– Как хотите. – Мне было все равно.

В это время официант принес счет, и я вздохнула с облегчением. Николас вытащил из кармана пухлый кошелек.

– Мне надо идти, – заторопилась я. – Сеньор Альварес, я вам очень признательна за то, что вы помогли мне в трудную минуту. Я пришлю вам деньги сюда.

– Не стройте из себя дурочку. – Он на минуту посуровел. – Такая ничтожная сумма не стоит даже разговоров о ней.

– Хорошо. – Мне не хотелось с ним спорить. – Но в таком случае могу я еще раз вас поблагодарить и откланяться?

Лицо его снова разгладилось, и он улыбнулся своей симпатичной улыбкой.

– Разумеется, – сказал он. – Приятно было с вами познакомиться, Изабелла.

– И я очень рада, что вы так удачно спасли меня от ареста, – сказала я, вставая и подхватывая сумочку на плечо. – Адьюс.

– Адьюс.

Я шагала по улице, не оглядываясь. Но все равно знала, что он смотрит мне вслед. И чувствовала на себе его взгляд до тех пор, пока не повернула за угол.

Кошелек преспокойно лежал на обеденном столе. Что-то я не помнила, как его сюда положила. Какая рассеянность, думала я про себя, просто безголовость. Теперь, находясь дома, я себя чувствовала в полной безопасности, вдали от разных физических наваждений. Мне даже показалось, что я была слишком сурова с Николасом Альваресом. Наверное, это все потому, что он такой привлекательный, и потому еще, что меня удивила собственная реакция. Мне пришлось защищаться, говорила я себе, хотя, с другой стороны, в этом не было никакой нужды. Он ко мне не клеился, и в этом смысле я зря льщу себя надеждой. Просто он видел, как я расстроена. Он счел меня туристкой, которой требовалась помощь в чужом городе. А я вела себя совершенно по-детски. И это все потому, что меня к нему вдруг потянуло. Совсем не так, как к тем мужчинам, с которыми я спала в свои первые испанские дни. Даже не так, как к Луису Кардозо. Со мной произошло нечто вроде электрического удара, нечто страшное и оглушительное. Впрочем, раньше все мои влюбленности именно так и начинались. Точно так же в свое время меня притянуло к Тиму Мэлону.

Я поехала. Мне не хотелось вновь погружаться в подобные авантюры. Я даже считала, что все эти всплески чувств для меня уже заказаны. И этот незнакомец на самом деле никакого реального интереса у меня не вызвал, убеждала я себя. Я должна больше думать о своей карьере. О своей блистательной карьере в профессионально-образовательной компании «Адванта».

В это время Габриэла прикупила себе новую компанию, связанную с компьютерами. Ее владелец Алехандро Джанкоза все еще курировал деятельность своей компании, но Габриэла дала поручение мне и Луису, чтобы мы постепенно входили в курс дела. Теперь у нас появилось больше свободы и ответственности, и мне это очень нравилось. Мне ни под каким видом не хотелось расплыться на первого встречного, который заставил дрожать мои коленки.

Однако, как ни крути, а он очень привлекательный. Перед моим мысленным взором он обрисовался вполне ясно. И от этого тревожно забило сердце.

Нет, упрямо повторяла я себе, никакой он не привлекательный. Просто я благодарна ему за то, что он вытащил меня из дурацкого положения. Да и кто он такой? Что я о нем знаю? Он сказал, что тоже был в Ретиро-парке. Интересно, что он там делал? Может, ему тоже нравится музыка? И в особенности игра на классической гитаре, которая там постоянно звучит? Или книги? По его виду можно предположить, что вряд ли ему близки готические романы в стиле «Ребекки» или слишком английские произведения вроде Джейн Остин. Скорее ему должен нравится стиль «хэви металл» и Дин Кунц. А может, и нет. Кто его знает? У него на майке рисунок Миро. Человек, который носит на груди картину Миро, должен сам в душе быть художником.

Изабель, одернула я себя, ты просто сошла с ума. Миро сейчас снова в моде. Николас Альварес может с одинаковым успехом увлекаться Миро и Митлуфом.

Я легла спать очень рано. Мне хотелось выспаться. Последнее время мы слишком много по вечерам работали, и вот пожалуйста, уже сказывается усталость.

Каждый понедельник мы устраивали рабочую встречу в отеле «Кастеллана». Габриэла, Магдалена, Алехандро и либо я, либо Луис, – в зависимости от того, о чем должна была идти речь. Если о счетах, то шел Луис, если о стратегии обучающих курсов, то шла я.

Сегодня была моя очередь. Мы обсудили летнее расписание курсов, поговорили об успехах и ошибках весенней сессии и перешли к рекламной кампании до конца года.

– Тут есть еще кое-что, – под конец сказала Габриэла, собирая со стола бумаги. – В пятницу нас пригласили на вечер по случаю присуждения премий в области среднего бизнеса. Пожалуйста, освободите себе пятницу от всех других мероприятий.

Я записала это в персональный органайзер. После покупки компьютерной фирмы мы все стали технически очень подкованными, и у каждого из нас появился органайзер. Иногда я испытывала ностальгию по своей потрепанной записной книжке, но каждый раз со вздохом признавала, что органайзер удобнее. С одной стороны, из него легко можно было перегрузить информацию в персональный компьютер, и мне не надо было долго листать страницы, исписанные быстрыми каракулями, в поисках нужного места. Но, с другой стороны, для доступа к этой информации приходилось тратить больше времени, и то, что раньше можно было просто прочитать, теперь находилось как бы в запертом сейфе.

У меня в этом месяце оказался очень плотный график общественных мероприятий. Я превратилась в какого-то социального мотылька. Для пятничного вечера нужно было к тому же сшить себе новое платье. С некоторых пор я снова начала шить себе вечерние туалеты, потому что в магазинах на мою коротенькую фигурку почти ничего путного невозможно было подобрать. Между тем хороший внешний вид сотрудников был очень важен для репутации компании.

В этот же вечер я отправилась по магазинам в поисках ткани на платье. В жаркое время года все магазины, исключая крупные универмаги, днем закрывались на сиесту, зато по вечерам работали допоздна. В одном из них я купила себе отрез темно-красного шелка. Выйдя со свертком на улицу, я вдруг услышала:

– Изабель, привет! – Это была Барбара, нагруженная покупками.

– Ты что, собралась скупить весь город? – поинтересовалась я.

– Так ведь новый сезон, – объяснила Барбара, которая была магазинным маньяком. Она не могла спокойно пройти мимо ни одной новой вещи без того, чтобы хотя бы ее не примерить.

– Что купила? – продолжала расспрашивать я.

– О, ничего особенного. Пару юбок от Монди. Хорошенькие брючки от Макс Мара. Кардиган от Фенди. – Она обожала дизайнерские лейблы.

– Хочешь, выпьем кофе? – предложила я. – Пойдем на Пласа Майор, послушаем гитаристов.

– Идет, – согласилась она. – У меня от усталости подламываются ноги.

– А как ты хочешь? В такой обуви разве можно ходить по магазинам?

У нее на ногах были туфли на высоких каблуках, совершенно не предполагающие удобство ношения. Она засмеялась.

– Всегда надо выглядеть хорошо, – сказала она. – А то мало ли когда это может пригодиться.

– А то мало ли когда придется давать стрекача по неровной дороге, – в тон ей заметила я.

Мы сели за столик одного из уличных кафе. Через некоторое время официант поставил перед нами две чашки кофе. Пласа Майор – центральная площадь города – была заполнена народом. Здесь собрались болельщики двух главных мадридских футбольных клубов – «Реала» и «Атлетико». Одетые в майки клубных цветов, они размахивали флагами и поливали друг друга довольно беззлобными ругательствами. Среди этого гвалта гитаристам ничего не оставалось делать, как покинуть площадь.

– Я и забыла про матч, – с досадой сказала Барбара. – Хотя как можно

про него забыть, когда об этом трубят все газеты уже, наверное, с неделю.

– «Реал» победит, – твердо пообещала я. – Два – ноль.

Барбара вздохнула.

– Какая разница? – без всякого интереса спросила она.

– Тебе надо сходить на стадион, – убежденно сказала я. Мы с Магдаленой пару раз сходили на матч, и, к моему удивлению, мне очень понравилось.

– Единственная команда, за которую я в своей жизни болела, это «Ливерпуль», – сказала Барбара. – Да и то лишь из патриотических соображений.

Мы разглядывали возбужденную толпу на площади.

– Изабелла! – вдруг раздалось откуда-то из ее недр. Я начала растерянно оглядываться.

– Изабелла! Какая встреча!

Я села на стуле очень прямо. Барбара воззрилась на меня с удивлением. К нам подходил Николас Альварес с гитарой в руках. Он встал напротив нашего столика и спросил:

– Как поживаете, Изабелла?

– Хорошо, – ответила я. – Спасибо.

Он скользнул глазами по Барбаре, которая улыбнулась ему в ответ.

– А это моя подруга Барбара Лейн, – поспешила представить я.

– Очень приятно, – ответил Альварес и тоже представился.

– Не хотите ли к нам присоединиться? – любезно спросила Барбара. –

Мы как раз собирались заказать пиво.

– Спасибо, – сказал он, придвигая к себе плетеное кресло и усаживаясь.

– Так, значит, вы тоже футбольный болельщик? – спросила я.

Он покачал головой.

– Нет. Просто какой смысл играть, когда тут такое творится?

– Так, значит, вы играете на гитаре? – восхищенно воскликнула Барбара.

– И не только я, – ответил он. – Нас трое. Иногда мы играем здесь, иногда в Ретиро-парке. А иногда, когда повезет, на каком-нибудь празднике в отеле.

«Сколько же раз я его слышала в парке?» – подумалось мне немедленно.

– Как это прекрасно – уметь играть на музыкальных инструментах! – продолжала болтать Барбара, одновременно строя ему глазки. – И часто вы здесь играете?

– Да, часто.

– Изабель, почему ты нас раньше не познакомила с Николасом? – невинно спросила она меня. – Ты же знаешь, что я просто обожаю гитарную музыку!

Честно говоря, я первый раз об этом слышала.

– Мы познакомились недавно, – ответила я вслух. – И к тому же я не знала, что он музыкант.

– Я не совсем музыкант, – поправил меня Альварес. – К сожалению, у меня есть дневная работа. В фармацевтической компании.

– Так это же прекрасно! – с энтузиазмом воскликнула Барбара. – В наши дни музыканты не должны голодать. – Она выразительно выстрелила в него глазами. Мне ее выстрелы начинали уже порядком надоедать.

– Вы нашли свой кошелек? – обратился он ко мне.

– Да, я оставила его дома. Хорошо, что мы с вами теперь встретились, и я могу вернуть вам долг. – Я достала из сумочки свой знаменитый кошелек.

Очевидно, он понял, что зря про него спросил.

– Ничуть. – Он решил исправить свою ошибку. – Вместо этого вы можете купить мне пиво.

– Но...

– Никаких но! Я с большим удовольствием вас спас.

– Спас? – с удивлением переспросила Барбара.

– Да, – ответила я. – Нико однажды за меня заплатил, когда у меня куда-то запропастился кошелек.

– Как галантно! – с энтузиазмом воскликнула Барбара.

– Да, я такой, – скромно сознался Нико, показывая прекрасные белые зубы.

– Ну так вы мне скажите, – спросила Барбара, – вы даете уроки?

– Уроки?

– Да, уроки игры на гитаре?

– Нет. Не думаю, что я на это способен.

– Но почему?

– Потому что у меня нет терпения, – ответил он.

– Это хуже, – разочарованно пропела Барбара. – А то я бы попросила вас меня поучить.

– Если вы хотите учиться, я могу найти вам хорошего учителя, – сказал Нико.

– Это очень мило с вашей стороны. – Она снова одарила его лучезарной улыбкой.

Я сидела молча, как статуя. Я долго шарила в своем мозгу в поисках хоть какой-нибудь мысли, и ничего не могла нашарить. Внезапное появление Нико совершенно выбило меня из колеи. Пусть он далек от моего идеала – он такой экспансивный, и неряшливый, и совершенно не похож на типичного мадридца – безукоризненного, вылощенного, – но все равно, волна физического влечения захватила меня целиком.

Мы заговорили о покупках.

– Я как всегда сорю деньгами! – охотно созналась Барбара.

– А я купила материал на платье, которое собираюсь сшить, – не стала скрывать я.

– Вы портниха? – От удивления он поднял брови. – Вот уж не думал, что вы портниха.

– Я портниха только время от времени, – сказала я. – Точно так же, как вы время от времени музыкант.

– А платье будет для особого случая? – спросил он.

– Нет. Для работы.

– А какая у вас работа?

– Учебная компания. Ничего романтического.

– А вы? – Он повернулся к Барбаре.

– А я преподаю английский язык в частном колледже.

– У вас безупречный испанский, – сделал он ей комплимент.

– Мне самой кажется, что я жила здесь всю жизнь.

– А где вы живете?

Мне стало интересно, ответит ли ему Барбара. Ведь в сущности, мы ничего о нем не знали. Мать предупреждала меня о кишацих преступниками иностранных городах, и ее предупреждения внезапно всплыли в моем мозгу. Но Барбара не задумываясь дала ему свой адрес.

– Вы можете как-нибудь зайти ко мне на чашечку кофе, – прощепетала она.

– С удовольствием. А вы вместе живете? – обратился он ко мне.

– Нет.

– А где же вы живете?

Было бы очень грубо после Барбары не дать ему свой адрес, и я ответила: «Эдифисио Джерона». Такой ответ ни к чему не обязывал. В Мадриде, наверное, полно кварталов с подобным названием. Вскоре после этого он откланялся и ушел.

– Какой потрясающий мужчина! – с восхищением выдохнула Барбара, когда он исчез в толпе. – Мимо такого экземпляра ты, конечно, не могла пройти.

– Ой, я тебя умоляю, Барбара. – Я устало прервала ее поток. – Он такой грязнуля.

– Да что ты говоришь! – не поверила она мне. – Уж ты-то должна понимать, что более сексуального мужчины на мадридских улицах не встретишь.

– Я признаю, что он привлекательный, – выдавила я из себя. – Но ты ему больше понравилась.

– Надеюсь, что так, – самодовольно заулыбалась она. – В таких ручищах каждая мечтает побывать.

Я засмеялась.

– Ты сумасшедшая!

– Ничуть, – возразила она. – К тому же кто бы говорил, только не ты...

– Ой, Барбара, я тебя умоляю!

– А что я такого сказала?

– Мне сейчас не до мужчин. У меня полно работы.

– Да что работа? – без всякого интереса возразила она. – На свете есть вещи поинтереснее работы.

Вечером, ложась в постель, я убеждала себя в том, что никакого интереса он у меня не вызывает. Я сыта по горло всеми этими одноразовыми акциями.

А в том, что у такого мужчины, как Нико, полно одноразовых акций, не могло быть никакого сомнения. В следующий раз, говорила я себе, я лягу в постель только с тем мужчиной, про которого буду знать, что это навеки. А раз ни с одним из мужчин у меня нет такой уверенности, то, пожалуй, мне лучше вообще не ввязываться ни в какие авантюры. Так гораздо лучше.

И спокойнее.

Глава 19

НАТЮРМОРТ С ХЛЕБОМ И ФРУКТАМИ В ВАЗЕ

(Пабло Пикассо, 1909)

В здании, где мы с Луисом работали после присоединения к нам новой компании, было одно существенное преимущество: маленькая душевая. Теперь можно было принять душ в середине дня, если жара становилась невыносимой, или в конце дня, когда надо было переодеться и привести себя в порядок перед каким-нибудь вечерним мероприятием.

В пятницу, когда должно было состояться присуждение премий, мы все работали допоздна, потому что в этот день заканчивался наш семестр и предстояло подвести его итоги. Я принимала душ и думала вовсе не о предстоящем ужине, а о Нико Альваресе. Мне уже надоело думать о нем так, словно мне только что стукнуло шестнадцать и я снова влипла в какую-то несусветную авантюру. Но я просто не могла выбросить его из головы.

Может, во мне говорило задетое самолюбие, потому что Барбара уж точно не упустит свой шанс и кинется ему на шею при первой же возможности. А может, мне было просто интересно, смогу ли снова стать привлекательной для мужчин. Как бы то ни было, итог моих мыслей всегда оставался плачевным.

Я уже застегивала на шее жемчужное ожерелье, когда в дверь офиса постучал Луис.

– Потрясающе! – воскликнул он, оглядывая меня с ног до головы.

– Спасибо. – Я повертелась перед ним, чтобы лучше показать ему новое платье. Темно-красный шелк прекрасно оттенял мою бледную кожу.

– Вот бы мне научиться одеваться так же элегантно, как ты, – плаксиво пожаловался он. – На мне ни один костюм не сидит как следует.

– Ха! – Я слегка расправила его смокинг, чтобы тот не выглядел так, словно Луис его только что украл или позаимствовал с чужого плеча, и мы вышли на улицу.

Погода стояла отличная, ни малейшего желания проводить вечер в душном помещении у нас не было. Но мы обещали Габриэле, что будем, и нам ничего не оставалось делать, как идти.

– Наконец-то! – воскликнула Габриэла, когда мы вошли в фойе отеля, и тут же засыпала нас массой вопросов по поводу работы. Потом спросила:

– Вы, конечно, знакомы со всеми, кто будет сидеть за нашим столом? Имейте в виду, что это наши лучшие клиенты, поэтому постарайтесь быть с ними полюбезнее.

– Разумеется, мы постараемся, – ответила я за двоих. – Я даже слова ни скажу, когда Альберто Мартинес сравнит мои груди с мягкими спелыми персиками.

– Изабель! Не может быть, чтобы он такое сказал!

– То есть он это сказал не мне персонально, – захихикала я. – Он произнес эти слова по телефону и упомянул при этом «пикантную ирландесу», так что я поняла, что речь идет обо мне.

Луису мой прикол вполне понравился, а Габриэле не очень. Она натянуто улыбнулась, но тут в зал вошел Альберто Мартинес, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить хладнокровие.

Александр, бывший владелец компьютерной компании, приехал вместе с Магдаленой как раз к ужину. Он, вроде Луиса, явно не был создан для строгих бизнес-костюмов, но на этот раз, в отличие от Луиса, смокинг сидел на нем превосходно, и волосы не падали ему на лицо нечесаной артистической гривой.

– Слушай, какой он красивый! – прошептала я на ухо Магдалене, когда мы расселись за столом.

– Да, – сдержанно ответила она.

– Раньше я такого за ним не замечала! – я продолжала его расхваливать, и вдруг заметила, что Магдалене от моих слов явно не по себе: она нервничает, тербит салфетку.

– Слушай! – догадалась я. – А нет ли между вами чего-нибудь этакого?..

Вопрос еще больше ее смутил.

– Ничего особенного нет, – тихо ответила она.

– А не особенного?

– Изабель! – она посмотрела на меня умоляющим взглядом. – Не спрашивай меня пока. Он пригласил меня в кафе, и я согласилась, вот и все.

– Ах ты, маленькая притворщица! – захихикала я. И про себя подумала, что заводить связи на рабочем месте – последнее дело. Луис не в счет. Наша с ним ночь была полным помрачением ума. И, кроме того, он после этого не порвал со своей девушкой.

Вечер тянулся долго и скучно. Присутствующие по очереди произносили какие-то малоинтересные речи, потом с чем-то друг друга

поздравляли, и мне показалось, что я вот-вот усну. Но потом вдруг объявили победителя номинации «Бизнес-персона года», и мы все с удивлением услышали имя Габриэлы.

Ее тоже это несказанно удивило. Мне всегда казалось, что любые награды присуждаются заранее, так что у победителя есть время подготовить приличную случаю благодарственную речь, но Габриэлу награда застигла абсолютно врасплох. Несколько секунд она потрясенно молчала и оглядывалась кругом, как будто в поисках второй Габриэлы Суарес, которой эта награда предназначалась в действительности. Но затем все заплодировали, и ей ничего не оставалось, как выйти на эстраду и получить приз победителя – чудесную хрустальную вазу.

– Я очень тронута, – произнесла она дрожащим голосом. – Тем более что награда стала для меня полной неожиданностью. – Постепенно ее голос окреп и вернулось самообладание. – Я основала компанию пятнадцать лет назад и была в ней сперва единственным работником. А теперь у нас двадцать штатных сотрудников и множество тех, кто работает по сезонному контракту. Мне очень приятно, что усердный труд всех этих людей получил такую высокую оценку и что имя компании теперь пользуется заслуженным уважением. Я считаю, что врученный мне приз на самом деле относится ко всем сотрудникам нашей компании и ко всем, кто с ней связан. Большое спасибо!

Мы все встали и снова заплодировали. Момент был очень волнующим, хотя минут пять назад я думала о том, что все эти награды гроша ломаного не стоят. Потом начались фотографирования, рукопожатия, поздравления и новые речи. Мы и наши клиенты считали за честь лично поздравить победительницу, все восклицали: «Хорошо сработано, Габриэла!» и «Ты – суперженщина!». Потом официант принес шампанское «Дом Периньон» и разлил всем по бокалам. Мы чокались с Габриэлой и с нашими клиентами, и меня переполняла гордость за нашу компанию.

Чуть позже, когда все клиенты разошлись, мы еще посидели за столом в тесном кругу.

– Жаль, что твой муж не пришел, – сказал Луис, обращаясь к Габриэле.

– Он ненавидит подобные мероприятия, – ответила она. – Все эти строгие костюмы, любезности.

– Трудно его за это осуждать, – сказал Луис, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки и расслабляя галстук-бабочку. – Такая одежда неестественна.

– Вот поэтому и лучше идти по жизни рука об руку с партнером по

бизнесу, – сказала Магдалена. – Он-то уж знает, как ведутся дела.

– Мой муж знает, – сдержанно ответила Габриэла. – Поэтому и не приходит.

– Но ведь ты тоже вряд ли ходишь на собрания ветеранов, – высказал предположение Луис.

– Он меня не приглашает, – со смехом ответила Габриэла. – И своих друзей к нам не зовет.

Все засмеялись, вообразив, как могут смотреться за роскошным столом Габриэлы все эти собранные в одну кучу кошки и собаки. Потом мы заговорили о планах на завтра. За прошедшую неделю все очень устали и теперь мечтали только о том, как бы отдохнуть. Только у меня одной в плане стояло пополнение запасов в холодильнике и уборка квартиры.

– Последнюю неделю я существовала только на замороженных обедах из супермаркета, – сказала я.

– Но все равно это очень скучно – уборка и закупка продуктов, – лениво заметил Луис.

– Хорошо, что у меня для этих случаев есть помощница, – мечтательно сказала Габриэла, которая за ужином со всеми чокалась и хорошо выпила, и теперь сидела расслабленная и счастливая.

– Тогда ты можешь завтра просто сесть в кресло и наслаждаться жизнью, – сказала я.

– Ничего себе наслаждаться! – воскликнула она. – Завтра с детьми мы едем к бабушке. Туда соберутся другие родственники с детьми, так что там будет настоящее столпотворение!

– Вот что значит быть замужней женщиной с детьми, – назидательно произнесла я.

– А по-моему, нет ничего лучше семейной жизни с детьми, – серьезно заметил Алехандро и многозначительно взглянул на Магдалену.

Мы еще немного посидели, поздравили друг друга с победой и разошлись по домам. Но дома я тоже не могла долго заснуть и некоторое время посидела на балконе. Я думала о Габриэле, которая была так рада получить приз, хотя изо всех сил делала вид, что ей все равно. Я думала о том, какая она успешная, и талантливая, и красивая, и счастливая, и блистательная женщина. И муж у нее есть, который ее обожает, и дети, которых обожает она. Габриэла заслуживала такого успеха! Мне тоже хотелось стать такой, как она. Иметь такую же решительность, и азарт, и силу воли. Я страстно желала узнать секрет успеха.

В субботу утром я надела бесформенную белую майку и зеленые

шорты и посмотрела на себя в зеркало. Мой вид явно оставлял желать лучшего. Несмотря на то, что вчера за ужином я пила очень мало спиртного, а перед сном влила в себя к тому же едва ли не пол-литра воды, все равно утром меня разбудил приступ астмы. Чтобы привести себя в порядок, я сделала несколько впрыскиваний из ингалятора. Вид у меня был усталый, состояние разбитое. Конечно, если переодеться во что-нибудь веселенькое и наложить косметику, то настроение автоматически поднимется и общее состояние улучшится. Но мне лень было в субботу заниматься такими пустяками. В конце концов, я собиралась всего лишь за покупками.

Ингалятор пришлось взять с собой: я не хотела, чтобы приступ астмы застиг меня где-нибудь на улице. В Мадриде моя астма почти прекратила свои атаки, а если таковые и случались, то, как правило, они были не очень сильными. Ободришься, сказала я себе, забрасывая на плечо плетеную хозяйственную сумку, ты с ней справишься.

На лестничной площадке сеньора Карраско известила меня о том, что лифт снова не работает. Значит, на пятый этаж продукты придется тащить на своих двоих. Да и вниз придется спускаться медленно, чтобы не слишком напрягать легкие и не нарушить дыхательный ритм.

На улице мне стало гораздо лучше. Я осторожно поплелась в угловой магазин, где всегда делала субботние покупки. Мне очень нравился этот магазин – маленький семейный супермаркет, где со мной всегда обращались очень вежливо.

Составленный список необходимых покупок я, как всегда, забыла дома. Пришлось на ходу вспоминать, что же в нем было написано. Всякие чистящие и гигиенические принадлежности. Хлеб. Вода. Вода – это очень важно, и я положила в корзинку две литровые бутылки воды. Потом овощи и фрукты. В последнее время я что-то снизила потребление свежих фруктов и овощей, и предстояло этот пробел восполнить. На ужин можно сделать себе макароны с овощной подливкой, а на десерт фрукты. Я начала укладывать в тележку глянцевого баклажаны.

– Здравствуй, Изабелла, – раздалось где-то у меня за спиной.

Я едва не выронила из рук баклажан. В животе у меня начались спазмы. Я обернулась и увидела перед собой Нико Альвареса, который пытался схватить меня за руку.

– Что с тобой?

– Ничего. Со мной все в порядке.

– Ты такая бледная.

– Просто вчера мы долго засиделись в ресторане, – сказала я. – Мы с

сотрудниками ходили в ресторан.

Мне самой было странно, почему это ни с того ни с сего у меня возникла потребность ему это объяснять.

– Ну и как, хорошо провели время?

– Хорошо, – ответила я, укладывая в корзинку персики, сливы, упаковку вишни и большой зеленый арбуз. Корзинка становилась чересчур тяжелой.

– Позволь, я тебе помогу, – сказал он и начал ловко укладывать покупки в сортировочные мешки, а потом их взвешивать. – Неужели ты все это собираешься съесть? – приговаривал он при этом.

– Ну, не сразу, – ответила я слабым голосом, чувствуя дурноту от одной мысли о еде.

Он радостно улыбался.

– Вот и хорошо!

Я встала в очередь в кассу. Как назло, среди моих покупок оказались рулоны туалетной бумаги и дезодорант, которые важно и без всякого стеснения плыли по кассовому конвейеру. Такие все личные вещи, думала я про себя, не очень хотелось бы их выставлять напоказ. Потом я уложила покупки в хозяйственную сумку. Арбуз туда явно не влезал. Нико выхватил у меня из рук и то, и другое.

– Я не могу просить вас их донести, – запротестовала я.

– А тебе и не надо просить, – ответил Нико. – Я их просто так донесу.

Я не возражала. После этого мне ничего не оставалось делать, как только шествовать за ним по пятам напрямик к своему дому, местоположение которого ему, очевидно, было хорошо известно.

– Ну вот, Эдифисио Джерона, – сказал он, когда мы подошли к дому.

– Да, – ответила я тоскливо, – только вот лифт не функционирует. – Я совсем не собиралась говорить стихами, это как-то само получилось. – И живу я на пятом этаже, и в двух руках продуктов тонна.

– Я подниму твои покупки наверх, – бодро сказал он и тут же бросился вверх по лестнице. Мне ничего не оставалось, как снова плестись вслед за ним.

У моей двери Нико остановился.

– Пожалуй, вам лучше войти, – сказала я, отпирая дверь, но мое приглашение прозвучало не слишком гостеприимно.

– Хорошо, – сказал Нико, переступая порог и складывая покупки в холле.

– Спасибо за помощь, – сказала я, не зная, как себя дальше вести.

Впрочем, с тем же успехом я не знала, что ему сказать.

– Ничего, – ответил он.

– Тем не менее... – начала было я.

– Ничего, – снова сказал он. – Просто я поймал тебя не в самый лучший момент.

– Я... То есть, может быть...

– Одно хорошо, что теперь у тебя в доме есть все, что нужно.

– Да... Спасибо... – Я нарисовала на лице улыбку. – Я рада, что с вами столкнулась.

– Столкнуться можно дважды, – сказал он. – Двойное столкновение можно объяснить случайностью. А третий раз это не случайность. Я тебя искал.

– То есть как? – Я поражено воззрилась на него. Он сунул руки в карманы своих широких брюк.

– Я увидел тебя еще на улице и позвал, но ты не обернулась.

– Прошу прощения, – начала оправдываться я. – Я была как во сне. А зачем вы меня искали?

– Думал, а вдруг ты захочешь куда-нибудь со мной пойти.

Я растерянно молчала. Подумать только, он меня искал! Хотел со мной куда-нибудь пойти. Но я не могу никуда с ним идти!

– Это очень любезно с вашей стороны, но...

– Что за но?

– Сейчас я никуда ни с кем не хожу.

– Это очень удобно, – обрадовался он. – Это значит, что ты спокойно можешь пойти со мной и никого при этом не обидеть.

– Нет, вы меня не совсем поняли, – уточнила я. – Я вообще сейчас ни с кем не хочу встречаться.

– Почему?

– Это связано... Не знаю, как объяснить... Просто я сейчас к этому не готова...

– Не готова? – Он смотрел на меня с удивлением. – В каком смысле ты не готова, Изабелла?

Теперь я окончательно не знала, что ему сказать. Что я не хочу себя тревожить? Что не готова себя связывать с кем-нибудь одним? И именно с ним в последнюю очередь. И все потому, что он такой привлекательный?

Любое мое объяснение показалось бы ему смешным.

– О Изабелла, тебя не съем! – продолжал он меня уговаривать. – Мы просто пойдем куда-нибудь поужинать. Или в кино. Или в кафе. Куда ты захочешь.

Я тревожно сглотнула. Сказать «да» было очень страшно.

– В чем дело, Изабелла? – спросил он. – Чего ты боишься?

– Ничего. – Мне самой стало смешно. – Чего мне бояться? Я буду рада пойти с вами в кафе.

– Сегодня?

– Сегодня я не могу, – торопливо отказалась я. – У меня дела.

– Тогда завтра?

Мне снова стало не по себе, и я растерянно замолчала.

– Так, значит, завтра? – переспросил он.

– Хорошо, завтра, – выдавила я из себя.

– Хорошо, – с улыбкой произнес Нико Альварес. – Завтра я зайду за тобой в восемь тридцать.

– Да, – подтвердила я почти машинально. – В восемь тридцать.

– Может, тебе помочь распаковать продукты? – спросил он галантно.

– Нет-нет! – быстро возразила я. – Я справлюсь сама. До завтра.

Махнув на прощание рукой, Нико расцеловал меня в обе щеки на континентальный манер. Я стояла несколько оглушенная среди своих покупок и терла пылающие щеки. Господи, взмолилась я беспомощно, не дай мне совершить еще одну ошибку! Я Тебя очень прошу!

Глава 20

ЗАГАДКА ЖЕЛАНИЯ

(Сальвадор Дали, 1929)

Мы пошли в ирландский паб. Там на эстраде девушка исполняла песни в стиле Шинед О'Коннор. От этих мелодий у меня сильнее забилося сердце и по спине пробежал холодок.

– Тебе не холодно? – заботливо спросил Нико.

– Нет, наоборот, мне очень хорошо, спасибо.

Он улыбнулся.

– Что будешь пить?

– Апельсиновый сок.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

В пабе было многолюдно. На стенах висели старые металлические щиты с эмблемами ирландского пива и плакаты, рекламирующие эстрадных певцов. На полках стояли глиняные кувшины и стеклянные бутылки, зеленые и коричневые, одну стену украшал вид на озеро Килларни. Настроение у всех было приподнятое, народ здесь собрался в основном молодой.

– Это место мне очень нравится, – сказал Нико, ставя передо мной стакан с соком.

– А я здесь раньше никогда не была.

– Нет? – Мой ответ его удивил. – Среди ирландцев этот паб очень популярен. Впрочем, среди испанцев тоже, – добавил он со смехом.

– Из здешних ирландцев я почти ни с кем не знакома, – призналась я. – И хожу я в основном с сослуживцами либо в спортивный бар, либо в уличные кафе.

– Понятно. – Он отпил из своей банки с пивом. – Ирландское пиво очень хорошее, – сообщил он через некоторое время. – Во мне, наверное, течет ирландская кровь, Изабелла.

– Меня зовут Изабель, – напомнила я ему.

Мы погрузились в молчание, и я никак не могла придумать, чем эту брешь заполнить. Он заехал за мной полчаса назад, и мы на метро добрались до паба. По дороге мы едва перемолвились словом. Он сказал, что я выгляжу замечательно (что было явным преувеличением, потому что

я выглядела вполне скромно), а я ответила, что рада его видеть. Вот, пожалуй, и все, что мы сказали друг другу по дороге. Это молчание, казалось, его ничуть не тяготило. Он не делал попыток завязать со мной какой-нибудь длительный, основательный разговор ни тогда, по дороге, ни сейчас. Я даже начала беспокоиться, а не жалеет ли он о том, что меня пригласил.

Девушка кончила свое выступление, и все ей зааплодировали.

– Как хорошо она поет, – сказал Нико. – Прекрасный голос.

– Вот бы мне такой! – воскликнула я.

– А ты не поешь, Изабелла?

Мне стало смешно.

– Стоит мне запеть, и любое помещение опустеет в две секунды.

– Но может быть, ты играешь на музыкальных инструментах?

Я покачала головой.

– Единственный инструмент, на котором я играю, это мой си-ди-плеер, – сказала я.

– Какая жалость, – не скрыл он своего разочарования.

– Но музыку я люблю. – Я попыталась реабилитироваться в его глазах.

– А кто твой любимый композитор? Любимый композитор?

Я с ужасом начала шарить в своей голове. Оказалось, что я не знаю ни одного композитора, только джазовые ансамбли – «Оазис», «Клякса», «Клюква», некоторые другие, – их я еще могу как-то дифференцировать, но вот услышать разницу между Бахом и Бетховеном мне явно не под силу.

По существу, я и имен-то других не знаю, кроме Баха и Бетховена.

– У меня нет любимого композитора, – наконец сориентировалась я.

– Тогда я сочиню для тебя что-нибудь и стану твоим любимым композитором.

– Так ты еще и сочиняешь?

– Не то чтобы сочиняю... – Он провел рукой по волосам. – Мне всегда очень хотелось стать композитором, но вряд ли у меня это когда-нибудь получится. И к тому же я признаюсь тебе, моя дорогая Изабелла, в одной слабости... Я сочиняю музыку ради денег.

– Но мне казалось, что у тебя есть работа! – воскликнула я. – Ты говорил, что работаешь в фармацевтической компании!

– Все верно, – кивнул он в ответ. – Музыка – это хобби.

– И что же ты сочиняешь в качестве хобби? – спросила я. – Песни?

Он несколько замялся.

– Не совсем песни, – сказал он смущенно. – Это нечто другое... музыка для рекламы.

– То есть простые саунд-треки с тремя аккордами?

– Вот именно, с тремя аккордами.

Меня его признание очень заинтриговало. Я никогда раньше не встречала рекламных композиторов.

– Но может быть, твои саунд-треки очень популярны? Может быть, я их слышала? – продолжала выпытывать я.

– Наверняка слышала, – подтвердил Нико.

– Например?

– Музыка в рекламе кофе «Кокорамба». – Глядя на меня, он начал потирать подбородок. – Вот видишь, ничего особенного.

– Я бы так не сказала, – осторожно ответила я. – Эта музыка западает в голову. Когда ее утром услышишь, то потом весь день от нее трудно отвязаться.

– Значит, она тебе не нравится, – вздохнул он. Мне снова стало смешно.

– Слушай, Нико, я думаю, что для рекламной музыки существуют особые правила. Предполагается, что она не должна нравиться – она должна запоминаться. Так что с твоей музыкой все в порядке.

– Наверное, – снова вздохнул Нико. – Когда я ее сочинил, мне самому она понравилась. И компании она понравилась. Они заказали мне еще один саунд-трек. – Он с надеждой взглянул на меня. – Мне кажется, эта мелодия лучше.

– А я могла ее где-нибудь слышать?

– Не знаю, она предназначена для рекламы духов. – Он слегка откашлялся, закрыл глаза и промурлыкал очень светлый и нежный мотив.

– Очень мило, – одобрила я.

– Спасибо.

– Нет, правда, она вызывает в сознании... ммм... лето, цветы, порхающих по воздуху птичек...

Он заулыбался.

– Хорошо, что ты вспомнила птичек, – сказал он. – Потому что духи называются «Палома».

– Ну вот видишь! – Я была очень горда своим экспериментом. – Ты хороший композитор. Мне пришли в голову как раз те образы, которые ты в свою музыку вкладывал.

– А какое у тебя хобби, Изабелла?

Мне стало не по себе. Я понятия не имела, что следует сообщать Нико Альваресу о своей персоне.

– О, в отношении меня нет ничего экстраординарного, Нико! Я не

занимаюсь творчеством, не играю на гитаре, не сочиняю саунд-треки.

– Однако ты приехала в Мадрид, а не осталась дома, в Дублине! – напомнил Нико. – Почему ты здесь? Неужели только для работы? Или ты любишь Испанию? А может, у тебя есть здесь бойфренд? Или он ждет тебя в Ирландии?

Вопросы сыпались из него, как из рога изобилия.

– Сколько вопросов одновременно, – замялась я.

– Можешь на них не отвечать, – ответил он, осушая свою пинту. – Хочешь еще сока или, может, пойдём куда-нибудь поесть?

Я взглянула на часы. Девять. Для ужина в Мадриде еще слишком рано.

– Еще сока, пожалуйста, – сказала я, поразмыслив.

– Может, лучше стакан вина?

– Нет-нет! – энергично покачала я головой. У нас же свидание, подумала я, ну, или что-то в этом роде. Мне не хотелось напиваться, чтоб внезапно не почувствовать себя размякшей и расслабленной и начать думать, что – вот – неплохо было бы прыгнуть к Нико в постель. Я не очень доверяла себе в подвыпившем состоянии.

– Хорошо, никаких проблем, – ответил он.

Бар между тем постепенно наполнялся. Мы разговаривали об Ирландии, о доме и друзьях.

– Ты, наверное, скучаешь по дому? – спросил он.

– С чего бы это? – ответила я. – Я общаюсь со своими по телефону, а друзей у меня и здесь полно.

– Однако из тебя не очень легко выудить хоть какую-нибудь информацию о тебе самой, Изабелла, – заметил он.

– Что конкретно ты хочешь обо мне узнать? – спросила я настороженно. – Задавай вопросы – я на них отвечу.

Внезапно он протянул руку и убрал у меня с глаз прядь волос. Я подпрыгнула на месте.

– Я хочу знать, кто с тобой так плохо обошелся, что ты реагируешь столь неадекватно на простое прикосновение моей руки.

Сердце бешено заколотилось у меня в груди.

– Никто, – ответила я. – Просто ты меня напугал.

– Я тебя напугал? – Он посмотрел на меня с удивлением. – Я просто убрал с твоих глаз волосы. Ничего страшного в этом нет.

– Да, – согласилась я, но при этом продолжала дрожать и почувствовала, как у меня напряглись легкие. Пришлось прибегнуть к помощи ингалятора.

– У тебя астма? – спросил он.

– А ты как думаешь? – После нескольких пшиков мое дыхание постепенно наладилось.

Он улыбнулся.

– Прошу прощения. Вопрос, разумеется, глупый, – согласился он.

Мне тоже стало смешно, хотя дрожь все еще не проходила.

– Это очень противно, астма? – спросил он. Я покачала головой.

– В Мадриде гораздо легче, – ответила я.

– Так вот почему ты в Мадриде! – догадался он, – Ради поправки своего здоровья.

– И совершенно не ради этого!

– Хорошо, Изабелла, я больше не буду спрашивать тебя о том, о чем ты не хочешь говорить.

Некоторое время мы посидели молча. Наше молчание не было компанейским и исполненным взаимопонимания, но в то же время оно не было холодным и отчужденным молчанием. Просто некоторое время нам не хотелось говорить.

Я слушала, как певица молила в своей песне о том, чтобы он не разбивал ей сердце. Да вот, думала я, у других людей в жизни случаются реальные трагедии. Некоторых женщин, к примеру, бьют или унижают мужа. У них есть право подпрыгивать, когда чужой мужчина убирает с их лба прядь волос. А я просто распушенная, избалованная, не в меру изнеженная эгоистка.

– Пойдем куда-нибудь поедим, – снова предложил Нико.

– Сейчас?

– Ну да. Я голоден. Но если ты не хочешь, то никаких проблем.

Мне тоже хотелось пойти с ним поужинать, но я боялась.

– Может быть, не сегодня? – спросил он, подождав и не дождавшись от меня ответа. – Может, оставим эту возможность до другого раза?

– Может быть.

Он улыбнулся.

– Знаешь, что, Изабелла, давай я провожу тебя домой.

По дороге мы снова как-то ненароком заговорили обо мне.

– Астма здесь меня мучит, только когда я выпью, – рассказала я.

– Поэтому ты пьешь только апельсиновый сок?

– Нет, – покачала я головой. – Просто сегодня у меня нет настроения пить.

– Но почему? – настойчиво выспрашивал он. – Ты боишься, что я могу с тобой что-нибудь сделать, когда ты выпьешь?

– Нет, – твердо ответила я. – Я тебя не боюсь.

– Это уже кое-что, – обрадовался он, потом схватил меня под руку и насильно перевел через забитую транспортом улицу. У нас за спиной раздался перезвон автомобильных сирен. – А теперь боишься? – спросил он. – Когда я чуть тебя не убил?

– Ужасно! – призналась я. – Знаешь, мне лучше пойти домой. Тебе вообще не обязательно меня провожать, если ты не хочешь. То есть мне нравится идти с тобой, но если тебе не по дороге...

– Мне тоже нравится с тобой идти, Изабелла, а до дома я могу взять такси.

– Где ты, кстати, живешь? – спросила я.

– Около станции Атоха.

– О Нико, это же другой конец города!

– Не думай об этом, Изабелла.

Мне нравилось идти с ним по улице. Люди на него оглядывались, особенно женщины. Мне казалось, что рядом с ним я тоже становлюсь привлекательнее. Интересно, как это – заниматься с ним любовью? – думала я про себя. Наверняка лучше, чем со всеми моими здешними случайными знакомыми. А может, даже лучше, чем с Тимом?

При мысли о Тиме мне стало не по себе. Ну почему я вспоминаю о нем даже тогда, когда меньше всего этого хочу? Неужели с этим ничего нельзя поделать? Ведь я его ненавижу. И в то же время хочу, чтоб он на мне женился.

– Вот мы и пришли, – сказал Нико, когда мы подошли к моему дому.

– Спасибо, что проводил.

– С большим удовольствием.

Что-то мешало мне пригласить его на кофе. Некоторое время мы постояли молча.

– Спасибо за приятный вечер, – наконец сказала я.

– Хочешь, встретимся еще?

– Если ты хочешь, то да.

– Я хочу, Изабелла, – сказал он. – Когда тебе удобно?

Следовало еще переварить сегодняшний вечер, а для этого требовалось время. Надо было разобраться в своих чувствах.

– Может быть, на следующей неделе? – предложила я.

– Хорошо, – согласился Нико, – на следующей неделе. Только на этот раз мы пойдем и поужинаем.

– Хорошо, – улыбнулась я.

– Дай мне свой телефон, и я тебе позвоню.

Я достала из сумки свою бизнес карточку.

– Изабель Кавана, – прочитал он вслух. – Административный менеджер. Какая у тебя, однако, важная должность, Изабелла!

– Звучит важнее, чем на самом деле, – возразила я. Он засмеялся.

– А вот тебе моя карточка.

– Нико Хуан Карлос Альварес, – прочитала я вслух. – Менеджер по продажам. Звучит очень внушительно, Нико.

– Мы там все менеджеры по продажам, – заверил он меня. – Так что и моя должность не такая уж важная.

– Но ты ведь на самом деле композитор, – напомнила я ему. – А вовсе не какой-нибудь там менеджер по продажам.

– И в качестве композитора я напишу для тебя песню, Изабелла, – пообещал он.

– Только при одном условии! – засмеялась я.

– При любом условии, какое ты только назовешь! – Он тоже развеселился.

– Не пиши ничего похожего на мелодию для кофе «Кокорамба»!

Расстались мы в отличном настроении.

Весь компьютерный отдел компании «Адванта» переехал в здание «Кастелланы». Здание само по себе было замечательное, только я уже отвыкла работать в непосредственной близости от Габриэлы. Но находиться с ней в одном здании тоже имело свои плюсы, потому что все здесь было под рукой, и не возникало никаких проволочек в движении документов.

Утром я занесла Габриэле на просмотр очередные бумаги.

– Это сентябрьские списки, – сказала я. – Внешне все вроде бы обстоит благополучно. Только в один день получилось наложение. – Я пальцем указала ей это место. – По этому поводу я могу сказать следующее: во-первых, надо попросить Алехандро занять людей на этот день в нашем офисе, а во-вторых, пусть Мигель проведет выездные занятия на фирме «Кредит Агрикола».

– Ты уже говорила с Алехандро?

– Сегодня еще нет, – ответила я.

– А я говорила. – Она была явно чем-то обеспокоена. – Он нас покидает, – сообщила она мне.

– Как! – воскликнула я вне себя от удивления.

– Он чувствует себя здесь, видите ли, слишком стесненным. – Ее губы от гнева превратились в ниточку. – Он считает, что мы слишком заорганизованы! Что у нас слишком все распланировано! Я пыталась ему

объяснить, что у нас большая компания и что поэтому без организации нам не обойтись, но он, словно глухой, твердит свое. Он хочет писать новые программы и заниматься всякой подобной чушью.

– Понятно.

– Мне казалось, что я сделала ему одолжение, взяв в свою компанию, – продолжала жаловаться она. – А между тем он вовсе не был таким уж идеальным работником. Я просто не понимаю, чего ему еще надо?

– Может, ему хочется поработать самостоятельно, – высказала я предположение. – Может, он такой некорпоративный человек.

– Вот еще! – Она энергично покачала головой. Мне стало смешно. Начинался один из легендарных приступов гнева Габриэлы. Впрочем, эти приступы, как правило, длились недолго и к тому же выветривались у нее из головы без следа. Злобу в себе она точно никогда не таила, в этом надо было отдать ей должное.

– Ладно! – сказала она уже более спокойным голосом. – Может, это даже к лучшему. Теперь у меня появилась возможность произвести некоторые передвижки, которые я давно задумала.

– Хорошо, – поддакнула я.

– Итак, что ты думаешь насчет того, чтобы стать во главе наших компьютерных курсов? – спросила она без обиняков.

– Я?! – Я смотрела на нее, как громом пораженная. Голос мне явно изменил.

– А почему бы и нет? – продолжала она. – Работа тебе известна. С людьми ты ладишь хорошо. Клиенты тобой довольны.

– Но... – Я понятия не имела, как реагировать на ее слова, и поэтому некоторое время только беспомощно открывала и закрывала рот.

– Да, именно ты.

– Но почему не София, или Магдалена, или Луис, в конце концов? – Я знала, что Луис на мое повышениеотреагирует ужасно.

– Изабель, я выбрала тебя, и точка, – сказала Габриэла. – Что это за манера, выдвигать вместо себя других, когда босс предлагает тебе повышение по службе?

В сущности, мне самой тоже не хотелось вечно выглядывать из-за чужих спин.

Кстати, когда Габриэла объявила о своем решении коллективу, Луисотреагировал вполне благородно.

– Ты этого заслуживаешь, – сказал он.

– Мои поздравления. – Магдалена расцеловала меня в обе щеки.

Позже, когда мы с ней обсуждали это событие, свою позицию она

объяснила так:

– Я люблю работать в коллективе, Изабель. Но при этом не люблю брать на себя чрезмерной ответственности. С тобой все по-другому. Ты любишь указывать людям, что им делать.

«Неужели?» – подумала я. Что-то я за собой такого раньше не замечала. В «Дельте», по крайней мере, я никогда не указывала людям, что им делать. Там я всего лишь озвучивала в их присутствии решения Барри Клири. Но, кстати, в одном Магдалена права: я действительно люблю проявлять инициативу. Как интересно, размышляла я про себя. У меня, оказывается, есть свойство, которое так ценят все работодатели: инициативность. Мне нравилось сознавать, что конечная ответственность за работу лежит на мне.

Господи, кажется, я превратилась в законченную карьерную женщину!

Изабель Кавана, которая совсем недавно мечтала только о том, чтобы выйти замуж и нарожать кучу детей, стала совсем другой, причем совершенно незаметно для самой себя. Наконец-то я себя пересоздала!

Только не в том направлении, в котором намеревалась...

Я переехала в кабинет Алехандро, сменила на стенах репродукции, поставила в вазы свежие цветы и села за обширный начальственный стол.

Вот она власть, с триумфом подумала я. Наконец-то у меня в руках появились ее бразды!

Самой странной во всем этом оказалась необходимость иметь собственную секретаршу. То есть Нина не являлась моей личной секретаршей в точном смысле слова, но она выполняла секретарские обязанности в отделении компьютерных курсов, а это значило, что была приставлена фактически ко мне. Она принимала в мое отсутствие послания и спрашивала моего разрешения, прежде чем что-нибудь предпринять. Кроме того, в течение дня она приносила мне в кабинет кофе, о чем я ее никогда не просила. Мне не хотелось загружать ее приготовлением кофе. Но на все мои возражения она объявила, чтобы я не волновалась, потому что она заодно готовит кофе и для себя. В один прекрасный день именно Нина доложила мне о том, что звонит Нико.

– Мужчина, – сказала она. – С очень красивым голосом. И говорит, что по личному делу.

Прежде чем брать трубку, я немножко подождала.

– Алло! Изабель слушает!

– Привет, Изабель, это Нико.

– Привет, Нико.

– Я звоню, чтобы узнать: как насчет ужина в субботу вечером?

Против субботнего вечера я не имела никаких возражений, потому что, как правило, в субботние вечера я себя чувствовала особенно одиноко.

– Хорошо, – сказала я. – Где мы встретимся?

– Я за тобой заеду.

– Прошу тебя, не надо беспокоиться, – возразила я. – Ты так далеко живешь. Давай встретимся где-нибудь в центре.

– Хорошо, у метро «Соль», – согласился Нико. – В какое время?

В Мадриде, как и все жители этого города, я заимела привычку ужинать поздно.

– Может быть, в десять? – предложила я.

– Хорошо, встретимся в десять, – ответил он.

Я долго сидела и смотрела на экран компьютера перед собой. На нем красовалась фотография Джорджа Клуни. По сравнению с Нико Альваресом Клуни выглядел бледно.

Позже ко мне в кабинет зашла Магдалена. Мы немного поболтали, потом она сказала:

– В субботу мы идем на день рождения Софии. Ты не хотела бы пойти с нами? Будет замечательный девичник. Ей стукнет тридцать, и у нее такое чувство, что это кризисный рубеж.

– После двадцати все дни рождения кризисные, – засмеялась я. – Только в субботу я никак не могу.

– Почему? – удивилась Магдалена. Я вечно жаловалась, что мои выходные проходят скучно.

– В субботу я занята. – Мои щеки начали медленно краснеть. – У меня уже есть договоренность.

– Свидание! – воскликнула Магдалена. – Интересно, с кем?

Мне стало смешно.

– С Нико Альваресом, человеком из фармацевтической компании, – ответила я. – Который, кроме того, играет на гитаре.

– И ты молчала? – воскликнула она. – Почему ты до сих пор мне о нем ничего не рассказала?

– Да просто не о чем было рассказывать. – Я вкратце обрисовала ей историю нашего знакомства.

– О Изабель! – воскликнула она. – Ты такая... такая ирландская! Скажи ты мне раньше, и я могла бы тебе дать хороший совет по поводу того, как обращаться с испанскими мужчинами. Как заставить их себя любить.

- Я не хочу заставлять его себя любить, Магдалена! – засмеялась я.
- Почему бы и нет? Все хотят, чтобы их любили.
- Да, – согласилась я, – только я хочу любви одной-единственной, настоящей.
- Откуда ты знаешь, может, этот Нико и есть твоя единственная, настоящая любовь? – спросила Магдалена.

Глава 21

МОЯ РАДОСТЬ

(Пабло Пикассо, 1914)

Утром в субботу я проснулась рано. Солнце едва освещало стену перед моим окном. Но заснуть снова мне никак не удавалось – в голове неотступно вертелись мысли о Нико и о нашем предстоящем свидании.

"Я вышла на балкон и долго смотрела на город. Интересно, а Нико уже проснулся?" – думала я. До нашего свидания оставался целый день. Я говорила себе, что за это время мне надо хорошенько отдохнуть, полениться и привести себя в порядок, чтобы в десять часов вечера быть в хорошей форме, но даже этого мне сделать не удалось. Вместо отдыха я с жаром набросилась на уборку своей квартиры и не успокоилась до тех пор, пока не вычистила и не вымыла в ней все поверхности, так что они заблестели первозданным блеском.

Город к тому времени уже окончательно проснулся и зажил интенсивной, звонкой жизнью. По улицам сновали многочисленные прохожие, под полосатыми зонтиками уличных кафе сидели посетители. Как хорошо жить в таком городе и быть его частью! – радостно подумалось мне. Я вышла на улицу и зашагала без цели, просто так, наслаждаясь теплом и разглядывая себя в окна витрин.

Глядя на счастливые парочки вокруг, я вдруг вспомнила один свой разговор с Луисом.

– Ты знаешь, Изабель, – говорил он мне, – у тебя какие-то странные представления о мужчинах и женщинах. Ты считаешь, что двое должны быть прикованы друг к другу цепями, как каторжники. И если у них возникли интимные отношения, то это обязательно навеки, иначе для кого-нибудь из них это оборачивается трагедией. Но на самом деле все не так. Я имею право встречаться с кем угодно и когда мне угодно. Одно время я встречался с Марией, и это был наш свободный выбор: жить вместе или порознь. Потом мы решили разойтись. Причем, обрати внимание: это мы решили, а не я один. И теперь я снова могу встречаться с кем мне угодно.

– Но может быть, Мария от этого страдает? – возразила я.

– О Изабель, – засмеялся он, – ты воспринимаешь все слишком серьезно.

– Однажды я пыталась все воспринимать несерьезно, – напомнила я

ему.

– О Изабель! – Мои слова его явно развеселили. – Ты серьезна даже тогда, когда позволяешь себе расслабиться! Ты все делаешь с такой тяжеловесной рассудительностью! Воспринимай жизнь просто, как она идет...

И вот теперь, шагая по городу, мне вдруг пришло в голову: а вдруг Луис прав? Что покажет в этом смысле сегодняшний вечер? Если я все воспринимаю слишком серьезно, тогда наши отношения с Тимом снова помешают мне сегодня хорошо провести время. Они всплывут воспоминанием и не дадут почувствовать себя абсолютно свободной.

Для нашего свидания Нико избрал ресторан "Дон Кихот". Я и раньше несколько раз проходила мимо него, но всякий раз при взгляде на цены мне трудно было поверить, что еда может стоить таких денег. Мне бы хотелось, чтоб Нико избрал что-нибудь попроще и не столь официальное. Хорошо еще, думала я, что меня угораздило одеться в лен приглушенных коричневых и терракотовых тонов, а не в ярко-розовое джинсовое платье, как почему-то меня подмывало вначале.

Метрдотель встретил нас у входа с улыбкой.

– Рад вас видеть, – обратился он к Нико, и я подумала, что, должно быть, тот здесь завсегдатай.

Мы проследовали за метрдотелем в полуподвальное помещение, где каждый столик стоял в отдельной нише, осененной сводчатым потолком. Стены в нишах были разрисованы изображениями знаменитых испанских зданий: севильского собора, королевского дворца в Мадриде, дома Гауди в Барселоне. В нашей нише красовалось здание вокзала в Атохе.

Глядя в меню, я почувствовала страх. У меня немедленно пропал аппетит. Нико ласково меня подбодрил, и я кое-как выдавила из себя заказ: салат "Цезарь" и цыпленок под острым соусом. Нико тоже заказал себе цыпленка.

Пока мы ждали, к Нико подошел официант и разговорился с ним.

– Как поживаешь, Нико? – спросил он. – Когда мы увидим тебя здесь снова?

Странно, думала я, неужели он такой богатый, что часто сюда приходит? Очевидно, сочинение рекламных саунд-треков приносит не такие уж плохие деньги, как можно вообразить со стороны.

– Не знаю, Тонио, – ответил Нико. – А как новый музыкант? Справляется?

– Он пианист, – ответил официант, указывая на рояль в углу зала. – Но,

по-моему, Гийом предпочитает гитару.

– Хорошо, – засмеялся Нико. – Пусть он мне позвонит в ближайшее время.

– Он сам сегодня здесь будет, – ответил Тонио. – И наверняка будет рад тебя видеть, Нико.

– Что ж, я не уйду, пока он не придет, – сказал Нико. – И если он опоздает, то пусть ставит за это бутылку вина!

Официант засмеялся и пошел выполнять заказ. А я обдумывала только что услышанный разговор. Так, значит, Нико играет здесь иногда на гитаре.

Интересно, в скольких же местах он работает? Фармацевтическая компания, рекламный бизнес, игра на гитаре в Ретиро-парке и на Пласа Майор, а теперь, оказывается, еще и рестораны! Просто удивительно, как он нашел время выбраться со мной поужинать сегодня вечером.

– Я играл здесь по выходным, – сказал Нико, когда официант удалился, – и дела шли неплохо, но потом мне пришлось на месяц улететь в Штаты, и Гийом взял на это место другого музыканта – пианиста. В индустрии развлечений тоже свои трудности! – засмеялся он. – Надо постоянно быть под рукой!

– Но ты думаешь, что он снова пригласит тебя здесь поработать? – спросила я.

– Может быть, – ответил Нико. – Это было бы совсем неплохо.

– И тебе нравится играть на публике?

– Ты хочешь спросить, не показушник ли я?

– Нет. – Я несколько замялась. – Но я тебя слышала в стольких местах и даже не знала, что это ты.

– Надеюсь, тебе понравилась моя игра?

– Она была замечательная! – У меня даже дух перехватило от воспоминания.

– Спасибо, – просто ответил Нико.

– Мне только непонятно, где ты на все находишь время.

– Ты права, – согласился Нико. – Когда-нибудь наступит день, когда мне придется выбирать между различными жизненными поприщами.

– И что ты выберешь?

– Еще не знаю, – замялся он. – Пока мне трудно определить, что для меня в жизни самое важное.

В это время у нашего столика появился Тонио с бутылкой вина, которое он разлил по нашим бокалам. Вино было очень холодным, и я поежилась. Потом мы заговорили обо мне.

– Как долго ты намереваешься оставаться в Мадриде? – спросил Нико.

– Еще не знаю, – почти в тон ему ответила я. – Я здесь больше года, и время летит очень быстро.

– Но ты обязательно вернешься в Ирландию?

– Когда-нибудь обязательно. Это же мой дом.

– А у тебя большая семья?

И я начала рассказывать ему про свою семью. Странно, но в моем рассказе я словно бы полюбила своих домашних еще больше. Я не стала рассказывать ему о том, что мать иногда доводит меня до истерик, что отец меня вообще не понимает и мной не интересуется, что с Алисон мы иногда ведем себя как кошка с собакой и что однажды в припадке гнева я порвала домашнее задание Яна на мелкие кусочки. В моем описании наша семейная жизнь выглядела идиллией.

– Как хорошо иметь такую замечательную семью, – мечтательно сказал Нико, когда я кончила свой рассказ.

– А теперь ты расскажи о своей, – попросила я.

– О! – Он начал отщипывать от хлеба маленькие кусочки. – В моей семье все врачи. Мать – врач в госпитале Святой Марии, и отец работает врачом там же. Сестра учится на врача. Брат в прошлом году получил диплом врача. – Он коротко рассмеялся, но в его смехе не было веселья. – Один только я семейный выродок.

– Но ведь ты работаешь в фармацевтической компании, – напомнила я ему. – То есть у тебя тоже есть интересы, связанные с медициной.

Подошел Тонио с нашими блюдами.

– Спасибо, – поблагодарили мы в унисон.

– Я тоже учился на доктора. Но потом я понял, что это не мое. Сперва это казалось само собой разумеющимся: в семье, где все врачи, другой дороги у меня вроде бы не просматривалось. Но потом мне стало ясно, что я не хочу этим заниматься. И я ушел из университета.

– А как отреагировала твоя семья?

– Как-как? – Его глаза потемнели. – От радости никто не запрыгал.

Мне захотелось его подбодрить.

– Никто из нас не делает того, чего ждут от нас наши родители, – назидательно сказала я. – Теперь, надо полагать, они уже со всем смирились. И пришли к выводу, что рекламное треньканье – не такая уж плохая вещь!

– Это шутка? – спросил он, с удивлением глядя на меня. – Вряд ли ты сама думаешь то, что говоришь.

– Разумеется, я думаю именно то, что говорю! – Меня просто несло. – Вряд ли из тебя получился бы хороший доктор. Но зато ты стал хорошим

музыкантом. И в медицине ты тоже кое-что делаешь. Твои родители должны быть довольны.

– Ну, они смотрят на это несколько по-другому, – возразил он. – Они считают, что я попусту трачу время и мозги. И тот факт, что я работаю в фармацевтической компании, для них просто ненавистен!

– О! – Поворот дела показался мне неожиданным.

– То есть они считают, что моя квалификация бессмысленно распыляется на получение прибыли.

– Так часто бывает в семьях, где существует профессиональная традиция, – задумчиво подытожила я. – Но они скорее всего через это перешагнут.

– Не думаю, – вздохнул Нико. – Я старший сын, и они думают, что я веду неподобающий их статусу образ жизни.

– Но это глупо! – воскликнула я. – Подожди, вот станешь знаменитым музыкантом, тогда они заговорят с тобой по-другому! Начнут рассыпаться перед тобой в изъявлениях любви и восхищения.

Он улыбнулся.

– Спасибо. Конечно, я вряд ли когда-нибудь стану знаменитым музыкантом, но все равно приятно, что ты так говоришь. Ладно, давай лучше снова поговорим о тебе. – Он посыпал свою еду внушительным слоем черного перца. – У тебя много друзей?

– Да, – ответила я. – Я ходила на курсы испанского, и там у меня появилось несколько знакомых. И на работе народ неплохой. Мы иногда вместе проводим время.

– Но ты наверняка должна скучать по семье.

– Да ты просто одержим семьей, – заметила я.

– Это наша континентальная черта, – пожал он плечами.

– Сестра приезжала меня навестить. Мы хорошо провели время.

– А как насчет художественных галерей и музеев? Вы туда ходили?

Мне стало смешно.

– Да мы облазили все, что могли, вдоль и поперек! – сказала я. – А в одиночестве я иногда хожу в Прадо.

– А бой быков ты уже видела? Я посмотрела на него с ужасом.

– Нет! – резко ответила я. – И вряд ли когда-нибудь пойду! Мои симпатии будут на стороне быка.

– Как это по-иностранному! – весело отозвался он, снова наполняя мой бокал вином.

Мне было с ним очень хорошо. Мне нравилось, как при улыбке в уголках его глаз появляются морщинки и как он слегка кривит рот, когда я

говорю ему что-нибудь забавное. Мне нравился решительный поворот его головы, когда он в чем-нибудь со мной соглашался, и, наоборот, типично континентальное пожатие его плеч, когда мои рассуждения его чем-то не устраивали. С ним я чувствовала себя совершенно свободно, мне казалось, что мы знакомы давным-давно.

Когда мы покончили с цыплятами, к нам подошел Гийом – владелец ресторана. Он поговорил с Нико об игре на гитаре, договорился с ним о возобновлении контракта, а потом от его имени нам прислали замечательный фруктовый десерт. Мы уплетали его за обе щеки. Когда мы вышли на улицу, голова у меня немного кружилась. Мы шли через толпу, взявшись за руки, и мне было приятно чувствовать его так близко рядом с собой.

– Ты когда-нибудь здесь была? – спросил он, когда мы проходили мимо монастыря королевских бегиннок.

– А как же! – воскликнула я. – Монастырь – это так загадочно!

– И тебе там понравилось?

– Там было о чем подумать, – ответила я. – Я подумала о том, что в прошлом эти женщины обладали гораздо большей властью, чем в наши дни. В моем мозгу сразу же возникли секретные ходы в королевский дворец, разные заговоры и интриги. А вокруг столько картин и икон!

Нико засмеялся.

– Странно, что тебе такое пришло на ум, – сказал он. – Гораздо удивительнее то, что монастырь действующий.

– Это, разумеется, интересно, – подчеркнуто безразлично заметила я. – Но все-таки мне кажется, что прошлое у этого монастыря гораздо интереснее настоящего.

– Хочешь, пойдем выпьем кофе? – предложил он.

– От кофе я не смогу ночью заснуть. Давай лучше выпьем горячего шоколада!

Я обожала шоколад. Он был моей слабостью. Мы пошли в старый город, где на одной из узких мощеных улочек располагалось замечательное кафе "Шоколатерия", которое тоже когда-то открыли монахини. Правда, сегодня за его прилавком стояли не монахини, а скорее всего студенты, но качество шоколадных напитков от этого не ухудшилось. Нико смотрел, как от удовольствия я чмокаю губами и облизываюсь. В конце концов я испачкала шоколадом нос.

– И подбородок тоже, – сказал Нико, бумажной салфеткой вытирая мне лицо.

Мне очень понравилось, как он это сделал: без всякой аффектации, спокойно и властно. По-отечески.

– Спасибо, – сказала я.

– Мое удовольствие, – ответил он.

Скорее это мое удовольствие, подумала я про себя. Мне он вообще очень нравился.

Потом мы поймали такси, и он отвез меня домой.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спросила я, когда мы стояли у дверей моего дома. Я чувствовала, как от волнения вся дрожу и покрываюсь потом.

– Как-нибудь в другой раз, – ответил он и поцеловал меня в губы. Поцелуй его был совсем не таким, как у Тима. И кожа его была мягче, чем у Тима, на ней не чувствовалось признаков щетины. И прикосновения его были тверже, чем у Тима. Он сжал меня так крепко, что я боялась хрустнуть в его руках.

– Я тебе позвоню на неделе, – сказал он, отрываясь от меня.

– Хорошо, – согласилась я. – Спасибо за замечательный вечер.

– И тебе спасибо, Изабелла.

Потом я долго сидела на балконе и смотрела на огни города. Спать я все равно не могла. Я думала о Нико. До чего же он теплый, и заботливый, и обходительный. И в постель со мной не захотел прыгнуть (впрочем, я не могла твердо для себя решить, довольна я таким поворотом событий или нет). Мне очень хотелось, чтобы он оставался рядом со мной. Он был таким... уютным. По всем признакам, как мне показалось, я в него втюрилась.

Он позвонил в понедельник, и мы встретились в обед. Он объяснил, что вечером должен играть с друзьями на дне рождения, и эта работа оплачивается несравненно лучше, чем уличная. Он сказал, что они с друзьями никогда не упускают реальную денежную работу, которая к тому же позволяет им себя считать настоящими музыкантами.

В среду мы пошли с ним в кино, в четверг поужинали, в пятницу – снова вместе пообедали, в субботу он повел меня в Прадо, сказав, что покажет лучшие картины, и я при этом не потеряюсь. Мы шли по залам музея, держась за руки. Нас осеняло ощущение мира и спокойствия. Потом мы пошли в Ретиро-парк, и он покатал меня на лодке. Я опустила руку в воду и постаралась представить себе, что вокруг нас нет никаких тинейджеров, орущих и цепляющих друг друга за борта лодок с намерением их опрокинуть. Потом мы зашли перекусить в спортивное

кафе, а потом он отвез меня домой. На этот раз я не стала его приглашать, и он не сказал об этом ни слова. Только поцеловал меня в щеку и пообещал, что скоро позвонит.

Габриэла сразу поняла, что у меня появился некто. Она сказала, что видит это по глазам и по тому, как я улыбаюсь. Моя улыбка ее очень обнадежила.

– Ты его любишь? – спросила она как-то, когда мы вместе просматривали отчеты.

– Не знаю, – честно созналась я. – Не могу же я влюбиться в человека за неделю! Такое случается разве что в кино да в невысокого пошиба романах.

– Не можешь? – переспросила она. – А вот я встретила Альфреда в пятницу вечером, а в понедельник утром уже точно знала, что выйду за него замуж.

– А я не хочу замуж за Нико! – засмеялась я. – Просто он пробуждает во мне замечательные чувства!

– Ну что ж, – сказала Габриэла, – в таком случае я за тебя рада. Я хочу, чтобы ты была счастлива в Мадриде, Изабель.

– Я счастлива, – ответила я совершенно искренне.

Жюли попросила меня быть подружкой невесты на ее свадьбе с Энди. Для этого я решила сшить себе новое платье, но подружкой быть отказалась.

– Я для этого слишком стара, – сказала я ей по телефону. – Для таких целей больше подходят какие-нибудь юные невинные особы.

Жюли захихикала.

– Если уж на то пошло, – сказала она, – то я тоже слишком стара для невесты. Я имею в виду – выходить замуж в длинном-предлинном белом платье и в вуали. Однако мать настаивает, и я, если честно, тоже не против. Так что ты зря отказываешься, Изабель, будет забавно.

– Я не сомневаюсь, что будет забавно, – ответила я. – Только я себя мало представляю в нежно-персиковом платье и с шелковыми цветами в волосах. И вообще, Жюли, ты знаешь, я сделаю для тебя все, что хочешь, только не это.

– Я понимаю, – ответила она. – Только потом не говори, что я тебя не приглашала.

Разумеется, я ей этого никогда не скажу, подумала я. Просто я органически не могла себе представить свой торжественный проход по

церкви вслед за невестой, пусть даже эта невеста была моей лучшей подругой. Если честно, то свадьба Жюли вообще приводила меня в трепет. В голову неотвязно лезли мысли о собственной несостоявшейся свадьбе, и я ничего не могла с этим поделать. Перед глазами возникало мое замечательное, уже несуществующее свадебное платье, расшитое жемчужинками. Мне показалось, что все это было только вчера...

Для своего платья я купила материал глубокого лилового цвета. Этот цвет мне очень шел, и материал был дорогим и легким в шитье. Я выбрала простой и элегантный фасон с юбкой до колен, и Магдалена, увидев его на моем домашнем манекене, одобрила.

– Очень красиво, – похвалила она.

– Спасибо.

– Твоя подруга теперь уедет жить в Америку? – спросила она.

– Да, – ответила я. – Но я рада, что мы все равно остаемся друзьями.

– Как это интересно – свадьба! – воскликнула она.

– Да, масса разных выходов, церемоний, придется все время выставлять себя на показ, как на сцене.

– А как насчет Нико?

– Что ты имеешь в виду?

– Он тоже поедет на свадьбу?

Я брякнулась на диван рядом с ней.

– С чего ты взяла? Я его об этом не просила. И вообще, я не люблю, когда в моих поступках додумывают нечто, чего в них нет.

– Извини, я просто думала, что ты в него влюблена.

Я непринужденно хмыкнула.

– Что есть любовь? – пустилась я в отвлеченные рассуждения. – Это никому не известно. Мне он нравится, но чтобы тащить его домой и устраивать для него смотрины, словно мы стоим в очереди на свадебном конвейере!.. Нет уж, ни за что!

– О Изабель, как ужасно ты выражаешься!

– Извини. – Я закинула руки за голову. – Просто люди часто неправильно интерпретируют самые простые вещи, а я хочу внести в них ясность. К тому же я не знаю Нико как следует.

– В постели побывала, а узнать – не узнала? – лукаво спросила она.

– Магдалена!

– Но мой вопрос вполне справедлив! – запальчиво воскликнула она.

– Так вот знай, что я еще не побывала.

– Почему?

– Понятия не имею. – Я начала разглядывать потолок. – Наверное, потому, что он внутренне этого не допускает.

– Главное, чтобы ты допустила, – заметила Магдалена.

– А я тоже не хочу, – немного слукавила я. – Главное, что я не хочу менять наши отношения.

– Может быть, он тебе не нравится?

Я представила себе его тонкую и вместе с тем сильную фигуру, его умные, надежные руки, его темные, почти черные глаза. Да как он может не нравится? Я же не сумасшедшая, чтобы мне не нравился такой человек!

– Просто все не так просто, – уклончиво ответила я.

– Все это очень странно, Изабель. Может, он голубой?

Эта мысль меня как громом поразила. Ари Джордан тоже внешне выглядел очень мужественным и привлекательным. А теперь этот Ари скоро станет названным братом Жюли.

– Вопрос вполне резонный, – продолжала Магдалена. – На твоём месте я бы забеспокоилась.

– А я не беспокоюсь, – хмуро ответила я. – И меня вполне устраивает, как идут дела.

Узнав о наших отношениях с Нико, Барбара пришла в ярость. Она начала жаловаться, что это именно она первая положила на него глаз, и я, между прочим, ничего не имела против ее намерений. Мне ничего не оставалось, как пригласить ее вместе с Бриджет на его выступление. Мы отправились на ночное туристическое шоу, где, кроме него, выступали еще танцоры фламенко, иллюзионисты и певцы. Но, конечно, самое большое впечатление на нас произвели гитаристы. Нико выступал вместе со своими друзьями: Эмилио и Хуаном.

– Потрясающе! – шептали девушки.

– Между прочим, они играют вещь, сочиненную Нико! – хвастливо сказала я.

– Да у него талант! – воскликнула Бриджет.

– А он к тому же еще пишет музыку для рекламы! – продолжала я. – Например, мелодия для кофе "Кокорамба" – это его.

– О, только не это! – воскликнула Барбара. – Такая приставучая мелодия! Утром услышишь – весь день не отвяжется.

– Все правильно! – засмеялась я. – Но кроме этого он написал музыку для духов "Палома".

– Вот эта гораздо лучше, – согласилась Барбара. – Пусть радуется, а то я могу сейчас встать и всем объявить, что кофейный мотивчик – это его.

– Только не это! – воскликнула я, потому что была уверена, что с нее станется и она вполне может выкинуть подобный фортель. В таком поведении для нее не было ничего невероятного. – Если ты это сделаешь, то им больше никогда не видать хорошей ночной работы.

– Хорошо. – Она скорчила презрительную гримасу. – Но только потому, что они хорошо играют, и вообще, он такой клевый мужик, этот твой Нико.

– Он вовсе не мой! – вспыхнула я.

– Ты хочешь сказать, что он свободен? – лукаво спросила она. – Тогда я, пожалуй, снова за ним приударю.

– Ты меня неправильно поняла! – беспомощно воскликнула я.

– Ну вот видишь. – Она посмотрела на меня торжествующим взглядом. – Значит, он твой.

– Я бы тоже не отказалась от такого, – вдруг заметила Бриджет.

– То есть как? – Мне стало не по себе. – Я думала, что вы обе пришли сюда слушать музыку. Кроме того, Бриджет, у тебя же есть Томас!

– При чем здесь Томас? – Бриджет пожала плечами. – Я его люблю. Он отец моего ребенка. Но его даже сравнивать нельзя с Нико!

– Послушай... – Я решила несколько разрядить атмосферу. – Для тебя Нико слишком высок. Смешно такой коротышке, как ты, иметь виды на такого верзилу, как Нико. К тому же он слишком тощий для образцового сексуального символа, и черты лица у него не совсем правильные.

Некоторое время мы напряженно помолчали.

– Знаешь что, – наконец сказала Бриджет, – перестань прикидываться. Лучше расскажи, как он?

– Что как?

– В постели.

Я просто не знала, что им ответить.

– Я же не сплю со всеми встречными и поперечными, – наконец выдавила я из себя.

– Неужели? – лукаво спросила Барбара. – А мне казалось, что по мужчине на ночь – это как раз для тебя.

– Я тебя умоляю! – воскликнула я. – Со мной все давным-давно не так!

– А Нико знает о твоей прежней жизни? – неумолимо продолжала расспрашивать Барбара.

– Слушай, до чего же грязно ты все это представляешь!

– Ну что ж, как было, так я и представляю, – спокойно ответила Барбара.

– Оставь ее в покое. – Бриджет положила руку на плечо своей подруги.

– Не дразнись.

– Кто дразнится? – Барбара сделала вид, что оглядывается по сторонам.

– Ладно вам, – примирительно сказала я, но вечер для меня был непоправимо испорчен. Я чувствовала себя ужасно, когда Нико подошел и сел с нами рядом. Ужимки и жеманные улыбки Барбары вызывали во мне отвращение. Бриджет, глядя на нее, только веселилась. С Нико, когда он провожал меня домой, я вела себя неестественно, капризничала и говорила бестактности. С этого вечера я точно знала, что больше никогда не приглашу Бриджет и Барбару ни на одно мероприятие.

Глава 22

СИГНАЛ СТРАДАНИЯ

(Сальвадор Дали, 1936)

Мы встретились с Нико только через неделю. Он позвонил мне поздно вечером на работу и расстроенным голосом сообщил, что тоже работает допоздна и что это ему не нравится, потому что работа отнимает у него теперь время, отведенное для музыки. С момента туристического шоу прошло уже несколько дней, и я даже начала бояться, что он про меня забыл. Я сама удивилась, насколько неутешительной показалась мне эта мысль.

– Изабелла! – наконец раздался в трубке его голос. Он всегда так меня называл. Сначала я его поправляла, но потом подумала, что "Изабелла" звучит гораздо теплее и, можно сказать, нежнее. Для меня самой оставалось загадкой, для чего мне так нужна его нежность. Я еще не готова стать его любимой.

– Привет, Нико. – Я прижала трубку плечом к уху и продолжала набирать компьютерные файлы.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказала я, хмурясь оттого, что компьютер норовил потерять расписание лекций на следующий месяц. – А ты?

– Я тоже, – ответил он. – Меня смущает только то, что я не смогу пойти с тобой в кино в субботу вечером.

– Почему? – спросила я. – У тебя работа?

– Да, только не гитара. Компания посылает меня на некоторое время поработать в Севилью.

– В Севилью! – От этих слов я бросила копаться в своем компьютере и взяла трубку как следует. – Надолго?

– Я не знаю, моя дорогая Изабелла. Наверное, на несколько недель. В августе я должен снова вернуться в Мадрид, хотя кто знает?

– Они хотят перевести тебя туда на совсем? – спросила я, чувствуя от этой мысли едва ли не отчаяние.

– Нет, не думаю. Там открылась временная вакансия, и ее хотят заполнить мной. В том смысле, что это более высокий уровень.

– То есть тебя повышают в должности? Это же замечательно, Нико! Только мне казалось, что ты не очень серьезно относишься к своей работе.

Мне казалось, что музыка для тебя важнее.

– Изабелла, надо быть реалистом. Музыкой много не зарабатываешь. А Севилья – это хороший шанс для меня. Я должен поехать.

– А почему ты едешь на выходные? – спросила я обидчиво.

– Потому что к работе надо приступать в понедельник, а до этого надо устроиться.

– Ну что ж, желаю тебе хорошо провести время, – сказала я и снова удивилась тому, насколько больно меня поразило его сообщение.

– Давай сходим завтра вечером в "Дон Кихот"? – предложил он.

– Как хочешь.

– Слушай, Изабелла, если ты занята, то так и скажи. На мой счет можешь не беспокоиться. – В его голосе появилась сдержанность.

– Ой, что ты, Нико! – Я сама себе стала противна со своими обидами. – Конечно, я очень хочу встретиться с тобой. И то, что ты уезжаешь, совсем не так плохо, потому что как раз в это время мне надо съездить в Ирландию.

– На свадьбу подруги?

– Да, а до этого еще столько предстоит сделать!

– А будешь ли ты по мне скучать, Изабелла?

Алисон снова встретила меня в дублинском аэропорту. Она была одета в строгий льняной костюм и выглядела очень официально.

– Я с работы, – объяснила она. – У нас сегодня встреча с региональными начальниками, а то я всегда ношу на работу джинсы и джемпер.

– Ну что ж, тебе очень к лицу, – похвалила ее я. – А Питер с тобой?

Как ни странно, она до сих пор встречалась с Питером, который был ее самым долгим любовным увлечением. Она покачала головой.

– Он повел начальников на ужин.

Мы пошли на автомобильную стоянку. Там стояла машина Питера.

– Он мне ее одолжил, – объяснила Алисон. – Но ты не беспокойся, он включил меня в свою страховку.

– Я и не беспокоюсь, – сказала я, с трудом затаскивая в багажник свой неподъемный чемодан. – Это очень мило с его стороны – включить тебя в свою страховку.

– Не бери в голову, – заметила она рассеянно и скользнула на водительское сиденье.

Мать очень обрадовалась, увидев меня. Ей казалось, что меня не было дома много лет. Она обняла меня и расцеловала, а потом слегка отстранила,

чтобы получше разглядеть.

– Выглядишь ты совсем неплохо, – удивленно пропела она. – Немного пополнила со времен Рождества.

– Я пополнила во время Рождества, – устало напомнила я ей. – Все эти твои пироги, пудинги...

– Ну что ж, тебе совсем не мешало немного поправиться, а то ты была такая бледная!

– Ничего я не была!

– Девочки, девочки! – Алисон обняла за плечи нас обеих. – Птички в гнезде не должны ссориться!

– Мы не ссоримся, – уточнила я. – Мы дискутируем. А как Ян?

– Где-то шляется, – ответила Алисон.

– С Хани?

Алисон состроила рожицу.

– Не знаю. С Хани в последнее время у него некоторый облом.

– Жаль. – Я была искренне разочарована.

– Ян еще слишком молод, чтобы привязываться к кому-нибудь серьезно и окончательно, – подала голос мать, хлопоча на кухне.

– Что верно, то верно, – согласилась я. – Мужчины созревают для брака где-то после тридцати.

Наступило неловкое молчание. В семье Кавана вопросы брака вслух не обсуждались со времен моей несостоявшейся свадьбы.

– Вот Алисон разве что думает по-другому, – сказала я, чтобы развеять напряженность.

Она вспыхнула и энергично покачала головой. Вполне возможно, что именно меня она попросит сшить свадебное платье, подумала я.

Жюли пребывала в панике. Ее комната представляла собой зону бедствия – везде валялась одежда, книги, полусобранные чемоданы, мешки с мусором. Через все эти завалы передвигаться можно было с превеликим трудом.

– Это не завалы! – с жаром запротестовала она. – Это мои вещи. И свадебные подарки.

– Неужели ты собираешься все это тащить с собой в Штаты? – с удивлением спросила я, указывая на гору коробок у стены.

– Ну не все, конечно...

– Жюли! – Я заглянула в одну из коробок. – Там только сломанные игрушки!

– Ну и что? – с вызовом воскликнула она. – Там канатоходец, и

лоскутная кукла, и медвежонок, и морж!

– Жюли!

– Я обязательно возьму их с собой, Изабель! Они у меня с детства. Я просто не могу уснуть, когда их нет в комнате.

– И это? – Я вытащила из коробки маленький зеленый берет.

– А это деталь моей первой школьной формы.

– И ты его тоже возьмешь с собой?

– Почему бы и нет?

– Какой смысл? – засмеялась я. – Лично у меня вообще ничего не осталось от первой школьной формы, но даже если бы и осталось, то я бы все равно не потащила это с собой в Мадрид.

– А я люблю хранить вещи, – тихо сказала Жюли. – И ничего не могу с собой поделать.

Я присела на край кровати.

– А как вообще свадебные дела?

– Ох! – Она провела рукой по своей новой короткой стрижке. – Какой-то кошмар! Ты просто представить себе не можешь, сколько тут всяких приготовлений... – Она прикусила язык и виновато взглянула на меня. Я постаралась сделать вид, что не заметила ее намека.

– Извини, Изабель, – сказала она. – Я это ляпнула, не подумав. Я не имела в виду...

– Не бери в голову, – заверила я ее. – Все это не имеет значения.

– Но...

– Никаких но. К тому же у меня в жизни появился новый мужчина.

– Тот самый музыкант, о котором ты говорила?

– Тот самый.

– Ну и как он? Расскажи про него. – Она отодвинула в сторону горку аккуратно сложенных джемперов и села рядом со мной. – Какой он?

Я совершенно не знала, что ей сказать.

– Он очень мил. – Вот и все, что у меня получилось в качестве ответа.

– Мил? – воскликнула она с издевкой. – Ты еще ни о ком из своих бойфрендов не говорила, что он мил. Они могли быть у тебя всем, чем угодно, – клевыми, сексуальными, красавцами, интеллектуалами, сволочами, но только не милыми!

– А вот он мил, Жюли! – подтвердила я. – Он добрый, внимательный и тактичный. Он водит меня всюду, куда я хочу. – Я немного подумала. – Он очень хорошо со мной обращается.

– Звучит не слишком страстно.

Я вспомнила, как мы встречались с Нико вечером накануне его

отъезда, как он целомудренно поцеловал меня на прощание в лоб, хотя мне хотелось изо всех сил обхватить его руками и попросить никуда не уезжать. Жюли была права: наши отношения не были страстными.

– Я не готова к страсти, – наконец сказала я.

– О Изабель! – Она сокрушенно смотрела на меня. – Это я во всем виновата? Я наговорила тебе ужасных вещей по поводу того, как ты должна себя вести с другими мужчинами, но...

– Жюли, ты не имеешь к этому никакого отношения!

– Но если вы не чувствуете друг к другу страсти, значит, это не очень серьезные отношения?

Да, подумала я, сейчас между нами нет страсти. Но она вполне может возникнуть. Стоит нам только захотеть.

– О, – засмеялась я. – С ним легко общаться, зато легко и расставаться.

– Ну раз тебе это нравится... – С сомнением протянула Жюли.

– Лучше расскажи, когда приезжает Энди. Жюли тут же забыла про Нико.

– О, завтра. С этим переездом я совершенно замучилась. И со свадьбой тоже. Никак не могу поверить, что все это происходит со мной. Мне все кажется, что вот-вот случится что-нибудь ужасное... – Она закрыла рот рукой. – Извини, – снова сказала она.

– Ничего, – ободрила ее я. – И ничего ужасного с тобой не произойдет. Разве что на девичнике мы все напьемся и тебя прикуем голую к фонарному столбу. Тогда Энди точно откажется на тебе жениться.

– Вы этого не сделаете! – с ужасом воскликнула она.

– Ты в этом уверена? – Но на самом деле я рассмеялась.

На девичник к Жюли собралось десять человек, из которых я знала только троих: ее сестру Даниэль и двух наших общих подруг, Сиобан и Кристину.

Сперва мы пошли в одно джазовое кафе, где ели бургеры и пили пиво, и к моменту выхода на улицу все уже слегка захмелели.

– Куда теперь? – спросила Кристина.

– Я домой. – Даниэль посмотрела на часы. – Уже почти час ночи.

– Еще рано! – едко заметила Жюли.

– Нет-нет, у меня уже закрываются глаза, – настаивала Даниэль. – Мне нужно отдохнуть.

– Хорошо, – согласилась Жюли. – Спасибо, что пришла.

– Спокойной ночи, – попрощалась со всеми Даниэль. – Не натворите каких-нибудь глупостей.

– За кого она меня принимает? – жалостливым тоном спросила Жюли, когда ее сестра ушла. – За вавилонскую блудницу? Мы просто немного повеселимся, вот и все.

Мы пошли в следующее кафе, и походка у нас при этом была не очень твердой.

Я тоже не слишком твердо держалась на ногах. К тому же в один прекрасный момент каблук моей дорогой испанской туфли попал в трещину на бульжной мостовой.

– Какого этого самого!!! – чертыхнулась я, пытаюсь выдернуть каблук.

– Позволь мне помочь. – Этот голос я узнала моментально, даже не глядя на говорящего. Я еще раз изо всей силы дернула каблук, и он выскочил из трещины. При этом я отпрянула назад и приземлилась на задницу. И тут только подняла глаза и увидела удивленное лицо Тима Мэлона.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

– Изабель, – сказал он наконец, – что ты здесь делаешь?

– То есть как это что? Спасая свою обувь.

– Я думал, ты за границей. В Испании, как я слышал.

– Я дома на неделю, – объяснила я. – У Жюли свадьба. – Я надела туфлю и поднялась с земли. – Помнишь Жюли?

– Конечно, помню, – ответил он. – Я тут ее как-то встретил. – Он изучающе посмотрел на меня. – И вот, оказывается, она выходит замуж!

– Да, за американца. И после свадьбы переезжает во Флориду.

– Пополняет собой армию эмигрантов? – сказал Тим. – Ты и Жюли – два сапога пара.

– Не глупи. – Мы снова молча постояли рядом. – Я лучше пойду, – сказала наконец я. – Мы направлялись в один бар тут рядом.

– Они уже про тебя забыли, – возразил Тим.

– Просто они пока не заметили, что меня нет. Но все равно, мне лучше их догнать.

– Я пойду с тобой.

Мы молча шагали рядом, и мне было странно чувствовать его в такой близости от себя. Тим! Мой Тим, от которого я столько времени никак не могла освободиться! Который постоянно присутствовал в моей голове! Который давно уже превратился в органическую часть меня самой! И вдруг он материализовался и шагал рядом. Мне казалось, что реальный Тим гораздо менее реален, чем мой фантом. Как он вообще здесь оказался?

Мы повернули на Крау-стрит. Я увидела, как одна девушка из нашей компании исчезла в дверях паба.

– Они будут меня искать, – нарушила я молчание.
– Не будут, – убежденно ответил он.
– Будут. Я собиралась с ними пойти в паб.
– Ну что ж. – Тим поймал меня за руку. – Тогда я войду вслед за тобой через пятнадцать минут.
– Не глупи.
– Изабель. – Он все еще держал мою руку. – Мне надо с тобой поговорить.
– Нам не о чем говорить, Тим.
– Может быть, ты не захочешь меня слушать, Изабель, но я все равно очень хочу с тобой поговорить.
Мне самой до смерти хотелось того же самого, но я промолчала.
– Хорошо, – сказал он после некоторой паузы. – Ты иди вперед, а я войду потом. Тебе не придется входить вместе со мной.
Я снова ничего не ответила.
– Иди, – сказал он.
И я пошла. В пабе было многолюдно, грохотала музыка, парочки топтались, тесно прижавшись друг к другу, на танцплощадке. Из вентиляционных отверстий в стенах лился ледяной воздух. Наши стояли кучкой у барной стойки.
– Ты где была? – спросила Жюли. – Мы тебя искали.
– Каблук застрял в щели на мостовой. – Мне не хотелось рассказывать ей про Тима. По крайней мере, не сейчас.
– Что ты будешь пить?
– Пиво. – Интересно, думала я, действительно ли Тим сюда придет. И хочу ли я этого?
– Очнись, – сказала Кристина, подавая мне пиво.
– Спасибо, – безразлично ответила я. Интересно, о чем он хочет со мной поговорить? Что он вообще может мне сказать? Мне показалось, что музыка грохочет слишком громко. Прошли те времена, когда я любила блокирующую сознание музыку, а сейчас мне хотелось думать, иметь чистую голову.
Девчонки пошли танцевать. Жюли самозабвенно кружилась на площадке, полузакрыв глаза, и я подумала, что она вряд ли заметит, если я исчезну.
Он появился ровно через пятнадцать минут. Впрочем, может быть, он вошел раньше, только я этого не заметила.
– Изабель, – сказал он, хотя о значении его слов сквозь рев музыки можно было только догадываться. – Пойдем со мной.

Я огляделась кругом. Девчонки где-то танцевали, окруженные плотной толпой других танцующих. Они были совершенно поглощены собой и музыкой.

Никто из них не заметит, если я исчезну.

– Пойдем? – снова спросил Тим.

– Хорошо, – словно нехотя ответила я. В конце концов, мне нужно узнать, что он хочет мне сказать.

Он положил руку мне на спину.

– Тут недалеко есть кафе. Там мы сможем поговорить. На улице было спокойнее. Он повел меня куда-то в маленький кондитерский магазин, где стояло всего с полдюжины столиков, покрытых клетчатой клеенкой, а возле них – шаткие деревянные стулья, которые заскрипели и закачались, когда мы на них сели.

Мы заказали два капучино. Конечно, сравнить с шоколатерией в Мадриде было невозможно, но все равно здесь тоже было неплохо. Я внимательно взглянула на Тима.

Волосы его были пострижены короче, аккуратнее. Лицо слегка пополнело. Но в остальном он мало изменился.

– Ты выглядишь классно, – сказал он.

– Спасибо. Ты тоже.

Он засмеялся.

– Я выгляжу совершенно разбитым.

– Я бы этого не сказала, – заметила я.

Он бросил в свою чашку два кубика коричневого сахара.

– И вообще, я вышел сегодня с друзьями совершенно случайно, – продолжал он. – Хотел провести вечер у телевизора.

– Что-то на тебя не похоже, – снова заметила я.

– Тем не менее. – Он помешивал свой кофе. – Я теперь вообще стал домоседом.

– Почему?

– Возраст. – Он устало улыбнулся. – Мне уже тридцать с хвостиком, Изабель, пришла пора образумиться.

Я улыбнулась.

– Ты никогда не образумишься.

– Может, ты и права. – Он продолжал помешивать кофе. Это помешивание действовало мне на нервы. Лучше бы он его поскорее выпил. – Лучше расскажи мне, что ты с собой сделала, Изабель. – Наконец он положил ложку на блюдце. – Когда мне сказали, что ты уехала за границу, я просто не мог в это поверить.

Я пожала плечами.

– Мне здесь было как-то тоскливо, – ответила я. – И я подумывала о том, чтобы сменить работу. А потом подвернулась возможность уехать в Мадрид, и я ею воспользовалась.

– Вот уж никогда бы не подумал, что ты уедешь из дома, – сказал он. – Ты по природе такая домашняя пташка, Изабель.

– Просто ты меня плохо знаешь. – Я глядела ему прямо в глаза.

– Я думал, что знаю. Некоторое время мы молчали.

– Расскажи мне о работе, – попросил он. – Чем вы там занимаетесь?

– Работа неплохая, – ответила я. – У нас образовательная компания. Мы устраиваем семинары и квалификационные курсы для менеджеров среднего и высшего звена. В больших компаниях мы организуем выездные занятия. Я работаю в отделе компьютерного образования. Между прочим, руковожу этим отделом, – не без гордости добавила я.

– Странно, но такого я от тебя не ожидал.

– Я тоже, – призналась я. – Но тем не менее это так, и я очень этому рада.

– Это значит, что я поступил правильно, – сказал Тим.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Когда предложил отложить нашу свадьбу.

– Ты разбил мне сердце, – напомнила я ему с дрожью в голосе и отпила свой кофе.

– Извини, – мягко сказал Тим. – Если бы я мог тогда что-нибудь изменить...

– Неужели? – спросила я. – И что бы ты тогда изменил?

– Я бы на тебе женился.

Наступил один из тех моментов, когда время останавливается. По кафе в медленном темпе двигался официант. За одним из столиков смеялась девушка, но ее смех, казалось, завис в воздухе навсегда. Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди.

– Не будь идиотом, – наконец выдавила я из себя хриплым голосом.

– Я не идиот, – ответил он. – Я просто констатирую факт.

Мне пришлось обратиться за помощью к своему ингалятору.

– Как твоя астма? – спросил он.

– Лучше, – ответила я. – В Мадриде воздух для меня более благоприятен. Наверное, потому, что там суше.

– А я думал, что все это из-за меня.

– Ничуть.

Он откинулся на стуле.

– Помнишь, когда я решил отложить свадьбу? Я тогда сказал, что для меня это чересчур. И так оно и было, Изабель. Я был сыт по горло всем этим кошмаром. У меня складывалось впечатление, что каждый день, как грибы, вскакивают новые дела, что все время надо было о чем-то беспокоиться, на что-то отвлекаться. Я тогда думал: неужели всему этому не будет конца? Неужели Изабель постоянно будет контролировать мою жизнь? И я запаниковал, Изабель. Вот в чем проблема.

– Ты сказал тогда, что чувствуешь себя в ловушке, – напомнила я.

– Все правильно. Мне тогда казалось, что все ускользает у меня из рук. Это было ужасно.

– Но если бы ты меня любил... – Я не стала договаривать, потому что мне было тяжело.

– Я тебя любил! – убежденно воскликнул он. – Я просто потерял из виду, почему именно я тебя любил. Когда мы наконец решили со свадьбой покончить, у меня словно гора с плеч свалилась. – Он виновато посмотрел на меня. – Я чувствовал такое облегчение, Изабель! Словно я вернул себе в собственность свою жизнь. И некоторое время действительно очень хорошо проводил время. Развлекался с друзьями, работал сколько хотел, не думая о том, что кто-то дожидается меня дома, что я обязан докладывать кому-то о своих поступках. Словом, некоторое время все шло замечательно.

– А потом?

Он поворошил рукой волосы.

– А потом... – Он замялся. – А потом я по тебе соскучился. Сначала я подумал, что это оттого, что я как будто истощил запас своей свободы. Что я поглупел. – Он снова запнулся. – Но я знал, что ты уже не захочешь иметь со мной ничего общего. И поэтому у меня появилось несколько девушек. Ничего серьезного, Изабель. Но главное, что ни одна из них не была тобой! Я чувствовал себя все хуже и хуже. Мне казалось, что это не я такое совершил. Что это сделал кто-то другой. Ну, в общем, однажды я позвонил к тебе в офис и услышал, что ты уволилась.

– Наверное, тебя это удивило?

– Просто поразило, – сознался он. – Сперва я даже не мог в это поверить. Мне казалось, что ты никогда не уйдешь из "Дельты". Но мне сказали, что ты уехала за границу, и это был еще один удар.

Я слегка улыбнулась.

– Я сама с трудом в это верила.

– Я просто не знал, что делать, – продолжал он. – А потом решил, что ты, очевидно, приняла в своей жизни очень серьезное решение, но домой-то ты когда-нибудь вернешься! И я позвонил тебе домой.

– То есть как? – удивилась я. – Мне никто не передавал.

– Разумеется, никто не передавал, – криво усмехнулся он. – Потому что я разговаривал с твоей сестрой.

– С Алисон? – потрясенно воскликнула я. – Она даже словом не обмолвилась!

– Я и не надеялся, что она обмолвится, – сказал он. – Она сообщила мне, что у тебя сказочная работа в Испании, что ни малейшего интереса для тебя я больше не представляю, что ты теперь сама управляешь своей жизнью и что не буду ли я так любезен повесить трубку, потому что она ждет звонка.

– Вот это да!..

– Она была тверда, как алмаз. Впрочем, она никогда меня не любила. Очевидно, она решила, что у меня есть нехорошее намерение снова тебя соблазнить и вернуть из Испании.

Мне снова стало смешно:

– Тебе пришлось бы сильно потрудиться!

– Ты уверена?

Я теребила браслет на руке.

– Наверное, там жить гораздо увлекательнее, чем здесь, – высказал предположение Тим.

– Увлекательность здесь ни при чем, – буркнула я.

– Но у тебя наверняка появились друзья?

Я понимала, куда он клонит.

– Разумеется, появились, – ответила я. – Я же не отшельница. На работе вокруг полно народу и на курсах испанского языка, которые я одно время посещала.

– А мужчины? – Он произнес эти слова с хорошо разыгранной небрежностью.

– Были и не были, – ответила я столь же небрежно.

– Жюли рассказывала мне, что у тебя бойфренд. Я тут как-то ее встретил. Мне показалось, что ей было очень приятно сообщать мне эту новость. Но для меня в ней не было ничего неожиданного. Такая девушка, как ты, вряд ли долго продержится в одиночестве.

– Такая девушка, как я?

– Ну да, привлекательная, красивая, женственная.

– Что-то тебя заносит, Тим.

– Ну разве что немножко.

– Даже очень сильно. – Я допила свой кофе и посмотрела на часы. – Уже поздно.

– Да уж, ночь на улице.

– У меня закрываются глаза.

– Должен тебе сообщить, что у меня не было другой женщины.

Я закашлялась.

– Что?

– Ты думала, что у меня были отношения с Лаурой Харт, не правда ли? Так вот, Изабель, у меня с ней не было ничего, я тебе клянусь.

– Я тебе верю.

– Честно. Поверь мне: все дело в свадьбе. – Он взял меня за руку, и я подпрыгнула на месте. Он переплел свои пальцы с моими. – Эта свадьба стала для меня настоящим кошмаром. Кого приглашать, кого не приглашать. Отели, меню, оркестры. Вся эта ерунда. Напоминало сумасшедший дом.

– Все в порядке, Тим. Все это больше не имеет никакого значения.

– Так, да не так. – Он вздохнул. – У меня было такое впечатление, словно меня использовали.

– Что?!

– Я знаю, что это звучит глупо. Но ты все время толковала мне о доме и о вещах, которые хотела бы в нем иметь. И о том, как легко тебе теперь будет добираться до работы, и как здесь хорошо будет жить, когда у нас родится ребенок. И тут я подумал: эта девушка меня не любит. Она любит только те вещи, которые собирается получить с моей помощью.

– Тим! – Я освободила свою руку из его руки и уставилась на него с ужасом. – Неужели ты сам веришь тому, что говоришь?

– Я верил этому тогда.

– Нет, Тим. Я никогда не относилась к тебе как к источнику вещей. Я тебя любила.

Он поднял вверх руки в жесте отчаяния.

– Тогда я в этом не был уверен.

– О Тим! Может быть, я действительно вела себя неправильно. Но если я говорила о доме, то имела в виду лишь то, что мы в нем будем жить. Что это будет наш дом. – Внезапно голос мой осекся. Я больше не могла говорить. Из глаз у меня полились слезы.

– Прости, Изабель, – сказал он и провел рукой по моей щеке.

Я вытащила платок и высморкалась.

– Ничего.

– Совсем не ничего. Я сломал наши жизни.

Я вытерла глаза.

– Не говори глупостей. – Голос у меня дрожал. – Я живу хорошо,

спасибо тебе.

– Но ты не вышла за меня замуж, – сказал он. – И я об этом очень жалею.

– Неужели? – Его слова не вызвали у меня особого доверия.

– Более, чем о чем-либо другом.

Я сглотнула.

– Теперь поздно об этом говорить, Тим. У меня работа за границей.

– Ты поступила правильно, уехав за границу, но я бы предпочел, чтобы ты осталась дома.

– И пропустила бы шанс занять испанского любовника? – насмешливо спросила я, хотя внутри все у меня ныло и болело. Происходящее казалось мне нереальным. Мне казалось диким, что после стольких усилий переустроить свою жизнь, все в ней переменить, я вновь сижу лицом к лицу с Тимом, и он способен привести меня в точно такое же состояние, в каком я была, когда впервые его встретила. Оказывается, я совершенно от него не освободилась, несмотря на все мои надежды. Между нами все еще было нечто. Я закрыла глаза.

– Думаешь о нем?

– О ком?

– Об испанском любовнике?

"Изабелла, нежная моя". Мне показалось, что Нико прошептал эти слова прямо мне в ухо. Изабелла, нежная моя. В этих словах чувствовалась неразделенная страсть, затаенная, но все равно реальная.

– Нет, – твердо сказала я.

– Хорошо. – Тим заплатил официанту и повернулся ко мне. На его лице играла мальчишеская, озорная улыбка. – И что ты теперь собираешься делать?

– Я собираюсь домой, – ответила я. – Я уже тебе сказала, что очень устала. И хочу спать.

– Нет, я имею в виду не в данный момент, – уточнил Тим. – Я имею в виду вообще.

– Не знаю, – ответила я. – После свадьбы Жюли уеду обратно в Мадрид. Там наверняка скопилось много работы. А у тебя начнется какой-нибудь очередной горячий проект.

– Изабель, это очень важно, что мы сейчас встретились.

– Может быть. Но все изменилось, Тим.

– И твои чувства изменились? – Он погладил меня по щеке. – А может, тебе это только кажется?

Его пальцы обжигали мне щеку. Я сидела как каменная.

- Нам нужно встретиться снова, – сказал Тим.
 - Да, – прошептала я.
 - Нам надо поговорить еще раз.
 - Да.
 - Мы должны удостовериться, что приняли правильные решения.
 - Да.
 - Я никогда не переставал тебя любить, Изабель.
- О Господи! Может быть, я тоже никогда не переставала его любить?..

Глава 23

ПРЕКРАСНАЯ ПТИЦА, КОТОРАЯ ПОМОГЛА ДВУМ ЛЮБОВНИКАМ ОБНАРУЖИТЬ НЕЗНАКОМЦА

(Хуан Миро, 1941)

Утром пятницы, на которую была назначена свадьба Жюли, мы с ней отправились завтракать в роскошный ресторан "Беркели Кур". Мы приехали туда в девять часов, одетые в джинсы и майки, что совсем не вязалось с репутацией этого пятизвездочного заведения, где завтракали в основном преуспевающие бизнесмены, с утра облаченные в дорогие, с иголки, костюмы и аккуратно повязанные галстуки.

Это была идея Жюли. Она считала, что тем самым положит хорошее начало предстоящему знаменательному дню.

– А что мне оставалось делать? – говорила она, с аппетитом поедая яичницу, салат, круассаны, бекон, сосиски и все остальное, что нам принесли. – Венчание у нас в три, то есть до него еще шесть часов. К парикмахеру у меня назначено на двенадцать. Макияж я сделаю сама.

– Хотелось бы мне быть такой же непрошибаемой, как ты.

– Дело не в непрошибаемости, – возразила она. – Пару дней назад я сама была в панике, ты же помнишь. Просто теперь надо убить время и при этом удержаться от суеты.

– И все же...

– Что Изабель? – Она с беспокойством смотрела на меня. – И вообще, что с тобой происходит? Ты какая-то не такая, как всегда, сама не своя.

Я намазывала маслом тост.

– Ничего.

– Слушай, может, все дело в моей свадьбе? – В ее голосе звучало искреннее участие. – Может, я зря втянула тебя так капитально во всю эту историю? Может...

– Жюли! – Я категорически пресекла всю эту литанию бесконечных "может".

– К твоей свадьбе это не имеет никакого отношения.

– А что же тогда? – не унималась она. – Ты такая грустная!

Я огляделась кругом. Мне, конечно, приходилось в жизни посещать подобные заведения – вроде "Люкса" или "Шератона", – но не часто.

– Изабель! – напомнила о себе Жюли.

– Я встретила Тима, – нехотя призналась я.

– Тима? Когда? Зачем? Почему ты с ним встретилась? – засыпала она меня вопросами.

Мне пришлось вкратце обрисовать ей обстоятельства нашего свидания.

– Все произошло по чистой случайности, – заверила я ее. – Просто у меня каблук попал в щель между булыжниками.

– О Изабель! – Голос ее стал еще более участливым. – Чем же вы занимались?

– Ничем, – устало ответила я. – Попили кофе, поговорили о том о сем. О работе, об Испании, о всякой всячине в том же роде.

– Слава богу, тебе было что порассказать! – торжествующе воскликнула Жюли. – А о Нико ты ему тоже рассказала?

– Нет. Не было предлога.

– Как это не было предлога? – продолжала фонтанировать Жюли. – Пусть знает, что в твою жизнь ему больше не внедриться!

– Он и не собирался внедряться в мою жизнь, – без энтузиазма возразила я.

– Еще бы он собрался! – Жюли никак не могла успокоиться. – Ты сказала ему, чтобы он убирался подобру-поздорову?

– Ничего подобного я ему не говорила, Жюли. Я в основном слушала.

– И что же ты услышала?

– Он извинялся за все, – сказала я. – Заверил меня, что обо всем очень сожалеет. Сказал, что звонил в офис и домой. Ты об этом знала?

– Разумеется, знала! – воскликнула Жюли. – Алисон мне рассказывала. Она очень боялась, что он сделает попытку с тобой связаться. Поэтому мы договорились между собой не давать ему твоих координат.

– Как вы смели! – не на шутку рассердилась я. – За кого вы меня держите? За викторианскую героиню, которая брякнется в обморок у ног неверного возлюбленного? Да кто дал вам право решать за меня мои дела?

– Мы думали только о тебе, Изабель, – виновато сказала Жюли. – И о твоём благе. Честно.

Я не могла долго сердиться на Жюли. Кроме того, на ее месте я, вероятно, поступила бы точно так же.

– Надо было мне все рассказать, – устало сказала я.

– Мы подумали... – с чувством затараторила Жюли. – Словом, мы

подумали, что тебе уже лучше. Мы не хотели, чтобы ты снова ввязывалась в эту историю с Тимом Мэлоном.

– Я и не собираюсь ввязываться. – Я отодвинула от себя пустую тарелку.

– А что же ты собираешься делать?

– В каком смысле?

– В смысле Тима?

– Ничего, – ответила я. – Перед отъездом, может быть, еще раз с ним увижусь, вот и все.

– Будь осторожна, Изабель, – заботливо предупредила меня Жюли. – Он уже один раз сделал из тебя котлету. Не позволяй ему это повторить.

– Не позволю, – улыбнулась я. – Ты зря переживаешь.

Но мои слова ее явно не убедили.

В церкви было очень красиво. У алтаря стоял Энди Джордан, высокий, красивый, в прекрасном черном смокинге. Рядом с ним стоял Ари и что-то нашептывал ему на ухо. Мне указали место на скамье со стороны невесты. Стоял торжественный запах церкви, цветов, духов и чего-то еще, неповторимо прекрасного. Меня захлестнули эмоции, словно на эту свадьбу наложились воспоминания о другой свадьбе, моей собственной, несостоявшейся. У меня были бы другие букеты, другие ленты, другие гости. И платье у меня было бы другое, расшитое жемчужинками. Алисон нашла его под кроватью и выбросила в помойку.

– Мне оно было отвратительно, – призналась она. – К тому же если бы его нашла мать, то наверняка начала бы причитать по поводу своей бедной дочери, которой какой-то подлец искалечил жизнь.

Я сделала вид, что мне все равно, хотя на самом деле мне было жаль и своих трудов, и своих прекрасных надежд, которые вот так запросто оказались в помойке.

Алисон ткнула меня в бок.

– Никогда бы не догадалась, что он голубой, – зашептала она громким шепотом, так что сидящие впереди нас начали оборачиваться.

– Прекрати. Люди подумают, что ты говоришь об Энди, – ответила я, едва сдерживая смех.

– Какая жалость, – мрачно продолжала она. – Они оба так хороши.

– А как же Питер? – спросила я.

– С Питером все в порядке, – ответила она. – Мы отлично ладим друг с другом. Любим одни и те же вещи, смеемся над одними и теми же шутками.

– Ты выйдешь за него замуж?

– А если и так? – Она посмотрела на меня с вызовом. – Впрочем, я еще не решила. Мы хотим сперва немного пожить друг с другом.

– Ты соображаешь? – воскликнула я. – Что скажет на это мать?

– Только это меня и удерживает, – призналась она. У дверей церкви послышался шум. Приехала Жюли в пышном белом платье, которое заняло полпрохода.

– Оно ее затмевает, – пробормотала Алисон.

Но что бы ни говорила Алисон, Жюли выглядела очаровательно. Она прошла мимо меня с безмятежным, счастливым лицом, и во мне невольно зашевелилось чувство острой зависти, которую я безрезультатно пыталась подавить. Жюли улыбнулась мне, и я постаралась придать лицу радостное выражение. А потом пришла моя очередь читать текст о любви и верности, и я прочла его с выражением, как будто знала, о чем идет речь.

За те два дня, что прошли с нашей встречи, Тим так и не позвонил. Я вскакивала каждый раз, когда звонил телефон, так что мать начала даже поглядывать на меня подозрительно. Мои заверения, что я жду звонка из Испании, ее мало убедили. Она чувствовала, что за этим стоит что-то опасное для ее дочери.

Впрочем, о Тиме я им не рассказывала. С Алисон случился бы удар, если бы она узнала, что я снова встречалась с этим мерзавцем. Она наверняка впала бы в ярость.

Жюли и Энди расписались в регистрационной книге, и вся свадьба вереницей вышла из церкви. День стоял чудесный, как раз такой, в какой мне хотелось бы выходить замуж. Все бросились целовать Жюли и пожимать руки Энди. В воздухе летали вишневые лепестки, потому что как раз в это время в городе цвели вишневые деревья. Эти лепестки падали на головы молодоженов.

Ко мне подошел Ари Джордан.

– Привет, Изабель. Как поживаешь?

– Хорошо, спасибо. А ты?

– Я тоже хорошо.

– Как поживает твоя массажная практика?

– Классно! – с энтузиазмом откликнулся он. – Я тут ездил на курсы в Австралию пару месяцев назад и познакомился там с совершенно отпадным мужиком. Спасателем на водах.

– Ари!

– Это был краткосрочный роман.

– А что-нибудь долгосрочное в твоей жизни сейчас есть? – спросила я.

– Нет, – вздохнул он. – Но я полон надежд. А у тебя как?

– Тоже нет. – Я попыталась выбросить из головы мысли о Тиме.
– А тот кусок дерьма, который тебя бросил? Ты о нем что-нибудь слышала?
– О Ари! – запротестовала я. – Он не так плох, как ты говоришь.
– Он еще хуже, чем я говорю, – подтвердил он. – Ты была из-за него совершенно не в себе на Родосе. Я так тебе сочувствовал.
– Очень мило с твоей стороны.
Мы заговорили о моей работе.
– Я переехала в Мадрид.
– А там есть красивые мужчины?
– Полно.
– Я имею в виду для тебя, – поправился он.
– Я тоже это имела в виду, – улыбнулась я.
– Что-нибудь серьезное?
Я вспомнила о Нико и коротко ответила:
– Нет.
– Вот и хорошо, – обрадовался он. – Тебе надо немного погулять.

К нам подошла Алисон, и Ари переключил свое внимание на нее. Я слонялась вокруг церкви. При мысли о Нико у меня начинало сосать под ложечкой от тоски и желания, но Тим тоже каким-то странным образом не выходил у меня из головы. Мне трудно было разобраться, что я чувствую по отношению к каждому из них. Я старалась себя уверить, что это не имеет никакого значения, что я себя напрасно мучаю, и оба они играют в моей жизни одинаково постороннюю роль. Но волнение мое не утихало. Я присела на парапет церкви и с тоской смотрела, как вокруг кипело свадебное торжество.

В ресторане я тоже не могла отвлечься от противоречивых мыслей. Мне не помогли ни шутки гостей, ни спиртные напитки. В церкви мне все время мерещился Тим. Как будто это мы только что обменялись с ним у алтаря клятвами. Но вне церкви, при солнечном свете, я тут же вспоминала о Нико, и мне очень хотелось, чтобы он сейчас был не в Севилье. Я ненавидела их обоих за то, что из-за них чувствую себя такой несчастной.

Я ненавидела себя за то, что сама такая дура.

Начались танцы. Протанцевав полчаса без остановки, я присела отдохнуть. Ноги у меня гудели и подламывались. От усталости напомнила о себе астма. Пришлось достать ингалятор. В таком состоянии меня застучала Жюли.

– Ты как?

– Отлично! – Я быстро спрятала ингалятор в сумочку. – День просто незабываемый. После всех речей, которые здесь произносились, Энди, должно быть, решит, что ты – острая штучка.

– Он и так знает, что я острая штучка! – счастливо рассмеялась Жюли.
– А когда приеду в Штаты, буду еще острее!

– А ты не боишься соскучиться по дому? – спросила я.

– Боюсь. Но все равно жду не дождусь переезда. Ты же преодолела ностальгию. И я преодолею.

– Испания ближе к дому, чем Флорида.

– В наши дни расстояния не имеют значения! – Счастье из нее так и лучилось. – И ты, Изабель, обязательно должна приехать и меня навестить. Причем как можно скорее.

– Хорошо.

– Слушай, мне надо циркулировать среди гостей. Тут полно каких-то тетушек, с которыми я еще даже словом не перемолвилась.

– Иди, циркулируй.

Она убежала, и на освободившееся место тут же плюхнулся какой-то малознакомый молодой человек. Он отвесил мне несколько банальных комплиментов, потом пригласил потанцевать, во время танца задал несколько дежурных вопросов об Испании и дважды наступил на ногу. Потом на его место заступил новый молодой человек. Он тоже отвесил мне несколько пошлых комплиментов, задал несколько дежурных вопросов об Испании и пригласил потанцевать. Танцор он был получше первого. Потом он вдруг спросил:

– Хочешь пойти завтра со мной поужинать?

– С тобой?

– Ну да, со мной.

– Но мы же с тобой почти незнакомы!

– Какая разница? – Он пожал плечами. – Мы уже с тобой поговорили. И Жюли мне о тебе кое-что рассказывала. Мне хочется познакомиться с тобой поближе.

– Нет, – ответила я. – Большое спасибо, конечно, но у меня завтра дела.

– Ну как хочешь, – беспечно ответил он. – Я просто так спросил.

В это время музыка сменилась на более быструю, и он отвел меня обратно к столику. Его странное предложение оставило во мне неприятный осадок.

В ресторане было жарко, и я решила выйти на свежий воздух. Многие гости тоже гуляли по саду, группами сидели на траве. Я бездумно пошла по дорожке к морю и стала смотреть на корабли у горизонта. Мне было очень

одинок. Внутри меня все ныло и болело, и я не знала, что с этим поделать. Больше всего меня поразила зависть, которую я испытывала к Жюли и Энди. Впрочем, глядя на их безудержное счастье, я не могла не радоваться за них.

Столь же бездумно я пошла обратно в отель, на минутку задержалась под большим деревом и прикрыла глаза. Мне так хотелось снова оказаться в Мадриде! Вдруг я услышала разговор.

– Марк, нас могут увидеть!

– Не увидят.

Я узнала голос моего последнего ухажера и открыла глаза. Из кустов между тем раздавалось хихиканье.

– Марк! – Это уже был почти крик.

Я присела за стволом дерева, боясь, как бы они меня не заметили.

– О Марк! Да!

"Вот это номер!" – подумала я. – "Не может быть, чтобы они занимались "этим" в кустах!"

– Я всегда хотел с тобой поближе познакомиться! – говорил между тем Марк.

Именно "этим" в кустах они и занимались!

– О Марк!

– Почему мы с тобой не встретились раньше? Ты такая красивая!

Я была очень рада, что полчаса назад так счастливо избежала с ним свидания, что моя персона его в конце концов не слишком заинтересовала.

– Да ты просто гигант! – вопила между тем девушка.

Я спокойно встала во весь рост и пошла в отель: даже если бы они меня увидели, все равно не обратили бы внимания. Впрочем, они бы не увидели.

Ко мне подошла миссис Донеган. Она начала расспрашивать меня об Испании. Но в то же время ее внимание было всецело поглощено дочерью. Она боялась ее предстоящего отъезда.

– Люди норовят уехать в Америку и не вернуться назад, – со вздохом посетовала она.

– Так было давным-давно, – пустилась я в утешения. – А сегодня туда можно долететь за шесть часов.

Кроме того, есть телефон, факс, электронная почта. Существует множество замечательных средств современной коммуникации.

– Да я и микроволновую печь не могу как следует освоить, – созналась миссис Донеган. – Вряд ли я поэтому освою какую-нибудь электронную

почту.

– Просто вам надо приобрести компьютер, – посоветовала я.

– А что он даст? Я буду бояться его включить. У меня мозги абсолютно нетехнологические.

– Вам так кажется, – сказала я. – К тому же вокруг вас тоже полно компьютеров. Всякие электронные термостаты, видеоцентры...

– Их я тоже никогда не включаю! – упрямо возразила она. – Единственный агрегат, которым я пользуюсь, это телефон. Слушай, Изабель! Как тебе живется в Испании? Ты не скучаешь по дому?

Я понимала, что она хочет услышать от меня, что Жюли не будет очень сильно тосковать по дому, что она справится со своей ностальгией.

– Иногда, – ответила я беззаботно. – За границей очень весело.

– А как насчет одиночества? – продолжала расспрашивать миссис Донеган. – Ты не чувствуешь себя там одинокой?

– Иногда, – снова ответила я. – Но у меня там уже появилось множество друзей.

– Я очень рада, – задумчиво сказала миссис Донеган. – Я рада, что ты преодолела тяжелую полосу в своей жизни.

В горле у меня образовался комок. Ну почему все люди выражают мне сочувствие? Даже в такой день!

– О, я преодолела ее давным-давно! – сказала я вслух веселым голосом.

Она взяла меня за плечо и оглядела зал.

– Тебе надо найти нового мужчину, Изабель, – сказала она.

– Ой, только не это! – торопливо возразила я. – Не надо мне никакого мужчины!

– Вот, например, чем не жених? – Мимо нас как раз проходил Марк. – Марк, Марк! – подозвала его миссис Донеган. – Иди познакомься, это Изабель!

– Мы уже встречались. – Я изобразила на лице милую улыбку. – Но, к сожалению, сейчас мне нужно пойти и попудрить носик. Так что увидимся с вами позже, миссис Донеган.

Я с облегчением выскользнула в фойе. Оркестр в это время играл "Мы выстоим!". Я поняла, что ненавижу свадьбы.

Глава 24

ПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ

(Сальвадор Дали, 1931)

Ночью сон ко мне не шел. Дыхание было затрудненным, мысли без усталости вертелись в голове, как бумага на ветру. Все персонажи последних лет словно собрались в мою комнату и мелькали перед мысленным взором, как гости на свадьбе. Без ингалятора дыхание не налаживалось. Пришлось сделать несколько инъекций. Ясно, что дома моя астма значительно ухудшилась.

Я изо всех сил старалась не думать о Тиме. Я презирала себя за то, что позволила ему так сильно собой завладеть, словно попала в его ловушку и никак не могу выпутаться. За то, что он снова стал мне так близок. В пять часов начали свой концерт птицы, в шесть проехал молочник. Я лежала с открытыми глазами и смотрела на стену, где когда-то висел постер Митчела Хатчинса. Его судьба тоже вызывала во мне острое сострадание. Но еще большее сострадание вызывала во мне та девочка, которой я когда-то была.

Я встала и завернулась в халат. Потом спустилась вниз и поставила чайник. Есть мне не хотелось, хотелось только отдохнуть, найти успокоение.

В этот день все у меня валилось из рук. Я посидела в саду, почитала Агату Кристи. Иногда ко мне подходила мать, мы мирно разговаривали. Я подставляла солнцу лицо, вдыхала аромат цветущих роз, но успокоения это не приносило.

Когда зазвонил телефон, я подпрыгнула на месте. Но мать меня опередила.

– Это не тебя, – сказала она, подходя ко мне со стаканом апельсинового сока в руках. – Кто-то не туда попал. Последнее время это часто случается. У нас одинаковый номер с продуктовым магазином в Корке, мы долго писали, просили что-нибудь с этим сделать. Но все напрасно. Народ постоянно забывает набирать код района перед номером.

Я закончила "Убийство в восточном экспрессе" и начала "Смерть на Ниле".

Алисон вышла в сад с подушкой и с наушниками в руках.

– Меня не будить, – проинструктировала она нас. – Я совершенно измочалена.

Телефон зазвонил, когда она едва прилегла.

– Это, наверное, Питер, – вскочила она. – Я подойду.

Оказалось, что снова ошиблись номером.

– Больше я не встану, когда он зазвонит, – пообещала Алисон. – Питер должен понять, что мне нужен отдых.

Очередной звонок раздался примерно через полчаса.

– Давайте я подойду, – сказала я. – Заодно налью себе сока.

– Слава тебе Господи, что ты наконец ответила, – сказал Тим Мэлон. – Мне больше не хотелось бросать трубку. Твоя сумасшедшая матушка могла бы подумать, что это какой-нибудь маньяк, и позвонить в полицию.

– Так это ты звонил раньше?

– Разумеется, я, кто же еще?

– Откуда мне знать? – ответила я. – По-моему, сюда могут звонить все, кто угодно. У Алисон насыщенная личная жизнь. У Яна свои друзья, у мамы свои. Да и отцу звонят часто. Даже чаще, чем мне.

– Прекрати шутить!

– Я просто констатирую факт.

– Ну ладно. Я звоню, чтобы узнать, в котором часу сегодня ты можешь со мной встретиться?

– Встретиться с тобой?

– Разумеется, Изабель. Мы же договаривались, что встретимся и поговорим еще раз.

– Но о чем?

– Как о чем? Мы еще не договорили множество вещей.

– А мне показалось, что ты уже все сказал.

– Конечно, все, – согласился он. – Но мне еще нужно узнать, как ты себя чувствуешь. И, вообще, я хочу тебя видеть, Изабель. Ну пожалуйста.

Раньше он никогда не говорил мне "пожалуйста".

– Но, Тим, какой смысл в нашей встрече? Сейчас слишком поздно.

– А смысл в том, что есть вещи, которые нам надо прояснить до конца. Причем слово "поздно" для них не существует.

– В моей жизни все уже прояснено, – тоскливо настаивала я.

– Может быть, – не отступал Тим. – И если это действительно так, то я обещаю оставить тебя в покое и никогда больше не искать с тобой встреч. Но мы должны во всем удостовериться, Изабель. Мы обязаны это сделать для нас же самих.

– Ты так думаешь?

– Да, – твердо ответил Тим.

У меня вспотели руки. Я поочередно вытерла каждую ладонь о свои джинсы.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Сегодня вечером я буду в городе. Что, если нам встретиться в кафе "На Сене"? Там хорошая атмосфера, и если тебя не заинтересую я, то, в конце концов, туда заходит множество других приятных мужчин.

Я засмеялась.

– Других приятных мужчин?

– Именно, – подтвердил Тим. – Кроме меня.

– Твоя скромность всем хорошо известна, она отличала тебя с давних времен.

– Только не на этот раз, – сказал он, и я почти ему поверила. – На этот раз дело не в моей скромности.

– Но я не хочу встречаться с тобой в пабе, – начала торговаться я. – Мы всегда встречались в каком-нибудь пабе.

– А что бы ты предпочла? – спросил он. Я промолчала.

– Я знаю, что бы ты предпочла. – Он сам ответил на свой вопрос, не дождавшись ответа. – Чтобы доказать тебе, насколько мои намерения серьезны, я за тобой заеду. Так сказать, встречу льва в его логове. Я позвоню к тебе в дверь, и мы вместе решим, куда нам ехать.

При мысли о Тиме, который звонит в мою дверь, я поежилась.

– Нет, – сказала я. – Этого, пожалуйста, не делай. С минуту он раздумывал, потом сказал...

– Жду тебя в ресторане "Фитцерс", Даусон-стрит. Если нам захочется, то потом мы пойдем куда-нибудь еще.

– Ладно...

– В восемь.

– Ладно.

Мне самой трудно было поверить, что я согласилась с ним встретиться.

Как всегда, я приехала раньше назначенного времени, но решила не заходить в ресторан, чтобы не сидеть там в одиночестве и не ждать Тима. Он скорее всего снова опоздает. Пунктуальность никогда не была его сильной чертой. На наши прошлые свидания он регулярно опаздывал минут на пятнадцать-двадцать, причем без всяких объяснений. Но сегодня мне не хотелось повторять прошлые ошибки: я решила, что опоздаю сама.

Я зашла в парк Тринити-колледжа, села на скамью и подставила лицо под лучи вечернего солнца. Если закрыть глаза, то можно даже вообразить,

что я в Ретиро-парке. Даже на гитаре кто-то играл. Я открыла глаза и удостоверилась, что это не Нико. Играла какая-то девушка с каштановыми волосами. При мысли о Нико мне стало очень грустно. Я просто схожу с ума, сказала я себе. В этом нет никакого сомнения.

Когда я вошла в ресторан, Тим сидел за столиком. Я села напротив него и неуверенно улыбнулась.

– Ты выглядишь чудесно, – сказал он.

– Спасибо. – Сегодня мне не хотелось особенно мучиться со своей внешностью. Я оделась просто – в джинсы, белую шелковую блузку и синий жакет. Никакой косметики, если не считать едва заметного касания туши и блеска для губ. Бижутерия тоже самая простая. Ничего, чтобы могло намекнуть ему на то, что ради него я провела перед зеркалом целую вечность.

– Что ты будешь пить? – начал он обычный в таких случаях диалог.

– Ничего.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Я полистала меню, но оно показалось мне китайской грамотой.

– Что ты будешь есть? – спросил Тим.

– Спагетти, – ответила я первое, что пришло мне на ум.

– А что-нибудь более существенное?

– Нет, спасибо.

– Спасибо, что пришла, – сказал Тим после того, как сделал заказ. – Я так боялся, что ты не придешь. Конечно, я бы все понял, но мне было бы очень жаль. Мне очень хотелось с тобой еще раз поговорить.

Я тербила розы, которые стояли в вазе посередине стола.

– В прошлый раз я говорил с тобой совершенно серьезно, Изабель. – Лицо его выражало крайнюю озабоченность. – Я совершил огромную ошибку. Непростительную.

Я проглотила комок, который застрял у меня в горле.

– Потом я очень удивлялся, что это на меня нашло, – продолжал он. – Я был так счастлив с тобой! Я тебя любил! Я хотел на тебе жениться! – Он горестно поник головой. – Все случившееся я могу объяснить только одной причиной – меня охватила паника.

Я не знала, к чему он клонит, и начала обрывать с роз лепестки.

– Я бы с радостью изменил теперешнюю ситуацию, – заключил он свою речь.

– Ты не можешь ничего изменить, – устало сказала я. Мой голос эхом отозвался в голове, словно говорила не я, а кто-то другой. – Все вокруг

стало другим, Тим.

– Что значит "другим"?

– Это значит, что у меня новая жизнь. Новая страна. Новые друзья. Новая работа.

– Ты хочешь сказать, что ко всему, что было здесь, ты повернулась спиной?

– Нет. – Я откашлялась. – Но вряд ли стоит от меня ожидать, что я повернусь спиной ко всему, что за это время с таким трудом наработала на новом месте.

– Уточни, пожалуйста, что ты имеешь в виду?

– Я уже тебе говорила. У меня теперь ответственная, хорошо оплачиваемая должность, Тим. Работа мне очень нравится. И жить в Мадриде мне тоже очень нравится. Это такой чудесный город! У меня там появилось множество друзей.

– А среди них есть кто-то особенный?

– Да. – Мне очень не хотелось пускаться в объяснения на эту тему. – У меня есть бойфренд. – И это слово мне тоже не хотелось произносить, потому что оно звучало как-то слишком по-молодежному. – Он хорошо ко мне относится.

– Чем он занимается?

– Он музыкант.

– Послушай, Изабель! Это значит, что он зарабатывает гроши!

– Одновременно он работает в фармацевтической компании.

– Вот это уже лучше, – как будто облегченно сказал Тим. – Но музыка, Изабель! Наверняка это один из тех эмигрантов, которые подражают стилю 1960-х. Этакий клон Найгеля Кеннеди!

– Да он родился в 1960-е! – воскликнула я. – И никакой он не эмигрант! И он гитарист, а Кеннеди, между прочим, играет на скрипке!

– Тогда он наверняка ностальгирует по хиппи и цветочному народу.

– Что? – Я была вне себя. – Ты говоришь так только потому, что он не совпадает с твоим идеалом мужчины! Этаким высоколобым техновундеркиндом или безликим корпоративным клоном!

– Нет! Ничего подобного! – защищался Тим. – Я вовсе не намекал ни на что подобное... Впрочем, извини меня, Изабель.

– Нико очень порядочный, хороший парень, и я им очень увлечена!

– А как насчет любви? Ты его любишь?

– Я не знаю, – честно созналась я после недолгой запинки.

– Значит, ты его не любишь, – решительно резюмировал Тим. – Если бы ты его любила, то твердо знала бы об этом. Ты ведь знала, что любила

меня, не правда ли?

– Мне казалось, что я тебя люблю, Тим, – со вздохом ответила я. – Но, с другой стороны, мне казалось, что и ты меня любишь.

– Туше, – сказал Тим, когда официант поставил перед нами еду.

Я ковыряла вилкой в своих макаронах, обмакивая их в грибной соус. С Тимом меня связывало слишком многое. Общие воспоминания, например. Однажды на берегу моря нас застигла гроза, и мы стояли, тесно прижавшись друг к другу у скалы, в то время как почти у наших ног клокотало море и дождь крупными каплями бомбардировал песок. Или в другой раз, когда мы ехали за город и случился прокол колеса. Тим снял колесо, но оно выскользнуло у него из рук и покатило вниз по склону, так что Тиму пришлось бежать за ним со спринтерской скоростью. Или однажды его мать сделала мне замечание, что, по ее мнению, носить такую прозрачную блузку не стоит, на что Тим огрызнулся, что, по его мнению, она ведет себя, как глупая старая корова, потому что я выгляжу абсолютно сногшибательно.

Но можно вспомнить и самые простые вещи.

Как мы вместе смотрели телевизор. Как мы вместе бродили по улицам. Как мы чувствовали, что наши жизни соединены в единое целое...

– Изабель, я люблю тебя даже больше, чем любил раньше! – Тим положил вилку и смотрел мне прямо в глаза. – И я был последним ослом, когда заварил всю эту кашу. Я могу понять, если ты меня ненавидишь, если считаешь, что больше нам встречаться не стоит. Я все могу понять, Изабель! Я знаю, что я самовлюбленный эгоцентрик, что слишком много о себе воображаю. Я знаю, наконец, какой я дурак! Я знаю, что сам, своей рукой, разрушил свое счастье, позволил событиям выскользнуть из-под контроля. Я знаю, что выставил тебя в идиотском свете, точно так же, как самого себя. Я прекрасно понимаю, что ты чувствовала, хотя ты, возможно, в это и не веришь. Но я прошу тебя – дай мне еще один шанс! Тебе не надо ничего делать самой, только дай мне шанс, вот и все!

– Шанс на что? – спросила я. – Какие у нас могут быть отношения, когда я живу за две тысячи миль отсюда?

– Просто думай обо мне, – попросил он. – Я могу приехать в Мадрид на несколько недель. Ты же знаешь, как это делается: я возьму свой ноутбук и буду там работать. В твою жизнь я не буду внедряться, Изабель. Просто мне кажется, что у нас с тобой было кое-что настоящее, особенное, и я не хочу, чтобы это пропало просто так, без всякой проверки. Я хочу, чтобы мы сначала удостоверились, что все, что было между нами, абсолютно мертво.

Глаза его блеснули. Я еще ни разу в жизни не ставила мужчину в

положение, когда он был на грани слез.

– Мне нужно подумать о том, что ты тут наговорил, – сказала я после минутного раздумья. – Все это меня очень смущает, Тим. Я просто не могу разобраться в своих чувствах.

– Конечно! Я все понимаю! – воскликнул он, не спуская с меня затуманенного взгляда. – Я очень тоскую без тебя, Изабель.

– Я без тебя тоже, Тим, – сказала я.

После ужина мы зашли в бар "На Сене". Там было людно, народ с бутылками пива расположился даже на мостовой перед баром. Все здесь напоминало мне об Испании. Мы сели на парапет внутренней клумбы и наблюдали за кипящей вокруг жизнью. Наши плечи соприкасались. Сквозь тонкую блузку я чувствовала тепло его тела, и это тепло мне было до боли знакомо. Оно доводило меня до дрожи.

– Я отсидел задницу, – сказал Тим примерно через полчаса такого сидения.

– Пойдем куда-нибудь еще.

Я взглянула на часы.

– Пожалуй, мне пора домой. Я завтра улетаю.

– Еще масса времени, – усмехнулся Тим. – Пойдем выпьем на дорожку, и я отвезу тебя домой.

– Пить я больше не хочу, – твердо сказала я.

– Я имею в виду не здесь, – уточнил Тим. – Я имею в виду у меня дома.

Я с ужасом посмотрела на него.

– Нет!

Он поймал меня за руку.

– Неужели ты так меня ненавидишь?

– Дело не в этом. – Я прикусила губу. – Но будь реалистом, Тим. Если мы пойдем к тебе, то рано или поздно... рано или поздно... – Я не стала договаривать.

– Ты хочешь сказать, что рано или поздно я не удержусь и сделаю попытку затащить тебя в постель?

– Что-то в этом роде, Тим, – ответила я. – У меня воображения не хватает подумать, что ты можешь повести себя по-другому.

– Ты очень хорошо меня изучила, – ответил он. – Но я изменился, Изабель. Честное слово. Конечно, мне бы очень хотелось затащить тебя в постель. Я только и делаю, что мечтаю об этом с того самого момента, как увидел тебя сегодня. Но я этого не сделаю. Потому что хочу, чтобы ты мне

верила. И чтобы не исчезла та искра доверия, которое, возможно, у тебя ко мне сохранилось, ради какого-то мимолетного...

– Тим, прошу тебя!

– Хорошо, – сказал он. – Я буду примером хорошего поведения, сварю нам кофе, чтобы ты была уверена, что до дома мы доедем в полной сохранности и что я полностью перевоспитался.

– Слушай, прекрати говорить о себе так, словно раньше ты отличался крайней испорченностью! – не выдержала я. – Слово ты ничем другим не занимался, как только направо и налево разбивал девичьи сердца! Это же все абсолютная чушь, Тим!

– Просто у меня такое гнусное чувство по поводу всего случившегося! Мне все время кажется, что ты должна меня ненавидеть.

– Я возненавидела бы тебя еще больше, если бы ты женился на мне, а потом признал, что совершил крупную ошибку, – сказала я.

– Ты это серьезно?

– Разумеется, серьезно, – решительно сказала я, хотя еще минуту назад вовсе не была в этом уверена. – Тогда нам обоим было бы гораздо хуже, не так ли? Представь, если бы наша жизнь пошла после свадьбы наперекосяк? Мы были бы несчастливы вдвойне. – Я даже доверительно ему улыбнулась. – Тогда бы я просто возненавидела свое замужество и все, что с ним связано.

– Ты потрясающая женщина, Изабель Кавана.

– Я знаю, – сказала я, допивая свое пиво.

В машине нам стало как-то легче. Мы не разговаривали, Тим включил магнитофон, классическую музыку, которая подействовала на меня умиротворяюще. Интересно, думала я, он специально для меня выбрал эту кассету? Вкус Тима в отношении музыки мне был хорошо известен: тяжелый рок, "Лед Зеппелин", к примеру, включенный на всю мощность через динамики. Я откинулась на сиденье и закрыла глаза.

– Устала? – спросил он.

– Не очень.

Так странно было снова входить в этот дом, в который я больше уже никогда не рассчитывала войти, забраться с ногами на хорошо знакомый диван, свернуться на нем калачиком. Тим отправился на кухню готовить кофе. Я чувствовала себя хорошо и одновременно не очень хорошо. Чтобы отогнать глупые мысли, я покачала головой.

Мое внимание привлекла фотография на стене. Я помнила, когда она была сделана, – в день нашей помолвки. У меня на ней такой самодовольный вид, подумала я, глаза улыбаются, руками я

собственнически обнимаю Тима, на третьем пальце левой руки блестит обручальное кольцо.

– Мне не хотелось ее прятать, – сказал Тим, входя в комнату с двумя кружками дымящегося кофе. – Надеюсь, ты не возражаешь?

– Просто забавно сейчас на нее смотреть, – ответила я, принимая у него из рук кружку. – Насколько я помню, меня в тот день застучали врасплох.

– Мы оба были хороши, – мрачно заметил Тим. – А на следующее утро Грег позвонил ужасно некстати и велел срочно явиться в офис.

– Бедняжка, – посетовала я.

– Я был тогда совершенно болен, – напомнил он.

– Я помню, – ответила я. – Ты еще сказал мне на следующий день, что тебя радует только одно – что такой человек, как ты, проходит через помолвку лишь однажды. – Сказав это, я прикусила язык.

– Извини, – сказал он, ставя свою кружку на камин и обнимая меня за плечи. – Очень прошу... извини меня за все, Изабель.

Я точно не знала, позволять ему себя обнимать или нет. С одной стороны, мне нравилось чувствовать его руки на своих плечах, а с другой – они вызывали во мне болезненное чувство. Честно говоря, я боялась. Я боялась того, что эмоции в один прекрасный момент могут взять верх, несмотря на все заверения Тима, а я не могла себе позволить снова в него влюбиться.

Это было бы слишком простым решением и наверняка повлекло бы за собой еще более сокрушительные последствия.

Он поцеловал меня в волосы.

– Как ты думаешь, я перед тобой извинился? – спросил он.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза.

– Не надо перебарщивать, Тим. Мне трудно с собой справиться. По крайней мере, сегодня.

– А когда?

– Не знаю.

– Ты должна дать мне шанс тебе доказать, что я тебя люблю.

– Зачем?

– Затем, что если я этого не сделаю, то никогда себе не прощу.

Я положила голову ему на грудь, как делала много-много раз в прошлом, и почувствовала себя... на удивление нормально. У меня появилось чувство... надо полагать, удовлетворения от того, что мужчина, который меня бросил у алтаря, все еще любит меня. За прошедшие два года я попыталась вытеснить его из головы – и вот, он снова испытывает ко мне

желание. Пожалуй, во мне зародилось даже чувство удовлетворения своей властью, чувство собственности, которое раньше мне было абсолютно чуждо. Но в то же время я боялась. Я оторвалась от Тима и снова села на диван.

Он сел рядом со мной и включил телевизор. Показывали "Прогноз погоды": в Европе повышенный фон атмосферного давления, температура в Дублине – предположительно 24 , в Мадриде – 34 .

– Там просто кипящий котел, – заметил Тим.

– Иногда действительно на то похоже, – признала я.

– Но тебе это нравится?

– Это же дом.

Он повернулся и взял меня за руку.

– Дом? – переспросил он.

– Теперь – да.

– И этот дом тоже мог стать твоим, – задумчиво сказал он. – Если бы я не был таким тупицей.

Я сглотнула.

– Мог, но не стал...

Он сильнее сжал мою руку.

– Он все еще может стать твоим, Изабель.

– Нет, не может, – ответила я, высвобождая свою руку и вставая на ноги. – Не может, Тим. И вообще, мне пора идти.

Он подал мне жакет и подхватил ключи от машины.

Глава 25

ПЕЙЗАЖ С ДВУМЯ ФИГУРАМИ

(Пабло Пикассо, 1908)

– Совсем неплохо, – сказал Габриэла, захлопывая блокнот и убирая его в папку. – Зимние курсы в этом году заполнены очень хорошо.

– Мы уже заручились предварительным согласием многих участников, – напомнила я ей. – И, кроме того, многие из тех, которые несколько месяцев назад проходили у Алехандро курсы для начинающих, теперь решили продолжить обучение на курсах промежуточного звена.

– Я вполне довольна тем, как идут дела, – сказала Габриэла. – И еще больше я удовлетворена тем, насколько интенсивно ты работаешь, Изабель.

– О, мне просто нравится работать, – ответила я, и это была суцья правда. Несмотря на то, что моя личная жизнь с каждым днем становилась все более запутанной, с профессиональной жизнью дела обстояли на редкость благополучно. Мне нравилось работать с Габриэлой значительно больше, чем в "Дельте". Мне нравилось выступать с новыми идеями, вносить предложения по поводу старых и новых курсов, делать их более современными и насыщенными. Мне нравилось общаться с людьми, а работа в "Адванте" давала мне для этого массу возможностей.

– Хочешь, забежим вместе в кафе после работы? – спросила Габриэла, взглянув на часы.

– Конечно, хочу, – ответила я. – Только проверю голосовую почту.

Я вернулась в кабинет и включила соответствующую функцию на телефонном аппарате. Третье послание было от Нико. "Я просто с ума схожу, так хочу с тобой встретиться, Изабель, – говорил он. – От этих разговорных машин меня уже тошнит. Я понимаю, что застрял в Севилье больше чем на месяц, но такова работа, ничего не поделаешь. Очень по тебе скучаю и скоро буду дома".

Я тоже по тебе скучаю, подумала я, собирая вещи. Я так сильно по тебе скучаю, Нико! Я даже представить себе не могла, насколько к тебе привыкла за время нашего знакомства. То походы в кафе на Старой площади, то катание на лодке в Ретиро-парке, то хождение по магазинам вместе с ним, причем он неизменно выражал свое неодобрение по поводу цен на одежду, а затем убеждал меня покупать самые дорогие вещи. Но особенно мне нравилось сидеть с ним в шоколатерии "Сан-Гинес", где он с

удовольствием наблюдал, как я расправляюсь с самой большой чашкой шоколада.

Мы с Габриэлой вместе вышли из офиса и спустились в заново отделанное фойе – теперь тут везде сверкал мрамор, посередине бил фонтан. С одного из современных металлических сидений у стены нам навстречу поднялся мужчина.

– Тим! – Я взглянула на него с ужасом.

– Привет, Изабель. – Он был одет в светлый костюм, белую рубашку и оливково-зеленый галстук. – Как дела?

– Тим! – повторила я, все еще не веря собственным глазам.

– Да, это я, – подтвердил он, улыбаясь и целуя меня в обе щеки на континентальный манер. – Буэнос диас.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Тебя дожидаюсь, – ответил он.

– Это твой друг? – спросила Габриэла, с интересом наблюдавшая всю сцену.

– Да. – Я повернулась к ней. – Извини, пожалуйста, я должна была вас представить. Габриэла Суарес, Тим Мэлон. Тим, Габриэла – это мой босс. Габриэла, Тим – это мой старый друг.

– Тим, – повторила она. – Твой жених? – спросила она по-испански.

– Да, – ответила я тоже по-испански.

– Ну что ж, рада с вами познакомиться, – сказала она, пожимая руку Тиму. – Я о вас много слышала. А теперь мне, пожалуй, пора. Увидимся завтра, Изабель.

– Но, Габриэла...

– Никаких но, – бросила она через плечо, уже спеша к выходу. – Мне на метро.

Тим и я стояли в фойе и смотрели друг на друга.

– Просто не могу в это поверить, – снова повторила я. – Что ты здесь делаешь, Тим?

– Разве так обращаются со своим давнишним женихом? – спросил он.

– Я же тебе уже сказал: приехал тебя повидать.

– Но в такую даль, Тим!

– Мне все равно надо было ехать в Мадрид, – объяснил он. – Вместо меня мог, конечно, поехать Грег Робертс, но когда я услышал "Мадрид", меня уже ничего не могло удержать.

Он положил руку мне на плечо и решительно вывел на улицу. От яркого солнца я на минуту ослепла и начала шарить в сумочке в поисках очков.

– Никогда раньше здесь не бывал. – Он с удовольствием оглядывался кругом. – Очень красиво.

– Мне нравится, – подтвердила я, нахлобучивая на нос очки. Теперь, когда Тим не мог видеть моих глаз, мне стало спокойнее. – Насколько ты приехал? – В руках у него была внушительная холщовая сумка.

– До воскресенья, – ответил он. – Сегодня, завтра, а в воскресенье утром уже обратный рейс. Мне хотелось пробыть здесь целый день в воскресенье, но на вечерний рейс билетов уже не было.

– Где ты остановился?

Он скорчил гримасу.

– Нигде. И не гляди на меня так, Изабель, я просто не знал, где лучше остановиться. Может, ты мне что-нибудь посоветуешь?

– В "Люксе" хорошо, – ответила я. – И очень близко от центра.

– Ну что ж, пойдём в "Люкс". – Он весело забросил на плечо свою сумку.

Конечно, я могла пригласить его к себе. Даже на ночь. Но у меня же одна спальня и всего одна кровать! Я еще не была готова разделить с ним кровать.

– Ты как? – спросил он.

– Хорошо.

– Я испортил тебе выходные?

– Ничуть.

– А как насчет испанского бойфренда? Я тебе ни в чем не помешал?

– Его сейчас нет.

А что бы я сделала, если бы он был? Я мысленно обругала Нико за то, что он отсутствовал.

– Спасибо, что отвечала на мои послания, – сказал Тим.

Я улыбнулась. С тех пор как я вернулась в Испанию, он каждый день посылал мне электронные послания. Перед уходом домой я на них аккуратно отвечала. Сегодняшнее послание было очень забавным, бесшабашным, в нем не было ни малейшего намека на его приезд.

– Какие у тебя здесь планы? – спросила я.

– Все зависит от тебя, – ответил Тим. – Я хочу вытащить тебя куда-нибудь погулять. Напоить. Угостить обедом. И, вообще, сделать с тобой все, что мне так давно хотелось бы. Просто я хочу побыть с тобой, Изабель, вот и все.

– А если у меня уже есть свои планы?

Он пожал плечами.

– Тоже никаких проблем. Делай, что тебе хочется. Я всегда могу

встретиться с Марио или Филиппе. Конечно, я бы предпочел этого не делать, но, если ты занята, у меня найдется множество дел, чтобы занять время.

– У меня нет никаких планов, – сказала я.

– Вот и отлично. – Он повеселел. – Давай хорошо проведем выходные.

Мы пришли в отель "Люкс". Сеньор Мурильо, управляющий, встретил меня, как старую знакомую, рассыпался в комплиментах, поцеловал руку.

– Вы здесь по делам или ради удовольствия? – спросил он.

– Трудно сказать. – Я указала на Тима. – Моему другу нужен номер. До воскресенья.

– Ну, ради вас, Изабель, мы сделаем все, что угодно!

Пока сеньор Мурильо организовывал для Тима комнату, я сидела в сторонке. Меня все еще мучило чувство вины, оттого что я не пригласила Тима к себе. Но мне казалось, что это уже слишком.

– Пятьдесят пятый номер. – Тим подошел ко мне с пластиковой карточкой-ключом в руках. – Давай я брошу в номере свои пожитки, и мы куда-нибудь пойдём.

– Тим, мне сперва нужно заехать домой. Переодеться. Ну, ты знаешь.

– Но... – Наши взгляды встретились. – Разумеется, Изабель. Хочешь, я за тобой заеду?

– Нет-нет. – Я покачала головой. – Встретимся здесь же. Скажем... через полтора часа.

– Господи! – Он радостно улыбался. – Что ты собираешься сделать за это время? Покрасить волосы? Сделать липосакцию?

– Ты считаешь, что мне она необходима?

– Да нет же! – В глазах у него промелькнул ужас. – Это просто шутка, Изабель! Не бери в голову.

– Не беспокойся, я еще не разучилась понимать шутки, – сказала я и тоже улыбнулась. – Итак, жди меня в баре.

Тим со всем согласился.

– Ты здесь часто бываешь? – спросил он.

– У нас здесь проходят конференции.

– Хорошо, пока. – Он снова поцеловал меня, и на этот раз не столь континентально.

Я вернулась в свою квартиру в полном расстройстве чувств. "Неужели Тим за мной бежит?" – потрясенно думала я. Сколько я помню наши отношения, этим всегда занималась я. С того дня, когда мы с ним встретились, и до того, когда я вернула ему кольцо, я всегда проявляла

инициативу и первая разыскивала его. И именно я всегда сидела у телефона, мучаясь в ожидании его звонка. И, сидя дома, считала дни до его возвращения, когда по работе ему нужно было лететь в Штаты, или в Объединенное Королевство, или в Японию. А он всегда находился там, где ему хочется. И вот наконец все изменилось.

Я волновалась, как девочка перед первым свиданием. Одно за другим я прикладывала к себе свои платья и отбрасывала их вон. Потом натянула на себя узкие джинсы и яркий желтый топ. Но, вспомнив, что мы собираемся пойти поужинать, тут же решила, что джинсы, неровен час, на мне лопнут.

Дело в том, что за последние месяцы я несколько поправилась. Это тоже играло свою роль. Я надела широкие льняные брюки и соответствующий им по цвету топ. Но мне показалось, что в них у меня слишком внушительные бедра. Я попробовала зеленую юбку и клетчатую блузку, но они с трудом на меня натянулись, так что между юбкой и блузкой оставалась широкая голая полоса. Короче говоря, за пятнадцать минут до назначенного свидания я все еще стояла перед зеркалом в одних трусиках и лифчике. Тут зазвонил телефон.

– Изабелла, нежная моя, – послышалось в трубке. О черт, подумала я, нашел время звонить. – Изабелла, я уже один раз делал попытку связаться с тобой по телефону, но ты не ответила.

– Неправда, Нико, – сказала я. – Я несколько раз звонила по оставленному тобой номеру, но это сотовый телефон, и мне отвечали иногда, что нет сигнала, а иногда, что занято.

– Карлос, сволочь, – выругался Нико. – Он меня грабит.

Я засмеялась.

– Но ведь я звонила не Карлосу, а тебе, Нико.

– Мы так давно с тобой не разговаривали, Изабелла. С тех пор, как ты съездила в Ирландию. Мне просто необходимо услышать твой голос.

– Я тоже рада тебя слышать, Нико. – Я поглядывала на часы.

– Как свадьба твоей подруги?

– Было очень весело, – ответила я. – Впрочем, все стандартно, как на всех свадьбах.

– Значит, не очень весело, – подытожил Нико. – Я ненавижу свадьбы. Всю эту суету.

Его слова мне показались до боли знакомыми.

– Да нет, было хорошо.

– А семья?

– С ними тоже все в порядке.

– Но ты ведь не собираешься возвращаться в Ирландию? Ты остаешься

в Мадриде?

– Разумеется.

– Отлично. – У него потеплел голос. – Мне так здесь одиноко без тебя, Изабелла.

– Неужели?

– Правда. Не с кем посидеть вечерами. Не с кем словом перемолвиться. Нет никого, на тебя похожего.

– Ты там наверняка прекрасно проводишь время! – весело воскликнула я.

– Нет, – серьезно ответил он. – Здесь мне нравится только одно – хорошая работа, и больше ничего.

– Я очень рада за тебя.

– А что ты сегодня делаешь? – спросил Нико. Мне пришлось откашляться.

– Мы решили пойти развлечься с друзьями, – солгала я. – С Барбарой и Бриджет.

На минуту он задумался.

– А куда? – наконец спросил он.

– Еще не знаю, – продолжала я плести небылицы. – Мы должны встретиться в отеле "Люкс". Кстати, Нико, я уже слегка опаздываю.

– Извини, – сокрушенно сказал он. – Я не хочу, чтобы ты из-за меня опаздывала.

– Ничего. – Внезапно мне стало жаль, что он сейчас повесит трубку. – Правда, Нико, я так рада, что ты позвонил!

– Я тоже рад, что позвонил. Я очень боялся, что ирландская чаша весов перевесит, и ты решишь, что главное для тебя – оставаться ирландкой.

– Разумеется, Нико, главное для меня то, что я ирландка. Но в то же время я – мадридка.

Он засмеялся.

– Береги себя, нежная моя. Я вернусь на следующей неделе.

– Ты тоже будь осторожен, Нико.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Некоторое время я стояла у телефона и вся дрожала. Потом взглянула на часы, быстро натянула на себя зеленое платье, которое лежало ближе всего под рукой, и пулей выскочила на улицу.

Я не понимала, почему чувствовала себя такой виноватой. Мы встретились с Тимом в маленьком баре, потом пошли в пивной ресторан

"Кактус Чарльз", в который часто заходили с девчонками, когда нам не хотелось идти в джазовое кафе. Но в это кафе мне почему-то не хотелось идти с Тимом. Мы сели за столик и заказали бургеры и чипсы. Такого рода еда меня всегда приводила в благодушное состояние, а сейчас такое состояние мне было крайне необходимо. Тим настоял на том, чтобы заказать еще и вино, хотя пить мне не хотелось категорически.

– Ну не упрямясь, – подзадоривал он. – Капля вина тебя не убьет.

– Дело не в этом. Просто я устала. От вина наверняка захочу спать. Ты же не хочешь, чтобы я уснула прямо тут, за столиком?

– В мои планы это не входит, – согласился он.

Интересно, а какие у него планы, подумала я. И вообще, что он думает о том, как будут развиваться наши отношения? А как я хочу, чтобы развивались наши отношения?

– ... в конце концов он согласился, что я был прав, и мы поменяли конфигурацию, и это сработало. – Тим закончил рассказывать историю, которую я наполовину прослушала.

– Ты идешь собственным путем, Тим.

– Да, я всегда иду собственным путем, – подтвердил он. В это время нам принесли еду. – Так ты говоришь, что эта интересная женщина, с которой я тебя видел в фойе, твой босс? – Он всыпал в свою картошку полсолонки.

– Да, – ответила я. – Габриэла Суарес.

– У нее потрясающие ноги!

– Тим!

– Ну, то есть я хотел сказать, что для своих лет она выглядит потрясающе.

– А сколько, по-твоему, ей лет?

– Думаю, сорок с небольшим. – Он лукаво посмотрел на меня.

– Все правильно, сорок с небольшим, – улыбнулась я. – У нее есть муж-ветеран и двое очаровательных детей.

– Ты все еще хочешь иметь детей?

Вопрос застал меня врасплох. Я сделала большой глоток вина.

– Иногда, – выдавила я из себя. – Не часто.

– Ты как-то мне говорила, что женщине нужно родить ребенка до тридцати лет.

– Это скорее моя мать так говорила.

– Кажется, с твоей матерью мы не вели беседы на эту тему.

– Иногда мне хочется, – повторила я.

– Хорошо, – удовлетворенно вздохнул он. – А то в твоей жизни столько

изменений. Все, что касается тебя, стало другим. Особенно здесь.

– Что именно стало другим? – спросила я. Он откинулся на спинку стула.

– Ты так шикарно выглядишь...

– О Тим, – перебила я его. – То, что ты говоришь, просто смешно.

– Тем не менее это правда, – продолжал он. – Может быть, свою роль сыграл климат или что-то еще. Но ты поздоровела... Кажется, ингалятор здесь тебе больше не нужен. Дома ты бы уже наверняка за него схватилась. Ты стала увереннее в себе...

– Ха! – снова перебила я его.

– Решительнее...

Видел бы он ритуал выбора одежды в магазине, подумала я.

– Желаннее...

– Тим!

– Но это правда!

– Ты говоришь мне всю эту чушь, – сказала я, отодвигая от себя еду, – как будто, наслушавшись, я тут же упаду в твои объятия и скажу... "О Тим, наконец-то я достигла твоих стандартов!" И все у нас будет хорошо.

– Извини, – спохватился он. – Я совсем не то имел в виду. И хотя я продолжаю утверждать, что ты изменилась, но все равно эти изменения касаются только неглавных вещей. В основном ты осталась прежней, Изабель. Той самой девушкой, в которую я когда-то влюбился.

– А потом разлюбился, – напомнила я ему.

– Нет, – поправил он. – Я никогда не переставал тебя любить. Просто я тогда не был ни в чем уверен. Это совсем разные вещи. – Он снова наполнил свой стакан. – Женщинам кажется, что мужчины бесчувственны, как деревяшки. Такой подход упрощает жизнь, потому что раскладывает все по полочкам. Но в отношении тебя я полон разнообразных чувств, Изабель, и их нельзя выключить просто потому, что ты вдруг решишь, что больше не намерена меня ждать.

Я промолчала. Из динамиков раздавались вопли Рокки Ракоона.

– Хочешь, пойдём отсюда? – спросил Тим.

Я кивнула. Даже позволила заплатить ему по счету. Потом мы вышли на шумную улицу.

– Куда бы ты хотела сейчас пойти?

– Никуда.

– Изабель. – Он повернул к себе мое лицо. – Не дуйся на меня.

– Я не дуюсь, – ответила я. – Просто... я несколько смущена, растеряна.

– Зря, – сказал он. – Пусть тебя ничто не смущает.

Мы пошли в "Люкс". Сперва я думала, что он захочет проводить меня до дому, и даже мучительно искала слова, как бы ему не дать этого сделать, но вместо этого он повел меня в маленький бар в отеле "Люкс".

– Если не хочешь пить, можешь заказать себе минеральную воду.

Я заказала "Южный комфорт". Мы сидели в неудобных креслах, Тим выбирал жареные орешки из смеси сухофруктов на столе.

– Пойдешь со мной куда-нибудь завтра? – спросил он. Я принужденно рассмеялась.

– Ты спрашиваешь, как мальчишка, который приглашает своего друга поиграть.

– Будешь со мной завтра играть? – спросил он, имитируя детскую речь.

– Если будешь хорошо себя вести, – ответила я.

– Разумеется, я буду паинькой.

– А куда ты хочешь пойти?

– Наверное, все эти туристические достопримечательности тебе уже приелись, не так ли?

– Ничуть, – ответила я. – Я еще очень многого не осмотрела. Здесь масса интересного, если тебе хочется знать.

– Оставляю решение на твое усмотрение, – сказал Тим. – Мне просто хочется провести день с тобой.

– Ладно. – Я допила свое вино. – А сейчас мне лучше уйти.

Он быстро поймал меня за руку.

– Тебе вовсе не надо никуда уходить.

Я сидела, не шевелясь. Где-то в основании горла я вдруг почувствовала сильное биение пульса.

– Надо, – наконец едва слышно произнесла я.

– Можешь остаться здесь. – Тим продолжал смотреть мне прямо в глаза.

Я высвободила свою руку.

– Нет, не могу.

– Я тебя не принуждаю.

– Вот и хорошо.

– Я просто этого хочу.

– Может быть. – Я встала, хотя ноги меня плохо держали. – А я не могу, Тим.

– Дома тебя ждет кто-то получше меня? – спросил он, хотя глаза у него оставались серьезными.

– Нет.

– Тогда я провожу тебя домой.

– Лучше не надо. Это недалеко. Я возьму такси. Стоянка прямо рядом с отелем.

– Лучше я тебя провожу. Это в том случае, если ты настаиваешь, что тебе надо идти.

– Я настаиваю. Мне надо идти. И настаиваю, чтобы идти одной. – Я вымученно улыбнулась. – В некотором смысле ты прав – я стала решительнее, Тим. Завтра утром я тебе позвоню.

– Хорошо, – сказал он. – Я только посмотрю, как ты будешь садиться в такси.

Возле отеля выстроилась целая очередь из такси.

– Ну вот видишь, – сказала я. – Все очень просто.

– Будь осторожна, Изабель. – Он поцеловал меня – очень быстро, очень мимолетно – в губы.

– Спокойной ночи, – сказала я, когда такси уже выруливало на улицу.

На следующее утро я позвонила ему довольно рано.

– Который час? – сонно спросил он. – Послушай, Изабель, сейчас только восемь часов!

Я засмеялась.

– Ну и что? Рано вставать, поздно ложиться – зато в середине дня сиеста. Здесь так принято жить, Тим.

– Но вчера у меня не было никакой сиесты, – пожаловался он.

– А сегодня будет, – пообещала я. – По всем признакам день будет жаркий, так что в полдень тебе ничего не останется делать, как лечь спать. Встретимся через час.

– Ладно, – лениво сказал он. – Почему бы нам вместе не позавтракать?

Так мы и сделали. В ресторане отеля "Люкс" мы взяли апельсиновый сок и круассаны. Официантка лебезила перед Тимом, и я сперва никак не могла понять почему. Потом он ей улыбнулся, и я поняла, потому что, когда он так улыбался мне, у меня слабели коленки.

– Ты что-нибудь придумала на сегодня в смысле маршрута? – спросил он.

– Придумала. Чтобы тебя не особенно утомить, – насмешливо объяснила я, – я решила ограничиться музеем Прадо и "Герником". Если ты этого не согласишься, то дома тебя сочтут полным байбаком. А потом мы обязательно пойдем на Пласа Майор и что-нибудь выпьем. Потом пойдем в королевский дворец – тебе он понравится, Тим. Там открыта выставка старого оружия и средневековая аптека. Кроме того – я многозначительно

взглянула на него, – для таких рабочих лошадок, как ты, в Мадриде сейчас работает выставка компьютерного обеспечения.

– Ах. – Он посмотрел на меня виноватыми глазами. – Про эту выставку я знаю. Именно поэтому меня сюда и направили. Там представлены программы "Крестоносец", "Сарацин-2" и "Грааль". Мне не обязательно туда заходить в качестве экскурсанта, но я сказал, что обязательно зайду, посмотрю, как ребята работают.

– Теперь я все поняла, – усмехнулась я. – В какое время?

Он пожал плечами.

– Не имеет значения.

– Наверное, туда тебе хочется пойти прежде всего?

Он глуповато улыбался.

– Если ты не возражаешь, – робко произнес он. – Если это не очень нарушит твою программу.

Я поцеловала его в макушку. Это получилось как-то само собой, естественно и непринужденно, и он в ответ довольно заулыбался.

– Я читаю тебя, словно книгу, Тим, – сказала я. Выставка оказалась интересной. Я оставила Тима возле программных стендов, а сама прошлась по всем остальным, подбирая буклеты, где рассказывалось о новейших компьютерных идеях, и рассматривая всякие маленькие офисные безделушки. Перед стендом с программой моделирования одежды я провела целую вечность. Мне даже захотелось ее купить. До чего же я стала компьютерно грамотная, подумала я. Теперь я понимала зачарованность Тима этими машинами, хотя написание программ все еще оставалось для меня темным лесом. Как это люди справляются с таким огромным количеством заданий? На выставке были представлены и компьютерные игры. Они были настолько реалистичными, что играющий едва ли не начинал верить, что он летает на истребителе или управляет подводной лодкой.

Примерно через час я вытащила Тима с выставки и повела его смотреть живопись. Меня приятно удивила его реакция на "Гернику": перед ней он долго стоял с открытым ртом и неустанно повторял, что всегда считал ее цветной.

– Сумасшедший, как все одиночки, – объявил он, рассматривая мельчайшие, детализированные наброски Пикассо к этой картине. – Такого просто невозможно выдумать!

– Это то же самое, что выдумывать сложную компьютерную комбинацию, – сказала я. – У Пикассо креативное мышление.

– Ты просто помешалась на кустарях-одиночках. – Тим обнял меня и

притянул к себе.

Когда мы, наконец, попали на Пласа Майор, было уже очень жарко. Мы сели под большим желтым зонтиком, и я с удовольствием скинула под столом туфли.

– Во всем виновато это бесконечное топтание на месте, – сказала я. – Если ходить быстрым шагом, то ноги устают не так сильно.

– А мне хоть бы что, – сказал Тим. – Я в последнее время очень много хожу. Особенно на прогулки в горы.

– Ничего себе! – Я смотрела на него с удивлением. – Я всегда думала, что самое энергоемкое усилие, которое ты над собой делаешь, это хождение в ближайший китайский ресторан.

– Ты меня недооцениваешь, – сказал он. – Мне всегда нравилось разведывать что-нибудь новенькое, пробовать новые вещи.

Я прикрыла глаза. На площади было полно туристов: в это время года мадридцы практически исчезали из города, зато туристический бум набирал силу. Везде сидели люди, жадно подставляющие тела под солнечные лучи, щелкали фотокамеры. Гитарист играл "Печальную Лизу". Я открыла глаза, но это был не Нико. Я сама не знала, почему мне показалось, что это он.

– Здесь все закрывается на сиесту? – спросил Тим.

– Не дури, – ответила я. – Разве может все закрываться, когда такое количество туристов?

– Как хорошо здесь! – мечтательно сказал он, откидываясь на кресле и забрасывая руки за голову. – Такое спокойствие!

– Да.

– Но все равно я бы не мог здесь жить.

– Почему?

– Слишком жарко, – ответил Тим. – Слишком ярко. Слишком пыльно.

– Ну это смешно, Тим.

– Нет. – Он снова сел на кресле прямо. – Мне будет не хватать непредсказуемости ирландской погоды. Дней, которые начинаются хмуро и сыро, а заканчиваются яркими солнечными лучами, неудержимо бьющими сквозь тучи.

– Этих ужасных промозглых, туманных и серых нояблей, – продолжила я ему в тон.

– Этих ясных, теплых и многоцветных октяблей. – Он словно не замечал моих перечислений.

– Этих промозглых, туманных и серых августов. – Я вела свою партию.

– Как хорошо посидеть в парке Святого Стефана и посмотреть на уток!
– Я поведу тебя в Ретиро-парк, – возразила я. – Он очень похож на наш парк Феникса.

– Вернись домой, Изабель, – внезапно сказал он. На это я ничего не ответила. Некоторое время мы посидели молча.

– Насчет сиесты ты, кажется, права, – наконец произнес он. – У меня слипаются глаза. Пожалуй, на некоторое время мне лучше вернуться в отель.

Мы спустились в метро. Я хотела сойти на своей остановке, но Тим меня удержал.

– Не волнуйся, я ничего с тобой не сделаю. – Он крепко взял меня за руку и не отпускал до тех пор, пока мы не вошли в отель. – Сиеста означает отдых, не так ли? Пойдем со мной.

– Куда?

– В мой номер.

– О Тим. – Я вцепилась в свою сумочку. – Я не думаю...

– Ничего не случится, – пообещал он.

– Дело не в этом.

– А в чем же?

Я тяжело вздохнула.

– Не знаю.

– Ну пожалуйста, Изабель, – попросил он. – Номер очень большой, там две кровати, ты можешь лечь на одну, я – на другую. У нас с тобой всего один день, сегодняшней, я не хочу с тобой расставаться.

Я понимала, что делаю глупость, но все-таки пошла за ним следом.

Номера в отеле "Люкс" действительно были на удивление большими и красиво оформленными. В номере Тима, к примеру, висели светло-зеленые занавески, на столе лежала такого же цвета скатерть, а кровати были застелены яркими контрастными покрывалами.

Тим лег на одну из кроватей и закрыл глаза. Я прилегла на другую.

– Подойди сюда, – вдруг позвал он.

– Нет.

– Я тебя очень прошу, Изабель.

– Тим, с какой целью?

– Я хочу чувствовать тебя рядом.

Я вздохнула и пересела к нему на кровать. Он положил мне руку на колени, и я вздрогнула.

– Изабель. – В его голосе чувствовалось страдание. – Я тебя не съем.

Я пересела поближе к нему.

Он погладил мои волосы, откинул их с лица, провел рукой по щеке, потом по шее. Я знала, к чему это приведет. И что это форменное сумасшествие, я тоже знала прекрасно. Но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, Тим был моим бывшим женихом, не то чтобы каким-то первым встречным, к которому я прыгнула в постель, как в прошлые разы, когда это было абсолютно бессмысленно. Тим был таким знакомым, родным, умиротворяющим. Нас связывало так много общего. Он притянул меня еще ближе к себе.

– Помнишь тот случай, когда мы были у тебя дома? – пробормотал он, расстегивая пуговицы на моей блузке.

Я захихикала. Тогда все ушли, и мы отправились в мою спальню. Я даже не побеспокоилась и не заперла дверь. И вдруг, когда мы уже приближались к кульминации, дверь со скрипом распахнулась. Я подпрыгнула на месте, Тим тоже, надо полагать, пережил не лучшее мгновение в своей жизни. И тут через мою спальню важно прошествовала соседская кошка. Хвост у нее торчал более победоносно, чем у Тима член. Тогда мне стало очень смешно, но Тиму почему-то это не показалось особенно смешным. Тогда. И вот теперь он с удовольствием смеялся при воспоминании.

– Здесь кошек нет, – прошептал он.

– Кажется, ты что-то говорил о том, что меня не съешь. – Я сама дрожала от желания.

– Я лгал, – сказал Тим.

На следующий день я проводила его в аэропорт. Он обнял меня, поцеловал, сказал, что был очень тронут. Я ответила, что буду ждать от него звонков. Подождала, пока он не нырнул в двери зала ожидания, и только потом пошла прочь.

Я очень жалела о том, что с ним спала. В длинном перечне моих глупых поступков этот, пожалуй, был самым глупым. С одной стороны, я чувствовала счастливое удовлетворение оттого, что он снова со мной, что он бесконечное число раз произносил мое имя, что благодаря мне он дошел до грани желания. Я считала, что он снова стал моим, и чувствовала себя от этого поразительно могущественной.

Но, с другой стороны, особой уверенности в его искренности у меня тоже не было. Это, к сожалению, было обычное мое состояние в отношении Тима – никогда ни в чем не быть уверенной. Я даже не знала, люблю ли я его, как прежде, или это просто физическое влечение, привычка и так далее. Он сказал, что любит меня, причем повторял это

сотни раз, но я все равно не чувствовала себя убежденной. Он то же самое мне говорил два года назад.

Но опять же мне с ним было так по-домашнему. Я любила в нем все. И долго еще, вернувшись домой, я слышала в себе его голос, вдыхала его запах и чувствовала себя очень одинокой. И почему-то очень виноватой.

Глава 26

НОЧЬ

(Хуан Миро, 1957)

Е-мейлы от Тима приходили регулярно, почти каждое утро, и, приходя на работу, я находила их в своем почтовом ящике. Он говорил, что посылает их перед сном со своего домашнего компьютера. Так, чтобы в конце дня я была его последней мыслью, писал он.

Сегодняшнее послание было написано в стихах. Меня это потрясло до глубины души. Подумать только, стихи от человека, любимым чтением которого был учебник компьютерного пользователя!

"Возвращайся, и будь любимой,
Здесь мы новое счастье встретим,
В мягких куцах, в цветах душистых,
Где золотые колючки скрыты".

Это были стихи Джона Донна. Я их помнила со школьной скамьи, но даже представить себе не могла, что когда-нибудь, уже в зрелые годы, получу их в виде любовного послания. Права была наша учительница по английской литературе, которая говорила, что поэзия имеет практическую пользу. Для Тима она, несомненно, имела пользу, а что касается меня, то я понятия не имела, как на нее реагировать. Очевидно, Тим хотел сказать следующее: приезжай, будь моей любовью, я примирился со своей участью.

Некоторое время я в задумчивости смотрела на экран, а потом просто набрала слово "Спасибо" и послала его в качестве ответа.

Вечером, придя с работы домой, я переоделась, откупорила бутылку "Сан-Мигеля" и села на балконе. Мне хотелось побыть одной. Солнце склонялось к горизонту, в окнах окрестных домов зажигались огни, и тут раздался телефонный звонок. Брать трубку или не брать? А если это снова Тим? Сейчас я не хочу с ним разговаривать. Я просто не выдержу!

– Изабелла!

– Нико!

– Как ты, моя нежная?

- Хорошо, а ты?
- Я дома. Вернулся час назад. Хочу тебя увидеть.
- Это очень мило. – Пока его не было, я долго размышляла, что почувствую, когда он вернется.
- Слушай, а если я к тебе нагряну? Скажем, через полчаса?
- Я начала колебаться.
- Изабелла!
- Да, Нико. Разумеется, приходи.
- Я ненадолго. У меня тут масса писанины после командировки. Но я не усну, если не увижу тебя!
- Хорошо.
- Изабелла, с тобой все в порядке?
- Разумеется! Все у меня замечательно, Нико.

Он приехал ровно через полчаса. Я успела переодеться в брюки и топ.
– Привет! – сказала я, впуская его в квартиру. Он сжал меня своими ручищами.

- Я уж думал, что никогда не вернусь в Мадрид.
- Ты меня раздавишь! – пропищала я, но мне было весело.
- Извини, я так давно тебя не видел! – Один месяц.
- Целую вечность! Вот, принес тебе подарок. – Он вручил мне бутылку вина и коробку конфет. – Я подумал, что без меня тебя никто не сводит в шоколаторию и не побалуует чем-нибудь этаким!
- Спасибо, Нико!

Действительно, мы с Тимом не ходили в шоколаторию "Сан-Гинес". Просто потому, что Тим не любил шоколад.

- Нико слегка отстранил меня и стал разглядывать.
- О, что-то у тебя вид усталый, Изабелла. Бледная, под глазами круги.
 - А чувствую я себя хорошо.
 - Это не связано с астмой? Или, как бишь ее, с сенной лихорадкой?
 - Нет.
 - Ну вот и славно.

Он слегка поцеловал меня в губы.
Что это со мной? Я возвратила ему поцелуй с такой энергией, что поразилась сама. Как могу я так страстно целовать Нико, когда совсем недавно я спала с Тимом? Все это было совершенно невыносимо и неправильно!

- Хочешь вина? – спросила я, слегка отдышавшись после поцелуя.
- Все равно.

– Я открою это, – сказала я, показывая принесенную им бутылку. – "Фаустино" – мое любимое вино.

– Хорошо. – Нико уселся на диван. – Как хорошо вернуться домой!

Я молча, слегка улыбаясь, откупоривала вино.

– Предполагается, что ты на это должна ответить: как хорошо, что ты вернулся домой!

– Как хорошо, что ты вернулся домой, – сказала я, передавая ему стакан с вином.

Некоторое время мы молча сидели на диване.

– Что ты делала в мое отсутствие?

– Ездилa домой. Через неделю вернулась. А в основном работала.

– Куда-нибудь ходила развлекаться?

– Пару раз.

– Что-нибудь особенное было?

Я покачала головой.

– Нет.

– А по мне скучала?

– Естественно.

– Завтра вечером мы играем в клубе "Меридиан", – сказал он. – Приходи нас послушать.

– Если на работе не задержусь.

– Изабелла! Какие могут быть задержки на работе! С этим для нас с тобой должно быть покончено!

– Пока еще нет. Сейчас у нас очень много работы.

– Ты просто законченная карьеристка! Постарайся не задерживаться, моя дорогая Изабелла.

– Постараюсь, – сказала я, на этот раз более мягко.

– И друзей своих пригласи.

– Может быть.

Он обнял меня одной рукой и крепко прижал к себе. Между нами проскочила какая-то искра. Я посмотрела ему в глаза. В них читалась неприкрытая страсть. Он стянул с моего плеча топ.

– С самой первой минуты, когда я уехал, мне хотелось вернуться, – шепотом сказал он. – Ни к одной женщине я не чувствовал того, что к тебе, Изабелла.

Я нервно облизнула губы. Я его не любила. Просто не могла любить!

Он целовал меня так нежно! Его тело было таким крепким, могучим. "Должна ли я ему отдаться?" – думала я в панике. Или мне следует вспомнить Тима и не предавать нашей вновь обретенной любви?

Нико провел рукой по моему плечу, по груди. И внезапно во мне проснулось неистовое желание. Мне захотелось ему отдаться по той единственной причине, что он находится здесь, и он меня любит, и я хочу, чтобы он меня любил.

Он был замечательным любовником. Все мое беспокойство, почему он так долго не искал со мной близости, рассеялось в один миг. Я не пыталась его ни с кем сравнивать. Впрочем, от наслаждения у меня стерлись все мысли. Никогда раньше я не отдавалась другому человеку с такой полнотой. В эти мгновения для меня существовал только он, его тело, его запах, его прикосновения.

И потом, я совершенно не чувствовала себя виноватой, как с другими случайными любовниками. Я чувствовала только величайшую благодарность за испытанное счастье. Мне просто непонятно было, чего еще в жизни желать.

На следующее утро я спросила Магдалену:

– Ты сегодня вечером занята?

– Нет, – ответила она. – Собиралась сходить в тренажерный зал, но, если у тебя есть что-нибудь поинтереснее, я с удовольствием увилю.

– Не нужно тебе никаких тренажерных залов, – заверила ее я. – Ты и так прекрасно выглядишь.

– Спасибо, Изабель, но за последние месяцы я прибавила полкило и должна их сбросить.

– Никуда не ходи, – твердо сказала я. – Пойдем лучше послушаем, как играет Нико.

– Нико! – У нее заблестели глаза. – Значит, он вернулся в Мадрид, твой Нико?

– Вернулся, – ответила я раздраженно. – Поэтому я и собираюсь его послушать.

В отношении Нико она проявила крайнее любопытство. Ее интересовало все: и виделась ли я с ним по приезду, и как мы встретились, и что между нами было. Но, к счастью, на ее столе зазвонил телефон: позвонила одна из наших самых трудных клиенток. Магдалена шепотом пожелала мне счастья и занялась делом.

Весь день у меня было полно работы. Габриэла снова уехала в Барселону и, как обычно, забыла один из важных компьютерных дисков в офисе.

Несмотря на то, что она прекрасно руководила компанией, в смысле компьютерной грамотности ее нельзя было назвать особо продвинутой. В конце концов мы, конечно, загрузили в ее компьютер всю нужную информацию, но это случилось только после того, как ей самой пришлось как следует попытаться, причем в конце концов она ухитрилась стереть со своего жесткого диска другую важную информацию.

– Просто не понимаю, чего я так напрягаюсь, – поделилась я своим раздражением с Луисом, который тоже занимался восстановлением информации нашего босса. – По-моему, она это делает нарочно, чтобы усложнить нам жизнь.

– Конечно, – совершенно серьезно согласился Луис. – Это тест, причем она его повторяет многократно.

– Зря она это делает. – Мне хотелось ее обругать последними словами. – Я не нуждаюсь в том, чтобы меня тестировали.

– Ты слишком сильно злишься, причем понапрасну.

– Просто я устала.

Мне хотелось просто сидеть и слушать музыку, но Магдалена вдруг решила, что я должна поведать обо всех подробностях наших отношений с Нико, а заодно и с Тимом, о котором ей проболталась Габриэла. Пришлось рассказывать.

Нико, Эмилио и Хуан вышли на сцену, и зал захлопал. Они были очень красивыми в черных обтягивающих джинсах и широких белых рубашках.

– Твой Нико лучше всех, – сказала Магдалена, тыкая меня в бок. – Хотелось бы мне так играть, как он!

Я смотрела, как его пальцы бегают по струнам гитары, и вспомнила, как те же пальцы играли с моим телом. Во мне вдруг поднялось такое желание, что я порадовалась, что никто не видит моих мыслей и не умеет их читать.

– Ты смотришь на него так, словно целиком ему принадлежишь, – сказала наблюдательная Магдалена. – Ты просто не хочешь признавать, что у тебя это серьезно.

– Ничего я ему не принадлежу, – неохотно ответила я. – И он мне не принадлежит. За последние несколько лет я выучила одну вещь: люди не могут принадлежать друг другу.

– А как насчет любви?

– Господи, Магдалена, на это я просто не знаю, что сказать! – Я с ужасом смотрела на нее. – Теперь я уже вообще не понимаю, что я к кому чувствую, а что нет.

– Ты просто слишком много об этом думаешь, – высказала предположение Магдалена. – Тебе надо поменьше анализировать свои чувства.

– Наверное, – согласилась я. – Рядом с Тимом я чувствую себя ирландкой. – В "Адванте" мою историю теперь уже все знали досконально. – А потом я приехала сюда и решила развеяться. Но это развеянное состояние мне совсем не понравилось! А потом я встретила Нико. Это один из лучших людей, каких я встречала в жизни! Но я не думаю, что он меня любит. Увлечен – да. Но любовь и увлечение – это разные вещи... А потом я съездила домой на свадьбу подруги и снова встретила Тима.

Слушая меня, Магдалена молча потягивала вино.

– Тим сказал мне, – продолжала я, – что все еще любит меня, что все случившееся было ужасной ошибкой и что он снова хочет на мне жениться.

– А ты?

– А что я? Я ответила, что теперь уже поздно все возвращать назад, что у меня уже новая жизнь. Но он засыпал меня письмами. А Нико был в Севилье...

– О Изабель!

– А потом Тим приехал в Мадрид. Пристал ко мне, как банный лист. Ни на минуту меня не отпускал.

– И ты с ним спала?

Я вздохнула и согласно покивала головой.

– Теперь я уже ничего не понимаю, Магдалена. Тим вернулся в Ирландию, звонит оттуда и говорит о своей любви. А в это время вернулся из Севильи Нико. Он приехал ко мне домой с вином и цветами и...

– И ты с ним спала! – dokonчила мою фразу Магдалена.

– Что я могла поделать? Я чувствовала себя ужасно!

– Но ведь в Мадриде у тебя было полно мужчин!

– Что ты обо мне знаешь? – обиженно спросила я. – Или вся моя жизнь превратилась в предмет офисных сплетен? Ты хочешь сказать, что теперь любой может обсудить все ошибки, которые я в своей жизни совершила?

– Просто мне Луис рассказывал.

– Луис. Я должна была догадаться.

– Ты ему очень нравишься, Изабель. Он говорит, у тебя есть мужество.

– С чего бы это? – Я резко рассмеялась. – Из-за того, что я делаю то же самое, что он? Сплю с теми, кто мне безразличен?

– Это несправедливо, – пробормотала Магдалена.

– Почему ты его защищаешь?

– Я не его защищаю. Я тебя защищаю. Разве кто-нибудь говорит, что

ты обязана спать только с теми мужчинами, которые тебе небезразличны?

Глядя на нее, мне захотелось расплакаться.

– Послушай, Изабель, не бери в голову. В конце концов, все не так плохо!

Я промолчала.

– Ты не обязана ни к кому испытывать никаких чувств, если не хочешь, – продолжала она. – Можешь по вечерам сидеть дома и смотреть телевизор, если тебе так нравится. Нет таких законов, которые предписывают женщине обязательно иметь в своей жизни мужчину.

– Знаю, – мрачно согласилась я. – Но я не могу выбросить их из своей жизни.

После выступления Нико с друзьями подошли к нашему столику, и я их представила Магдалене. Завязался оживленный разговор. Я убеждала Нико бросить фармацевтическую компанию и целиком посвятить себя музыке.

– Я не могу, Изабелла, – сказал он. – Мне надо как-то зарабатывать на жизнь.

– А всякие саунд-треки и вечерние выступления не помогают?

– Нет.

– Зачем тебе так много денег, Нико? Ты же независимый человек. Тебе для жизни не нужно много денег.

– Сейчас – да. Но может наступить такой день, когда мне понадобятся деньги. Например, когда я решу завести семью.

У меня по спине пробежали мурашки. Мне захотелось прекратить этот разговор. Причем как можно быстрее.

– Но все знают, что музыканты – не очень оседлый народ! – воскликнула я как можно непринужденнее.

В разговор очень своевременно вмешалась Магдалена. Мы стали обсуждать, выпить ли нам кофе или пойти куда-нибудь поужинать. Нико почему-то резко возразил против ужина.

Я пила кофе, и все вокруг меня казалось каким-то нереальным. Как будто я была не здесь, и только смотрела на себя со стороны. Некая Изабель Кавана в Испании. Проводит время с друзьями. Пытается даже поддерживать разговор. Но получается ли у нее? Вот в чем вопрос...

– Как ты себя чувствуешь, Изабелла? – наклонился ко мне Нико.

– Хорошо. А в чем дело?

– У тебя рассеянный вид.

– Просто устала, – вздохнула я. – Весь день много работы.

– Может быть, ты хочешь домой?

Интересно, если я скажу "да", он тоже пойдет со мной? Может, он снова захочет заняться со мной любовью?

– Может быть, – в конце концов произнесла я. – У меня закрываются глаза.

– Тогда пойдем. – Нико встал со своего места. – Завтра поговорим, – обратился он к своим друзьям. – Приятно было с тобой познакомиться, Магдалена.

– Мне тоже, – кокетливо заулыбалась она. Мы с Нико вместе вышли из клуба "Меридиан".

В молчании мы дошагали до Эдифисио Джерона. Мне на ум не приходила ни одна тема для разговора. Нико, по всей видимости, даже потребности не чувствовал в поисках темы.

Лифт, как всегда, был сломан. Дотащившись до пятого этажа, я начала задышаться. Нико молча смотрел, как я впрыскиваю в легкие лекарство.

– С чем связана твоя астма? С аллергией? Или на нервной почве?

– И то и другое, надо полагать, – ответила я, отпирая дверь.

– Ты болела всю жизнь?

– Да.

– А кто-нибудь еще в твоей семье болел астмой?

– В ближайшем окружении нет. Разве что тетушка с материнской стороны.

– Но эта хворь не особенно портит тебе жизнь?

– Как когда. Обычно она проявляется, когда меня что-то угнетает. Или когда надо спешить. Или когда что-то пахнет слишком сильно. – Я пожалала плечами. – В общем, это не имеет особого значения.

– А что имеет для тебя значение, Изабелла?

– Нико, прекрати изображать из себя доктора. Хочешь, я сделаю тебе яичницу?

Его темные глаза весело засверкали.

– Как заботливо, прямо по-семейному!

– Нико, я поджарю яичницу, только если ты голоден.

Ну почему, что бы мы ни говорили, все звучало так, словно за этим стоит совсем другой смысл? Почему сегодня я себя чувствую совершенно не в своей тарелке?

– Хорошо, Изабелла. – Он внезапно улыбнулся. – Я рискну попробовать яичницу твоего изготовления.

Я отправилась на кухню делать яичницу, а он в это время включил

телевизор. Через некоторое время я вернулась с посыпанным зеленью омлетом.

– Пахнет неплохо, – сказал он, ковыряя в нем вилкой.

В это время я заваривала кофе. Сегодня мне не уснуть, безнадежно думала я. Тут раздался телефонный звонок, и я подпрыгнула на месте.

– Тебе понравились стихи? – спросил по телефону Тим.

Я бросила взгляд на Нико, который с аппетитом уплетал омлет и читал при этом газету.

– На тебя мало похоже, – сказала я в трубку. – Но, в общем, понравились.

– Я постарался быть непредсказуемым, – словоохотливо объяснил он. – Хотел сделать тебе сюрприз.

– Ты достиг своей цели, – улыбнулась я.

– Я звоню тебе сказать, что очень по тебе скучаю, Изабель. И что чувства в стихотворении очень похожи на мои.

– О Тим! – Мне не хотелось произносить это имя. Оно у меня вылетело как-то само собой.

Нико поднял голову от своей газеты.

– Я хочу, чтобы ты знала, как я тебя люблю, – продолжал Тим. – И как я по тебе скучаю. Я так хочу, чтобы ты вернулась домой!!

– Сейчас не лучшее время обсуждать такие вещи, – сказала я и перешла вместе с телефоном поближе к окну.

– Почему бы и нет?

– Я устала.

– Я тебя напрягаю?

– Нет.

В оконном стекле отражался Нико. Голова его склонилась над газетой, как будто он целиком был поглощен чтением. Но вряд ли так было на самом деле. Будь я на его месте, я бы точно подслушивала.

– Ты должна знать, что я чувствую, Изабель. И ты чувствуешь то же самое! Иначе и быть не может. Иначе ты ни за что не пошла бы со мной в номер...

– Тим!

– Почему ты все время прячешься от себя самой? – спрашивал он. – Я согласен, что обошелся с тобой плохо, но последние два года я только тем и занимался, что осознавал это! Но это не значит, что я не могу через свою вину переступить. Честно, Изабель.

– Понимаю, – сказала я, хотя понятия не имела о том, что он имеет в виду. – Просто я не хочу обсуждать это сейчас.

– Ладно. – Он тяжело вздохнул. – Я позвоню тебе завтра.

Он еще долго убеждал меня в своих чувствах и желал спокойной ночи. Когда он наконец положил трубку, я налила Нико кофе и передала ему чашку.

– Кто это тебе звонил?

– Старый друг.

– Старый близкий друг? – рассеянно переспросил Нико.

– Да.

– Ты читала в газете, что на следующей неделе в метро будет забастовка? – не меняя тона, продолжал он. – От нее такие неудобства.

Нико пролистал газету.

– В понедельник утром. Придется выйти на работу пораньше.

– Мне тоже, – как ни в чем не бывало ответила я. – У меня встреча с клиентами на другом конце города.

Нико допил свой кофе.

– Ладно, мне надо идти. Ведь ты устала, Изабелла?

– Я?.. Да.

Он очень нежно взял меня за подбородок.

– Очевидно, тебе нужно хорошенько выспаться.

– Очевидно.

Он поцеловал меня в губы, но это был спокойный, дружеский поцелуй.

– Я тебе позвоню, – сказал он на прощание.

– Хорошо, – ответила я.

Глава 27

СИДЯЩАЯ ДЕВУШКА СО СПИНЫ

(Сальвадор Дали, 1925)

День складывался на редкость безалаберно, один из тех дней, когда все вещи словно сговорились и на каждом шагу устраивают тебе всякие мелкие неприятности. Казалось, что в такие дни Господь обращает на людей слишком пристальное внимание, и это отражается на человеческой жизни слишком болезненно.

С утра у меня почему-то не прозвонил будильник, и я слишком поздно встала с постели. Потом с громким стуком выпал из рук фен, подняв вокруг себя тучу пыли. Работать после этого он решительно отказался. В метро я на секунду опоздала на удобную электричку, и мне пришлось долго стоять на платформе с мокрыми волосами и в толпе таких же, как я, спешащих на работу людей.

В офисе моя сегодняшняя избранность продолжала сказываться. Нина позвонила и сказала, что больна. Я потеряла список наших октябрьских слушателей, потом опрокинула чашку кофе на докладную записку, которую только что напечатала. Я мрачно про себя выругалась, и тут в комнату влетела Габриэла.

– Привет, Изабель, – озабоченно сказала она. – Извини, что нагружаю тебя сверх меры, но у меня кризис.

– И у тебя тоже? – Я как раз закончила стирать со стола пролитый кофе и выбросила мокрые салфетки в ведро.

– У дочери корь, – объяснила Габриэла, – и я думаю, что сын тоже скоро заболеет. Я зашла, потому что у меня здесь сегодня назначена встреча, но потом я тут же должна бежать домой. Роза все время ноет и расчесывает свои волдыри.

– Бедняжка, – посочувствовала я.

– Но я хочу, чтобы ты сделала мне одолжение. – Габриэла положила на мой стол внушительную папку с бумагами. – Завтра я должна лететь в Барселону – ну, ты помнишь, там проходит конференция по корпоративному обучению. Но я не могу завтра лететь! Я хочу, чтобы вместо меня туда отправилась ты.

– Я?

– У тебя какие-то проблемы, Изабель?

– Да нет, вроде нет.

Габриэла облегченно улыбнулась.

– Ну вот и отлично, – сказала она. – А то я уж боялась, что ты откажешься.

– Как я могу отказаться? – Я тоже постаралась улыбнуться ей в ответ. – Ты же мой босс.

– Ну мало ли что...

– Все нормально, Габриэла, не беспокойся.

– Тебе понравится Барселона, – поспешно заверила меня она. – Это очень красивый город.

– У меня и времени-то не останется на ее осмотр, – я торопливо просматривала расписание конференции.

– Можешь остаться там на выходные! – щедро предложила Габриэла. – Номер заказан на завтра и послезавтра, но, если ты захочешь, можешь продлить его до субботы.

– Спасибо.

– Делай, как сочтешь нужным, Изабель, а мне пора бежать. – Она озабоченно взглянула на часы. – Сейчас с ними сидит Сильвия, но, когда им плохо, они могут кого угодно довести до белого каления.

– Беги. И ни о чем не беспокойся.

Она улыбнулась и исчезла, а я начала стирать кофейные лужицы с компьютерной клавиатуры.

Два дня в Барселоне – это неплохо, вяло думала я. Хотя завтра вечером мы с Нико собирались пойти поужинать. Он очень разозлится, когда узнает, что я с ним не пойду, и вряд ли проявит великодушие.

С тех пор, как мы виделись в последний раз, наши отношения изменились, причем не в лучшую сторону. Я чувствовала себя виноватой за то, что с ним спала, хотя в то же время нестерпимо хотела снова оказаться с ним в постели. От Тима регулярно приходили послания, и я думала о нем всякий раз, когда ложилась спать. Нико больше не делал ни малейших попыток затащить меня в постель. Мне казалось – впрочем, я не была в этом уверена, – что меня это оскорбляет. У меня возникало впечатление, будто я для него недостаточно хороша. Между нами образовался барьер, который был целиком делом моих рук.

Я вздохнула и набрала его номер.

– Альварес слушает, – раздалось в трубке.

– Привет, Нико, это я, Изабель.

– Привет, Изабелла. – Его голос звучал совершенно нейтрально.

– Я звоню потому, что завтра не смогу пойти с тобой поужинать.

– Почему же не сможешь? – Он говорил так, словно слушал меня вполуха.

– Я еду вместо Габриэлы в Барселону.

– Везет же некоторым!

– Это всего на пару дней. К выходным я буду дома.

– Как знаешь.

– Мне очень жаль, Нико! Я так ждала этого ужина!

– В самом деле?

– Да.

– Ну ничего страшного, – небрежно бросил он. – Когда вернешься, можешь мне позвонить.

– Нико!

– Да?

Я вздохнула.

– Нет, ничего.

Телефонный звонок получился каким-то несуразным.

Конференция закончилась в четверг днем. Несмотря на любезное предложение Габриэлы, мне почему-то не терпелось покинуть Барселону. По непонятным причинам я здесь впала в черную депрессию, и у меня не возникло ни малейшего желания идти осматривать достопримечательности. Поэтому я быстренько сверилась с расписанием и в семь часов вечера вылетела в Мадрид.

В аэропорту было полно народу, но я все равно тут же заметила Нико. Высокий и смуглый, он отличался чем-то неуловимым, что немедленно выделяло его из толпы. Он мне улыбнулся, и мое сердце взволнованно забилося.

– Что ты здесь делаешь? Как ты узнал, когда я возвращаюсь?

– Позвонил к тебе на работу, – просто ответил он. – Нина мне сказала.

– Как хорошо, что ты пришел.

– Мне хотелось, вот я и пришел. – Он снял сумку с моего плеча. – Позволь мне.

Я не возражала. С каждой минутой эта сумка, казалось, становилась все тяжелее.

– Я на машине, – сообщил Нико.

Он редко водил собственную машину. Мадрид был не тем городом, в котором человек садился за руль ради собственного удовольствия.

– Прошу. – Он открыл передо мной дверцу. Я сдвинула с сиденья кучу компакт-дисков и коробку с какими-то музыкальными приспособлениями и

села.

– Как конференция?

Он водил машину как все испанцы – очень быстро.

– Хорошо.

На крутом вираже меня прижало к дверце.

– Наверняка что-то очень скучное.

– В основном, да, – ответила я. – Но кое-какие моменты были интересными.

– Стоило ради них пропускать ужин?

– Не злись на меня, Нико.

– Пардон.

Он промчался на полной скорости на желтый свет, и я закрыла глаза.

– Вот мы и приехали.

Я открыла глаза, но ничего похожего на свой дом не обнаружила.

– Я подумал, что пропущенный ужин мы сможем наверстать сегодня.

– А где мы?

– Это мой дом.

Мы находились на обсаженной деревьями улице. Тесно прижавшись друг к другу, здесь стояли маленькие виллы и низкие малоквартирные дома.

– Я живу на верхнем этаже.

Он указал на один из трехэтажных домов. По его выбеленным стенам ползли лианы, покрытые яркими цветами, на каждом балконе стояли горшки с цветами.

Я пошла за ним к мраморному крыльцу. Внутри подъезда стены были завешаны репродукциями Пикассо и Миро. На каждой лестничной площадке стояли огромные кактусы в глазированных горшках.

– Хорошо хоть квартира не совсем врыта в землю. Входи.

Гостиная в квартире Нико была в два раза больше моей. Балкон опоясывал ее с двух сторон. Стены в комнатах были зеленовато-белые, на них висели старинные театральные гравюры. На обеденном столе красовалась тонкой работы фарфоровая ваза с фруктами.

Для одинокого мужчины квартира была на удивление стильной. Я не могла удержаться, чтобы не сравнить ее с жилищем Тима, где всегда царил полный кавардак. Даже представить себе было невозможно, чтобы Нико хоть раз оставил на своем прекрасном обеденном столе одноразовую посуду с недоеденной пищей.

– Лучшим мадридским поваром меня вряд ли можно назвать. Но ради тебя я очень постарался, Изабелла. Надеюсь, что цыпленок готов, и овощи

тоже.

– О Нико, как это мило! Спасибо!

– Для себя одного я не готовлю. Просто посылаю в соседнее кафе. – Он застенчиво улыбнулся. – Пицца там не слишком здоровая, всякие пиццы, бургеры.

– Зато питательная, – поощрительно сказала я.

– Но ради тебя я сделал над собой усилие. Надеюсь, тебе понравится.

– Разумеется, понравится.

Тим для меня никогда не готовил. И никогда не делал ради меня над собой усилий. А вдруг новый Тим тоже приобрел несвойственную ему раньше квалификацию повара, и даже готов пойти на жертвы и промучиться некоторое время у плиты? Я отогнала от себя мысли о Тиме.

Несмотря на все предупреждения, ужин оказался удивительно вкусным. После еды я свернулась в кольцо из его рук на удобном сером диванчике. Мы целовались, потом перешли в его спальню, где занимались любовью со странным безрассудством, даже отчаянием, которое очень соответствовало моему настроению и заставляло его применять ко мне более рискованные методы, чем в первую нашу близость.

– Оставайся на ночь, – пробормотал он, засыпая после близости. – Какой смысл тебе ехать домой?

Смысла действительно не было. Мне и самой очень хотелось остаться. Рядом с ним во мне возникало нечто особенное, но я затруднялась сказать, что именно. Впрочем, я вообще точно не могла определить, что мне в жизни нужно.

На следующее утро, когда я проснулась, его уже рядом не было. Слышно было, как он хлопотал на кухне и что-то при этом насвистывал. Я встала и натянула на себя его футболку, которая валялась тут же, небрежно брошенная на спинку стула. Она доходила мне почти до колен. От нее пахло одеколоном "Поло".

На кухне меня встретил дразнящий аромат свежемолотого кофе. Здесь тоже все отличалось больничной чистотой: столешницы из серого камня, раковина из полированного металла, мебель светлого дерева со встроенной на офисный манер плитой.

– Кофе, – он подал мне маленькую изящную чашечку.

– Спасибо.

Я пила кофе и с интересом оглядывалась кругом. На стене висела фотография, и я встала, чтобы получше ее разглядеть.

На ней был запечатлен Нико на фоне двухэтажной виллы. Рядом с ним

с одной стороны стояли родители, а с другой – девушка, которую он обнимал одной рукой. Она смотрела на него с обожанием. У нее было очень красивое, хотя и болезненное лицо и длинные черные волосы.

– Кто это? – спросила я небрежно.

– Кармен, – ответил он тоже как будто без всякого выражения.

– Она твоя родственница? – Вопрос был настолько глуп, что я даже удивилась, когда он принял его всерьез.

– Она моя подруга.

– Близкая?

– Да, очень близкая, Изабелла. Мы встречались с ней в течение долгого времени.

– Ты ее любил?

Некоторое время он молчал, целеустремленно потягивая кофе, а затем ответил...

– Кто знает?

– Либо ты ее любил, либо нет! – Обидчиво воскликнула я.

– Некоторое время я ее любил. – Ему явно не хотелось вести этот разговор.

– На фотографии ты выглядишь счастливым. – Я подошла еще ближе, чтобы разглядеть детали. – Когда она была снята?

– В прошлом году.

Значит, в прошлом году, когда я носилась со своим разбитым сердцем, Нико был влюблен в красивую девушку с фотографии по имени Кармен. Может быть, он занимался с ней любовью в той же самой спальне, на той же самой постели, что и со мной. Может, он и для нее готовил всякие яства. Я словно услышала, как он шепчет ей на ухо "Кармен, нежная моя" точно так же, как шептал мне "Изабелла, нежная моя".

А собственно, почему бы ему этого не делать, спросила я себя. Мы вообще с ним тогда не были знакомы, и у меня были собственные предметы для беспокойства. Но, все равно, я почему-то почувствовала внутри острый укол ревности, и его сила меня саму привела в замешательство. Раньше я до такой степени никого не ревновала. Кофе у меня на языке стал горьким.

– А почему вы расстались?

– Ради Бога, Изабелла! – Он посмотрел на меня с досадой. – Это всего лишь фотография!

– Да, но есть что-то странное в том, что у себя дома мужчина оставляет висеть на стене фотографию бывшей подруги. – Тут внезапно я вспомнила Тима, который тоже не снял со стены фотографию нашей

помолвки.

Но Нико не заметил моих раздумий.

– Изабелла, ты ведешь себя глупо.

– Ничуть.

– Очень даже чуть. Мне не нравится, когда ты ведешь себя как маленький ребенок.

– Как ты со мной разговариваешь? – вспыхнула я.

Он повернулся ко мне спиной и принялся споласкивать кофейные чашки. Я смотрела на него с тоской. Он снял с полки ежедневник и начал его перелистывать. Мне стало ясно, что он больше не хочет со мной говорить. Тема Кармен была для него слишком чувствительной.

– Ты не будешь возражать, если я приму душ? – спросила я.

Он мельком поднял на меня глаза.

– Пожалуйста.

Я отправилась в ванную комнату и долго плескалась под душем. Когда я вернулась в гостиную, Нико с интересом просматривал какие-то брошюры.

– Пожалуй, я пойду на работу, – сказала я. Сегодня была пятница, и на работе меня никто не ждал, но я решила, что лучше будет пойти.

– Хорошо, – ответил Нико. – У меня тоже сегодня встреча с клиентами.

– Спасибо за чудесный ужин вчера вечером.

– Не стоит. – Он едва оторвался от своих брошюр.

– Ты мне позвонишь?

– Сегодня я играю в "Дон Кихоте". Может, завтра? – Он перевернул страницу в одной из брошюр.

– Хорошо, завтра. – Я подхватила свою сумку. – Поеду на метро.

Он встал.

– Я бы тебя подвез, Изабелла, но, к сожалению, я уже опаздываю.

– Ничего.

Он слегка улыбнулся.

– Желаю тебе удачного дня.

– И тебе, Нико.

Он поцеловал меня в щеку.

– Я позвоню, – пообещал он.

Внезапная холодность Нико меня несказанно уязвила, точно так же как факт существования бывшей подружки. Я сама не понимала, что меня так сильно опечалило. И понятия не имела о том, что делать дальше. И даже не знала, чего хотеть, чтобы приложить усилия к воплощению этого "дальше".

В пятницу вечером я сидела на балконе своей мадридской квартиры и слушала звуки города: шелест автомобильных шин, резкий рев клаксонов, людские голоса. Зайдя в комнату, я достала из сумки документы по конференции и попыталась вникнуть в расписание семинарских занятий, в списки организаторов конференции, в списки предоставляемых отелем услуг, в программы занятий "на дому", в развернутые планы лекций специалистов.

Кипы бумаги лежали у меня на коленях, но я даже не пошевелинулась, когда полились дурацкие слезы, так что буквы запрыгали перед глазами, и больше уже я ничего не могла прочитать.

На следующее утро очень рано зазвонил телефон, так что я вскочила, как ошпаренная, так и не отдохнув после короткого и беспокойного сна, в который провалилась после долгих верчений и вздохов. Сильно болела голова.

– Алло! – прохрипела я в трубку.

– Изабель? Это ты?

– Алисон. – Я несколько раз моргнула и посмотрела на часы. – В субботу, в девять часов утра – что-то на тебя не похоже.

– А у нас только восемь, – взволнованно сказала она. – Но у нас несчастье. Вчера вечером умерла бабушка.

– Что? – беспомощно заморгала я. – А что случилось?

– По всем признакам сердечный приступ. Похороны в понедельник.

– Я буду. Как мама?

– Ничего, держится. Отец сделал ей успокоительное питье, и она сейчас спит. Просто не могу поверить, что бабушка умерла! – Голос у нее задрожал. – Только что была жива – и вдруг, через минуту, ее уже нет. Это просто в голове не укладывается.

– Я позвоню тебе попозже.

Бабушка Бехан была маминой мамой. Мы не особенно часто с ней виделись. А вот в детстве проводили с ней много времени, хотя она мало напоминала классическую сказочную бабушку – толстенькую, гостеприимную старушку с седыми волосами и в очках. Наша бабушка была худой и угловатой женщиной, она не играла с нами в салочки на заднем дворе, не разрешала устраивать в своем доме шумные игры. Грени Бехан относилась к нам как к маленьким взрослым, и когда мы приходили к ней домой, то именно так себя и вели. Но если с нами случалось что-то нехорошее, если мы падали или начинали драться или если матери нужно было уйти из дома по каким-то делам, то бабушка тут же оказывалась

рядом, всегда готовая помочь или с нами посидеть.

– Ужасные дети, – строго говорила она, но в ее глазах было столько доброты, что эта строгость совершенно нас не пугала. Бабушка перевязывала нам болячки, убеждала прекратить дурачиться, утирала нам слезы, давала рассматривать картинки в энциклопедии.

Жаль, что в последний свой приезд в Ирландию я к ней не зашла. Целиком погруженная в собственный мирок, я просто про нее забыла. И теперь уже было поздно об этом сожалеть. Я бросилась к телефону. Мне надо было срочно поговорить с Нико. Он все поймет. Он всегда меня как-то хорошо понимал и успокаивал. Но в трубке слышались только монотонные длинные гудки. Нико не было дома.

Глава 28

ПЛАЧУЩАЯ ЖЕНЩИНА

(Пабло Пикассо, 1937)

День был солнечным и безоблачным, легкий ветер шелестел листвой кладбища, и пока мы молились за упокой души бабушки, я поплотнее запахнулась в свой хлопчатобумажный жакет.

Мать первая бросила на крышку гроба комья глины, послышались глухие, щемящие душу удары. Мы отвернулись и медленно пошли к своим машинам.

– Она прожила долгую жизнь, – позже говорила мать, разливая чай и подавая гостям сэндвичи. – И ушла из жизни легко и быстро.

Люди всегда так говорят. Впрочем, возможно, они и правы.

– Жаль, что я не успела ее повидать, – говорила Рейчел, подавленная и бледная, совершенно не похожая на себя саму в обычном жизнерадостном настроении.

– Она знала, что ты про нее думаешь, – успокаивала ее мать.

– Ничего я не думала! – Рейчел сокрушенно помешивала чай. – Я вообще про нее забыла!

– Разумеется, тебе казалось, что ты забыла, – рассудительно вразумляла ее мать. – Но в подсознании у тебя она постоянно присутствовала. Люди мысленно никогда не расстаются со своими родственниками.

Мать всегда беспрекословно верила в семейные связи и была неутомимым защитником семьи. Когда Рейчел, плача, ушла в сад, мать пробормотала ей вслед: "Все драматизирует!", а потом переключила свое внимание на меня.

– Выпей это, – сказала она, передавая мне чашку чая. – У тебя совершенно потерянный вид.

– Голова болит, – отговорила я.

– Прими что-нибудь.

– Уже приняла.

Мать внимательно на меня посмотрела.

– С тобой все в порядке?

– В порядке, – пожала плечами я. – Просто устала.

– Ты слишком много работаешь.

– Да нет, не слишком. – Я вымученно улыбнулась. К нам подошла соседка, которая убедила мать немного отдохнуть и самой выпить чаю.

– А я пока позабочусь о гостях, – сочувственно проговорила соседка.

Мать тоже вышла в сад и села рядом с Рейчел. До чего же они похожи, думала я, глядя, как они сидят рядом, плечом к плечу. Только у матери в волосах больше седины. Но у обеих те же черты, то же выражение лица, та же манера во время разговора слегка приподнимать бровь. Ничего не поделаешь – семья...

Словно перехватывая эстафету, соседка тут же пристала ко мне. "Странно, почему у них у всех в запасе один и тот же дежурный набор вопросов? – думала я с тоской. – О работе, о том, хорошо ли я провожу время, о друзьях и есть ли у меня кто-то особенный на примете". Разумеется, есть, подумала я, злясь на соседку, только Нико не ответил в субботу на мой звонок. А бежать к нему домой и ломиться в его квартиру мне не хотелось.

– Попадаются время от времени, – уклончиво ответила я.

– Как хорошо быть молодой, когда мужчины так и пляшут вокруг тебя и штабелями укладываются у ног! – провозгласила соседка.

– Не знаю, может быть.

Ее расспросы решительно становились мне в тягость.

– Не лги мне, Изабель Кавана! – рассмеялась соседка. – Я по глазам вижу, что у тебя кто-то есть!

Я снова улыбнулась, но у меня было такое чувство, словно я вот-вот упаду в обморок. "Почему они все не оставляют меня в покое? – обреченно думала я. – Почему не дают мне хоть немного побыть одной?"

– Изабель!

Ко мне быстрыми шагами приближался Ян. Извинившись, он увел меня от соседки, за что я ему была несказанно благодарна.

– У тебя был совершенно затравленный вид, – сказал он.

– Спасибо.

– Однако ты такая бледная!

– Голова болит, вот и все.

– Это кошмарное мероприятие кого угодно доведет до головной боли.

– Он осмотрелся. – Столько народу! Кто бы мог подумать, что у бабушки было столько знакомых!

– Не думаю, что все это ее знакомые, – возразила я. – Большинство людей – это знакомые матери. Они пришли ее поддержать, выразить свои соболезнования.

– Поддержать! – фыркнул Ян. – В чем заключается их поддержка? В

поедании сэндвичей и питье чая? Или виски? – Некоторые мужчины в гостинной действительно заливали в себя изрядные порции виски.

– Почему бы и нет? – снова возразила я. – Они пришли на похороны. Может, у них сегодня были совершенно другие планы, и они ни сном ни духом не ведали, что попадут сюда? Мы просто обязаны их хотя бы накормить и напоить.

– Что-то ты стала слишком рассудительная, – сказал Ян. – Или, может быть, ты уже стареешь?

– Заткнись! – Я дружелюбно ткнула его в плечо, в ответ он столь же дружелюбно обнял меня за плечи.

Подружка Яна Хани пришла только на мессу, а потом быстро вернулась на работу, объяснив, что никто ее там сегодня подменить не сможет. Они с Яном снова были вместе.

– Мне показалось, что я не могу без нее жить, – объяснил мне Ян. – Что-то в ней есть такое особенное, Иззи.

– Ноги до ушей – вот что в ней особенное, – поддразнила я его.

Алисон и Питер сидели рядышком – склонив друг к другу головы и погруженные в собственный мирок – и выглядели в таком состоянии совершенно естественно... словно были созданы друг для друга.

– Ты уверена, что с тобой все нормально? – спросил Ян.

– Господи, Ян, когда наконец люди перестанут задавать мне этот дурацкий вопрос? – спросила я со вздохом.

– Мать говорит, что в Мадриде тебя заездили, как рабыню на плантациях.

– Что она знает об этом? – воскликнула я. – И к тому же меня не заездили. Мне самой нравится работать.

– А Алисон говорит, что у тебя есть бойфренд.

– И есть, и нет...

– Значит, ничего серьезного?

Я с ужасом взглянула на брата. Раньше мы с ним никогда не обсуждали личную жизнь. Я всегда считала его слишком юным для таких обсуждений. Конечно, свое отношение к Тиму он высказывал всегда: сперва симпатизировал ему, а потом – солидарно с Алисон – предупреждал меня против его непорядочности.

– Ничего, – я решила не вдаваться в объяснения.

– Но ты такая грустная!

– Господи, Ян, мы же на похоронах! Здесь и положено быть грустной.

– Ничего подобного. Посмотри кругом. Народ смеется и рассказывает друг другу смешные истории.

– Ты ужасный тип!

Но в сущности он был прав. Под влиянием виски ли или чего другого, но люди чувствовали себя совершенно свободно, улыбались, даже шутили понемногу. Мать оживленно беседовала с Рейчел, та подкрепляла свои доводы энергичной жестикуляцией.

"Почему же я чувствую себя, словно замороженная изнутри? – думала я. – Почему мне хочется пойти в свою комнату, броситься на постель и завернуться, как в детстве, с головой в одеяло?" Наверняка эта боль, неопишуемая, необъяснимая боль, осталась у меня, как отголосок детского ужаса перед смертью, думала я, и ей не место в жизни тридцатилетней женщины.

Преуспевающей, кстати сказать, женщины.

Женщины, которую некому обнять, шептал мне изнутри какой-то другой голос, как обнимает Питер свою Алисон. Женщины, которой некому довериться, как доверяет Ян своей Хани...

Не будь идиоткой, злобно одернула я себя. Ты независимая женщина. Замужество больше не является целью твоей жизни. И если тебе так уж хочется поцелуев и объятий, то позвони Тиму Мэлону прямо сейчас. Он будет счастлив сослужить тебе такую службу. Тебе даже не придется его об этом просить!

Вокруг продолжали шуметь людские голоса, но я себя чувствовала словно меня заперли в собственном мирке, отделили непроницаемой стеной от всех остальных. Я разговаривала с людьми, которых очень давно не видела: с соседкой, с владелицей мясного магазина в Сутоне, где мать и бабушка покупали продукты, с преподавательницей вечерних курсов по английской литературе, которые посещала бабушка. Я даже не знала, что бабушка в семьдесят семь лет ходит на такие курсы. Чему она могла там учиться? Но преподавательница сказала, что бабушка была замечательной ученицей – неутомимой, заинтересованной, остроумной, заражающей весь класс своей энергией.

Какая же я дура, что тоскую по ней сейчас, думала я, споласкивая чашки и блюда на кухне и расставляя их на сушилке. Я налила себе "Южного комфорта". Это я познакомила бабушку с "Южным комфортом". Лет пять или шесть тому назад. И он ей понравился. Я проглотила сладкую жидкость и позволила ей себя согреть.

Мне очень хотелось уйти. Я очень устала от такого количества людей вокруг. Мне необходим был покой.

– Иди, я тебя прикрою, – сказал Ян, когда я пожаловалась ему на свое состояние. – И с матери глаз не спущу.

– Спасибо.

– У тебя правда страшно усталый вид. А завтра вечером тебе уже лететь в Испанию.

Я из последних сил улыбнулась.

– Ну и что? Я женщина реактивная. Перелеты, переезды – это как раз для меня!

– Иди выспись, реактивная женщина! Я матери не скажу, что ты ушла!

И я пошла домой. Дорога шла по берегу моря, дул сильный бриз. Меня едва не сбили с ног какие-то подростки на роликах, которые неслись со страшной скоростью по велосипедной трассе. В Ретиро-парке дети на роликах больше любят разные замысловатые прыжки и повороты, нежели скорость. Но и эта мысль меня не вдохновила. Мне нестерпимо хотелось спать, и с каждой минутой чувство отделенности от внешнего мира во мне только нарастало.

Но и дома я не могла уснуть. Ворочаясь на кровати, я мысленно считала корабли на горизонте, сперва до ста, потом до тысячи, но сон все равно не шел. Я пыталась дышать медленно и ровно, но только спровоцировала этим приступ кашля. Я зарылась с головой в подушку, но все равно слышала громкое чириканье птиц за окном и детский смех.

Наконец я встала и спустилась вниз. Посидела в саду. Выполочила пару сорняков. Потом вернулась в дом и позвонила Тиму на работу.

– Алло! – услышала я в трубке голос Тима, после того как его подозвала к телефону секретарша.

– Привет, Тим.

– Изабель! Как я рад тебя слышать, Изабель!

– Я тебя тоже, Тим.

– С тобой все в порядке? У тебя такой странный голос.

– Я дома, прилетела на похороны бабушки.

– О Изабель! Какое несчастье!

Мы поговорили немного о бабушке.

– Ты надолго? – спросил он.

– До завтрашнего вечера.

– Мало для такого события.

– Большого я не могла себе позволить.

– У тебя усталый голос, – констатировал Тим.

– Так оно и есть.

– Ты где?

– Дома.

– Хочешь куда-нибудь пойти?

Я заколебалась, не зная, что ответить.

– То есть я хотел спросить, ты не хочешь со мной встретиться? – поправился он.

– Да.

– Хочешь, я к тебе приеду, или, может быть, ты приедешь в город?

Я сама не знала, чего я хочу.

– Пожалуй, я приеду, – сказал Тим. – По всей видимости, ты в шоке.

– Ни в каком я не в шоке, – ответила я. – Это же моя бабушка, а не мать или отец.

– Все равно. Я буду у тебя через полчаса.

Через полчаса. С похорон через полчаса никто не вернется. Я вымыла лицо и навела кое-какой марафет. Встречать Тима с таким изможденным лицом мне явно не хотелось, хотя ситуация не предполагала никакой яркости, разве что немного терракотовых теней и бесцветной туши. Я ждала у окна в гостиной и, когда увидела его машину, тут же вышла навстречу.

– Привет, – сказал он, заключая меня в объятия.

– Привет. – Я склонилась к его плечу. Вот он тот покой, которого я так искала. Который был так мне необходим.

– Пойдем, – сказал Тим.

Он привез меня к горе Хаут и припарковался на самой вершине. По дороге мы молчали, он не пытался меня ни о чем расспрашивать.

– Здесь прохладно, – сказал он, когда мы вышли из машины. – Надень это. – И он накинул мне на плечи свою кожаную куртку.

– А ты?

– А у меня свитер. – Он улыбнулся. – Кроме того, я мужчина. Мы не должны чувствовать холода.

Мы шли наобум через заросшие дробом и вереском поляны, потом сели на камень, с которого открывался вид на море.

– Потрясающе, не правда ли? – Слова Тима относились и к сверкающей вдалеке водной глади, и к яркому голубому небу, и к золотым цветочкам вокруг нас, и к планирующим над нашими головами чайкам.

– Да.

– Гораздо красивее, чем в Испании.

– Там все по-другому.

– Ты скучаешь в Испании по всему этому?

– По чему?

– По морю. По его запаху, вкусу, по всему.

– Тим! Все это сплошная лирика.

– Просто я люблю море, – как будто обороняясь, сказал он. – Терпеть не могу жить в глубине континента.

Мне стало смешно.

– Я тоже люблю море, – сказала я. – Только не делаю из этого трагедии, как большинство здешних людей. К тому же я плохо плаваю, не умею управлять яхтой или моторной лодкой.

– Но все-таки согласишься, странно жить в Мадриде и знать, что море от тебя далеко-далеко.

– Если подняться на королевский замок, то можно охватить взглядом весь город, – сказала я. – В жаркий день воздух над ним дрожит и мерцает, так что можно себе вообразить, будто это море.

– Ну, это не одно и то же.

– Конечно, нет.

– А какими еще способами ты себя обманываешь в Мадриде?

– Что?

– Извини. – Но ни малейших признаков раскаяния в его голосе я что-то не услышала.

– Не нападай на меня, Тим. Я не в настроении. Он обнял меня.

– Я и не собирался на тебя нападать.

Я прильнула к нему и закрыла глаза. Относительно моря он был прав. Я очень тосковала без него. Я тосковала по всем местам, в которых мне доводилось жить, знакомым с детства, родным. Здесь я выросла, узнала взрослую жизнь, здесь каждый дом, каждая травинка были наполнены для меня особым значением. Мадрид – это всего лишь убежище после побега. Да и стал ли Мадрид убежищем?

– Как тебе мои послания? – спросил Тим.

– Очевидно, тебе пришлось постараться, чтобы посылать мне стихи, – лениво пробормотала я.

– Ты меня вдохновляла.

– Не глупи.

Но слушать такое все равно было очень приятно. Меня мучили сомнения, действительно ли он меня любит. По некоторым признакам, да, любит, но уверенности никакой, подумала я про себя. С Тимом никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

– Я люблю тебя, Изабель. – Он словно прочитал мои мысли. – По правде, люблю.

Мы целовались – медленно, осторожно, словно впервые в жизни. Он гладил меня по волосам, нежно проводил пальцами по щекам.

– Я хочу, чтобы ты была со мной. – Он слегка отстранил меня от себя.

– Хочу исправить ошибку.

Я встала. Порывы ветра едва не сбили меня с ног. Тим вскочил, подхватил меня под руки, не позволил упасть.

– Ты думаешь, я такая хлипкая?

– Не знаю, какая ты, хлипкая или нет, но я говорил тебе совершенно серьезно, Изабель. Я тебя люблю. И хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Вид у него действительно был очень искренний и серьезный. Он был рядом, когда мне его так не хватало. Он понимал, что я чувствую.

– С чего бы это?

– Потому что мы созданы друг для друга.

Я посмотрела ему в глаза.

– Я очень по тебе тосковал, Изабель.

– Ты встречался с другими женщинами? Он как-то съежился, отвел взгляд.

– То есть это не так важно, – поспешно поправилась я. – Я и сама встречалась с другими. Просто мне хочется знать.

– Несколько раз, – ответил он. – Только они в моей жизни ничего не значили.

– А они об этом знали?

– Что?

– Ничего.

– Мы с тобой хорошая команда, Изабель. И я думаю, что мы сможем заставить ее работать.

Я отвернулась от него, некоторое время смотрела на море.

– А что, если тебе снова все это покажется слишком?

– Не покажется.

– Откуда ты знаешь.

– Знаю, и все.

Вода внизу искрилась бликами солнца.

– Ты уверен?

– Разумеется.

– Мне придется искать здесь работу, – задумчиво произнесла я.

– Ты можешь рожать и воспитывать детей, если тебе так хочется.

– Тим! – От его слов мне стало не по себе. – Я никогда не хотела выйти за тебя замуж только для того, чтобы рожать детей!

– Но ведь ты же хочешь их иметь?

– Хочу. – Я вспомнила черноглазых херувимчиков Габриэлы.

– И я хочу, – сказал Тим. – Я много об этом думал. Раньше, когда ты об этом говорила, мне становилось еще более невольно. Но сейчас все по-

другому.

– Ой ли, Тим?

– Абсолютно по-другому, – твердо повторил он. – Я считаю, что буду хорошим папашей. Классно смогу играть в компьютерные игры, например.

Я рассмеялась.

– Многообещающее утверждение.

– У нас будут замечательные дети, – уверенно сказал он.

Тим словно возвращал меня к жизни. К той, которая всегда казалась мне идеальной. Мне очень захотелось ему поверить. Вернуть все в прежнее нормальное русло.

– Хорошо, – сказала я.

– Хорошо что?

– Хорошо, я за тебя выйду.

– О Изабель! – Он стиснул меня с такой силой, что едва не выдавил из меня весь воздух. Мне пришлось прибегнуть к помощи ингалятора.

Вечером я ничего не сказала своим домашним. Им было сейчас не до того. Но на следующее утро я со всех ног бросилась к своему жениху.

– Надеюсь, с ним все в порядке, – сказал он и вытащил из кармана голубую бархатную коробочку.

– Тим! – Я осторожно ее открыла. Там лежало мое сверкающее обручальное кольцо. То самое.

– Я его почему-то сохранил, – смущенно объяснил он. – Мне не хотелось возвращать его в ювелирный, и я... – Он не договорил.

– Подумал, что когда-нибудь оно пригодится, – договорила за него я, любуясь сверканием камня на своем пальце.

– Нет, не то.

– Не хранил же ты его для меня?

– Я сам не знаю, для кого я его хранил, – честно признался он.

Мне стало очень весело.

– Чудесное кольцо! Оно было чудесным два года назад и осталось таким же чудесным сегодня.

– Ничего более подходящего я не смог придумать. Сперва меня грызли сомнения, а правильно ли дарить тебе то же самое кольцо, но потом я решил, что если тебе не понравится, то ты снова бросишь его мне в лицо и мы снова начнем выяснять наши отношения.

– Я никогда не бросала его тебе в лицо! – смеялась я.

– Но наверняка очень хотела.

– Может быть.

Он поцеловал меня.

– Сейчас мне нужно вернуться на работу. Конечно, это не самое лучшее поведение в день нашей второй помолвки, но у меня горящий проект, и Грег не отвяжется от меня до тех пор, пока мы его не закончим.

– Хорошо. – Я не собиралась ему возражать. – Ты проводишь меня в аэропорт сегодня?

Он на секунду заколебался.

– Не бери в голову, если ты не можешь.

– Да нет, мне бы хотелось, только в какое время?

– В четыре.

– Хочешь, чтобы я заехал за тобой домой? – Он посмотрел на меня с тревогой.

– Я им все расскажу, – сказала я. – Нам все равно придется через это пройти.

– Какая жалость, что тебе приходится сегодня возвращаться! – раздраженно заметил он. – Мы могли бы все как следует обсудить. И все организовать.

– Ты говоришь – ну прям как я раньше!

– Туше!

– Но ты прав: мы решили, ничего как следует не обдумав.

– Нам и не надо ничего обдумывать, – твердо сказал он. – Мы поженимся сразу же после того, как ты уладишь в Мадриде все свои дела. Как ты думаешь, зимняя свадьба – это хорошо?

– Воображаю себя в белом платье и с гусиной кожей! Не слишком привлекательная картина!

– Ты привлекательна в любое время года, – заверил меня Тим. – По-моему, лучшее, что я могу сделать, это приехать в Мадрид через несколько недель, помочь тебе упаковать вещи и все такое. Просто устроить нам предсвадебный отпуск! Вот тогда мы все и обсудим.

– Хорошо. – Я была счастлива переложить все решения на него.

Он снова меня поцеловал.

– А сейчас мне надо идти, Изабель. Мне очень жаль! Но в четыре я за тобой заеду.

– А я пока огорошу счастливой новостью домашних.

– Не расстраивайся так по этому поводу!

– Я не расстраиваюсь. Я очень, очень счастлива!

Мать сидела на кухне и просматривала открытки с выражением соболезнования, которыми запрудили наш почтовый ящик

соответствующие инстанции. Мне такая назойливость казалась абсолютным нахальством, но матери, судя по всему, она давала возможность сосредоточиться. Когда я вошла, она начала декламировать стихи вслух.

– Я понимаю, что выбрала не лучшее время, – начала я, садясь рядом с ней. – Но у меня новости.

– Новости? Какие новости? – Глаза ее все еще блуждали где-то не здесь.

– Хорошие, – веселым голосом сообщила я.

– Я справлюсь и с хорошими новостями. – Она перетасовала открытки, как игральные карты.

– Я выхожу замуж.

Она молча смотрела на меня.

– Я помолвлена.

– Помолвлена? А с кем ты помолвлена?

Я нервно облизала губы.

– Не прикидывайся сумасшедшей.

– Я не сумасшедшая.

– С Тимом Мэлоном.

– Что? – Она словно не расслышала.

– Я знаю, что вы все собираетесь мне сказать по этому поводу, и вы, безусловно, правы, – зачастила я. – Но у меня перед вами свои долги. Я встретила с Тимом, когда приезжала на свадьбу Жюли. – Тут я рассказала ей историю наших встреч. – Мы поняли, что все еще любим друг друга и хотим пожениться.

Но почему я говорила все это так вызывающе? С таким надрывом?

– Ну, если тебе этого хочется, Изабель... – Взгляд ее прояснился, перестал быть таким блуждающим.

– Мне этого хочется.

– А как же твоя работа в Испании? Ты говорила, что она тебе нравится. И к тому же у тебя в Мадриде, кажется, есть друг?

"Изабелла, нежная моя", – снова услышала я знакомый голос. Но в нужный момент его не оказалось рядом со мной. И с чего бы это вдруг матери приспичило с таким энтузиазмом защищать мою жизнь в Испании?

– Друг не очень серьезный, – заверила ее я. – И хотя я действительно люблю свою работу, но мне нужно подумать о будущем. А это будущее не в Мадриде, мам. Оно здесь. Мне нужно жить своим домом и создавать собственную семью. Вот что мне сейчас нужно.

– И ты считаешь, что будешь с ним счастлива?

– Считаю.
– Ты и раньше так думала. – Она устало взглянула на меня.
– Тогда все было неправильно. – Я обняла ее и зарылась носом в ее шею. – А сейчас мы все исправили.
– Для меня самое главное, чтобы ты была счастлива. – Глаза ее наполнились слезами. – Это так важно, Изабель! – Постепенно она начала всхлипывать, потом рыдать. Она оплакивала одновременно свою мать и мое неуместное решение, и в этот момент я чувствовала себя более взрослой, чем даже она.

Тим позвонил ровно в четыре. По виду он сильно нервничал.
– Входи. – Я широко распахнула перед ним дверь.
– А твой отец не стоит где-нибудь с молотком?
Я покачала головой.
– Родители на кухне. Ян и Алисон на работе.
– Не могу сказать, что очень соскучился по Алисон, – пробормотал он.
– Да чего ты так боишься? – Я стиснула его руку. – Она тебя не съест.
– Я в этом не уверен, – мрачно заметил он. Мы прошли на кухню.
– Здравствуйте, мистер Кавана. Миссис Кавана.
– Здравствуй, Тим. – Отец встал со своего места. – Вот уж не ожидал снова увидеть тебя в своем доме.
– Если честно, то я тоже не ожидал, – откровенно признался Тим. Вид у него был совершенно мальчишеский. – Но я рад, что одумался и что Изабель меня поняла.
– Надеюсь, ей не придется проявлять слишком много понимания?
– Не придется. – Мой жених вел себя исключительно корректно. – Надеюсь, все наши трудности уже позади, и я жду не дождусь, когда мы снова с ней соединимся.
– Не обижай ее снова, Тим, – грубовато сказал отец.
– Ни за что, – заверил его Тим.
– Вы собираетесь пожениться? – Мать уже задавала мне этот вопрос.
– Все упирается в Изабель, – ответил Тим. – Она должна уладить дела в Испании, а потом сказать "да". Я-то давно сказал "да". Но торопить ее я не собираюсь.
– Надо полагать, вы поступили правильно. – Мать лукаво осмотрела нас обоих.
– Я совершенно уверен, что правильно, – подтвердил Тим.
– Нам пора идти. – Я подхватила свою сумку. – А то еще опоздаем на рейс.

Я поцеловала на прощание родителей, и мы с Тимом заторопились к машине.

– Какой-то кошмар, – пробормотал он, когда мы уже ехали.

– Что ты имеешь в виду?

– Эта встреча. Я боялся, что твой отец меня убьет.

– Он не такой страшный, как тебе кажется, – засмеялась я.

– Кто знает? – неопределенно провозгласил Тим. – Он, очевидно, во всем винит меня.

– А кого же еще?

– Ну вот видишь. – Говорил он это с улыбкой. – Я так и знал, что ты меня все еще винишь.

Как приятно было сознавать, что есть человек, который меня провожает, целует на прощание, жалеет, что я уезжаю. Как приятно было чувствовать тепло его объятий, высматривать его силуэт среди других провожающих в аэропорту. Знать, что он меня ждет.

Пожалуй, это было самое главное: он меня снова ждет.

Глава 29

СТОЯЩАЯ У ОКНА ДЕВУШКА

(Сальвадор Дали, 1925)

В мадридском аэропорту я стояла в очереди на такси и чувствовала, как по спине бежит струйка пота. Небо было серовато-голубым, вдали громыхал гром, в воздухе висело что-то тяжелое, сырое, что сильно затрудняло дыхание. Мне пришлось встряхнуть свой ингалятор и несколько раз вдохнуть в себя лекарственный туман. На этот раз он почему-то мало помог. Такое впечатление, что кругом была сауна, а я не могла находиться в сауне больше пяти минут.

В такси работал кондиционер. Я села на заднее сиденье и благодарно вдыхала в себя прохладный воздух. Снова начиналась головная боль, которая от жары постепенно усиливалась. Водитель выбрал окружной путь к моему дому, но я не стала возражать. Иногда я спорю в таких случаях с таксистами, но только не сегодня. Сегодня я была слишком счастлива, чтобы с кем-то спорить. Несмотря на головную боль и стянутые одышкой легкие, сегодня было положено крепкое основание всей моей дальнейшей жизни. Я подняла руку и полюбовалась своим кольцом. Изабель Мэлон, произнесла я про себя. Именно так, как и предполагалось с самого начала!

Гроза приближалась. Я заплатила таксисту и поспешила домой. Лифт – работал! Он с легкостью вознес меня на пятый этаж.

Сеньора Карраско красила свою дверь.

– Привет, Изабель. – В знак приветствия она махнула мне кистью с краской. – Где ты была?

– Я была дома, в Дублине. Там умерла моя бабушка.

– Ах, Изабель! – Она аккуратно положила кисть в банку из-под краски и подошла ко мне. – Я так тебе сочувствую!

– Ничего. Она была уже старенькая.

Сеньора Карраско обняла меня.

– Ну, все равно, это очень печальное событие.

– Да.

Я вытащила из кармана ключи. Соседка оглядела меня цепким взглядом.

– Ты себя хорошо чувствуешь, Изабель? Ты такая бледная.

– Это все погода, – бодро объяснила я.

– Да. – Она согласно покачала головой. – Я тоже не люблю грозу. Вот поэтому и начала красить внутри.

Я засмеялась.

– А я люблю. Только когда она проходит правильно – гром, молнии, ливень.

– Нам так нужен дождь! – согласилась со мной сеньора Карраско.

– Ну, я пойду, – снова улыбнулась я ей. – А то с дороги немного устала.

– Изабель! – Она заметила мою руку. – Ты носишь обручальное кольцо?

– Да. – Меня так и распирало от радости. – Я собираюсь замуж.

Она смотрела на меня и качала головой.

– Ну что ж, это замечательно, твой друг – такой сексуальный мужчина!

Я вспыхнула, потом похолодела.

– Мне кажется, что вы что-то путаете, сеньора. Вы никогда не встречали моего жениха.

– Но...

– Я выхожу замуж за своего старого друга в Ирландии.

– Странно. – У нее был совершенно обескураженный вид. – А здешний друг проводит с тобой столько времени.

На это я ничего не сказала. Она тоже прикусила язык.

– Я пойду, – снова сказала я.

– Конечно. – Она снова вернулась к своей двери. – Никаких проблем.

В квартире я начала себя убеждать, что мне нет никакого дела до того, что обо мне думает сеньора Карраско. Для меня теперь имеет значение только тот факт, что я снова помолвлена с Тимом и что он меня любит.

Я приняла теплый душ, потом завернулась в халат. В квартире теперь было почти темно, над городом нависли тяжелые, черные тучи.

Телефонный звонок меня напугал.

– Привет, Изабель, – это был Тим.

– Привет.

– Ты как?

– Хорошо, спасибо.

– Я позвонил сказать, что соскучился по тебе.

– О Тим, я по тебе тоже соскучилась.

Удар грома раздался едва ли не над головой, и я подпрыгнула на месте.

– Что это? – спросил Тим.

– Гром. К вечеру здесь ожидается настоящая буря. Небо почти черное, и я едва дышу.

– Но опасность тебе не угрожает?

- Конечно, нет.
- Будь осторожна, Изабель.
- Ты тоже, Тим.

Я повесила трубку и вышла на балкон. По небу метались молнии, вонзаясь в землю. Через мгновение один за другим прокатились тяжелые раскаты грома. Снова бешено засверкали молнии. Я не могла оторвать глаз от этого величественного зрелища. Грозы я любила, хотя ничего подобного этой до сих пор не видела – ужасные зазубренные лезвия молний беспрестанно раздирали небо, гром был такой силы, что, казалось, он падал прямо на голову. Мать говорила в таких случаях, что Господь передвигает по небу мебель. Когда я была маленькой, то этому верила, а потом в один прекрасный день спросила, почему, если Господь такой всемогущий, он все время перетаскивает мебель волоком, когда можно поднять ее на лифте?

Следующая молния ударила в крышу отеля "Люкс". Удар грома последовал за ней едва ли не мгновенно. А потом наступила какая-то странная тишина, как будто весь город замер, затаив дыхание, в ожидании чего-то ужасного.

И тут начался дождь. С неба внезапно полились настоящие реки воды, словно Господь решил устроить новый потоп. Отдельных капель дождя невозможно было выделить – льющая с неба вода образовывала сплошную стену. Я моментально промокла. Вода начала затапливать балкон, откуда через узкие проемы в бетонном парапете она не успевала выливаться на улицу. Я быстро закрыла дверь в комнату: мне уже ничего не грозило, а вот квартиру затапливать не стоило. Свесившись с парапета, я смотрела, как вода стремительными потоками неслась по улицам, ударяясь в машины и образуя бурлящие водовороты вокруг фонарных столбов. Это было потрясающе!

Мне показалось, что кто-то позвонил в дверь. Впрочем, я не была уверена, потому что шум ливня все заглушал. Все-таки я вернулась в квартиру и посмотрела сквозь глазок.

За дверью стоял Нико с цветами в руках. Я так и остолбенела. С меня натекла лужица дождевой воды, пока я раздумывала, как быть... Интересно, как он вошел в дом? Здесь существовала кодовая система охраны, так что посторонний мог попасть внутрь, только если кто-нибудь из жильцов открывал ему дверь с помощью домофона. Значит, нашелся некто, кто впустил Нико внутрь. И к тому же он знал, что я дома. Я прикусила губу.

В данный момент я была не очень готова к этой встрече.

Он снова позвонил в дверь. Он точно знал, что я дома. Может быть, он

видел свет в окнах? Мне ничего не оставалось, как впустить его в квартиру.

– Изабелла! – Он шагнул внутрь. – Изабелла, где ты была? – Он едва не обнял меня, но все-таки не обнял. Я была слишком мокрая, чтобы меня обнимать.

– На балконе, – ответила я спокойно. – Смотрела на грозу.

Он удивленно поднял брови.

– Я не имею в виду сейчас, – сказал он. – Я имею в виду в последние несколько дней.

– Я летала домой. У меня умерла бабушка.

– Значит, это правда, – сокрушенно вздохнул он.

– Что ты имеешь в виду под словом "правда"?

– Я звонил тебе на работу, но девушка объяснила мне все в таком тоне, что я подумал, будто она лжет.

– Нико, не прикидывайся дурачком. – В своей мокрой одежде я уже начинала дрожать.

– Тебе холодно.

– Разумеется, мне холодно.

Я стояла под дождем.

– Зачем ты это сделала?

Я молча пожала плечами.

– С тобой все в порядке, Изабелла?

– Со мной все прекрасно. – Моя дрожь усиливалась. – Я пойду оденусь.

– Только не ради меня. – Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня взволнованно забилось сердце.

У него была чудесная улыбка!..

Я ушла в спальню и закрыла за собой дверь. Холод пронизывал меня не на шутку. Я натянула джинсы и хлопчатобумажный джемпер. Потом посмотрелась в зеркало: мокрые волосы висели вокруг лица крысиными хвостиками. Я вытерла волосы полотенцем и расчесала их щеткой, потом sprыснула за ушами "Аллуром". И тут же брякнула флакон с духами на подзеркальник. О чем, скажите, пожалуйста, я думаю? Душиться ради Нико? Зачем мне это надо?

Обручальное кольцо лежало на тумбочке, где я его оставила по приезде.

Разумеется, я сегодня же все расскажу Нико, но вряд ли стоит с ходу ослеплять его блеском бриллианта.

Он положил цветы на стол и открыл балконную дверь. Дождь кончился, и он просто смотрел на улицу.

- Еще раз привет, – сказала я, входя в комнату.
- Зачем так беспокоиться?
- Беспокоиться?
- Джинсы, джемпер. Ты мне нравишься в любом виде.
- Может быть.
- Я сняла с цветов целлофановую обертку.
- Вы были близки с бабушкой?
- Не очень. Но известие о ее смерти стало для меня шоком.
- Надо было мне позвонить.
- Когда?
- Когда ты узнала эту новость.
- Я звонила, – коротко доложила я. – Только ты не ответил.
- Бедная Изабелла! – Он обнял меня, и я услышала биение его сердца.
- Ты очень устала. Мне очень жаль. Я должен был позвонить тебе раньше.
- Нет. – Я оттолкнула его от себя. – Я рада, что ты зашел. Мне надо с тобой поговорить.
- Он отстранил меня на длину руки.
- Поговорить? – Это слово его явно развеселило. – Звучит так серьезно, моя дорогая Изабелла.
- Тем не менее. – Я села на диван, он расположился на стуле и смотрел на меня внимательно оттуда своими большими, почти черными глазами. Я тяжело вздохнула и нервно начала:
- Когда я была в Дублине, то встретила там своего старого друга.
- Он удивленно изогнул бровь, но ничего не сказал.
- Мы дружили очень долго, – продолжала я. – И любили друг друга.
- Он перевернул стул спинкой ко мне, сел на него верхом и положил голову на скрещенные руки.
- Если честно, Нико, то мы были помолвлены. И должны были пожениться.
- Пожениться, – повторил он.
- Но потом между нами произошел разрыв. Вот поэтому я приехала в Мадрид. Чтобы о нем забыть.
- Но не забыла?
- Я... вытеснила его куда-то на задворки сознания.
- Хорошую работу ты проделала, – сказал Нико. – Я даже представить себе не мог, что у тебя на задворках сознания кто-то есть.
- Нико...
- Когда мы любили друг друга, мне даже в голову не могло прийти, что в это время ты пытаешься вытолкнуть своего жениха на задворки сознания.

– Нико...

– Когда мы были вместе, я не знал, что моя роль заключается только в том, чтобы помочь тебе его забыть.

– Нико...

– Когда я называл тебя своей нежной, то понятия не имел о том, что для тебя мои слова ничего не значат, потому что у тебя есть кто-то еще.

– Нико, все было не так!

– А как?

Некоторое время мы смотрели друг на друга без слов.

– Я была сильно тобой увлечена, – сказала я наконец не слишком убедительно.

– Спасибо.

– Но... куда это все могло привести, Нико? Разве была какая-то вероятность того, что мы поженимся? По всем признакам наша связь не могла быть вечной.

– С чего ты так решила?

– Ой, я тебя умоляю, Нико! – Мне стало как-то даже легче. – Ты называл меня своей нежной и занимался со мной любовью. Нам было очень хорошо вместе! Но я никогда не была женщиной, которой ты увлекался серьезно. Я ведь ирландка! И ты бы на мне никогда не женился.

– С каких это пор замужество стало для тебя так много значить? А как же работа, карьера?

– Они для меня значат гораздо меньше.

– Ты мне говорила про них совсем обратное.

– Да, я говорила, что они для меня важны. Но все равно в один прекрасный день я обязательно хотела выйти замуж. Один раз я уже готова была выйти замуж, но у нас ничего не получилось. Теперь я снова к этому готова.

– Но не за меня.

– А разве ты хочешь на мне жениться? – спросила я. – Мне казалось, что я совсем не та девушка, которая тебе нужна. И твоя семья вряд ли захочет меня принять. Я не Кармен.

– Кармен! – Он гневно взглянул на меня. – Я не люблю Кармен.

– Но ты ее любил! Я это видела! А может, и до сих пор любишь. Иначе зачем тебе держать ее фотографию в своей квартире?

– Слушай, не будь смешной. – Он встал. – Неужели тебя так расстроила эта фотография? Я просто не могу поверить своим ушам, Изабель.

Он назвал меня Изабель. Раньше с ним такого не случалось.

– Извини, – сказала я. – Ты мне очень нравишься, Нико...

– Я обольщался.

– Но наши отношения не могли длиться вечно, не правда ли? А с Тимом у меня навечно.

– Тим, – повторил он. – Это тот тип, который тебе звонил, когда я был здесь? То есть ты встретила с ним не случайно, когда приехала домой?

– Нико, все гораздо сложнее!

– А я не верил, что ты такая! – воскликнул он. – Ты встречалась со мной, занималась со мной любовью, делилась со мной мыслями и чувствами. А теперь вдруг объявляешь, что собираешься выйти замуж за другого!

– Я понятия не имела, что такое случится...

– Что? – Он был вне себя. – Ты позволила мне тобой увлечься, полюбить тебя. Если мужчина так обращается с женщиной, то есть говорит ей, что между ними все кончено и он собирается жениться на другой, то его наверняка назовут свиньей. Но для тебя в порядке вещей встречаться со мной, когда тебе это нравилось, а потом решить, что тебе лучше вернуться домой и выйти замуж за этого... Тима.

– Прекрати! – Я больше не могла его слушать. – Ты все смешиваешь в одну кучу.

– Я?

– Да, ты. Ты никогда даже словом не обмолвился, что хотел бы иметь со мной более прочные отношения. Мы были друзьями, только и всего.

– Ты так это воспринимала?

Я ничего не могла сказать, потому что была близка к слезам.

– Отвечай! – Он был серьезен не на шутку. – Ты считаешь, что я так к тебе относился?

– Прошу тебя, Нико!

– Ой, только не надо плакать! – Он смотрел на меня с отвращением. – Женщины всегда плачут, когда дело принимает не совсем удобный для них оборот.

– Нико...

– А мужчины по идее должны после этого сказать, что все в порядке, не стоит ни о чем беспокоиться. Однако беспокоиться стоит, Изабель! Дело это слишком важное. По крайней мере, для меня. Я тобой увлекся, я тебя любил, я думал, что ты любишь меня. Ну положим, я был не прав. Но не надо плакать, притворяясь, что ты уязвлена. Не оскорбляй меня таким образом.

Я прикусила губу.

– Значит, между нами все кончено, – сказал Нико. – Мне очень жаль, Изабель. Очевидно, мне надо было затащить тебя в постель в наше первое свидание. Очевидно, тогда все встало бы для тебя на свои места и ты бы себя чувствовала гораздо лучше. Но мне казалось, что ты еще не готова. Мне казалось, что в тебе есть нечто, – я не знал, что именно, что это на самом деле нечто. Мне так хотелось иметь с тобой близость, Изабель! А когда это случилось, то я чувствовал себя на седьмом небе! Я думал, что для тебя это значит не меньше, чем для меня. Извини, я был не прав. Извини, что я не знал, что являюсь всего лишь суррогатом того человека, за которого ты хочешь выйти замуж. Но при этом ты с готовностью со мной спала! Для мужчины очень странно чувствовать себя использованным. Впрочем, теперь это не имеет значения. Ты получила все, что хотела. Ты заставила его ревновать, и он снова согласился на тебе жениться!

– Все было не так. – Его слова меня едва не прикончили. – Я клянусь тебе, Нико, все было не так!

– Я восхищаюсь тобой, Изабель, – продолжал он. – Я восхищаюсь твоим умением превращаться то в одного человека, то в другого. У тебя потрясающий талант, Изабель.

– Нико, я тебе уже объяснила, что мы были помолвлены с Тимом раньше, – отчаянно пыталась я удержаться на высоте положения. – Но мы не просто порвали отношения. До свадьбы оставалось меньше месяца. Он просто струсил. Сперва мы отложили свадьбу, а потом отказались от нее окончательно. Я приехала в Мадрид, чтобы обо всем забыть – и начать новую жизнь. И ты мне в этом помог. Я очень тобой увлеклась. Но в то же время я сама не знала, как на самом деле я теперь отношусь к людям. Я словно потеряла все ориентиры. И понятия не имела, как они относятся ко мне. Я никогда ни в чем не была уверена на сто процентов. Ни в чем, кроме Тима. В Тиме я могла быть уверенной, потому что мы уже с ним через многое прошли. И теперь я знаю, что все у нас будет хорошо. Он не даст мне соскользнуть вниз второй раз.

– Изабель. – Нико положил руки мне на плечи, и я подпрыгнула. – Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты выходишь замуж за человека, потому что однажды он тебя уже бросил, и теперь ты уверена, что он не сделает этого во второй раз? Ничего более безумного я в жизни не слышал!

– Но я его люблю! – защищалась я. – Я все еще его люблю!

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– На сто процентов?

– Да.

Он отпустил мои плечи.

– Ничего не могу понять, – сказал он.

– Ты мужчина. Как ты можешь понять?

Он покачал головой.

– Ты выходишь замуж за человека, который очень дурно с тобой обошелся. Ты что, спятила?

– Нет.

– Изабель, ты одумаешься, если я предложу тебе выйти за меня замуж?

– Нико, пожалуйста, не произноси слов, которые не имеют для тебя никакого значения.

– Откуда ты знаешь, что для меня имеет смысл, а что нет? Ты же не чувствуешь себя ни в чем уверенной! Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас круто изменился? Тебе кажется, что это сильно упростит дело? Не будь душой, нежная моя.

– Не называй меня так! – вспыхнула я.

– Извини. – Он казался уставшим. – Я очень сожалею, что под конец устроил такое объяснение.

– Ты тоже меня извини, – прошептала я. – Но, Нико, давай смотреть правде в глаза. Ты красивый мужчина. Ты сможешь подцепить любую девушку, какую захочешь. Барбару Лейн, например! Она с ума по тебе сходит. И Магдалена мне говорила, что ты самый сексуальный мужчина из всех, кого она когда-либо встречала! Женщины штабелями будут падать к твоим ногам, Нико.

Он с ужасом смотрел на меня.

– Неужели ты действительно считаешь меня таким? – спросил он. – Считаешь, что я мечтаю о том, чтобы женщины штабелями падали к моим ногам? Похоже, что ты вообще ничего про меня не знаешь!.. Я чувствовала себя ужасно.

– Извини.

– Ты настолько заиклилась на себе, Изабель, что ни в малейшей степени не можешь проникнуть в то, что чувствую я! Ты считаешь, что раз ты снова влюбилась в своего Тима, то я смогу в одночасье о тебе забыть и начать встречаться с кем-то еще? Может, для тебя это и естественно, только не для меня.

– Прошу тебя, остановись, Нико! – Мне хотелось перевести дыхание. – Я не имела в виду... – Но тут слова мне изменили.

Мы стояли друг против друга. В водосточных трубах за окном шумела вода. В отдалении слышались глухие раскаты грома.

– Пожалуй, я пойду, – наконец сказал он. – Желаю тебе счастья,

Изабель.

– Спасибо, – едва слышно ответила я. Он подошел к двери и там обернулся.

– Если бы я знал, что ты хочешь замуж... если бы ты хоть раз дала мне это понять... я бы наверняка сделал тебе предложение, Изабель. Впрочем, это даже к лучшему, что я не сделал. – Он вышел, хлопнув за собой дверью.

Я стояла посередине комнаты, обхватив себя руками и слегка покачиваясь. Голова у меня кружилась, с дыханием начались перебои. Только что я пережила худшую сцену в своей жизни. Хуже не было даже тогда, когда Тим меня бросил. Когда мне пришлось объяснять людям, что свадьбы не будет.

Теперь я причинила боль человеку, которого меньше всего на свете хотела обижать.

Нико говорил мне, что любит меня. Но что еще может сказать мужчина, который тащит женщину в постель? Ты мне нравишься? С тобой все в порядке? Ты такая замечательная? Впрочем, не все они говорят, что нас любят, но все равно для них это только фраза. Тим говорил мне, что любит меня, даже после того, как мы отложили свадьбу. Тогда я ему не верила. Это были только слова, чтобы меня утешить.

Я взяла со стола цветы. Розы. Нико любил дарить мне розы. Причем красные. Эти были оранжевые, потрясающие по яркости и запаху. Но я боялась их нюхать: что-то моя астма снова начала меня тревожить.

С розами в руках я вышла на балкон. Никаких признаков Нико внизу не обнаружилось. "До чего же он несправедлив! – думала я. – Он ничего в моей жизни не понял! Может быть, мне он даже нравился. Может быть, я даже его любила. Но замуж я все равно должна выйти за Тима. Потому что так у нас сложилось. Потому что таково положение дел. Я посмотрела на цветы. Нико всегда приносил мне цветы. Он был очень щедрым человеком. Но про меня он тут нес сплошную чепуху, причем знал, что сказать, чтобы побольнее меня уязвить. Мне захотелось вычеркнуть его из своей жизни. Забыть, что когда-либо я с ним встречалась". Я сжала букет изо всех сил, а потом отпустила его... И долго смотрела, как внизу потоки воды смывают странные оранжевые пятна на черной мостовой.

Глава 30

ПРИУКРАШЕННЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

(Сальвадор Дали, 1929)

На следующее утро я встала рано. Вид у меня был измученный и бледный, черные круги под глазами заставили задуматься, а не больна ли я серьезно, в конце концов. Даже головная боль до конца не прошла. Она глухо давала о себе знать и заставляла морщиться от яркого солнца. В городе было полно следов вчерашнего ливня: кругом лежали кучи мусора и сорванных с деревьев листьев, в трещинах между камнями на мостовой сверкали темные лужицы воды. Зато воздух был чист и свеж, и никаких признаков астмы я не ощущала.

Придя на работу, я чувствовала себя немного неловко оттого, что придется всем рассказать о своей помолвке. Больше всего меня беспокоил разговор с Габриэлой, которая была для меня больше, чем просто босс. Она проявляла ко мне искренний интерес, давала шансы к продвижению, какие раньше мне и не снились, и мне очень не хотелось отвечать на ее доброту заявлением об уходе.

В конференц-зале началось утреннее совещание. Мы расселись за круглым столом, и Габриэла прежде всего выразила соболезнования по поводу смерти моей бабушки. Затем мы начали обсуждать планы на будущий год и проект еще одного цикла занятий, пришедшего в голову Габриэле совсем недавно. Наша фирма собиралась заключить контракт с телефонной компанией, которая совсем недавно сменила компьютерное обеспечение. Габриэла хотела, чтобы я разработала план выездных курсов прямо у них в офисе. Я молча кивнула. Никто еще не заметил моего обручального кольца.

Габриэла выложила на стол новые брошюры.

– Хочу услышать от вас, что вы думаете по этому поводу.

И тут настал тот самый момент: я протянула руку за брошюрой, и бриллиант на моей руке ослепительно засверкал. Несколько секунд народ соображал, что бы это значило. Луис отреагировал первым.

– Изабель! Ты помолвлена!

Несмотря на все мои приготовления, я вспыхнула до ушей.

– Изабель! – Габриэла тоже воззрилась на меня. – Ты мне об этом ничего не рассказывала!

– Все произошло неожиданно, – пролепетала я.

– Но когда ты успела? – продолжала удивляться Габриэла. – Ты же только что побывала в Дублине!

– Именно в Дублине все и случилось.

– Странно. – Она смотрела на меня не слишком понимающим взглядом. – А вчера утром я видела Нико, он играл на Пласа Майор.

Я осторожно подняла на нее глаза.

– Я помолвлена не с Нико.

На лицах всех присутствующих было написано недоумение.

– Я помолвлена с Тимом, – уточнила я.

– Тим? Кто это, Тим? – Магдалена делала усилия припомнить, кто это такой.

– Твой бывший жених? – первая вспомнила Габриэла.

– Он больше не бывший, – нервно захихикала я.

– А как же Нико? – подал голос Луис.

– Нико обо всем знает.

– Но ты же продолжала встречаться с Нико, причем совсем недавно! – никак не могла сложить концы с концами Магдалена.

Я вздохнула и ничего ей не ответила.

– Значит ли это, что ты возвращаешься в Ирландию? – поинтересовалась она.

– Да... со временем... разумеется.

– Когда? – деловым тоном спросила Габриэла.

– Еще не знаю.

– А когда ты планируешь выйти замуж?

– Дату мы еще не назначили. Все произошло слишком быстро.

– А я думал, что ты его ненавидишь! – разочарованно протянул Луис. – Он подбросил тебе такую свинью!

– Это в прошлом. К тому же он был прав. То есть, может, и не совсем прав, но так уж случилось.

– Все равно...

– Ради бога! – прервала я его рассуждения. – Я помолвлена и собираюсь выйти замуж за Тима. Надеюсь, вы все приедете ко мне на свадьбу.

Габриэла спокойно улыбнулась.

– Разумеется, – сказала она. – Хотя нам очень жаль тебя терять, Изабель.

– И мне будет жаль вас терять, – сказала я, переключаясь на новые брошюры.

Позже, в кабинете Габриэлы, мы поговорили с ней более доверительно.

– Это то, что ты должна была сделать, – сказала она.

– Кажется, да. – Я вертела на пальце кольцо. – Я его люблю, Габриэла, и ничего не могу с собой поделать.

– И каковы же ваши планы?

– Он хочет, чтобы мы поженились как можно быстрее. Но я хочу сперва как следует разобраться со здешними делами. Я не могу тебя бросить, пока ты точно не решишь, кто займет мое место. Судя по всему, мы поженимся в январе.

– Три месяца, – задумчиво просчитала Габриэла. – Не такой уж большой срок. А твой Тим, кстати, не хочет жить в Мадриде?

Я покачала головой.

– Его не устраивает климат, – объяснила я. – Ему нравится, когда в году четыре сезона, а не два.

– Понятно, – засмеялась Габриэла. – Ну что ж, будь счастлива, Изабель.

– Постараюсь.

Она скрепила некоторые лежащие на столе бумаги.

– Только почему-то мне все еще трудно поверить, что ты порвала с Нико, – вдруг сказала она.

Я покраснела.

– В последнее время наши отношения складывались не так уж блестяще.

– То есть... ты хочешь сказать, что он не знает, что ты встречалась с Тимом?

– Габриэла, в твоих словах мое поведение действительно выглядит ужасным! – воскликнула я. – Я понимаю, что ты хочешь сказать: я дурачила Нико и в конце концов обвела его вокруг пальца. Но на самом деле все было не так, Габриэла!

– Он, очевидно, чувствует себя оскорбленным.

– Конечно, мне надо было вести себя с ним по-другому, – призналась я. – Но ничего, он с этим справится. По-моему, я была не единственной женщиной в его жизни.

– А был кто-то еще? – удивленно спросила Габриэла.

– Не знаю точно. – Я заерзала на стуле. – Но в его квартире висит фотография его прежней подружки, и мне кажется, что он все еще к ней неравнодушен.

- Но это не значит, что он был равнодушен к тебе.
- Все равно, Габриэла, у нас с ним не было никаких перспектив. То есть сперва все шло восхитительно, а в последнее время мы несколько раз ссорились. Так что я сделала правильный выбор.
- Я и не знала, что речь идет о выборе.
- Я пожала плечами.
- Ты права, Габриэла, никакого выбора не было. Тим был рядом, когда его присутствие было мне особенно необходимо. Когда умерла бабушка и мне было очень плохо, Тим успокаивал меня и заботился обо мне.
- А что в это время делал Нико?
- Понятия не имею, – сказала я. – Я ему звонила, но от него ни слуху ни духу. Наши отношения были совершенно несерьезными. – Я улыбнулась ей, чтобы показать, насколько несерьезными были наши отношения. – А теперь мне надо пойти и позвонить одному клиенту. Я обещала ему уточнить некоторые детали домашних обучающих программ.
- Хорошо, – сказала Габриэла, выдергивая из стопки одну из брошюр.
- Я была уже почти у двери, когда она снова меня окликнула.
- Изабель!
- Да? – сказала я, оборачиваясь. Она взволнованно смотрела на меня.
- Только не пойми меня неправильно, – сказала она. – Но ты уверена, что поступаешь правильно?

Правильно ли я поступаю? В Мадриде это можно было оценить более объективно. Тим любит меня – он это доказал. Нико тоже говорил, что любит меня, но вряд ли его слова имели то самое значение, которое он в них вкладывал. Брак – это ведь гораздо больше, чем любовь. Это прежде всего партнерство. А мы с Тимом можем стать хорошими партнерами, потому что мы уже прошли через огонь и воду, через взаимное доверие и недоверие, и теперь очень хорошо друг друга понимаем. А Нико, если честно, всегда оставался для меня загадкой. Его взгляды на жизнь совершенно не совпадали с моими. Может быть, все дело было в том, что он иностранец? То есть в нем было нечто, что меня одновременно привлекало и отталкивало. Но человек не может строить свою жизнь на различиях. А мы с Нико были слишком разными. Я знала, что в конце дня, – несмотря на работу в фармацевтической компании, несмотря на сочинение саунд-треков, несмотря на все его заверения о том, что он на мне женится, – он все равно будет чувствовать себя вольной птицей. В нем не было совершенно никаких задатков семейного человека. Я начала даже думать, что, когда я рассказала ему о Тиме, его больше всего уязвила

собственная гордость, а не сожаления обо мне. Нико – это типичный мачо. Пусть умный, знающий толк в искусстве, прекрасно играющий на гитаре, но все-таки мачо. И его вряд ли могла сильно уязвить измена какой-то случайной подружки.

Сегодня я возвращалась домой пешком. Дни становились короче, в сумерках тускло мерцали уличные фонари. Дома я села поудобнее в кресло и придвинула к себе телефон. Жюли должна меня понять.

– Тим Мэлон? – Ее голос дрогнул. – Ты выходишь замуж за Тима Мэлона?

– Почему бы и нет?

– Но он же обошелся с тобой как последняя скотина!

– Ничуть, – возразила я. – Просто тогда он не был готов к браку, и честно в этом сознался. Я бы не сказала, что это поведение скотины.

– Ты просто выжила из ума!

– Ничуть, – снова возразила я.

– Ты когда-то говорила, что больше никогда не сможешь ему доверять, – не унималась Жюли.

– А ты говорила, что с Энди Джорданом вообще больше не захочешь разговаривать, – напомнила я ей.

– Пожалуй, – согласилась она, но голос у нее все равно оставался тревожным.

– Обо мне не беспокойся, – заверила я ее. – Я знаю, что делаю.

– Ой ли?

– На все сто.

– Когда свадьба?

– Кажется, в январе.

– А как же работа? – продолжала тревожиться она.

– Подыщу себе что-нибудь дома, – ответила я. – Хотя мы с Тимом собираемся свить гнездо.

– То есть ты хочешь сказать, что в этом все дело? В том, что вы хотите иметь детей?

– Нет, не только в этом. – Я закручивала концы волос. – Но ты же знаешь, Жюли, что мне всегда хотелось иметь семью. А Тим теперь готов к этому. А раньше был не готов.

– То есть теперь, когда он готов, он не испугается на тебе жениться?

– Что-то вроде этого.

– Но ведь твоя жизнь изменилась! – воскликнула она. – Ты теперь стала совсем другим человеком!

– Ну и что?

– В последний раз, когда мы виделись, ты сказала, что тебя повысили в должности. Еще ты сказала, что теперь ты стала настоящей бизнес-леди, и очень этим гордишься.

– Все правильно, Жюли, но в жизни есть кое-что поважнее работы.

– Я знаю, – сокрушенно ответила она.

Я не понимала, почему все мои знакомые так сильно сокрушаются обо мне? Почему все считают, что я сама не знаю, что делаю?

– А что случилось с Нико? – спросила она.

И почему они все спрашивают о Нико? Нельзя сказать, чтобы мы с ним долго встречались. А Жюли, так та вообще его ни разу в жизни не видела.

– С ним все в порядке, – ответила я. – Между нами ничего прочного не намечалось.

– Почему?

– Не знаю почему. Я так думаю, и все тут.

– Ну раз ты так уверена...

– Я уверена.

– Тогда все нормально.

– Ты приедешь на свадьбу?

– Разумеется! Как же я могу ее пропустить?

– Спасибо, Жюли.

– За кого ты меня принимаешь?

– Ну мало ли, вдруг ты не сможешь приехать.

– Ты что, не в своем уме? И в первый раз дело без меня не обошлось, а уж во второй раз и подавно. Такого дела пропустить нельзя!

– А Энди приедет?

– Если я его попрошу, – захихикала она.

– Как он?

– Превосходно.

– Как Штаты?

– Мне здесь нравится. И люди вокруг хорошие.

– Ты уже работаешь?

В последний раз, когда я ей звонила, она даже не пыталась найти себе работу.

– Вряд ли это можно назвать работой, – благодушно ответила она. – У меня частичная занятость на автомобильном аукционе. Конечно, это не совсем мое, но зато своеобразный способ себя занять. Если честно, Изабель, то мы тоже в скором времени собираемся свить гнездо.

– Да что ты!

– Правда. Пока, правда, скорее в шутку.

– Воображаю себе эти шутки! – Я представила себе Энди Джордана, высокого и мускулистого.

– Это очень забавно, – засмеялась она. – Всю жизнь я отчаянно пыталась не забеременеть, а тут вдруг все наоборот... я отчаянно пытаюсь залететь.

– Не хочу отрывать тебя от этого важного занятия, – заметила я.

– Он на работе, – пояснила Жюли. – Но ты не беспокойся, как только он вернется, я тут же возьму его в оборот.

– Счастливая! – вздохнула я. – Вы с Энди идеально подходите друг к другу.

– Мы работаем над этим, – рассудительно произнесла Жюли. – У нас не всегда все получается идеально, Изабель.

– Ерунда! – воскликнула я. – А у нас с Тимом все будет идеально, я тебе обещаю!

– Надеюсь.

Напоследок она снова поздравила меня с моей новой старой помолвкой.

Я включила телевизор и открыла книгу. Вообще-то я не любила смотреть телевизор, но он создавал иллюзию человеческого присутствия. Конечно, я уже ко многому привыкла и многому научилась, но все равно жить в одиночестве мне не очень нравилось. Иногда так страстно хотелось оказаться среди людей! Вот будет славно, когда мы с Тимом поженимся! Мы будем вместе сидеть на диване и смотреть телевизор, и при этом нам не надо будет произносить лишних слов. Мы будем понимать друг друга с полувзгляда, делиться друг с другом своими мыслями и чувствами. В конце концов, все для этого и делается: чтобы делиться друг с другом своей жизнью. А однажды рядом с нами усядутся наши дети. От таких мещанских мыслей мне самой стало смешно. А вдруг наши дети будут носить кольцо на губах? Или на пупке? Или у них будут совсем другие причуды, и тогда они будут друг другу жаловаться, что родители их не понимают?

Как сладко было мечтать о такой перспективе...

В конце недели я пошла за покупками и купила себе сразу шесть пар обуви. В Дублине я никогда не могла найти себе подходящих туфель. Когда я заплатила за них наличными, продавщица, очевидно, решила, что в их

магазин на мгновение вернулись золотые дни туристического бума, и она наверняка получит за меня премию. Одна из купленных мной пар была белой: из мягкой кожи, на очень высоком и тонком каблуке. О свадебном платье я еще не думала, но такие туфли подойдут к любому платью. Сделав покупки, я отправилась посидеть в ближайшее кафе.

– Привет, Изабель!

Я подняла глаза от газеты: возле моего столика стояла Барбара Лейн.

– Барбара! Как поживаешь? – Мы не виделись с ней с того самого дня, когда вместе ходили слушать Нико.

– Хорошо. – Она придвинула ко мне стул. – Не возражаешь, если я рядом с тобой присяду?

– Ничуть. – Тогда я на нее злилась, а теперь мои прежние обиды потеряли всякое значение. – Какие новости?

Она покачала головой.

– Никаких. В последнее время жизнь такая скучная. А у тебя?

Я повертела перед ее носом рукой с кольцом. Она была потрясена. Пришлось рассказывать ей всю историю с помолвкой. Больше всего ее взволновал вопрос наших отношений с Нико.

– Просто я думала... – начала она. – То есть, может быть, я делаю из мухи слона, но мне казалось, что когда ты с ним, то ты совсем другая. И к тому же, – тут она взглянула на меня из-под своей челки, – я тебе очень завидовала.

– Завидовала?

– Ой, только не прикидывайся! – Она столь энергично помешивала свой кофе, что он пролился на стол.

– Хорошо, не буду, – согласилась я. – Я знаю, что тебе нравился Нико. И ты злилась, когда я начала с ним встречаться. Но теперь это уже не имеет значения.

– Разумеется, не имеет. – Она внимательно посмотрела на меня. – А ты выглядишь классно.

Значит, косметика сработала, подумала я. Потому что с утра у меня был кошмарный вид: бледная, как привидение, вокруг глаз тьма непроглядная. Я сама не понимала, с чего это у меня такой вид. Никаких признаков болезни я в себе не ощущала. Иногда, конечно, побаливала голова, но парацетамол не давал ей развернуться в полную силу.

– Все-таки это удивительно, – никак не могла успокоиться Барбара.

– Ничего удивительного. – На нее было забавно смотреть. – Я возвращаюсь, откуда пришла... В свой старый, промозглый Дублин. Там я по уши погрязну в домашнем хозяйстве, а ты будешь по-прежнему

радоваться жизни в Мадриде.

– Не могу тебя представить замужней женщиной, по уши погрязшей в домашнем хозяйстве, – сказала Барбара. – Я представляю тебя только такой, какой ты была здесь: красивой, свободной, в постоянных поисках развлечений.

– Знаешь, тогда у меня был такой период жизни, который я очень скоро забуду.

– Тогда ты жила в свое удовольствие, – напомнила мне Барбара.

– Да, жила. Только это была не совсем я.

– А кто же?

– Тогда у меня был стресс. А теперь все изменилось.

Мне было приятно заключить мир с Барбарой. Я радовалась, что она даже не подозревает, что некоторое время назад я ее просто ненавидела.

– Мне кажется, ты так великодушна, что дала своему жениху второй шанс, – размышляла вслух Барбара.

– Я не смотрю на это как на второй шанс, – уточнила я. – У меня такое чувство, словно все должно было случиться именно так.

Она забарабанила пальцами по столу.

– Можно мне задать тебе один вопрос?

– Разумеется.

– Ты не будешь возражать, если я позвоню Нико?

– Что?

– Позвоню Нико и приглашу его пообедать со мной.

– Ну... – Сперва я не знала, что на это сказать. – С чего это я должна возражать? – наконец пробормотала я, подавляя в себе неожиданный укол... Чего? Неужели ревности? Но какая может быть ревность у меня, для которой должно быть все равно, с кем встречается Нико? И тем не менее нечто странное со мной произошло.

– Очень хорошо, – облегченно вздохнула Барбара. – Мне почему-то не хотелось ему звонить, не уведомив предварительно тебя.

– Звони смело, – ободрила ее я. – Мне кажется, он очень обрадуется, когда ты ему позвонишь.

– Ты настоящая подруга, Изабель! – восторженно сказала Барбара. – И я желаю тебе счастья с твоим Тимом.

– Ты приедешь на свадьбу? – зачем-то спросила я и тут же пожалела о своей импульсивности.

– С удовольствием. – Она улыбалась мне лучезарной улыбкой. – Желаю тебе на этот раз не споткнувшись дойти до алтаря.

– Спасибо. Мы классно повеселимся.

Вечером, пристраивая шесть пар обуви на нижней полке в шкафу, я думала о них. О Барбаре и Нико. Наверное, они больше подходят друг другу, чем мы с Нико. По крайней мере, у Барбары нет желания возвращаться в Англию. Не в пример мне, она сможет лучше о нем позаботиться.

И все же этот вопрос никак не выходил у меня из головы... Примет ли Нико ее приглашение?

Глава 31

ЦИРК

(Хуан Миро, 1937)

– Вот проверочные файлы. – Я дважды кликнула мышкой по желтому ярлыку на компьютерном экране. – Они специально обозначены желтым цветом. Зеленый цвет означает активные папки, красный – отработанные.

Нина согласно кивала головой.

– Все стандартные письма находятся в папке "Канцелярия".

– Я все помню, Изабель, – мягко напомнила мне Нина. – Я их все перенесла в общую базу данных.

– Разумеется, перенесла. – Я нетерпеливо откинула со лба длинные пряди волос. Я отращивала волосы для свадьбы, и теперь они доводили меня до белого каления. – Извини, Нина. Я понимаю, что по сто раз повторяю одно и то же.

– Ничего. – Она улыбнулась. – Я делаю тебе скидку, потому что у тебя стресс.

– Нет у меня никакого стресса!

– Нет, есть. – Она продолжала улыбаться. – Ты упаковываешь вещи, пытаешься организовать все на работе, тебе хочется побыть со своим женихом...

– Ах ты Боже мой! – Я взглянула на часы. – Мне же нужно встретить Тима в аэропорту!

– Без паники! У тебя еще бездна времени.

Но я уже не могла успокоиться. Последние четыре недели я жила в сплошном хаосе, потому что изо всех сил старалась подготовить свое рабочее место для будущего преемника. Мне хотелось иметь полные гарантии того, что из-за моих действий в "Адванте" не будет провалено ни одно мероприятие и, вообще, что с моим уходом работа фирмы ни в коем случае не нарушится. Именно поэтому я донимала Нину своими придирками.

Мой участок работы переходил к Луису. Я радовалась, что моим преемником станет именно Луис, а не какой-нибудь чужак со стороны. Я не понимала, почему это меня так волнует, но все равно чувствовала именно так. С Луисом мы мало говорили о работе, потому что мне не хотелось, чтобы у него сложилось впечатление, будто я указываю ему, как работать. Я

считала, что он сам должен пройти свой путь.

Вчера вечером мы ходили с ним в спортивный бар.

– Мне будет так не хватать этого места! – вздохнула я. – Это первый бар, в который я зашла, когда приехала в Испанию, и он, как нарочно, оказался самым лучшим.

– А мне будет не хватать тебя, – сказал Луис.

– О Луис! – У меня в горле застрял комок. – Мне тоже будет тебя не хватать!

Он взял меня за руку.

– Ты хороший человек, Изабель.

Я попыталась его урезонить, но руку не убрала.

– И в компании ты пришлась к месту, – продолжал Луис, – и мне ты очень нравишься.

– А ты мне.

– Мы с тобой могли бы составить хорошую пару. – Его карие глаза засверкали.

– Никогда!

– Но та ночь была восхитительной! – напомнил мне Луис.

Я убрала руку.

– С тобой все ясно – ты специализируешься на восхитительных ночах.

Он засмеялся.

– Но для нас такие отношения не имели перспективы, – продолжала я.

– Почему?

– Не знаю почему. Просто не имели, и все.

– И вот теперь ты выходишь замуж за человека, который довел тебя до такого отчаяния, что ты даже сошла со мной, – заметил Луис.

– С тобой я сошла не из-за Тима. – От его слов я поморщилась. – Просто я не могла сидеть в ресторане с человеком, одетым в красную рубашку и желтый галстук.

– Это несправедливо! – Он посмотрел на свою грудь. – Тот галстук мне подарила Анна.

– Почему они все дарят тебе галстуки? – спросила я. – И Мария вот не лучше других.

– Это чисто женская уловка, – объяснил Луис. – У всех людей галстук ассоциируется с удавкой.

– Ничего подобного, – возразила я. – У нас на севере не ассоциируется.

– Я понял, что с Марией пора рвать, когда она купила мне очередной галстук, – серьезно продолжал Луис. – Словно спешила накинуть мне на шею петлю.

Я захихикала.

– До чего же ты жестокий, Луис!

– Ты когда-нибудь покупала своим мужчинам галстуки, Изабель? – спросил он.

– Однажды было дело, – созналась я. – Я купила Тиму галстук на день рождения. Но вместе с галстуком он получил от меня в подарок мощный жизненный импульс.

– Все равно это знак частной собственности, – не унимался Луис. – Уж поверь мне.

В этот вечер я впервые за долгое-долгое время снова напилась. Не очень сильно, но все-таки ноги меня держали не слишком твердо. Луис довез меня до дома и помог выйти из такси.

– Теперь со мной все в порядке, – бормотала я, едва не засыпая на ходу.

– Нет, я провожу тебя до квартиры, – настаивал он. – Я не хочу нести ответственность, если ты свалишься на лестнице или застрянешь в лифте.

– Не застряну, – и я споткнулась на первой же ступеньке.

Он подхватил меня под руку.

Дома, едва переступив порог, я направилась к дивану и свалилась на него.

– Странно, – бормотала я. – Вроде выпила не так много, какие-то два пива и самбукку.

Он осматривался в комнате.

– Хорошие у тебя постеры, – сказал он. У меня по стенам были развешаны репродукции Миро.

– Они совпадают с моим настроением, – пояснила я. – Такие же шаткие, сомнительные, неуловимые.

Луис засмеялся.

– Отдохни. Я сделаю тебе кофе.

Как хорошо было лежать на диване и знать, что всю работу за тебя сделает кто-то другой. И еще хорошо, что с Луисом я себя чувствовала совершенно спокойно. Несмотря ни на что, он был единственным мужчиной среди моих знакомых, которого можно было назвать настоящим другом. Как будто та ночь безумной страсти случилась между нами в другой жизни.

Я уже начинала дремать, когда он появился с чашкой кофе в руках.

– Выпей это, – сказал он. – Хорошая доза кофеина должна тебе помочь.

– Спасибо. – Я жадно припала к кофе. – Как же я буду по тебе скучать,

Луис! – воскликнула я.

– И я по тебе, – в тон мне запричитал он. – Даже несмотря на то, что как следует тебя никогда не понимал.

– А тебе и не надо меня понимать, – убежденно сказала я.

– Да, но мне будет очень не хватать наших бесед.

– И мне будет не хватать.

– И споров с тобой по рабочим вопросам.

– А мне столько всего будет недоставать в Ирландии! – призналась я.

– Да, но дома тебя ждет новая, яркая жизнь!

– Кто знает?

– Изабель! – Он с удивлением воззрился на меня. – Неужели тебя гложут сомнения?

– Ничего подобного! – Я поставила пустую чашку на пол. – Просто я размышляю, на что будет похожа моя новая жизнь, вот и все.

– И на что, по-твоему?

– Сама не знаю. Я боюсь, что не найду дома работу. Что окажусь в зависимости от Тима.

– Разве это имеет значение?

Я свернулась калачиком и положила голову ему на плечо.

– Да вроде нет. По крайней мере, два года назад это меня совершенно не волновало. А сейчас волнует. Я так много сделала, чтобы добиться независимости.

– Ты обязательно найдешь работу! – убежденно заверил меня Луис. – Только ты должна уяснить себе другое, Изабель: для тебя сейчас самое важное – родить ребенка.

– Ну и что? Вот у Габриэлы двое детей, а она все еще работает.

– Да. – Луис многозначительно поднял бровь. – Но чтобы она могла работать, у нее есть няня и экономка.

Я засмеялась.

– Ну что ж, в таком случае мне придется стать в одном лице и няней, и экономкой.

– Если ты снова займешь ответственную должность, – сказал Луис, – как в "Адванте", то сможешь нанять себе кого угодно.

– Посмотрим. – Я протяжно зевнула. – Извини, Луис, я так устала!

– Тогда ложись в постель. Я здесь все приберу.

– От меня сейчас и правда мало проку...

Когда он ушел, я сперва тоже подумала, что надо перебраться на постель, но не нашла в себе сил на такой рывок. Я заснула там, где была – на диване, причем, что называется, в ту же секунду, как только донесла

голову до подушки. На следующее утро я проснулась с жестокой головной болью.

Я снова посмотрела на часы. Больше мне нечего было делать в компании "Адванта". Все файлы были систематизированы, расписание на следующую неделю распечатано, план презентации в компании "Атос" для Луиса подготовлен. Все, моя миссия в "Адванте" закончилась. До поездки в аэропорт оставалась масса времени...

В полуоткрытую дверь моего кабинета постучала Габриэла.

– Можно войти?

– Конечно.

Она оглядела мой чисто прибранный стол.

– Итак, – сказала она, садясь в кресло для посетителей. – Твое испанское время истекло.

– Хм.

– Как тебе здесь жилось?

– Замечательно! – с энтузиазмом воскликнула я. – Я успела здесь все полюбить. И лучше работы, чем здесь, у меня в жизни не было. И лучшего босса, чем ты, тоже.

– Спасибо. – Она поудобнее села в кресле. – Мне так жаль тебя отпустить, Изабель!

– А мне жаль уходить. – Я откинула с глаз свои надоедливые волосы. – Но все равно, Габриэла, я сделала правильный выбор.

– Разве ты слышала от меня хоть слово, что это не так?

– Нет, не слышала, – согласилась я. – Хотя тут многие считают, что я совершаю ошибку. Нет, Габриэла, я не совершаю ошибку! Я люблю Тима, и всегда его любила.

– А как твой друг Нико?

Я вздохнула.

– Мне он очень нравился, – задумчиво подбирая слова, начала я. – Может быть, я даже его любила. В этом трудно разобраться. Но скорей всего не любила. По-моему, все дело в том, что я иностранка. Он нашел во мне нечто специфическое, пикантное, не такое, как у всех. Когда мы с ним начали встречаться, у него только что закончился другой роман. Мне кажется, я нужна была ему только для того, чтобы отвлечься. – Я молча уставилась в пространство. – У нас с ним все было как в кино, когда двух влюбленных показывают сквозь затуманенные линзы... Вот они идут рука об руку по берегу, вот они бегут по цветущему лугу. Как будто все нереально, Габриэла. – Я снова помолчала, глядя в пространство. – У нас

был словно отпускной роман. Даже когда мы спорили, никакого настоящего спора у нас не получалось. Может быть, это оттого, что мы не знали слов? – Голос у меня задрожал. – Ладно... Он мне, конечно, нравился, но ничего серьезного из наших отношений все равно не могло получиться.

– Почему? – Габриэла теребила свои чудесные изумрудные серьги.

– Потому, что мы из разных культурных традиций. Потому, что я знала, что в один прекрасный день мне обязательно захочется вернуться домой. – Я слегка поморщилась. – До меня ясно дошло это, когда я поехала в Барселону. Тогда мне вдруг открылось, как дважды два, что работа – далеко не самая важная вещь в жизни. Мне захотелось вернуться домой, к мужу и семье. То есть ко всему тому, что у меня будет в Ирландии.

Габриэла вздохнула и ничего на это не ответила.

– Когда ты встречаешь Тима? – спросила она через некоторое время.

– Самолет прилетает в восемь.

– Времени вагон. Ты не могла бы зайти ко мне в кабинет на несколько минут?

– Конечно, могла бы.

Сегодня был мой последний официальный рабочий день в "Адванте". Четверг накануне Рождества. Для своих сотрудников Габриэла всегда устраивала дома рождественскую вечеринку, но на этот раз вечеринка автоматически приобретала статус рождественской, прощальной и поздравительной-со-свадьбой в одном флаконе. Тим тоже должен был на ней присутствовать. Я собиралась воспользоваться благоприятным случаем и представить его своим бывшим сослуживцам и друзьям.

Мы с Габриэлой вошли в ее кабинет. Там находились все – Магдалена, София, Нина, Луис, Хосе...

– Мы хотим с тобой попрощаться, – сказала Магдалена. – И от всего сердца пожелать тебе удачи.

– Спасибо. – Я не находила слов, чтобы выразить свои чувства. К моему горлу подступил комок.

– Завтра у нас праздник, – напомнила Габриэла. – Но многие наши сотрудники решили не откладывать на завтра своих поздравлений.

– Мы хотим сказать, что очень за тебя рады!

– И что мы будем по тебе очень скучать!

– И что хотим подарить это тебе, именно тебе, вне зависимости от свадьбы, чтобы ты о нас помнила.

Нина выступила вперед и вручила мне маленькую, красиво упакованную коробочку.

– Ох!

Я взяла коробочку. Мне очень хотелось заплакать. Стараясь не давать волю слезам, я развернула блестящую обертку и открыла коробочку. В ней лежал чудесный золотой браслет.

– Какая прелесть! – прошептала я и уже не в силах была удержаться от слез. – Спасибо вам всем! – Я взглянула на них. Они смотрели на меня с радостным выражением на лицах.

– Мы решили подарить тебе нечто, что не имеет отношения к хозяйству, – объяснила Магдалена. – Чтобы ты могла думать о нас, не только когда находишься на кухне!

– Я и так вас никогда не забуду! – пылко заявила я. – Никогда! Лучших людей, чем вы, я в жизни не встречала! – Тут слезы окончательно прервали мою речь. Против такого рода сцен я была совершенно беспомощна. Я конвульсивно рыдала и одновременно сама над собой смеялась. Они окружили меня, обнимали, говорили, что тоже никогда меня не забудут. Когда я уходила из "Дельты", мне не устраивали таких эмоциональных проводов.

– Итак, – в конце концов объявила Габриэла, – завтра вечером мы все встречаемся у меня.

Все по очереди напоследок расцеловали меня на континентальный манер, в обе щеки, и, вся зареванная, я вышла на темную улицу. Было холодно. Ветер мел по мостовой тонкий слой редкого для этих мест снега. Я дрожала, куталась в свою замшевую куртку и, быстрыми шагами направляясь к метро, вспоминала теплые объятия своих друзей. "До чего же мне трудно их покидать!" – думала я. Они стали частью моей жизни, а так как в Мадриде у меня не было семьи, то и своеобразной семьей.

"Я села в поезд. Прощай, метро!" – думала я с тоской. Я возвращаюсь в давку хаотичного дублинского транспорта. Разве что мне повезет, и я найду работу в районе Доннибрука, куда смогу добираться на автобусе. Или пешком. В Мадриде я иногда совершала пешие прогулки до работы. Я прижалась головой к стеклу.

А вдруг я не найду дома работы? Сколько там людей, образованных не хуже меня, а может быть, даже лучше, которые не могут найти себе работу? Я вздохнула. Конечно, оставался вариант беременности. Можно сказать, что работа не являлась для меня сейчас первой необходимостью. Я почесала нос. Браслет соскользнул по руке глубоко в рукав.

Когда я вошла в дом, сеньора Карраско вынимала корреспонденцию из своего почтового ящика. Мы поздоровались. Немного поговорили о моих сборах.

– Ты пришлешь мне фотографию своей свадьбы? – спросила она.

Я радостно заулыбалась и нажала кнопку лифта.

– Разумеется!

– Нам всем хочется увидеть этот торжественный день.

Пока лифт скользил на пятый этаж, меня вдруг обуял приступ страха: а вдруг лифт застрянет между этажами, мы просидим в нем пару часов и Тиму придется меня ждать в аэропорту? Интересно, что он при этом подумает, мелькнуло у меня в голове. Скорее всего будет нервничать. Терпением он никогда не отличался.

К счастью, лифт не застрял. Мы попрощались с сеньорой Карраско и разошлись по квартирам.

Дома было тихо. Это тишину я одновременно любила и не любила. Когда мне необходимо было спокойствие, она приносила мне спокойствие. Но когда я жаждала общения, она вселяла в меня ужас. Когда я буду жить с Тимом, все будет по-другому. Интересно, стану ли я для него занозой в печенках? Я так привыкла разбрасывать по всему дому вещи, недочитанные книги, журналы. Кроме того, у меня был один пунктик: я считала, что в раковине не должно оставаться ни одной грязной тарелки или кружки. Все надо было прополаскивать немедленно.

Конечно, Тим жил в одиночестве дольше, чем я. Неряшливый, легкомысленный Тим вряд ли, очевидно, придет в восторг, когда я начну настаивать на том, чтобы посуда стояла в буфете в аккуратных стопках, картинками наружу.

Я покачала головой. В первую попытку своего замужества такие мысли мне в голову не лезли. Очевидно, сказывалось напряжение последних дней.

Я переделась в мягкие черные брюки и красный джемпер. На ноги надела блестящие черные ботинки, сверху – черную куртку на меховой подкладке. Видок тот еще, подумала я, вертясь перед зеркалом. В черном моя бледность казалась совсем потусторонней. Я завернула вокруг шеи красный шерстяной шарф. Это помогло. Своей внешности я придавала сейчас особое значение. Для встречи с Тимом мне хотелось выглядеть правильно.

В аэропорту я долго оглядывалась по сторонам, боясь, что невзначай могу его пропустить, потом остановилась посередине зала, постукивая каблуками, чтобы согреться. Он появился внезапно и тоже начал оглядываться по сторонам. Я замахала руками:

– Я здесь, Тим! Иди сюда!

При виде меня лицо его просветлело. Очевидно, я произвела на него сильное впечатление.

– Изабель! – Он бросил на пол свои чемоданы и обнял меня.
– Ты должен сказать, что рад меня видеть! – Я решила его немного подразнить. – А потом сказать, что думал обо мне день и ночь.
– Так и есть. Разве ты не получала моих посланий?
– Конечно, получала.
– Тогда ты должна была заметить, что у меня душа поэта.
– Ну последнее послание было не слишком поэтичным... "Амбары ломаются от запасов, а я голодаю".

Он улыбнулся.

– Что поделаешь, у меня растущий организм. Я схватила его за руку.
– Представляешь, я сделала гуляш. Его надо только разогреть.
– Вот это женщина, – бормотал он, когда я вела его к такси.
Мы уселись на заднее сиденье, и он обнял меня за плечи.
– Ну и холодища здесь у вас, – сказал он. – Дома и то не так холодно.
– Ты что, не учил географию? – спросила я. – Континентальный климат: жарко и сухо летом, холодно и сухо зимой. Именно это мы здесь и имеем.

Он прижал меня к себе еще сильнее.

– Хорошо, что я знаю тысячу способов согреться.

Я фыркнула в его куртку.

– Хорошо, что мне они нравятся.

Он с интересом осмотрел мою квартирку.

– Я думал, что она поменьше, покомпактнее.

– Куда уж меньше, – сказала я, переступая через коробку с книгами.

– Я думал, что она в стиле студии.

– О нет, мне нравится, чтобы спальня занимала отдельную комнату. Я не могу жить в одной большой студии.

– Спальня, очевидно, здесь. – Он толкнул одну из дверей.

– Кровать скрипит, – предупредила я.

Он сел на край кровати и несколько раз подпрыгнул.

– И правда скрипит, – согласился он. – Только мне это вряд ли помешает.

– Ты привыкнешь.

– А что, ей часто приходилось скрипеть?

Я почувствовала, что краснею.

– Нет.

Он обнял меня за талию и привлек к себе.

– И многим приходилось привыкать к этому скрипу?

– Не знаю.

Он слегка меня отстранил и посмотрел в глаза.

– Она не знает! Сколько мужчин спало в твоей кровати с тех пор, как ты сюда приехала? Я думал, что только один. – Он спрашивал как будто в шутку, но вопрос был серьезным.

– Вряд ли только один, – улыбнулась я, смело возвращая ему взгляд.

– Ну хорошо. – Он снова прижал меня к себе. – Я зря спросил. Это несправедливо. Мне остается только надеяться, что все они были хуже меня.

Изабелла, нежная моя... Мне вдруг показалось, что Нико стоит рядом в комнате. Я даже вздрогнула. Потом еще крепче обняла Тима и поцеловала его.

– Изабель! – Голос его звучал сипло.

– Тим! – Я расстегнула ремень на его брюках.

– Изабель. – Он стащил с меня джемпер через голову.

– Тим. – Я расстегнула его рубашку.

– О Изабель!

Все получилось быстро и неистово. Кровать скрипела безбожно, и в самых кульминационных местах я едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Тим сжимал меня с такой силой, что, я думала, он меня покалечит. Впрочем, я тоже прижималась к нему изо всей силы.

– Господи, как же я по тебе соскучился! – взволнованно сказал он уже после того, как обрел дар речи. – Я столько раз воображал себе этот момент, и он доводил меня до безумия.

– Надеюсь, что он того стоил.

– Он всегда того стоит.

– Вот и хорошо.

Тим перекатился и лег поперек меня. Через некоторое время я начала задыхаться.

– Тим! – позвала я негромко. – Мне нужен ингалятор.

– Извини. – Он снова лег рядом на кровати. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Просто мы слишком активно... двигались.

Он засмеялся.

– Иди сюда, я покажу тебе по-настоящему интенсивную двигательную активность!

На этот раз все произошло медленнее и раздумчивее. Зато с большим удовольствием. И скрипа пружин я на этот раз не слышала.

На следующий день я повела его по магазинам. На Пласа де Колон мы зашли в мебельный магазин и долго рассматривали обеденный гарнитур из

темного дерева. Тим спросил, как я собираюсь переправлять его в Дублин.

– Я не собираюсь никуда его переправлять. Я просто привела тебя сюда, чтобы показать, как живут испанцы.

– Хорошо живут, – согласился он. – Но для моего дома это все равно не подходит. Все слишком массивное.

– Конечно. Только почему ты думаешь, что мы всю жизнь будем жить так, как сейчас? У меня на этот счет есть разные идеи.

– Какие еще идеи?

– Ну, не знаю... Для начала хотелось бы поменять декор, мебель, планировку...

– Я тебя очень прошу: не говори мне о планировке! – взмолился он. – Я только что закончил ремонт в ванне. Тебе понравится.

– Не сомневаюсь.

– Если уж тебе так нейдет, можешь заняться гостиной, – продолжал он. – Вот ей точно надо заняться. Там обои совсем отваливаются.

– Странно, с чего бы им отваливаться? Разве в доме сыро?

– Дело не в сырости. – Он покачал головой. – Просто прежние хозяева, очевидно, плохо высушили под ними стены.

– Не беспокойся, – сказала я ему. – Я все сделаю. А заодно и кое-что изменю.

– Зачем?

– Но ведь теперь это уже не совсем твой дом, – напомнила я ему. – Мне хочется, чтобы он стал моим тоже, хотя бы частично.

Мое замечание его озадачило.

– Но он и станет твоим! Когда мы поженимся, он автоматически наполовину перейдет в твою собственность.

– Да, – согласилась я. – Но я хочу чувствовать себя в нем соответственно. Этого можно достигнуть, кое-что переделав.

Он неуверенно улыбнулся, но я знала, что мои рассуждения его не очень убедили.

– Как хочешь, Изабель, – примирительно сказал он. – Делай все, что поможет тебе стать счастливой.

"Как он изменился!" – думала я, шагая рядом с ним по улицам. Два года назад и думать было невозможно, чтобы он сказал: "Делай все, что поможет тебе стать счастливой". Тогда речь шла только о его счастье. Мне было очень приятно видеть, что он так обо мне заботится. Что он меня любит. Я сжала его руку.

– Что?

– Ничего. Я тебя люблю.

– Хорошо, – сказал он и обнял меня за плечи.

Вечером мы приехали к Габриэле на такси. Мы едва не опоздали: Тим, как всегда, едва ли не час проторчал в ванной, где тщательно приводил себя в порядок. Из-за этого я никак не могла закончить свой макияж.

– Зачем тебе макияж? – говорил он. – Ты и так хороша, без всякого макияжа.

– Не говори глупостей. – Я протерла полотенцем запотевшее зеркало и попыталась разглядеть себя в тусклом кружочке. Тим в это время остановился в дверном проходе и загордил собой свет.

– Нет, правда, Изабель, – продолжал он. – Сколько ты уже с ними работаешь? Должны же они узнать наконец, как ты выглядишь на самом деле.

– Они и так знают. – Я энергично втирала в кожу крем-основу. – Но сегодня официальный прием. Я всегда накладываю косметику, когда выхожу в свет. Правда, и в офис я тоже привыкла приходить в макияже.

– А раньше такого не было.

– Это потому, что раньше я не знала, что он мне нужен.

– А сейчас зачем он тебе нужен?

– Вокруг меня полно людей. Я привыкла выглядеть хорошо.

– Чепуха! – Он заправлял в брюки рубашку. – Ты всегда выглядишь хорошо.

– Спасибо. – Его разглагольствования начинали меня злить. – Только мне надо закончить лицо. Не будешь ли ты так любезен освободить мне немного пространства?

– О, исчезаю с дороги! – Он освободил дверной проход.

– Вот и правильно, уматывай, – пробормотала я вполголоса.

– Я все слышал, Изабель!

– Ну и что?

– А то, что не очень красиво говорить такое человеку, который проделал ради тебя две тысячи миль.

Внезапно мне стало очень стыдно. Это не его вина, что я привыкла проводить в ванной столько времени, сколько мне заблагорассудится. И не его вина, что зеркало запотело. Просто я стала слишком обидчивой.

– Извини.

– Ничего. По-моему, я тебя уже простил.

– Хорошенькое местечко, – заметил Тим, когда мы подходили к дому Габриэлы.

– А внутри, вот увидишь, просто сказочно!

Габриэла встречала нас в дверях.

– Прощу! – сказала она. – Рада с вами познакомиться, Тим.

– А мы с вами уже встречались. – Он мобилизовал все свое обаяние. – Вы не помните? Мы столкнулись, когда я приезжал прошлый раз к Изабель.

– Конечно, помню! – Она одарила его не менее обаятельной улыбкой. – Как можно это забыть?

Вслед за ней мы прошли в гостиную.

– Как вам нравится Мадрид? – спросила она Тима.

– Холоднее, чем можно было себе представить. – Тим потер закоченевшие руки. – А Изабель к тому же весь день таскала меня по магазинам.

– Изабель! – выговорила мне Габриэла. – Тим не похож на человека, который любит ходить по магазинам.

– Смотри по каким магазинам, – ответила я. – Из компьютерных магазинов его за уши не оттащишь.

Мы посмеялись.

Большинство гостей было уже в сборе. Они сидели перед камином и потягивали красное вино. Нам с Тимом тоже предложили разные напитки.

– Он очень хорошенький, – по-испански прошептала мне на ухо София. – Такой мужественный, привлекательный.

– Спасибо.

– Конечно, не такой привлекательный, как я, – встрял Луис, и мы все вместе расхохотались.

– Над чем они смеются? – спросил Тим.

– Ничего особенного, – заверила я его. – Они мне говорили, что ты – хорошая добыча для меня.

Тим ни слова не знал по-испански, но большинство присутствующих в той или иной степени были знакомы с английским языком. Они изо всех сил старались поддерживать разговор по-английски.

– Расскажи нам о свадьбе, Изабель! – попросила Нина. – Когда она состоится? Какое на тебе будет платье?

– Дату мы еще не назначили. – Я повернулась к Тиму, ища поддержки. – Может быть, в январе. Все выяснится, когда мы вернемся домой. И с платьем я еще ничего не решила.

– Ты сама его себе сошьешь? – спросила Магдалена.

– Не знаю, – ответила я. Недавно я сшила ей платье для приемов: из белого шелка с почти незаметной серебряной нитью. На черноволосой и черноглазой Магдалене оно выглядело сногшибательно.

Но для себя мне не хотелось шить свадебное платье. Мне казалось, что оно будет несчастливым. К тому же второй раз шить себе такое платье казалось мне чем-то неестественным.

– Разумеется, сошьет, – вступил в разговор Тим. – Она шьет всем, почему бы ей не сшить самой себе?

– А каким ты его себе представляешь? – не унималась Нина. – Длинным? Со шлейфом? С вуалью?

Нет уж, в таком платье я себя точно не могла представить.

– Не думаю. Это не мой стиль.

– А какой у тебя стиль? – Это спрашивал Луис.

– По крайней мере, без хвоста и без вуали.

– Обязательно нужна вуаль! – с ужасом воскликнул Тим. – Мне так нравится, когда невеста входит в церковь, закрытая вуалью, а потом ее откидывает.

– Ты слишком много посмотрелся всяких фильмов! – засмеялась я. – В наше время так уже не делают.

– Все равно, Изабель! – Его голос звучал умоляюще. – Ведь это же так красиво!

– Посмотрим.

Он меня совершенно не убедил.

Габриэла и ее муж Альфредо угощали нас вином и напитками. Потом поставили танцевальную музыку, и мы все танцевали. Тим разговорился с Хосе относительно компьютеров. Мы с Магдаленой сели в сторонке и тоже принялись болтать.

– Твой Тим – очень красивый мужчина, – сказала Магдалена.

– Еще бы! А с чего иначе я бы выходила за него замуж?

Она пожала плечами.

– Откуда я знаю? Эта новость меня удивила, вот и все.

Я улыбнулась.

– Да, я знаю, все считают меня сумасшедшей, но мы знакомы с Тимом очень давно, и я его люблю.

– А мне казалось, что ты его больше не любишь. Потому что ты полюбила Николаса.

– А, Нико! – Я взмахнула в воздухе рукой. – Мимолетное увлечение, Магдалена! Человек, с которым хорошо коротать время. – Мне самой мои слова показались предательскими, и я пожалела, что их произнесла.

– Он тоже очень красивый мужчина, – мечтательно сказала она. – Как это тебе удастся, Изабель? Просто несправедливо, ты сгребашь к себе всех красивых мужчин!

– Очевидно, все дело в моем роковом обаянии! – засмеялась я. – А также в моей стильной внешности, в моем умении готовить...

– Да, наверное, все дело в умении готовить, – серьезно согласилась Магдалена. – Моя мама всегда говорила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

– Моя мама, наверное, тоже так думает, – веселилась я. – А у тебя кто-нибудь есть на горизонте, Магдалена?

Мы заговорили о ней. Оказывается, она до сих пор встречается с Алехандро. Это было удивительно, потому что свою связь она ухитрилась скрывать от Габриэлы.

– Значит, вполне возможно, что ты тоже в скором времени пригласишь меня на свадьбу? – спросила я.

– Вряд ли, – засмеялась она. – Мы относимся к этому просто. И не спешим ввязываться ни в какие мероприятия подобного рода.

– Разумная Магдалена! – Мне было весело на нее смотреть. – Но я все равно желаю тебе счастья.

Габриэла раздавала маленькие волованы и кусочки торта. Альфредо снова наполнил всем стаканы. Я танцевала с Хосе, потом с Луисом. Тим (несмотря на то, что терпеть не мог танцы и называл их скачками и трясушкой) танцевал с Габриэлой и Ниной. Потом мы танцевали с ним.

– Мне нравятся твои друзья, – сказал он.

– Ты тоже им понравился.

– Теперь я понимаю, почему тебе нравится с ними работать.

– Они такие хорошие! – воскликнула я. Он поцеловал меня в щеку.

– Но дома тебе все равно будет лучше, – сказал он. Я закрыла глаза.

– Я знаю.

Потом мы играли в "Счастливый случай", и команда женщин с легкостью обыграла команду мужчин.

– Это нечестно! – возмутился Луис. – Девчонкам доставались самые легкие вопросы!

– Ерунда! – Габриэла бросила в него подушкой. – Просто у нас интеллект более развит.

– При чем здесь интеллект? – подал голос Тим. – Игра называется "Счастливый случай". Случай! Просто вам везло!

– Просто тебе обидно, что ты проиграл, – лениво вставила я. – К тому же мы столько раз вас жалели! А вы даже розовую фишку не могли съесть.

– Ха! – Тим самодовольно посмотрел на меня, и я прыснула от смеха.

Потом Альфредо снова наполнил наши стаканы. Габриэла куда-то вышла и снова появилась с огромным свертком. Еще один подарок, подумала я. Эти люди слишком добры ко мне. Габриэла встала посередине комнаты и хлопнула в ладоши, призывая к тишине.

– Я хочу сказать несколько слов, – начала она. – Изабель пришла в нашу компанию около двух лет назад. За это время она показала себя трудолюбивым и ответственным работником. Она стала для нас для всех настоящим другом. Нам очень жаль ее отпускать. – Она сделала паузу и улыбнулась мне. – Но в то же время мы очень рады, что она собирается выйти замуж за Тима. С ним она будет еще счастливее, чем с нами. Мы желаем ей в будущем всяческих успехов. И хотим подарить тебе это, на память о работе в Испании. Мы надеемся, что в скором времени ты приедешь к нам погостить.

Все захлопали. Я встала и подошла к Габриэле.

– Спасибо вам всем. – Я посмотрела на них, сидящих вокруг меня и радостно улыбающихся. Внезапно у меня перехватило горло. Из глаз закапали слезы. – Мне очень жаль вас покидать, – с трудом, сквозь всхлипывания, выговорила я. – Извините меня за эти слезы. Мне было здесь очень хорошо!

Все принялись меня обнимать, хлопать по плечу.

– Открой подарок, – сказала Габриэла.

Это была огромная репродукция Дали, которая висела в моем кабинете. "Девушка у окна".

– Потрясающе! – сказала я. – Большое вам спасибо.

– Луис предлагал Миро, – сказала Габриэла. – "Женщина, прогуливающая собачку". Но мне показалось, что эта будет лучше.

– Ты попала в самую точку, – искренне сказала я.

Меня все еще трясло от возбуждения, когда мы с Тимом к утру вернулись домой. Лежа в кровати, я обняла его, но отказалась заниматься любовью.

– Почему? – спросил Тим.

– Только не сегодня. Сегодня я не могу.

– Хорошо, что наконец мы возвращаемся домой, – сказал он. – Здесь ты стала слишком эмоциональной.

Но при этом он меня поцеловал в знак того, что все понимает.

Глава 32

КОШКА, ПОЙМАВШАЯ ПТИЦУ

(Пабло Пикассо, 1939)

На следующее утро мы спали допоздна. Я проснулась в полдень и никак не могла сообразить, где нахожусь. Я долго смотрела в потолок, потом повернула голову и увидела рядом с собой Тима. Он слегка похрапывал. На мои приставания он не откликнулся, и я снова закрыла глаза. Слава Богу, что сегодня суббота, подумала я, но тут же вспомнила, что теперь это не имеет никакого значения. С моей трудовой деятельностью в данный момент покончено. Теперь мне не надо было рано вставать по утрам, выпихивать себя из постели, бежать сломя голову на работу. Я теперь полностью завишу от Тима. Эта мысль показалась мне ошеломляющей. Я отвыкла ощущать себя зависимой со дня окончания школы.

Тим не проснулся даже тогда, когда я встала и приготовила завтрак. Потом я приняла душ, вымыла голову и включила для просушки фен. Тут он появился из спальни, заспанный и зевающий.

– Ты меня разбудила, – сообщил он.

– Я?

– То есть этот шум.

– Извини. – Я скорчила ему рожицу. – Но если бы не мой шум, ты бы проспал до завтра.

– Ну и что? – Он снова зевнул. – Я совершенно измучен.

– Бедняжка. – Я бросила ему полотенце. – Завернись. В доме напротив люди могут неправильно понять, глядя на твою цветущую мужественность во всей красе.

– Изабель! – Но он все-таки завернулся. Потом мы пили кофе с круассанами.

– Мне нравятся твои друзья, – сказал Тим.

– Мне тоже. Особенно Габриэла. Она очень хорошо ко мне относится.

– Классная леди, – согласился он.

– Похоже, что мы с ней сработались.

– Жалеешь, что их покидаешь?

– Ничуть. – Я села к нему на колени и развернула его набедренную повязку. – С чего бы мне жалеть?

– Изабель! – Он едва не поперхнулся круассаном. – А что скажут соседи в доме напротив?

– Пускай себе смотрят, – ответила я. – Может быть, чему-нибудь научатся.

Я заказала столик в ресторане "Дон Кихот". Сперва мы думали, что Тим пробудет в Мадриде неделю или две, но потом выяснилось, что у него, как всегда, полно работы, и ему нужно быть в Дублине уже в понедельник вечером. Поэтому мне показалась отличной идея сходить перед отъездом куда-нибудь в эксклюзивное и романтическое место, которое должно было произвести на него впечатление.

Я со знанием дела вела его по мадридским улицам, и на одном перекрестке, схватив за руку, бодро потащила за собой, так что мы едва не попали под колеса несущегося на полной скорости "Сеата".

– О Господи, Изабель! – Тим никак не мог отдышаться. – Зачем тебе понадобилось кидаться под колеса?

– Ерунда, – ответила я. – А то бы мы тут прождали целую вечность. К тому же для тебя никакой реальной опасности не было.

– Ничего себе! – Он попытался улыбнуться. – Только в следующий раз помни, что ты еще не упомянута в завещании.

Я засмеялась и свернула на боковую улочку. Двери ресторана были закрыты.

– Ты уверена, что он сегодня работает? – спросил Тим.

– Уверена, – ответила я и позвонила в колокольчик. Нас повели вниз по лестнице и посадили за столик под картиной железнодорожного вокзала в Атохе. В моей голове промелькнула мысль о Нико.

– Несколько лет назад здесь была взорвана бомба, – объяснила я Тиму, который с интересом разглядывал картину.

– Когда ты уже сюда приехала?

– Нет, раньше.

– Хорошо. А то мне не хотелось бы думать, что тебе угрожала опасность.

– Мой герой!

Официант подал нам меню.

– Ничего себе цены! – воскликнул Тим. – Здесь можно состояние оставить!

– Это мои заботы, – ответила я. – К тому же оно до последнего пенни того стоит.

Тим зевнул.

– Хорошо вырваться на несколько дней отдохнуть! – вздохнул он.

– Вот столпотворение начнется, когда мы вернемся домой! – возбужденно предвкушала я. – Рождество, а потом сразу свадьба! – Я лукаво взглянула на него. – Тебе не кажется, что это немного слишком? Может быть, нам стоит отложить свадьбу? До марта, например, или до апреля?

– Нет уж, чем раньше, тем лучше, – заявил Тим. – А то все снова начнут говорить, что у меня начался мандраж.

– А он у тебя начался?

– А ты как думаешь?

Нам было очень хорошо вместе.

– Каким же дураком я был два года назад!

– Совершенно согласна!

Тим заказал белого вина, и мы выпили за нас. Ресторан был полон на две трети. Мне очень нравилось здесь бывать. Затаив дыхание, я смотрела, как официанты не ходят, а плывут по паркету, слушала приглушенный гомон голосов, звон хрустальных бокалов, тихое наигрывание гитары на заднем плане. В каком-то странном полузабытии я вглядывалась в гитариста, но он не был Нико Альваресом. Сегодня выступал совершенно незнакомый мне человек.

– Ты в трансе, – тихо сказал Тим.

– Нет, извини. – Я словно пришла в себя. Еда была превосходной. Мы ели молча.

– Вам надо было организовать у себя курсы домоводства, – сказал Тим. – Тогда бы ты научилась готовить что-нибудь подобное.

– Тогда бы ты был совершенно счастлив, – поддразнила его я.

– Каждый вечер в семь часов я буду с нетерпением предвкушать свой домашний ужин.

– К семи ты вряд ли будешь возвращаться домой.

– Буду возвращаться во что бы то ни стало! Только домой и голодный, как волк!

– А я думала, что твоя любимая еда – это биг мак и чипсы.

– Конечно, – признался он. – Но если ты предложишь мне нечто в стиле ресторана "Дон Кихот", то я, пожалуй, изменю своим привычкам.

– А каких еще изменений в своей жизни ты ждешь после свадьбы? – продолжала поддразнивать его я. – Постиранных носков? Поглаженных рубашек? Вычищенной до блеска мебели?

Он засмеялся.

– У нас в семье будет разделение труда, – пообещал он. – Но пока ты

не найдешь работу...

– Надеюсь, что я найду ее в самом скором времени, – перебила его я. – Я себя не представляю сидящей, как клуша, дома.

– Я тебя тоже сейчас не представляю, – согласился он. – Хотя раньше представлял. В первую нашу помолвку.

– Может быть, – задумчиво произнесла я. – Но я теперь стала совсем другим человеком.

– Но ты все равно хочешь иметь семью? – Это был скорее не вопрос, а утверждение.

– Хочу. А ты?

– У нас будут самые красивые дети на свете, – ответил он. – С твоими глазами и моими скулами.

– Почему это с твоими?

– Потому что ты всегда говорила, что завидуешь моим скулам.

Приплыло еще одно заказанное нами блюдо, и официант снова наполнил наши стаканы. Тим заказал еще одну бутылку вина.

– Ну вот, теперь я снова напьюсь, – сказала я.

– Не беспокойся, в качестве миссис Мэлон ты будешь вести абсолютно трезвый образ жизни.

Миссис Мэлон. Все это время я старалась не думать о такой перспективе. Как только это имя проскальзывало в мое сознание, я тут же прогоняла его вон, как будто даже сама мысль о нем могла каким-то образом повлиять на ход событий, испортить все дело. Мне стало холодно. Очевидно, я успела где-то подхватить простуду. Тим в это время неустанно нахваливал еду.

– Когда мы поженимся, то будем ходить в ресторан по крайней мере раз в неделю, – развивал он свою мысль. – Причем обязательно вдвоем. Это очень важно. Мы не должны все вечера просиживать у телевизора. Даже если у нас будут дети, мы все равно должны будем находить время друг для друга.

Мне казалось, что эти слова произносил не тот Тим, которого я знала два ода назад. Раньше он не говорил ничего подобного.

– И как долго ты собираешься ждать? – спросила я.

– Ждать чего?

– Детей.

– Все зависит от тебя, Изабель. Ведь это ты нам их родишь.

Передо мной совершенно другой человек, снова подумала я. Я сделала глоток вина, и оно попало мне не в то горло. Я начала кашлять и задыхаться. Из глаз моих полились слезы.

– Тебе помочь? – заботливо спросил он.

– Не надо, – прохрипела я. – Сейчас только отдышусь. – Пришлось снова доставать ингалятор. Через несколько минут я уже могла говорить более спокойно. – Я сейчас приду. Мне надо поправить лицо.

На стенах в туалете тоже красовались изображения испанских зданий, зеркала висели в мозаичных плафонах в стиле модерн. Пока я поправляла макияж, меня снова начало знобить. Совершенно без всяких причин. Я подтянула колготки и пошла обратно в обеденный зал.

Прямо по моему курсу за столиком сидели Барбара и Нико. Лица у обоих были оживленными, они над чем-то весело смеялись. Она слегка наклонилась вперед и коснулась его руки.

Меня словно пригвоздило к месту. Я долго не могла уяснить себе смысл происходящего. Нико и Барбара. Вместе. Я понятия не имела, что меня привело в такой шок.

Он заметил меня. Улыбка сползла с его лица, глаза потемнели. Из них словно исчезло всякое выражение: никаких признаков страдания, или осуждения, или хотя бы отвращения. Ничего. Я сглотнула и сделала шаг в их сторону.

– Здравствуйте, Нико, Барбара, – сказала я, подходя к их столику.

– Изабель! – Барбара взглянула на меня с триумфом. – Как поживаешь?

– Хорошо. – У меня было такое чувство, что это не я произношу ответные слова.

– Что ты здесь делаешь?

– Ужинаю. – Мне показалось, что при этом слове Нико слегка усмехнулся.

– Сегодня у Нико день рождения, – объяснила Барбара. – Мы решили отпраздновать его здесь.

– Мои поздравления, – сдержанно произнесла я.

– Спасибо. – Он тоже не глядел в мою сторону.

– А ты с кем? – спросила Барбара.

– С Тимом. В понедельник мы с ним улетаем домой. И на прощание решили сходить сюда.

– Вы уже назначили дату свадьбы?

Сегодня она выглядит потрясающе, заметила я про себя. Такая элегантная и загадочная. Глаза светятся. Раньше я ее такой никогда не видела.

– Скорее всего в январе. Я пришлю тебе приглашение.

– Буду ждать с нетерпением, – сказала она. – А как ты, Нико?

Я с ужасом взглянула на него. Не может же он, в самом деле, думать о том, чтобы приехать на мою свадьбу? А если может? Вдруг он серьезно относится к своей связи с Барбарой?

– Я бы с удовольствием приехал, – произнес он без всякого выражения, – но вряд ли это возможно. Я прошу меня извинить...

– Ничего, – облегченно выдохнула я. – Ничего страшного. Я все пойму.

– А где же твой любезный? – спросила Барбара.

– Вон там. – Я указала на столик, где Тим читал меню с видом человека, который целый день ничего не ел.

– Да он прехорошенький! – всплеснула руками Барбара. Ее загадочность слегка с нее соскользнула. – Я и представить себе такого не могла... Изабель, ты их просто коллекционируешь!

– Спасибо. – Я себя чувствовала не очень удобно.

– Ты меня представишь? – спросила она.

– Если хочешь...

Я не знала, как поступить. Но Нико объявил, что нас подождет, и мы отправились к столику, за которым сидел Тим.

– Тим, познакомься, – сказала я. – Вот еще одна моя подруга, Барбара Лейн. Она из лингвистического колледжа.

– Барбара. – Тим всегда знакомился так, словно всю жизнь ждал только этой встречи. – Я много о вас слышал.

– Надеюсь, только хорошее?

– Не только. – Он засмеялся и подмигнул мне.

– Так, значит, это вы тот самый человек, который разбил сердце Изабель?

Он и бровью не повел.

– И склеил его обратно, – ответил он.

– Вы так думаете? – злобно спросила она.

– А вы считаете, что нет?

– Ну... – Она мстительно улыбнулась. – Я бы сказала, что тут целая очередь выстроилась из утешителей.

– Значит, тем лучше, что я увожу ее домой, – сказал Тим.

– И для меня так тем более лучше, – поддакнула она.

Он ее слов не понял, а я его просвещать не стала.

– Я пригласила Барбару на свадьбу, – сказала я. – И Бриджет, разумеется, тоже.

– Я постараюсь приехать, – ответила Барбара. – Сто лет не была на свадьбах. Я всегда на них плачу.

– Я тоже, – сухо вставила я.

– Пожалуй, я пойду, – объявила она. – Боюсь его надолго оставлять одного. Вдруг кто-нибудь подцепит?

– Может быть, вы к нам присоединитесь? – спросил Тим. – И мы выпьем что-нибудь вместе?

Мне показалось, что я снова начала задыхаться. Барбара самодовольно улыбнулась.

– Спасибо, – ответила она. – Но мы только что начали обедать.

– Мы вас подождем, – любезно продолжал Тим. Барбара поцеловала меня в щеку.

– Не беспокойся, – тихо сказала она. – Мы не придем.

Тим смотрел ей вслед. Нико был ему виден только со спины.

– Классная девица, – сказал он.

– И отличная подруга, – поддержала его я, облегченно вздохнув после ее ухода.

– Она встречается с местным?

– Да.

– Они поженятся, как ты думаешь?

– Не знаю.

Такого не может быть! Только не Барбара! Только не с Нико! Их связь не может долго продолжаться!

А впрочем, откуда мне знать? Может быть, Барбара именно та женщина, которая ему нужна? Я откинула с глаз назойливую прядь волос. Вот возьму их и постригу! Конечно, элегантные локоны по плечам – это хорошо, но пока что они доводят меня до умопомрачения.

– Изабель! – Тим смотрел на меня с интересом.

– Да?

– Ты где-то за тысячи миль отсюда.

– Разве?

– Да. Я тебя спрашивал, подойдет ли нам на десерт "Сюрприз Кихот"?

Квартира казалась совершенно пустой. Нет, мебель, конечно, оставалась на месте. Но из нее словно ушла вся жизнь. В вазах не стояли цветы, на подносах не лежали фрукты. В ванной не висели полотенца. Я чувствовала себя осиротевшей. Тим уже тащил к лифту два чемодана, а я все стояла перед дверью и никак не решалась ее запереть в последний раз.

Сеньора Карраско приоткрыла свою дверь. Накануне вечером она к нам зашла попрощаться, и мы вместе немножко выпили. Она сказала, что лучшую соседку ей редко доводилось иметь. Тиму она объявила, что он

счастливчик, потому что заполучил меня из рук других (возможно, не столь совестливых) мужчин. При этом она глубокомысленно покачивала головой.

– Все почему-то меня уверяют, что я счастливчик, – пробормотал он, когда мы укладывались спать. – Давай, Изабель, настала пора это доказать. – Он крепко прижал меня к себе, и я утонула в тепле его тела. Мы оба счастливчики, сказала я себе. Наконец-то мы нашли свое счастье!..

Глава 33

СИДЯЩАЯ ЖЕНЩИНА

(Хуан Миро, 1938)

Мне не очень везло с покупками в рождественскую неделю. Впрочем, я понимала, что скорее всего не мне одной. Что можно купить, когда везде кошмарные толпы, не протолкнешься, а в голове ни одной светлой мысли относительно подарков? Кроме того, как правило, в толпе у меня начинался приступ астмы. И вот теперь, в универмаге, он у меня действительно начался. В тумане из дорогих духов, которые неустанно разбрызгивали в воздух мужчины, покупая подарки своим женам, подругам, любовницам. Лично я покупала Тиму портфель. Он ненавязчиво намекнул мне, что его такой подарок вполне устроит, хотя, по-моему, ничего романтического в нем не было. Более чем практичный подарок.

– Бордовый, – сказала я продавцу. – Очень темный. Не лакированный.

Впрочем, цена его далеко не отличалась практичностью. Я долго вглядывалась в ярлык, чтобы удостовериться, что разделительная точка в сумме стоит на правильном месте. Ладно, подумала я, в следующем году куплю ему пару теплых носков. К тому времени мы уже наладим нашу домашнюю жизнь, попривыкнем к ее рутине, и портфель, возможно, будет казаться нам чем-то необыкновенно романтическим.

Я понимала, что становлюсь циничной, но ничего не могла с собой поделать. Я с утра сегодня таскалась по магазинам, но ничего путного еще не купила. Долгие высматривания и прикидки меня совершенно измучили, и внезапно я вообще растеряла всякую решительность. Пометавшись между свитером из ангоры или шелковой блузкой для мамы, я ушла ни с чем, потом долго вглядывалась в моднящий браслет со стразами для Алисон, и тоже не смогла ни на что решиться. Отцу я вообще не знала, что подарить. И Яну. И Джемайме, его новой подружке. Очевидно, Хани устала от Яна, который никак не мог собраться и сделать ей предложение.

– Но он слишком молод для женитьбы, – сказала я Алисон, которая принесла мне эту новость.

– Да, но Хани его любит, – возразила она.

Ян по этому поводу мне объявил, что его бывшая подружка стала слишком прилипчивой.

– Постоянно хочет знать, где я нахожусь, – сказал он. – Какого черта?

Я же не ее собственность!

Его слова показались мне до ужаса знакомыми. И чувства тоже. Я понадеялась, что Хани найдет себе кого-нибудь другого.

С портфелем я подошла к кассе.

– Замечательная покупка, – похвалила меня продавщица, заворачивая его в подарочную бумагу. – Очень популярная в этом году модель.

С покупкой в руках я почувствовала себя увереннее. Как будто я стала частью рождественской толпы, потому что именно покупки являлись ее отличительным признаком. Теперь мне захотелось поесть. Совсем недавно вернувшись домой, я уже успела прибавить в весе. Вынужденное безделье приводило к тому, что я перекусывала гораздо чаще, чем нужно. В Испании, если я и перекусывала, то в основном фруктами. Не считая, конечно, тех случаев, когда Нико водил меня в шоколатерию. После Рождества мне придется сесть на жесткую диету, иначе к свадьбе я стану совсем толстой и некрасивой. При мысли о свадьбе у меня, как всегда, взволнованно забилося сердце. Наконец-то это свершится, и я стану Изабель Мэлон!

Может быть, именно мысли о свадьбе направляли мои стопы, потому что вдруг я оказалась в отделе, где на манекене висело совершенно сногшибательное свадебное платье. Не платье, а сказка. Только дети о таком мечтают, когда слушают сказки о волшебных принцессах. Чистейшей белизны. С юбкой, на которую ушли бессчетные ярды тончайшего шелка. На груди сложный узор из белых бархатных роз, который слегка спускался на юбку. Я и сама шила когда-то неплохие платья, но, когда я смотрела на это, у меня просто перехватило дух.

– Хотите примерить? – спросила меня продавщица.

– Нет. Для меня оно слишком прекрасно.

– Вам оно подойдет как нельзя лучше, – возразила продавщица. – С вашим цветом лица! Просто для вас сшито!

Я улыбнулась.

– Может быть. Но носить его я все равно не смогу. Кроме того, – я слегка усмехнулась, – оно, очевидно, безумно дорогое.

– Но это же самый главный день в вашей жизни! – уговаривала меня продавщица. – И вы наверняка захотите выглядеть на все сто!

Я заколебалась.

– Хотя бы примерьте, – снова сказала она.

– Хорошо.

Я прошла за ней в примерочную и положила портфель на пол.

– В этом году это одна из наших самых популярных моделей, –

приговаривала продавщица, появляясь с платьем моего размера. – Все невесты говорят, что чувствуют себя в нем настоящими принцессами. И большинство покупает.

– А я не куплю, – заверила я ее, выскальзывая из своих джинсов и джемпера. Хорошо, что хоть сообразила сегодня надеть на себя красивое белье, подумала я.

Я глянула на себя в платье.

– Что я вам говорила? – донесся до меня голос продавщицы. – Вы в нем выглядите как принцесса!

Мне хотелось ей сказать, что выглядеть как принцесса – это еще не гарантия счастливого замужества, но я совершенно потеряла дар речи. Платье представляло собой нечто большее, чем простое сочетание разных элементов. Оно составляло единое целое, и носить его – значило самой превратиться в другого человека. Я смотрела на отражение бледной, длинноволосой девушки в зеркале и едва узнавала саму себя. Если я куплю это платье – или сошью что-нибудь подобное, – то Тим просто рухнет у алтаря.

– Платье вам очень идет, – мурлыкала между тем продавщица.

Нет, думала я, на тридцатилетней женщине эти километры шелка будут выглядеть по-дурацки. Но в зеркале отражалась вовсе не тридцатилетняя женщина. В нем я казалась юной и прекрасной.

– Платье для невесты – это очень важная деталь. – Голос продавщицы доносился до меня откуда-то издалека. – Это своеобразное самоутверждение. И такое платье, как это, делает ваше самоутверждение очень веским.

Изабель Мэлон. Вот мое самоутверждение.

– Может быть, для кого-то так оно и есть, только не для меня. Для меня важнее другое.

Продавщица посмотрела на меня с пониманием.

– Если честно, то для меня тоже. – Она фыркнула. – Хотя вы все в нем такие прекрасные!

Мы договорились, что я подумаю и приду к ней в другой день. Снова влезать в джинсы и джемпер казалось чем-то тривиальным, словно с небес я спускалась на землю. Это платье словно вдохнуло в меня новую жизнь. Я быстренько сжевала батончик "Марс" для подкрепления, потом бодро зашагала, невзирая на толпы, на Графтон-стрит и купила там для матери шелковую блузку, для Алисон браслет, для Яна джемпер и для отца оплетенную флягу. Для Питера я купила книгу о собаках, для Джеммаймы духи. А себе я купила черные кожаные ботиночки и кожаную куртку.

Мать просто с ума сойдет, когда увидит ботинки и куртку, думала я, стоя в очереди на такси. Она скажет, что надо было дожидаться распродаж. Но в период распродаж у меня не будет времени таскаться по магазинам, мне придется морочить себе голову всякими свадебными глупостями. Очередь на такси была огромной. Я постукивала ногами об асфальт и жалела, что на мне нет шапки и перчаток. Свою меховую шапку я ухитрилась потерять, когда возвращалась в Дублин, а перчатки у меня вообще больше двух дней, как правило, не задерживались.

Наконец подъехало такси. Я назвала таксисту адрес родителей. Тим хотел, чтобы я сразу же переехала к нему и, очевидно, был удивлен и даже обижен, когда я сказала, что хочу пока пожить в родительском доме.

– Это потому, что я хочу выйти за тебя замуж, – объяснила я.

– Но я тоже хочу на тебе жениться! – возразил он. – И поэтому хочу, чтобы мы делили с тобой кров.

– Осталось всего восемь недель. Разве ты не можешь подождать восемь недель?

– Дело не в ожидании, – ответил он. – Дело в том, хочешь ли ты быть все время со мной. Как я с тобой. Лично я не хочу, чтобы ты уходила.

– Ты умеешь так красиво говорить! – сказала я, уютно прижимаясь к нему. – Вот за это я тебя и люблю.

Но своего решения я менять не собиралась и очень гордилась своей твердостью.

Такси остановилось около дома. Я вышла и некоторое время смотрела на ожерелья огоньков в Дублинской бухте, трепетно отражавшихся в черной морской воде. Зрелище было одним из преимуществ жизни на побережье. Я так тосковала по нему за границей!

– Тим звонил, – сообщила мне мать, как только я вошла в дом. – Сказал, что встретится с тобой прямо в Чилли-клубе, не заезжая домой.

– Вот педик, – выругалась я.

– Изабель! – строго выговорила мне мать. – Ты же знаешь, что я не люблю такие выражения!

– Извини. – Я постаралась скрасить вырвавшееся у меня слово улыбкой.

На кухне я открыла холодильник и достала кусок сыру.

– Для серьезной еды уже поздно, – выговорила мне мать. – Просто не понимаю, как ты ложишься каждый день спать на полный желудок! У тебя же будет несварение!

– В Мадриде все едят гораздо позже, – сказала я, надкусывая сыр.

– У иностранцев все по-другому. – Она выкладывала на гриль свиные

отбивные. – На твою долю сделать одну?

– Нет. Тим собирается сделать мне предпраздничный презент – романтический ужин. Нехорошо, если я не смогу проглотить из него ни крошки. Лучше перекусить бутербродом. Просто чтоб заморить червячка.

– Ты питаешься без всякой системы! – заметила мать. – Вот что сделала с тобой за граница!

– Не будь занудой! – Я поцеловала ее в щеку.

– Ты сможешь мне накрыть на стол?

– Конечно. А ты ждешь гостей?

– Да, представь. Редкий случай в нашем доме.

– В любом доме это сейчас редкость, – сообщила я. – Разве ты не читала? Все сейчас только перекусывают и перехватывают где попало. Дома никто не обедает.

– А в нашем доме всегда будут семейные обеды! – упрямо подчеркнула она, нарезая зелень.

– Учту, когда буду жить в Доннибруке, – сказала я. – Если не справлюсь, то приду за опытом домой.

– Да справишься ты! – Она положила нож и вытерла руки о передник. – Только вот как твоя жизнь там сложится? – Вид у нее был озабоченный.

– Хорошо сложится, – заверила я ее. – Все со мной будет нормально, мам, ты не волнуйся.

– Я не люблю вмешиваться, – продолжала она. – Просто хочу, чтобы ты была счастлива, Изабель. Чтобы ты получила от жизни все, что пожелаешь.

– Я и так счастлива, – беспечно ответила я. – И уже получила то, что давно хотела.

Она снова взяла нож и принялась нарезать грибы.

– Не то чтобы я тебе не верила... – начала она, не поднимая головы.

– Но?

– Но... Ты уверена, что на этот раз все сойдет благополучно? – Голос ее дрогнул. – Ты уверена, Изабель, что он тот самый, кто тебе нужен?

Я обняла ее и поцеловала и долго убеждала, что совершенно во всем уверена и что она зря городит горы на пустом месте, потому что все уже решено.

Ян подбросил меня в город на отцовской машине. По дороге мы болтали о его новой подруге Джемайме.

– Она очень милая, – запальчиво говорил он. – Она мне нравится, и я ей нравлюсь.

– Звучит как-то не слишком серьезно, – заметила я.

– Она меня успокаивает.

– Успокаивает? – Слово показалось мне совершенно несурзным. – Что можно ждать от отношений, которые успокаивают и больше ничего?

– Господи, Изабель, почему ты считаешь всех нас ненасытными дикими зверями? – Он нажал на акселератор. – Вот лично я люблю сидеть рядом с девушкой и – просто отдыхать.

– Прекрасно! – воскликнула я. – Никаких проблем! Хотела бы я иметь такого приятеля, как ты. Но почему-то все они не думают об отдыхе, когда сидят рядом. Они скорее тут же вступают в борьбу!

– Но не все же из нас звери, – повторил он. – Может, тебе все время попадались какие-то не те мужчины.

Он резко затормозил на желтом свете и про себя выругался.

– А Джемайма тоже любит все время отдыхать? – спросила я через некоторое время.

– Да. Вот Хани всегда обожала что-нибудь делать. Больше пяти минут она на одном месте просидеть не могла. Она меня просто измучила. "Ян, мы должны сделать это. Ян, мы должны пойти туда. Ян, мы должны встретиться с теми-то. Ян, прекрати валяться перед телевизором". – Зажегся зеленый свет, и мы поехали дальше. – А когда она звонила, то всегда начиналось: "Где ты был? Куда ты идешь? Что ты делаешь? Кого ты встретил?" Она доводила меня до белого каления.

– Когда я в прошлый раз приезжала, ты говорил, что жить без нее не можешь, – напомнила я.

– Я привык к ней, вот и все.

– А Джемайму ты любишь?

Он засмеялся.

– Нет, Изабель, не люблю. Просто нам хорошо вместе, и это очень необременительно. А Хани хотела замуж, ты же знаешь.

– Да, Алисон говорила.

– Мне еще рано жениться, – уверенно объявил он. – С девчонками все по-другому. Они почему-то все хотят замуж.

– Между прочим, у замужних женщин более высокий уровень депрессивных состояний, чем у мужчин, – сказала я. – Мне кажется, женатые мужчины – самые удовлетворенные люди на свете. Так что с твоей теорией что-то не в порядке.

– Ерунда! – засмеялся он. – Я еще не встречал ни одной девчонки, которая не хотела бы проплыть по церкви в белом платье с каким-нибудь горемыкой!

- Так уж много ты их встречал! – съязвила я.
- Много немного, но от одной я вовремя смылся.
- Тогда мы все, наверное, сумасшедшие, – сказала я упавшим голосом.
- Хотя на самом деле замужество – это не начало и не конец всего.

Мы остановились у следующего светофора.

- А что же, по-твоему, начало и конец всего?

– Не знаю. Наверное, все вместе... Партнерство, любовь, стабильность, все.

- И поэтому ты собираешься замуж за эту сволочь?

- Ян! Как ты его называешь? У меня просто нет слов!

- А может, у тебя нет чувств?

Я бросила на него уничтожающий взгляд, но он сосредоточенно смотрел на дорогу и ничего не заметил.

Я вышла на Тринити-стрит. Покупательский ажиотаж сменился в городе предпраздничным весельем. Все пабы были полны под завязку, словно пиво сегодня отпускалось бесплатно. В витрине одного из универмагов показывали мультяшки, и я постояла немного и поглазела на них с детским удовольствием.

Когда я пришла в ресторан, метрдотель указал мне заказанный Тимом столик на двоих, но самого Тима там еще не было. Впрочем, отсутствие пунктуальности у моего жениха не было для меня новостью. Тем более что сейчас он очень сильно уставал на работе.

- Не хотите ли пока что-нибудь заказать? – спросил меня официант.

- Минеральной воды, пожалуйста.

Я пила воду и просматривала меню. Индонезийские слова мало что значили для моего уха, и поэтому я присматривалась только к тому, что было ясно без перевода: зеленое карри, говядина, запеченная в пальмовых листьях. Остальное я пропускала, чтобы не краснеть от неправильного произношения.

Тим опаздывал на десять минут. В этом еще не было особого криминала: мало ли что, пробки, неожиданные происшествия. Вот раздался звонок входного колокольчика, и я скроила на лице приветливую улыбку. Но это оказался не Тим. Вошла группа мужчин и женщин, смеющихся и болтающих, судя по всему – компания сослуживцев, выбравшихся на офисную вечеринку. Они злословили по поводу какой-то Виви, которая путалась с Джимом из отдела инвестиций и с Полем из финансового отдела. Я пожелала Виви не снижать скорости. Офисные сплетни живо напомнили мне о моей собственной бывшей работе. Я так по ней соскучилась!

Через двадцать пять минут ожидания мне показалось, что на меня начали коситься. Одинокая женщина, вечером, в предпраздничный день – это действительно что-то странное! Может быть, они злословят теперь на мой счет? Говорят друг другу, что мой мужчина меня бросил? Я положила на стол левую руку, чтобы как можно ярче сверкало кольцо. Пусть знают, что никто меня не бросил, что я помолвленная невеста! Но, однако же, где Тим?

Он пришел еще через пять минут, окруженный облаком морозного воздуха, табачного дыма и пивного перегара.

– Извини, Изабель, – сказал он, беря меня за руку. – Я прямо с работы.

– У вас было выездное заседание в пабе?

– А что было делать? – сокрушенно спросил он. – Все пошли, и я пошел. Но я выпил только одну.

Я промолчала.

– Ну две, – уточнил он. – Но клянусь тебе, Изабель, мне оно совсем не понравилось! Я не допил целую пинту.

Я ему поверила. У него был такой искренний вид оскорбленной невинности, что не поверить ему было просто невозможно. Кроме того, взгляд у него не был пьяным.

– У меня был ужасный разговор с Грегом, – продолжал он, освобождая мою руку, чтобы сподручнее листать меню. – Он хочет, чтобы я закончил очередную фазу проекта к концу этой недели. Я сказал, что он просто выжил из ума, – тут работы еще недели на три, не меньше! Но ты же знаешь Грега? Ему главное сроки, договорные обязательства, вся эта ерунда.

Я понимающе кивала головой.

– В конце концов я ему сказал, что все закончу, когда закончу, и ничего он с этим поделать не может. Он попыхтел, посопел и согласился.

– Хорошо.

– Главное закончить до свадьбы. Грег всегда такой. Устанавливает заведомо нереальные сроки.

Я улыбнулась.

– Надеюсь, в нашу свадебную ночь ты не будешь печатать на компьютере.

– Не беспокойся. – Тим пьяно усмехнулся. – Я буду печатать кое на чем другом.

– Тим!

– Извини. – Он снова сжал мою руку. – Я тебя люблю, Изабель.

– Почему?

– Что за вопрос?
– Почему ты меня любишь?
– О, по тысяче причин! Но главное... – Он наклонился вперед. – Главное, что ты самая сексуальная штучка на двух ногах, какие только существуют во Вселенной!

Мне стало смешно. Я откинулась на стуле и слушала, как Тим продолжал вслух переживать свой разговор с Грегом относительно проекта, над которым они сейчас работали. Все повторялось с точностью до деталей: Грег требовал слишком многого, Тим в конце концов уступал. После яростных препирательств.

– Это значит, что мне надо закончить ко дню святого Стефана, – подытожил он.

– Постарайся.

– А то с Грега станется! Он может позвонить на утро после свадьбы и потребовать, чтобы я немедленно явился на работу.

– Ну уж!

– Правда! А кстати, как там приготовления? Все под контролем?

– Да. – Все было под контролем, потому что я не работала. Времени на приготовления оставалось сколько угодно.

– Отель заказан, оркестр заказан, церковь заказана?..

– Тим, все заказано.

– Хорошо. Я хочу, чтобы все было по высшему разряду.

– Спасибо.

– Чтобы, когда мы станем старые и седые, ты не жаловалась на какие-то промахи.

– Я не буду жаловаться.

– Медовый месяц – это, оказывается, такая проблема! – весело пожаловался он.

– Да что ты?

– Я могу выкроить всего неделю.

– О Тим!

– А ты как думала? Я же потратил время на поездку в Испанию!

– Но это же всего несколько дней!

– А еще раньше в году я тоже взял несколько дней отпуска.

– Зачем?

Он проигнорировал мой вопрос.

– А так как у нас отпуска считаются от апреля до апреля, то у меня теперь почти ничего не осталось.

– И что же ты хочешь этим сказать?

– Что мы поедem в отпуск на неделю.

– Лучше, чем ничего, – поморщилась я. – Впрочем, мне тоже надо поскорее заняться поисками работы.

– Это совершенно необязательно.

– Нет, обязательно. Все изменится, только если у нас будут дети. Но до тех пор я не могу целыми днями торчать дома.

Он пожал плечами.

– Почему? Ты же можешь рисовать, вязать, шить. В конце концов, ты же прекрасно шьешь и можешь заниматься этим сколько захочешь.

– Нет, не могу.

– Но почему? – Он улыбнулся официантке, которая принесла нам блюда с цыплятами на шпажках.

– Потому что мне это быстро надоест. Некоторое время мы занимались цыплятами.

– Ты уже начала шить себе свадебное платье?

– Еще нет.

– У тебя должно быть самое лучшее свадебное платье! Все говорят, что ты очень красивая. – Праздничная вечеринка компьютерщиков состоялась как раз на прошлой неделе.

– Неужели?

– Да, правда. Вот Дэйв считает, что более сексуальной женщины, чем ты, он в жизни не встречал.

– Тим!

– Он говорит, что если бы ты не была помолвлена со мной, то он бы сам рискнул к тебе подкатиться.

– Вот еще! – Мне не понравилось, что они обсуждали меня в таком тоне. Я даже отодвинула от себя тарелку. – Вы обсуждаете меня так, словно я вещь! – возмущенно сказала я вслух.

– Ты не вещь, – успокоил меня Тим. – И мы вовсе не обсуждали тебя в таком тоне!

– А что значит "подкатиться", как ты изволил деликатно выразиться?

– Ничего обидного в этом нет! – запальчиво возразил Тим. – Я даже горжусь, что он так выразился.

– Почему?

– Потому что это значит, что я сделал правильный выбор.

– Тим!

– Да. А что такого? – Он посмотрел на меня невинными глазами. – Потому что очень приятно сознавать, что женщина, на которой я собираюсь жениться, является предметом желания многих других мужчин. Мне

нравится думать, что ты моя, и никто уже ничего не сможет с этим поделать. От этой мысли у меня сразу же поднимается настроение.

– Можно подумать, что я кусок мяса.

– Слушай, Изабель, не будь дурочкой!

– Я не дурочка.

– Именно что дурочка. Ты совершенно неверно перетолковываешь мои слова. – Он снова сгрел мою руку. – Но что бы ты ни говорила, а я счастлив, что ты моя.

На это я ничего не ответила. Все это казалось мне слишком запутанным. А может, я просто преувеличиваю? Вполне возможно. Мужчины часто говорят между собой в таком тоне. В "Дельте" я наслушалась подобных разговоров сколько угодно. "Она милашка". "Я от нее тащусь". "Я бы не отказался от такого лакомого кусочка!" Но все эти слова для них абсолютно ничего не значат! Это просто такой мужской способ общения. Интересно, а в Испании мужчины тоже болтают между собой точно так же? Там я их ни разу не подслушивала, но можно предположить, что болтают. И Бриджет жаловалась, что Томас относится к ней, как к собственности. Может быть, это просто в природе мужчин – относиться к женщине, как к собственности? Но мне не хотелось быть чьей-то собственностью...

– О чем ты думаешь? – спросил Тим.

– Ни о чем особенном, – ответила я, принимаясь за десерт. – Вообще ни о чем.

Глава 34

КОРЗИНА С ХЛЕБОМ

(Сальвадор Дали, 1926)

Я не стала шить свое свадебное платье. Я его купила.

Началось все с того, что я пошла в город присмотреть себе материал. Я решила сшить что-нибудь простое и строгое, без всяких выкрутасов и воланов, как в прошлый раз, а к нему короткий жакетик. Мне было ясно, что для сказочной принцессы я уже слишком стара. И, разумеется, никакой вуали, как на том настаивал Тим, в моих волосах должны быть только цветы.

Но каким-то образом, без всякого намерения, я внезапно оказалась в том самом универмаге, перед тем самым свадебным платьем, которое я примеряла перед Рождеством. Я сказала себе, что просто пришла поглазеть, чтобы в случае чего слизнуть идейку, но на самом деле мне хотелось бросить последний взгляд на это замечательное платье.

Продавщица меня узнала. Мы поговорили о том, что самой шить себе платья гораздо практичнее.

– Может быть, хотите что-нибудь примерить?

– Нет. Мне просто хочется проникнуться духом этих вещей.

Она не возражала.

Потом как-то невзначай я спросила, продано ли то платье, которое мне так понравилось в прошлый раз.

– О нет! – засмеялась продавщица. – У нас их четыре на складе.

– Хотелось бы взглянуть...

И вот я снова стояла перед зеркалом в том самом платье и рассматривала себя со всех сторон. Какое фантастическое зрелище!

Но мне не нужны никакие фантастические платья, чтобы выходить замуж за Тима. Я уже сшила себе когда-то одно такое чудо портновского искусства, и что из этого вышло? Мои пальцы до сих пор помнили пришивание к нему четырехсот двадцати жемчужинок. Глупо было в порыве чувств уничтожать такое замечательное платье.

– К нему очень хорошо подойдет вот это, – сказала продавщица, подавая мне головной убор с вуалью. – Вот так очень хорошо.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Вид у меня действительно был потрясающий. Ничего глупого, или пошлого, или напыщенного – словно так оно и должно быть.

– Когда свадьба? – спросила продавщица.

– В конце января.

– В конце января, а у вас еще нет платья? – с ужасом воскликнула она.

– Вы уверены, что успеете сшить себе что-нибудь достойное?

– Главное, чтобы мужчина был достойный, – рассудительно ответила я.

Переодевшись в свою обычную одежду, я снова превратилась из Изабель Каваны, неземной красавицы, в Изабель Кавану, женщину с неуправляемыми волосами.

– Сколько стоит? – спросила я продавщицу.

Она сказала, и я постаралась устоять на ногах. Цена платья была почти такой же, как цена нашего недельного свадебного путешествия. Потратить на платье такие деньги – это все равно что пустить их на ветер.

– Я могу сделать вам скидку десять процентов, – сказала продавщица.

– Это в корне меняет дело, – улыбнулась я. Интересно, когда гости придут на свадьбу, какую Изабель Кавану они захотят увидеть? Порхающую от счастья, что ее наконец взяли замуж, как Жюли? Или рассудительную персону в строгом белом платье с жакетиком? Но если я выберу рассудительность, то не решат ли они, что я рассудительна исключительно потому, что уже раз побывала в переделке? И вообще, неужели меня так волнует, что думают обо мне другие?

Продавщица молча за мной наблюдала.

– Платье очаровательное, – наконец сказала я.

– И на вас сидит превосходно, – поддакнула она.

– Вам по службе положено произносить такие слова, не правда ли?

– Ничуть. Если бы вы выглядели в нем, как слон в пелеринке, я бы придумала что-нибудь другое.

Упакованное платье заняло все заднее сиденье в машине. Просто настоящая гора белой пены.

В восемь часов вечера зазвонил телефон. Ян подпрыгнул, но спрашивали меня.

– Испания на проводе, – сообщил он.

У меня защемило сердце. Но звонила Барбара. Мы заговорили о свадьбе.

– Все нормально, – доложила я. – Только меня замучили все эти приготовления. Если честно, то я ими уже сыта по горло.

– Бедняжка, – притворно посочувствовала Барбара. – У меня просто сердце разрывается, когда я думаю о тебе!

– Заткнись! – подыграла ей я. – Лучше расскажи, как у тебя дела?

– Работы много. Мы набрали дополнительный курс. Теперь приходится работать два вечера в неделю.

– Как там погода?

– В этом году ничего. Снег растаял очень рано. А у вас?

– Туманно, как всегда.

– Хотела бы вернуться в Испанию?

– Ничуть. Мой жених здесь.

– Ах, нежная влюбленная парочка! – поддразнила она меня.

– От такой и слышу! Как там Нико?

– Отлично.

– Он все еще играет на гитаре?

Она слегка запнулась.

– Не очень часто.

– Почему?

– У него новая работа.

– Новая работа, – словно эхо, повторила я. – Он никогда не говорил, что ищет другую работу.

– Она у него недавно, – сообщила Барбара. – Его перевербовали охотники за головами.

– Нико?! – Я не могла поверить собственным ушам.

– А почему бы и нет?

– Не может быть!

– Тем не менее. Он теперь гораздо серьезнее смотрит на жизнь.

– Очевидно, это твое влияние. – Я принужденно засмеялась.

– Надеюсь.

– Вы часто видитесь?

– Не очень. Он все время так занят!

– Что-то на него мало похоже. – Я никак не могла прийти в себя от удивления.

– Он очень изменился, – подтвердила Барбара. – Мне кажется, повзрослел, посерьезнел. Кстати, знаешь, по какому поводу я звоню? Я не смогу приехать к тебе на свадьбу, Изабель.

– Но почему, Барбара?

– Все как раз связано с Нико. Мы уезжаем в Севилью. Неожиданно.

Севилья. Он говорил мне когда-то, что мы вместе поедем в Севилью. Правда, этого так и не случилось.

– Какая жалость, – сказала я в трубку.
– Мне тоже очень жаль, Изабель, – сказала она. – Мне бы хотелось своими глазами удостовериться, что ты благополучно вышла замуж.
– Но Бриджет приедет?
– Да! Вместе с Томасом!
– Хорошо хоть Бриджет приедет, – задумчиво сказала я. – Вы для меня были такими хорошими подругами.
– О Изабель! – Голос ее внезапно стал очень искренним. – Спасибо, что ты так о нас думаешь.

На следующий день было шестое января. Праздник Кавалькады в Испании. Я вспомнила о детях Габриэлы, которые будут завтра искать в своих башмачках сладости, и на меня внезапно накатила такая волна тоски по тому месту, которое никогда не было моим домом, что я едва не разрыдалась! Как хорошо они все ко мне относились! Как я по ним скучаю!

Перед моими глазами со всей беспощадной реальностью встала картина Барбары и Нико, которые уезжали в Севилью.

А я уезжала с Тимом в Венецию.

Мать попросила меня сделать для нее кое-какие покупки и вручила список длиной в километр. В супермаркете было полно народу, и я долго стояла в очереди в кассу.

Уже загрузив покупки в машину, я вдруг вспомнила, что забыла купить стиральный порошок. Он не был включен в список, и мать в спешке упомянула о нем только устно. Я снова вернулась в супермаркет. Какое глупейшее занятие тратить время в очереди ради одного несчастного пакета с порошком!

Мне вдруг представилось, что вся моя жизнь в скором времени будет проходить в супермаркетах. И в разных домашних заботах. В стирке, уборке, готовке еды для Тима. От ужаса меня непроизвольно передернуло.

Нет, такого не может быть! Я просто идиотка. Меня ждет замечательная жизнь, полная любви, семейного тепла и взаимопонимания! И, в конце концов, меня ждет рождение детей!

Когда я второй раз вышла из супермаркета, моросил дождь. Интересно, подумал я, какая погода будет в Венеции? Вряд ли теплая в это время года. Венеция – это была идея Тима. Мне хотелось чего-нибудь потеплее.

Барбадос, например. Одно время я даже вынашивала план перенести туда саму свадьбу. Что должно было найти отклик в новой, романтической

натуре Тима. А теперь слишком поздно, сказала я себе. К тому же если бы мы перенесли свадьбу на Карибские острова, то не смогли бы пригласить на нее всех своих друзей. Даже несмотря на то, что кто-то из этих друзей будет слишком занят, чтобы приехать на свадьбу, потому что дни и ночи будет проводить в любовных объятиях с Нико Альваресом в Севилье.

Осталось три недели, сказала я себе, заводя мотор машины. Интересно, где в Доннибруке ближайший торговый центр? Почему-то раньше меня такие мысли никогда не посещали.

Глава 35

СОН

(Сальвадор Дали, 1931)

На мне было платье, сшитое два года назад собственными руками. Небо на востоке только-только начинало розоветь в лучах восходящего солнца. Четыреста двадцать жемчужинок весело сверкали на корсаже, длинная юбка вздымалась и шелестела на легком ветерке.

Тим стоял под яблоней в темно-сером костюме и с цилиндром в руках. Он мне улыбался.

Отец О'Брайен держал в руках старый служебник – тяжелую книгу с золотым обрезом и в перламутровой обложке. Он обратился к нам с торжественной речью.

– Тим, берете ли вы эту женщину себе в законные супруги? Чтобы любить и хранить ее в счастье и беде, в бедности и богатстве, с этого дня и до конца жизни? – спросил он.

– Беру, – ответил Тим. – То есть я собирался ее взять, но вы сами посмотрите на нее, отец О'Брайен!

И отец О'Брайен на меня посмотрел.

– Как вы думаете, – продолжал Тим, – разве можно жениться на женщине, которая так одета?

Я в ужасе взглянула на себя и громко вскрикнула. Жемчужинки падали с моего платья одна за другой и почти все уже валялись в траве. Само платье постепенно меняло свой облик и наконец превратилось в старые застиранные тюлевые занавески, которые мать выбросила много лет назад.

– С ней нельзя иметь дело! – воскликнул Тим. – С чего это я должен тратить свою жизнь на женщину, которая даже не умеет как следует одеться?

– У вас веская причина для отказа, – произнес отец О'Брайен.

Мне хотелось крикнуть, что это ошибка, что на мне прекрасное платье, но язык меня не слушался, и я не смогла произнести ни слова.

Рядом с отцом О'Брайеном стояла Барбара Лейн. Она была одета в платье, купленное мной в универмаге, и выглядела в нем потрясающе.

– Ничего страшного, – сказала она. – Я выйду за него замуж. Не беспокойся, Тим. Все будет хорошо. – Она поцеловала его в губы, и я не нашла в себе сил ее остановить.

– В таком случае, – сказал отец О'Брайен, захлопывая служебник, – что Господь соединил, то людям не разделить.

– Нет! – пронзительно взвизгнула я. – Нет!

Вся дрожащая, с бешено бьющимся сердцем я села на кровати. Сон был до ужаса реальным! Я обхватила себя руками и постепенно возвращалась к действительности. Это только сон, говорила я себе. Нельзя так нервничать, а то в следующую ночь приснится еще что-нибудь, похуже. Впрочем, это не нервы, вслух сказала я себе и быстро вскочила с кровати. Это все поздняя еда, слишком много сладкого и острого на ночь. Мне захотелось, чтобы с этой чертовой свадьбой поскорее было покончено и чтобы я наконец благополучно вышла за Тима, и у меня больше не было бы причин для беспокойства.

В комнату зашла Алисон.

– Ты встала? – спросила она. Я начала притворно зевать.

– Только что.

– Поторопись. Отец обещал подбросить в город, если мы будем готовы к девяти.

Мы с Алисон сегодня собирались за покупками. Это бесконечное хождение по магазинам мне уже начинало порядком надоедать: казалось, все уже закуплено, и вдруг обнаруживалось, что не хватает какой-нибудь мелочи. Но сегодня мы шли за важной вещью: за туфлями для Алисон.

К свадьбе я ей сшила замечательное платье из красного бархата, с длинными рукавами и глубоким вырезом на шее. Оно было закончено вчера поздним вечером. Примерив его, она заявила, что теперь ей нужны туфли точь-в-точь того же оттенка, что и платье.

Мне так и не удалось избежать спешки с приготовлениями к свадьбе.

– Столько суеты, – жаловалась я Алисон. – Нам надо было устроить свадьбу в Мадриде.

– Скучаешь по Испании?

– Иногда. Мне очень не хватает моей работы и тех, с кем работаю... – У меня задрожал голос. Я вспомнила их всех и начала себе представлять, что они делают в такой поздний час.

Габриэла и Альфредо скорей всего сидят перед своим огромным телевизором с плоским экраном, а их дети спят наверху.

Магдалена и Алехандро ужинают.

Луис и Анна. Или Мария. Или Карлотта. Или Кончита. Ну в общем, Луис и еще кто-то, не знаю, что делают.

Бриджет и Томас сражаются со своими домашними заботами.

Барбара и Нико собираются в Севилью...

– Ты жалеешь, что вернулась домой? – Голос Алисон вторгся прямо в картину Барбары и Нико, рука об руку шагающих по улицам Севильи.

– Нет, – твердо ответила я, отгоняя от себя этот образ. – Просто мне хочется, чтобы все шло без спешки.

Я не думала, что покупка туфель займет столько времени. Стремление Алисон к совершенству превосходило всякие разумные пределы. Мы взяли с собой лоскуток только что сшитого платья и прикладывали его ко всем понравившимся нам туфлям.

– Ты никогда не добьешься абсолютного совпадения, – говорила я ей, когда мы выходили из очередного магазина. – Ничего страшного, если оттенок будет немного другой. В конце концов, всегда можно купить черные туфли.

– Не дури. – Она решительно подошла к продавщице и замахала у нее перед носом бархатным лоскутком. – Оттенок не такой уж и сложный.

У меня начала болеть голова. Может быть, от постоянного мелькания перед глазами цветных пятен. Когда я появилась дома с готовым свадебным платьем, мать решила, что теперь у меня хватит времени сшить что-нибудь и для нее. Так что все последние несколько недель я кроила и шила нон-стоп.

– А как тебе эти? – спросила Алисон, указывая на ярко-красную пару.

– Очень милые.

– Изабель, да ты на них почти не смотришь!

– Смотрю. Мне правда они очень нравятся.

– Но они же ярче материи!

– Какая разница, Алисон? Никто этого не заметит.

– Как это не заметит? Люди замечают все! Особенно на свадьбах. Ты не думай, что ты одна будешь в центре внимания. Все мигом заметят, что с вишневым платьем я ухитрилась надеть брусничные туфли.

Она была права. Туфли совершенно не подходили по оттенку. Я сама не понимала, как это их полное несоответствие мне сразу же не бросилось мне в глаза.

– Слушай, ты такая бледная! – вдруг заметила Алисон. – Что с тобой?

– Ничего. Просто голова болит.

Она посмотрела на часы.

– Знаешь что? Сейчас около часа. Пойдем выпьем кофе. Наверное, у тебя началось кофеиновое голодание.

– Хорошая мысль, – согласилась я. – Надо где-нибудь присесть. А то

ноги просто подламываются.

– Перехватим по бургеру? – предложила она. – Не знаю, как ты, а я умираю с голода.

Я поморщилась.

– Ты же знаешь, что я на диете.

– На диете! – презрительно воскликнула она. – Тебя и так ветром качает! Какие еще могут быть у тебя диеты?

– У меня целый фунт лишнего веса, – терпеливо объяснила я. – К тому же я решила почистить организм.

– В таком случае ничего удивительного, что у тебя болит голова! – рассудительно заключила моя сестричка. – Почистить организм. Это же абсолютная чепуха!

Я начала ей объяснять, что никакая это не чепуха, потому что если в Испании я питалась здоровой пищей, в основном фруктами и овощами, то здесь забрасываю в себя невесть что. Дома – мамину стряпню, у Тима – китайскую ерунду быстрого приготовления.

– Слушай, у меня слюнки потекли, – объявила Алисон. – Ты, если хочешь, можешь пить чистую воду, я тебе слова не скажу.

За бургерами выстроилась очередь. Я стояла и думала: а вдруг Алисон права, и у меня началась интоксикация на фоне очистительной диеты? Может быть, мне действительно лучше поесть?

– Гамбургер и кофе, – сказала я девушке за прилавком.

– Может быть, к бургеру вам предложить сыр? – спросила она.

– Нет.

– Или жареное мясо?

– Нет.

– Может быть, вы хотите заказать что-нибудь еще? У меня появилось такое чувство, как в фильме "Падение" у Майкла Дугласа. Будь у меня сейчас в руках автомат, я бы с удовольствием изрешетила эту глупую девичью голову.

– Бургер и кофе, – угрожающе повторила я. – И больше ничего. Ни мяса. Ни сыра. Ничего.

– Хорошо. – Девушка скорчила гримасу. – Спрашивать – это моя работа.

Тут в разговор вмешалась Алисон.

– А я? Ты про меня забыла? Будьте любезны, девушка, посчитайте наш заказ вместе.

Я сосредоточенно терла виски.

– Двойной королевский чизбургер, – начала перечислять Алисон, –

жареную мясную котлету и кока-колу.

Девушка заулыбалась.

– А что на гарнир? – спросила она.

– Чипсы, – весело ответила Алисон. – И пускай я не вылезу из-за стола!

Девушка ушла выполнять заказ, а Алисон укоризненно взглянула на меня.

– За что ты набросилась на бедную девушку?

– Я не набрасывалась.

– Бедная девушка! Ты ее просто затерроризировала.

– Я знаю, она не виновата. Но почему они не делают то, что им говорят? Почему им надо обязательно приставать к человеку со всякими гарнирами, дополнениями? Меня это просто бесит.

– Таковы методы торговли, – примирительно сказала Алисон.

Нам принесли наш заказ, и Алисон начала уговаривать меня съесть чипс.

– Не хочу я никакой чипс! – раздраженно отнекивалась я. – Если бы я хотела чипсы, то и заказала бы себе чипсы.

– А между тем перед последним рывком тебе надо подкрепиться, – ласково уговаривала она.

Я автоматически взяла чипс и сжевала его, даже не осознав, что делаю.

– Видишь? Ничего страшного, – приговаривала Алисон. – А теперь еще один. Ну пожалуйста.

Мы зашли еще в один магазин, и тут мне потребовался ингалятор.

– Астма замучила?

– На нервной почве, – буркнула я. Головная боль становилась невыносимой. Но, к счастью, тут нам повезло, и мы набрали на то, что искали. Туфли из красной замши, того же оттенка, что и платье, только чуть потемнее.

– Классно! – сказала я, прикладывая к ним лоскуток материи.

– О Изабель! Я просто жду не дождусь твоей свадьбы! – Алисон тоже была в восторге.

– Для тебя это хорошая репетиция, – назидательно сказала я.

– По крайней мере, на свою свадьбу я не приглашаю такого количества всяких допотопных чудовищ! – Она намекала на тех гостей, которых приглашали на все наши семейные события как бы автоматически, по привычке, без особых на то оснований. И они составляли на них внушительный, хотя и совершенно нежелательный фон.

– В этом смысле тебе повезет больше, – согласилась я.

После покупки туфель мне сразу стало легче.

– Слава богу, – сказала я, когда мы шли к "Дротику". – А то я уж думала, что ты придешь на свадьбу в шлепанцах.

– Бедняжка! – пожалела она. – Неужели тебе твоя свадьба уже успела так надоест?

– Немножко, – засмеялась я.

– А я всегда думала, что ты обожаешь всю эту предпраздничную суету, магазинные хлопоты.

– До определенного предела, – согласилась я. – Но именно сейчас мне они как-то в тягость.

Она замолчала, а я прислонилась головой к стеклу и незаметно для себя заснула.

Тим решил организовать встречу наших родителей. Я не одобряла эту идею. Во-первых, слишком близко к свадьбе, а во-вторых, после того, что наговорили друг другу мать и Дениза Мэлон пару лет назад, это казалось вообще невозможным.

– Не говори глупостей, – остерег меня Тим. – Мы же теперь одна семья.

– Тим! Раньше я от тебя таких слов не слышала! – Я провела рукой по его волосам. – Какая семья? Твоя мать терпеть не может меня, а моя мать терпеть не может твою, а что думают отцы, нам вообще неизвестно.

Он засмеялся.

– Не надо воспринимать все так близко к сердцу. Наши родители прекрасно между собой поладят.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверен.

Мы сидели в ресторане, и мать с миссис Мэлон пытались перещеголять друг друга историями из своей молодости, а отцы непринужденно болтали о шансах на победу "Манчестер Юнайтед" в полуфинале.

– Это сложившаяся команда, – убежденно говорил мистер Мэлон, тыкая вилкой в жареное мясо. – Они всегда держат равновесие между защитой и нападением.

– Не могу с вами не согласиться, – бурчал в ответ отец и подозрительно косился при этом на свой бифштекс. – Я же просил, чтобы

его хорошенько прожарили! – вскипел он. – Он внутри розовый.

– Пап, пожалуйста. – Я положила руку на его ладонь. – Здесь же французский ресторан. У них свои правила.

– Мне все равно, какой это ресторан, – не унимался отец. – Я просил хорошо прожаренное мясо.

– Пап...

– Вы хотите, чтобы мы отправили его обратно? – спросил Тим.

Отец переворачивал бифштекс на своей тарелке с боку на бок, словно тот вот-вот мог встать и уйти. Я вздохнула.

Тим подозвал официанта и спросил, нельзя ли посильнее прожарить мясо вот этого господина.

– Никаких проблем, – ответил официант.

– Спасибо, Тим, – поблагодарил мистер Мэлон.

– Вот что мне нравится в мужчинах, – произнес довольный отец и хлопнул Тима по плечу. – Решительность.

Решительность, повторила я про себя. Как легко отец забывает прошлое.

Тим наклонился к моему уху.

– Ты как? – тихо спросил он.

– Нормально. – Я вяло ковыряла вилкой в своем ризотто.

– Я не могу избавиться от ощущения... – Тут Тим осекся. – Слушай, скажи мне честно, Изабель, ты замуж хочешь?

Я вздрогнула. Неужели снова? – пришла мне в голову отчаянная мысль. Только не говорите мне, что его снова покинула уверенность! Стена напротив меня вдруг поплыла перед глазами, в легких возник спазм.

– Изабель! – шептал Тим, сжимая мне руку.

Я несколько раз моргнула, стена встала на свое место. Инъекция из ингалятора освободила грудь от удушья.

– Что с тобой, Изабель? – озабоченно спросила мать.

– Все хорошо, – пробормотала я не очень уверенно.

– Может, нужна помощь? – поинтересовался мистер Мэлон.

Я ему слабо улыбнулась.

– Ничего, спасибо.

– Что все это значит? – раздраженно прошептал Тим.

– Сама не знаю, – ответила я. – Ты спросил, хочу ли я замуж. Мне показалось, что ты снова передумал.

– Дурочка! – облегченно вздохнул Тим. – Я спросил, хочешь ли ты замуж. Ни малейшего намека на то, что я передумал, в моих словах не было.

– Извини. Это все нервы. Он засмеялся.

– Понимаю. У меня тоже иногда сдают нервы.

Я сама не могла понять, откуда у меня эта нервозность. Я никак не могла успокоиться. Просто какая-то ненормальная, подумала я про себя. Все организовано. На приглашения все ответы получены. Билеты в Венецию принесут завтра утром. Относительно маникюра я договорилась, его мне сделают накануне свадьбы. Мне хотелось кроваво-красные ногти, такого же цвета, как платье у Алисон. Никаких причин для паники, а я себя все время чувствовала на грани истерического припадка. В прошлый раз я за собой такого не замечала.

Я даже не боялась, что меня снова бросит Тим. Шестое чувство мне подсказывало, что он не бросит. И все-таки где-то в глубине души у меня шевелилось опасение, что он может выкинуть что-нибудь непредвиденное. И на этот раз окончательно разрушит мою жизнь.

Тим снова наклонился ко мне, указывая на наших матерей.

– Вот видишь, – сказал он. – Что я говорил? Они уже обмениваются рецептами.

– Ну, это слишком поверхностно, – прошептала я в ответ, и он засмеялся.

Официант накрывал стол для десерта.

Постепенно все развеселились, почувствовали себя свободнее. Мне тоже захотелось чувствовать себя вместе со всеми, а не так, словно я плыву под потолком и посматриваю на них сверху.

– Свадьба должна выйти замечательной! – внезапно объявила миссис Мэлон. – И я очень счастлива, что эти двое молодых людей наконец-то соединились.

– И я, – поддакнул отец. – Хотя, Дениза, должен вам сказать, что если ваш сын снова покинет мою дочь у алтаря, то я выпорю его так, что он родных не узнает!

– Пап, – прошептала я.

– Справедливо, – согласился мистер Мэлон. – Но, с другой стороны, если ваша дочь покинет моего сына у алтаря, то я поступлю с ней точно так же!

Все засмеялись. Тим обнял меня за плечи.

– Можете не сомневаться, – сказал он. – Ничто уже не может помешать этой свадьбе. Я люблю Изабель и знаю, что она любит меня. У нас было беспокойное прошлое, но зато наше будущее от этого станет только прочнее. Когда Изабель уехала в Мадрид, я понял, что теряю человека,

который значит для меня больше всего на свете. А когда она снова согласилась выйти за меня замуж, мне показалось, что у меня выросли крылья!

Мать вытирала платочком слезы.

– Поэтому здесь и сейчас я хочу поблагодарить Изабель за то, что она меня простила и поняла, и надеюсь, что впереди нас ждет долгая и счастливая жизнь!

Тим счастливо улыбнулся.

– Таковую речь надо было приберечь до свадьбы, – съязвила я.

– Не надо было, – засмеялся он. – У меня в запасе есть еще одна.

– Да ты просто кладезь! – От усилий по поддержанию разговора у меня застучало в висках. – Тебе надо выпустить книгу. Что-то вроде... Тим Мэлон. Руководство по составлению свадебных речей на все случаи жизни.

Моя шутка всем понравилась. Отец заказал еще вина. Тим меня поцеловал.

Никогда в жизни я не чувствовала себя более любимой и желанной.

И в то же время более потерянной.

Глава 36

РАССВЕТ 1

(Хуан Миро, 1946)

Когда Жюли вошла в дом, я ее едва узнала. Она всегда была красивой, но тут стала просто сногшибательной. Волосы у нее посветлели, кожа помолодела, глаза сияли. У нее был вид женщины, абсолютно довольной жизнью. Я вспомнила о своих прямых, как палки, волосах и о каких-то пятнах, которые совсем недавно выступили у меня на лице – очевидно, в результате очистительной диеты. У Жюли никаких пятен не было. Впрочем, с такой, как у нее, кожей это казалось вообще невозможным.

Мы долго обнимались и рассматривали друг друга.

– Я так по тебе соскучилась! – повторяла она.

– Я тоже! – вторила ей я. – С твоей свадьбы, кажется, прошла целая вечность!

– А мне показалось, что одно мгновение!

Мы прошли в комнату, где у стены были сложены свадебные подарки. Я включила радиатор.

– Мать проводит очередную семейную кампанию по сбережению электричества, – объяснила я. – Стоит выйти из комнаты, как она выключает все лампочки и радиаторы. Поэтому в доме стоит холодище, как в морозильной камере.

Жюли засмеялась.

– Так странно снова слышать про радиаторы, – сказала она. – У нас в ходу только кондиционеры.

– Хорошо вам. – Я открыла бар. – Хочешь "Южный комфорт"? Или тебе подавай теперь только что-нибудь американское?

– Нет, мне что-нибудь безалкогольное, – попросила она. – Тоник или лимонад.

– Даже ради встречи?

– Даже ради встречи. Алкоголь я сейчас не пью.

Понадобилось несколько секунд, прежде чем до меня дошел смысл ее слов.

– Жюли! – воскликнула я. – Ты беременна? Она взглянула на меня сияющими глазами.

– Срок еще маленький, – объяснила она. – Очень маленький. Поэтому

я никому еще ничего не говорила.

Так вот в чем причина ее бесподобного вида! Хотя вряд ли в удушающей жаре Флориды ей легко дается беременность.

– Мои поздравления, – сказала я. – И когда же ждать счастливое событие?

– Не раньше июля, – ответила она. – Все выяснилось только пару недель назад. Я, конечно, подозревала, что это может быть, но очень долго боялась проверить. Я бы просто не вынесла, если бы доктор сказал, что у меня вирусная инфекция.

Я налила ей стакан минеральной воды.

– У тебя усталый вид, Изабель, – сказала она, когда мы выпили за встречу каждая свой напиток.

– Так оно и есть, – ответила я. – Все почему-то делается в спешке, все время кажется, что в последнюю минуту обязательно случится какая-нибудь гадость.

– Когда ты позвонила насчет свадьбы, я сперва просто не могла поверить! – рассказывала Жюли. – Для меня это был настоящий шок.

– Извини. – Я грустно улыбнулась. – Но это ты во всем виновата. Я его встретила, когда мы шли на девичник перед твоей свадьбой.

– Я глубоко чувствую свою ответственность! – серьезно согласилась она.

Неужели она тоже сейчас начнет читать мне лекцию по поводу того, что Тим Мэлон – это не та фигура, которая мне нужна в жизни? Господь знает, что я сама думала на эту тему гораздо больше, чем они все, вместе взятые. Нельзя сказать, что я решилась на этот поступок с бухты-барухты. Я столько мучилась, прежде чем принять решение! Даже однажды написала список всех за и против. И никто не может быть более меня уверен в правильности этого решения.

– Я очень рада за тебя, Изабель, – сказала она. – Ты заслужила свое счастье.

– Спасибо!

– Лучше расскажи, у тебя уже все готово?

Я поморщилась.

– Почти. Вот каблук сломался у туфель.

– Ну, это ничего. Надеюсь, ты его починила?

– Починила.

– Знаешь, свадьба будет не настоящей, если перед ней не случится парочки каких-нибудь мелких неприятностей. – Она весело поглядывала на меня. – Главное, чтобы тебя это не очень задевало.

С Жюли я себя чувствовала очень хорошо. Из всех людей, которых я знала, она понимала меня лучше всех. С ней я как-то успокаивалась, находила в себе силы не принимать серьезно случаи вроде поломки каблука. А в тот момент, когда он сломался (я примеряла туфли и прохаживалась в них по комнате), это почему-то совершенно выбило меня из колеи. Я запустила туфлей в стену, и гвоздь, торчащий на месте каблука, содрал обои, которыми оклеили комнату всего пару месяцев назад. Потом позвонила Стелла, певица, которую мы наняли, чтобы петь в церкви, и сообщила, что простудила горло и вряд ли сможет вылечиться до свадьбы. Она заверила меня, что пьет антибиотики и все такое, но я снова похолодела от ужаса.

– А что, если ты не вылечишься?

– Тогда я попрошу знакомую девушку, – прохрипела она. – Она прекрасно споет вместо меня.

Но мне совсем не хотелось, чтобы на моей свадьбе пел неизвестно кто. Стеллу я тоже не знала, но ее пение мы слышали как-то раз в другом месте, и оно нам понравилось. В то же время неопытная певица может испортить всю свадьбу.

– Я буду молиться, чтобы у Стеллы прошло горло, – предложила на мои сетования мать. Но в действенность такого средства, как молитва, я не очень верила. Вот антибиотики, те могут помочь с большей долей вероятности.

Я рассказала Жюли и о неприятности со Стеллой, о том, что я еще не знаю, кто же будет петь на моей свадьбе.

– Какая разница! – воскликнула Жюли. – Они все одинаковые, эти свадебные певицы.

– Ну не скажи, – возразила я. – Пять лет назад я была на одной свадьбе, и певицу туда пригласили по родственному принципу. Так вот, она была ужасной. Потом молодые говорили, что каждая спетая ею фальшивая нота отдавалась в их сердце так, словно их резали ножом! А гости, так те не могли удержаться от хихиканья всякий раз, когда эта непутевая родственница открывала рот.

– Не беспокойся, с тобой этого не случится, – ободрила меня Жюли.

– Надеюсь. – Я криво усмехнулась. – Я уже говорила несколько раз Алисон, что без сучка, без задоринки вряд ли все пройдет, но хотя бы избежать травм!

– А вот у меня была травма, – рассказала Жюли. – Я поднималась по лестнице, и подол платья зацепился за что-то вроде гвоздя. Я услышала звук рвущейся ткани и от ужаса едва не упала в обморок. Оказалось, что не

все так страшно, совсем маленький разрыв. И никто не заметил. А потом отец, когда высаживал меня из машины, объявил, что это самый достойный гордости момент в его жизни.

– Странно, – задумчиво произнесла я. – Казалось бы, они должны были гордиться тобой гораздо сильнее, когда ты заканчивала школу или колледж. То есть когда ты добилась чего-то своими усилиями. А свадьба – это скорее удача.

– Слушай, Изабель, да ты просто философ!

– Да нет. – Я глубоко вздохнула. – Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Расскажи мне о Флориде.

– Это потрясающе! – не сдерживая эмоций, воскликнула Жюли. – Сперва я чувствовала себя одиноко, и все мне давалось трудно. Ты знаешь, там даже английский язык другой! Самые простые вещи вроде водопроводного крана, пеленки или сковородки там называются по-другому. Отсюда трудно понять, насколько велика разница в языке. И люди там другие. Такие... восторженные, что ли, причем по всякому поводу!

Я засмеялась.

– Расскажи мне о своем доме, – попросила я.

– Я привезла фото, – ответила Жюли и достала из сумки целую пачку. – Конечно, смотреть чужие фотографии – занятие скучное, но я их все равно привезла.

– Совершенно не скучное! – воскликнула я и принялась разглядывать свидетельства из жизни Джорданов. Дом оказался белоснежной оштукатуренной виллой под красной крышей, с трех сторон окруженной маленьким садиком. В садике цвели цветы и бил фонтан.

– О Жюли, это же само очарование!

Она перебрала пачку и сказала...

– А вот вид сзади.

– О Жюли, я знала, что у вас есть бассейн, но он же огромный!

– Не такой уж и огромный, – возразила Жюли. – Просто он имеет сложную форму.

– Просто сказка!

– Представляешь, теперь меня мучает проблема, – поделилась Жюли. – Бассейн нельзя закрыть – там без бассейнов не проживешь. Но когда родится ребенок, он же может туда кувырнуться! Ты же знаешь, как они лихо это проделывают. И меня уже заранее бросает в дрожь от ужаса.

– Откуда мне знать, как они это проделывают? – пробормотала я, рассматривая следующую фотографию. – А какая у тебя кухня! – в восторге воскликнула я.

Кухня была оборудована по последнему слову техники: везде стальные и мраморные поверхности, несколько смягченные огромными вазами с разноцветными цветами. Если бы не вазы, все напоминало мне здесь кухню в квартире Нико. И еще – здесь не было фотографии Кармен.

Господи, подумала я, ну почему я позволяю Нико прокрасться в свою голову даже в такой момент? Почему я никак не могу успокоиться по поводу Нико и этой чертовой Кармен? А теперь уже не Кармен – теперь уже Барбары, которая наслаждается обществом Нико в Севилье?!

– А вот ванная, – со смехом показывала Жюли. – Я понимаю, что фотографировать ванную – последнее дело, но мне захотелось показать тебе и ванную.

– О Жюли, да это же джакузи! Жюли радостно кивала головой.

– Это любимое место Энди!

– Ты просто звезд с небес нахватала, Жюли Джордан!

– Мне очень нравится, когда меня так называют.

– Жюли Джордан, – повторила я.

– Я знаю, что это глупо. Мне давно пора... повзрослеть, что ли, стать уравновешенной женщиной, но когда я слышу это имя, то каждый раз прихожу в восторг и благодарю Господа, что встретила Энди! Я просто чокнулась на этом!

– Ты заслужила свое счастье, Жюли.

– Спасибо, – сказала она и принялась показывать мне фотографии своей столовой.

На следующий день я пошла к врачу. Меня все еще мучили головные боли, которые, конечно же, были связаны с моим стрессом, но все равно я никак не могла от них избавиться.

Доктор Бирн устроила мне полный осмотр.

– Все нормально, – сказала она, – разве что тонус слегка понижен. Ты хорошо питаешься, Изабель?

Пришлось сознаться, что я сижу на диете.

– Немедленно прекратить! – заявила доктор Бирн. – Никакой необходимости в снижении веса у тебя нет.

– Это скорей очистительная диета, – сказала я. – Полная очистка организма.

Она вздохнула.

– Со здоровьем у тебя все нормально, Изабель, – сказала она. – Никаких очистительных диет тебе не нужно. Питайся разумно, и все у тебя будет хорошо. – Она села за стол и начала писать. – От головной боли я

тебе выпишу лекарство. И, ради бога, попытайся успокоиться! Я понимаю, свадьба – это сильный стресс, но нельзя же из-за нее так себя накручивать!

– Постараюсь, – безвольно согласилась я. Она внимательно взглянула на меня.

– А как насчет всего остального?

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я. Она пожала плечами.

– Так. Тебя больше ничего не беспокоит?

– Беспокоит! – засмеялась я. – Как удержать наших с Тимом матерей в цивилизованных рамках хотя бы до церемонии!

– Ну, это ничего! – Она тоже засмеялась и подала мне рецепт. – Веселись спокойно, – сказала она на прощание.

Когда я пришла домой, раздался телефонный звонок. Незнакомый женский голос спрашивал Изабель Кавану.

– Я слушаю.

– Меня зовут Мериэнн Лиги, – представилась женщина. – Я являюсь персональным директором Истмановского колледжа. Вы присылали нам свой запрос на должность администратора?

– Да, все правильно.

– Я хочу пригласить вас завтра утром на собеседование. Например, в десять часов, вас устроит?

– Разумеется, я обязательно буду. Собеседование! После возвращения из Испании я разослала свои резюме в десяток разных учреждений и на большинство из них получила стандартные ответы, что у них сотни кандидатов, и они будут со мной на связи. Мне даже казалось, что из Истмановского колледжа тоже пришло нечто подобное. И вдруг – собеседование!

От этого известия у меня сразу же улучшилось настроение. Несмотря на всю предсвадебную суету, мне постоянно казалось, что я что-то упускаю. Перспектива в скором времени получить работу вызвала во мне такое волнение, которого я сама в себе не ожидала. Вечером я должна была ехать в Доннибрук. Мы договорились с Тимом, что я завезу к нему кое-какие свои вещи, а заодно приготовлю ужин. Я быстро затолкала в чемодан все, что могло мне понадобиться на первых порах, и отправилась к Тиму. По существу, я самостоятельно не входила в этот дом с тех самых пор, как стерла в компьютере файлы и утопила в туалете серьги. У меня до сих пор не хватало мужества сознаться Тиму в своем проступке. Файлы будет легче объяснить, чем серьги, думала я. Меня снова начал мучить вопрос, кому они принадлежали?

Чемодан я занесла в спальню. Кровать была аккуратно застелена. В последнее время Тим стал до ужаса домовитым. Я раскладывала по ящичкам свои вещи, и от этого действия у меня мурашки поползли по телу: этот дом никак не хотел становиться моим! Все в нем принадлежало Тиму. Вся обстановка была исключительно мужской: жесткие, определенные цвета без переходов и оттенков. В ванной комнате на полке стояла тоже только мужская косметика. Я открыла хромированную аптечку и нашла в ней лезвия, алка-зельцер, панадол, зубную нить, крем для ног и вдруг – ух! – флакончик женских духов. Я машинально побрызгала из него себе на запястье. Интересно, чей это? И почему он стоит в ванной комнате у Тима?

Я вернулась в спальню. "Неужели этому не будет конца? – с ужасом подумала я. – Неужели я всегда буду подозревать Тима в самом худшем? И на каком основании я делаю это теперь, когда он сам ко мне вернулся и, более того, сам захотел на мне жениться?" Я ведь точно знала, что сейчас он ни с кем, кроме меня, не спит.

И даже если у него в мое отсутствие была связь, то что из этого? Господи, если бы Тим знал, что проделывала в Мадриде я сама!..

Но навязчивое чувство недоверия не проходило.

Я приготовила себе чашку чая. Все на этой кухне было мне знакомо. Я автоматически открывала нужные дверцы, привычно находила на месте заварку, кружки, ложки. Мне не надо было думать, где что лежит, – я это знала. Я понимала, что чем скорее я выйду за Тима, тем лучше.

– Солнышко, я дома! – он заглянул в дверь кухни, и я подпрыгнула на месте. Я не слышала, как открылась входная дверь.

– Ты меня чуть до смерти не напугал! – воскликнула я, слегка отдышавшись.

– Извини. – Он меня поцеловал. – Как ты провела день?

– Кажется, это что-то вроде проверочки перед тем, как мы поженимся? – поинтересовалась я.

– Что-то вроде, – согласился он. – Но не бойся, я не буду часто тебя ими донимать. – Он положил на стол коробку шоколадных конфет.

– О Тим, спасибо. – Я тоже его поцеловала. – Я их обожаю.

– По-моему, на пару дней тебе надо забыть про свою диету, – сказал он, открывая коробку. – У них срок годности одна неделя.

Я вспомнила о совете доктора Бирн и выбрала себе самую большую и украшенную кремом шоколадку.

– Обед готов, – вспомнила я, жуя шоколад. – Ты как, голоден?

– Да будь я хоть прямиком со званого обеда, я бы все равно тебе

сказал, что голоден, как волк! К тому же запах очень аппетитный!

– Но ведь ты же не со званого обеда, не правда ли? – подозрительно спросила я.

Он засмеялся.

– Нет! Я же знал, что ты дома и приготовишь мне что-нибудь горячее.

– Ну вот и хорошо, – облегченно вздохнула я. – Садись и ешь.

Я положила ему на тарелку бифштекс, тушеные овощи и запеченный картофель.

– Что это? – Он с отвращением уставился на овощи.

– Кукуруза, горошек, баклажаны, сладкий перец, – сказала я. – Эту смесь я нашла у тебя в морозильнике.

– Неужели? – с ужасом спросил он. – Наверное, я забыл это выбросить, когда недавно чистил холодильник.

После ужина мы смотрели ТВ. Мы так уютно устроились рядышком, что внезапно я почувствовала долгожданное спокойствие.

– На следующей неделе в это же время все уже будет кончено, – тихо сказал Тим.

– Ой, не говори!

– Почему? Ты что, не хочешь замуж?

– Очень хочу! – Я прижалась к нему покрепче. – Просто ты так сказал – все будет кончено, – как будто, когда мы поженимся, твоя жизнь будет кончена или, во всяком случае, совершенно изменится.

– Конечно, она изменится, – решительно заявил он. – Станет намного лучше. Тем более что на следующей неделе в это же время мы будем в Венеции.

Я радостно вздохнула.

– Просто трудно в это поверить!

– Жаль, что только на неделю, – продолжал Тим. – Но я тебе обещаю, что летом мы поедем куда-нибудь далеко и надолго.

– Куда? – лениво спросила я.

– В Мексику, на Ямайку, на Сейшелы...

– Говори еще. Такие приятные названия.

– Мы поедем, куда ты захочешь, моя дорогая, – продолжал Тим. – Я очень хочу, чтоб ты была счастлива.

Некоторое время мы посидели молча.

– Тим! – сказала я через некоторое время.

– Да?

– Можно я тебя кое о чем спрошу?

– Конечно. Спрашивай, дорогая.

– Это глупо...

– Итак?

– Я не хочу, чтобы ты считал меня сумасшедшей...

– Не беспокойся, я и так это знаю. – Он поерошил мои волосы. – Итак, что тебя мучит?

Я глубоко вздохнула.

– В твоей аптечке я сегодня нашла женские духи...

Наступило неловкое молчание. Я смотрела в пол и чувствовала себя очень виноватой.

– Изабель, ты действительно настоящая дурочка, – наконец произнес Тим. – Они там стоят сто лет.

Я рискнула на него посмотреть.

– Это духи Лауры, – ворчливо признался он, и мое сердце ушло в пятки. – Она ночевала здесь однажды.

Я облизала губы.

– Мы поздно работали, и она решила остаться. Так уже и раньше случалось пару раз.

Я сглотнула.

– У нас были совершенно платонические отношения! – горячо продолжал Тим. – Она слишком похожа на тебя. Я в принципе не мог затащить ее в постель, даже если бы хотел.

– Почему?

– Не знаю почему. – Наш разговор его явно раздражал. – Наверное, для этого имелись какие-то серьезные психологические причины. Я уже сто раз тебе говорил, что у нас с ней ничего не было.

Я облизала губы.

– Ради всего святого, Изабель! – Кажется, Тим разозлился не на шутку. – Просто поверить не могу, что ты огорчаешь по такому поводу!

У меня на глазах навернулись слезы.

– Сама не знаю, что со мной, – прошептала я.

– Ты подозреваешь, что у нас с ней был роман? – напрямик спросил он.

– Нет.

– Так что же? Откуда эти слезы, Изабель?

– Не знаю.

Он притянул меня к себе.

– Ты просто глупенькая, Изабель. Больше я ничего не могу на это сказать.

– Наверное, – прошептала я. Он вздохнул.

– Я знаю, ты и раньше по поводу нее расстраивалась. – Он говорил со мной, как с ребенком. – Но клянусь тебе, у нас с ней ничего не было. Я ее даже ни разу не целовал.

– Извини. – Я вытерла капающие из глаз слезы. – Я сама не знаю, что со мной происходит, Тим.

– Иди сюда. – Он крепко прижал меня к себе. – Я тебя люблю, Изабель.

Мне было приятно снова слышать от него эти слова. Я закрыла глаза и постаралась отдаться внутреннему спокойствию. Но вдруг вспомнила кое-что еще.

– Тим! – Я снова открыла глаза. – Я хочу тебе задать еще один вопрос.

– Еще один? Сколько можно!

– Ну пожалуйста, Тим! Это очень легкий вопрос!

– Хорошо, задавай. – Он сурово смотрел на меня. Я долго мялась, не в силах подобрать нужное слово.

– Ну, в общем... – наконец выдавила я из себя. – Лаура никогда не оставляла здесь свои серьги?

– Серьги? – Он смотрел на меня, как на безусловно помешанную. – С чего это ей... Подожди-ка... Золотые? С рубинами?

Я молча кивнула головой.

– Да, было дело, – наконец вспомнил он. – Мы работали, и ей понадобились наушники. Серьги ей мешали. Она сняла их, а потом забыла надеть. Потом она меня о них спрашивала. Я думал, что куда-то их положил, но не мог нигде найти. Изабель, что случилось с ее серьгами?

– Я выбросила их в туалет! – горестно созналась я. Он смотрел на меня в полном недоумении. Мне хотелось тут же свернуться и умереть.

– В туалет? – переспросил он, как будто не совсем вникнул в смысл слов. И вдруг начал смеяться. – О Изабель, ты действительно сумасшедшая! Вот за это я тебя люблю!

– Ты уверен? – дрожащим голосом спросила я.

– Более чем в чем-либо еще! Этой ночью я осталась у него дома.

Глава 37

РАССВЕТ 2

(Хуан Миро, 1964)

В восемь я была уже на ногах. Мне нужно было срочно вернуться домой.

Во-первых, отец ждал, когда я верну ему машину, а во-вторых, я едва не забыла про сегодняшнее собеседование.

– Ты куда? – сонно пробормотал Тим.

– Домой. Отец ждет машину.

– Иди сюда. – Он высвободил из-под одеяла руку. – Обойдется твой отец без машины.

– Не обойдется. И к тому же у меня сегодня собеседование.

– Что? – Он рывком сел на кровати. Волосы торчали у него на голове ежиком.

– Собеседование. – Я торопливо одевалась. – В десять утра.

– Какое еще собеседование?

– Относительно работы.

Некоторое время он что-то соображал. Потом спросил:

– Почему ты мне раньше о нем ничего не сказала?

– Забыла. – Я поцеловала его в лоб. – Ты совершенно заморочил мне голову, и я забыла обо всем на свете.

– Расскажи мне о нем подробнее, – потребовал он.

– Да что рассказывать? – Я присела на край кровати. – В объявлении говорилось о должности администратора. Оказалось, что учреждение называется Истман-колледж.

– Никогда о таком не слышал, – пробормотал Тим.

– Я тоже. Я послала туда анкету перед Рождеством – почти без всякой надежды.

– Но сегодня идти на собеседование – это абсолютно нелепо! – сварливо возражал Тим.

– Почему это?

– Неужели это надо объяснять? У нас свадьба на той неделе!

– Ну, они вряд ли согласятся ждать целую неделю. У них, наверное, стоит очередь из желающих. К тому же если все сойдет благополучно, то зачисление на работу состоится не раньше чем через две недели.

– Все равно. – У него был обиженный вид. – Надо было сразу мне обо всем рассказать.

– Я бы и рассказала, – успокоила его я. – Но вдруг забыла. – Я снова заторопилась уходить. – Знаешь, Тим, если я сейчас не уйду, то у отца поднимется давление.

– Хорошо, иди, – пробурчал Тим. – Я не хочу нести ответственность, если твой отец окажется на больничной койке.

Дома мать в точности повторила сцену с Тимом.

– Какое собеседование? – спросила она. – Никаких собеседований не может быть, когда у тебя на носу свадьба!

– Мам, ты меня напрягаешь!

В Истмановском колледже я появилась ровно в десять часов. Это было внушительное здание в георгианском стиле, роскошно отделанное и модернизированное изнутри. Меня пригласили подняться на второй этаж. Почему-то я ожидала, что звонившая мне женщина, Мериэнн, будет двойником Габриэлы. Но ничуть не бывало, Мериэнн выглядела лет под пятьдесят, и волосы у нее были посеребрены сединой. Одета она была в простой синий костюм без украшений, и лицо почти без всякой косметики. У нее была замечательная, искренняя улыбка, от которой мне сразу стало как-то спокойно.

– Здравствуйте, Изабель.

– Здравствуйте.

– Садитесь.

Она открыла папку и вынула оттуда мое резюме.

– У вас очень впечатляющий послужной список, – сказала она. – Расскажите мне подробнее о своей работе.

Она слушала мой рассказ, не перебивая, и делала в своем блокноте кое-какие заметки. Когда я рассказала ей про замужество на будущей неделе, она удивленно подняла брови. Потом она задала мне кое-какие вопросы, мы поговорили об Истмановском колледже и о той работе, которую мне, возможно, придется вести. Сама Мериэнн будет приезжать сюда только два раза в месяц, и на меня ляжет полная ответственность за все текущие дела. Такая перспектива показалась мне очень впечатляющей.

– Рада была с вами познакомиться, – сказала она мне на прощание. – Но ответ смогу вам дать не раньше конца недели. – Она улыбнулась. – По существу, не раньше вашего замужества!

Мы пожали друг другу руки. Я шла по улице и вновь переживала все свои ответы. Мне показалось, что они были правильными. И что у меня хорошие шансы получить эту работу. Я страстно желала ее получить,

потому что она мне очень понравилась. Я поняла, что многое смогу сделать для Истмановского колледжа.

Мать была очень недовольна тем, что я ходила на собеседование.

– Я думала, вам с Тимом надо поскорее завести детей, – сказала она. – И поэтому тебе нужна сейчас совсем простая работа, далекая от всяких стрессов. Отвечать на телефонные звонки, например.

– Отвечать на телефонные звонки, – возразила я, – может быть очень нервной работой. Что может быть стрессоопаснее, чем положение в самом низу иерархии, то есть отсутствие контроля над своим временем и над своими действиями? Каждый день бояться, что опоздаешь на пять минут, – разве это не стресс?

Она вздохнула.

– Ну что ж, значит, ты знаешь, чего хочешь...

Наша свадьба была назначена на понедельник. Такой несуразный день был выбран потому, что ни за какие деньги невозможно было заказать зал в отеле на субботу. Я боялась, что в связи с этим гости из Испании не придут, найдут предлог, чтобы вежливо отказаться. Но Луис, Габриэла и Магдалена прилетели в субботу днем, как и обещали, и я заказала на вечер столик в одном из ресторанов Дублина. Туда же должны были явиться Жюли и Алисон с Питером. Я предвкушала этот вечер с особым чувством.

И действительно, когда испанцы приехали в ресторан, наша встреча оказалась очень теплой. Объятиям и восклицаниям не было конца. Глядя на них, я поняла, насколько сильно по ним соскучилась. Потом я представила им Алисон, Жюли и Питера.

– Я много о вас слышала, – обратилась Габриэла к Алисон. – Изабель много рассказывала о своей жизни в Ирландии.

– Она наверняка лгала, – улыбнулась Алисон. – Выставляла себя ангелом.

Габриэла тоже засмеялась.

– Не всегда.

Мы заговорили об отеле, в котором остановились испанцы.

– Он на берегу моря, – восторженно сказала Магдалена. – Море – это фантастика! Я никогда даже представить себе не могла, чтобы оно бывает такого цвета. Да еще с белыми гребешками на волнах!

Мы заговорили о моей свадьбе.

– Все ли у тебя готово, Изабель? – спросила Габриэла.

– Абсолютно, – ответила я. – Осталось только нажать кнопку и

запустить свадебную машину.

– Или не нажимать кнопки и не запускать машину, – вдруг брякнула Магдалена и тут же пожалела, что такие слова сорвались у нее с языка. Все застыли на минуту в каком-то ледяном молчании, с испугом глядя на меня.

– Не беспокойтесь, машина будет запущена, – спокойно объявила я и налила себе пива.

Все вдруг заговорили одновременно, торопясь произнести вслух первое, что приходило им в голову. Я смотрела в меню и старалась игнорировать вызванную словами Магдалены неловкость. Атмосфера развеялась, только когда принесли еду и все занялись обглаживанием куриных крылышек.

– Как бизнес? – спросила я Габриэлу.

– Отлично, – ответила она. – Мы подписали контракт с одной страховой компанией на два года, а в четверг у нас презентация в банке. Год начался успешно.

– Расскажи о себе, Изабель, – попросил Луис. – Тебе понравилось лениться?

– У меня как раз вчера было собеседование, – сообщила я.

– Собеседование! – Жюли это известие поразило. – Зачем оно тебе?

Я рассказала им про Истмановский колледж, и про Мериэнн Лиси, и про то, что я надеялась произвести хорошее впечатление и получить эту работу.

– В качестве рекомендации я произнесла твое имя, Габриэла, – добавила я.

– Ты совершенно права, – ответила та. – Ты же знаешь, что я всегда дам тебе хорошую характеристику. Кстати, если ты когда-нибудь вернешься в Мадрид, то работа тебе там обеспечена.

– Спасибо, – пробормотала я. У меня в горле внезапно образовался комок. Хорошее отношение Габриэлы оставалось непоколебимым до сих пор.

– Без тебя у нас все не так, – со смехом сказал Луис. – Никто не напевает, когда ходит по офису.

– Смешно! – Я присоединилась к общему смеху. В Мадриде стоило мне замурлыкать какой-нибудь мотивчик, как остальные тут же начинали подпевать.

– Расскажите нам про Америку. – Луис обратил свой шарм на Жюли. – Какая там жизнь?

Она начала рассказывать про Флориду, про Энди и про свой дом. Я вообще заметила, что про дом она готова говорить без конца. Неужели у

нас с Тимом будет точно так же, подумала я. Неужели после замужества у нас сменятся все приоритеты? И вопрос о том, какую аптечку повесить в ванной – хромированную или золотую, станет вопросом жизни и смерти?

– Лично мне нравится золотая, – сказала Габриэла. – Но только если ванная большая. В маленьком пространстве золото будет подавлять.

– И я того же мнения, – согласилась Жюли. – Но у нас ванная небольшая.

Мы обменялись с Питером Хафни понимающими взглядами и начали хихикать.

Алисон тут же заинтересовалась, что нам показалось таким забавным, но я замотала головой:

– Ничего! Ничего!

Одновременно мы отдавали должное еде и напиткам. Жюли наотрез отказывалась выпить даже самый слабый коктейль.

– Самое интересное в беременности то, – сказала она, – что женщина совершенно забывает о себе и делает только то, что полезно ребенку.

– Слушай, – воскликнула я, – хочешь пей, хочешь не пей коктейль. Только если соберешься пить, то не казни себя!

Жюли решила пригубить, а мы не отказали себе в удовольствии заказать еще порцию спиртного.

– Что вы завтра делаете? – спросила я испанцев, когда мы опустошили свои стаканы.

– Идем осматривать город, – ответила Магдалена. – У меня есть путеводитель.

– Некоторые магазины открыты по воскресеньям, – сказала Алисон. – Можно в них заглянуть.

– Никаких магазинов! – воскликнула Габриэла. – У меня на кредитной карте почти ноль!

– Наверное, ты купила это? – спросила я. Она была одета в роскошный янтарный костюм, который сидел на ней великолепно.

– Это, и еще джинсы, и джемпер, и туфли. Альфредо сказал, что если я принесу в дом еще хоть что-нибудь из одежды, то он со мной разведется.

– Держи это в уме. – Питер подтолкнул локтем Алисон. – Если ты тоже ударишься во все тяжкие и начнешь кутить – нашему браку конец.

– Спи спокойно, дорогой, – ответила Алисон. Луис заказал новые коктейли.

– Не надо, Луис! – взмолилась я. – У меня на завтра остались дела, и мне нужна чистая голова.

– Ты же говорила, что все сделано? – запротестовал Луис.

– Почти все, – уточнила я. – К Тиму домой надо завезти кое-какие вещи. И надо сделать маникюр.

– Хорошо, – согласился Луис. – А как насчет ирландского кофе?

– Ирландский кофе подойдет, – вздохнула я. Алкоголь сделал меня совершенно безвольной. Я откинулась на спинку стула и почувствовала себя абсолютно расслабленной и в гармонии со всем миром. Вокруг были мои друзья. Мне с ними было очень хорошо.

– Я устала! – объявила Жюли.

– Я тоже! – поддакнула ей Габриэла, зевая.

Я заплатила по счету, отвергая все попытки Луиса сделать это вместо меня. Мы вышли на ночной холод. В небе светила зимняя луна, в гавани серебрилась лунная дорожка. Жюли ежилась. Стальные тросы лодок позванивали на ветру, как в ту ночь, когда мы впервые встретились с Тимом. Он положил руку мне на плечо, и мы пошли вдоль набережной, и я сказала "Bay!".

Невидящими глазами я смотрела на гавань, словно на машине времени внезапно перенеслась на несколько лет назад, словно все произошедшее за эти годы мне только приснилось. Алисон ткнула меня в бок и тем привела в чувство.

Испанские гости забрались в такси и укатили в отель.

– До понедельника! – успела прокричать на прощание Габриэла.

Алисон, Питер, Жюли и я поймали еще одно такси. Я села на заднее сиденье и вдруг почувствовала страшную усталость. Когда мы подъехали к дому, я крепко спала.

На следующее утро голова у меня почти не болела. Очевидно, помогали таблетки доктора Бирн. Все утро я укладывала вещи и собиралась отправиться к Тиму. Тим пил кофе на кухне и заявил, чтобы я делала, что хочу, а ему нужно на некоторое время уйти.

– Ты куда, Тим?

Вид у него был сконфуженный.

– У меня встреча с сослуживцами.

– Тим! – Я взглянула на него с ужасом. – Вы же устраивали холостяцкую пирушку вчера вечером!

– Устраивали, – согласился он. – Но не устроили. Родители пригласили вчера каких-то дальних родственников и попросили меня прийти. Пришлось перенести пирушку на сегодня.

– Тим Мэлон! А что будет, если ты налижешься сегодня в стельку? – спросила я.

– Не налижусь. – Он обнял меня за плечи. – Без паники, Изабель. Завтра я буду как огурчик. Вовремя приду на свадьбу и еще тебя буду дожидаться.

– Я тоже буду вовремя, – вздохнула я. – Ты же меня знаешь: пунктуальна, как хронометр.

Он осторожно поцеловал меня в губы.

– Я буду себя хорошо вести, честно, – заверил он. – Мы уже не дети. Пора нам остепениться, взяться за ум.

Я посмотрела на него с сомнением. Представить себе компанию мужчин в пабе – остепенившихся и взявшихся за ум – было очень трудно.

– И ничего ужасного я им с собой сделать не позволю! – заявил он решительно.

Эта мысль показалась мне ужасной. В моем мозгу проплыли картины Тима, прикованного нагишом к парапету набережной. Или Тима, пьяного до бесчувствия, которого товарищи затаскивают в такси и отправляют домой. Или Тима в бессознательном состоянии, с обритой головой. Меня вернул к реальности голос Тима.

– Изабель! – смеялся он. – Я же тебе говорю: мы уже взрослые, серьезные люди.

Но по возвращении домой у меня никак не проходило предчувствие, что должно произойти что-то ужасное. Я пожалела, что он рассказал мне о своей холостяцкой пирушке сегодня.

Возле дома было припарковано такси. К моему удивлению, в гостиной меня ожидала Бриджет Эванс-Медина.

– Я только что вошла, – объяснила она после поцелуев и объятий. – Хотела оставить тебе подарок и сразу же уйти.

– О Бриджет, останься хотя бы на чашку чая! Мы отпустили такси и принялись болтать.

– Томас не мог приехать, – рассказывала она. – Он сидит дома с Кристофером.

– А как у вас дела с Томасом?

Она улыбнулась.

– Сейчас немного лучше. А сперва было очень трудно, Изабель. Я такого просто не ожидала. Но сейчас мы оба изменились.

– А что ты ожидала? – с любопытством поинтересовалась я. – До какой степени твои ожидания не соответствовали действительности?

– Я не знаю. – Она слегка поморщилась. – Наверное, я ожидала, что наша жизнь будет сплошной романтикой, что он останется таким же

восторженным влюбленным, каким был до свадьбы. Но такого не могло быть в принципе. Когда находишься рядом с человеком каждую минуту, отношения меняются. И забеременела я слишком быстро. Очевидно, он хотел таким образом привязать меня к дому.

Я участливо смотрела на нее.

– У него вообще против меня было предубеждение, – продолжала она. – Он считал, что я должна сидеть дома и вести хозяйство. – Она вздохнула. – Мы пришли к компромиссу.

– Я рада. Я рада, что компромиссы возможны.

– Я тоже. – Она слегка улыбнулась. – Ты знаешь, дело дошло до того, что я подумывала уйти от него. Но потом поняла, что я его люблю, что он для меня слишком много значит...

– Я понимаю твои чувства, – сказала я. – Как приятно сознавать, что мы прошли через период сомнений и устроили свою жизнь. Ты и Томас, я и Тим, Барбара и Нико.

– Барбара и Нико? – Она удивленно воззрилась на меня. – Что ты этим хочешь сказать?

– Они встречаются. Разве ты не знаешь?

– Я знаю, что один раз она приглашала его на ужин, – сказала Бриджет. – И что она ходила с несколькими друзьями слушать его игру. Но они не встречаются.

Настала моя очередь воззриться на нее с удивлением.

– А разве они не уехали в Севилью в эти выходные?

– Нет. – Бриджет уверенно покачала головой. – Барбара сейчас в Ливерпуле. Она уехала туда неделю назад.

– Ты уверена?

– Конечно, уверена. Я ей недавно звонила, спрашивала, приедет ли она на свадьбу. Я знаю, она говорила тебе, что не приедет, потому что у нее много работы, но хотела удостовериться, а вдруг она передумала?

– О работе она мне ни слова не сказала, – медленно произнесла я. – Она говорила только о том, что едет в Севилью, причем с Нико.

Бриджет захихикала.

– Может, она говорила так, чтобы удостовериться, что ты переболела Нико. Я знаю Барбару. Может, она боялась, что если ты будешь знать, что он свободен, то у тебя появятся сомнения относительно свадьбы.

– Это смешно!

– Разумеется, смешно. Но Барбара всегда неровно дышала к Нико. Ей так хотелось с ним встречаться! А на тебя она очень злилась, Изабель. Сперва за то, что ты с ним встречалась, а потом за то, что ты его бросила.

- Какая глупость. – Мне хотелось отогнать от себя это наваждение.
- Разумеется. – Бриджет была со мной совершенно согласна. – Но теперь это уже не имеет значения. Насколько я знаю, с Нико все в порядке. В "Люксе" он больше не играет.
- Не играет?
- Нет. Томас рассказывал, что он, кажется, получил повышение по службе. И теперь невероятно занят. Работает по вечерам, по субботам.
- Но, может, он играет в Ретиро-парке?
- Это зимой-то? – Бриджет засмеялась. – Он, конечно, сумасшедший, но не до такой же степени, Изабель! – Она посмотрела на часы. – Знаешь, мне пора идти. У меня здесь друзья, и у нас с ними назначена встреча.
- О Бриджет! Спасибо, что зашла.
- Я тоже была рада тебя увидеть, Изабель. Просто жду не дождусь завтрашнего дня.
- Мы обнялись.
- Завтра в это время мы обе уже будем замужними женщинами, – сказала я.
- Несомненно, – подтвердила она.

Глава 38

ВОЛОСЫ, КОТОРЫЕ РАЗВЕВАЮТСЯ ВО ВРЕМЯ ПОЛЕТА ГАЛАКТИК

(Хуан Миро, 1940)

Перед сном я вышла поставить на порог пустые бутылки из-под молока и засмотрелась на небо. Оно светлело яркой полосой Млечного Пути, и я почувствовала себя маленькой и незначительной. Возможно, у всех этих звезд есть собственные планеты. И на них живут люди вроде нас, женщины, которые тоже волнуются, что их жених отправился на пирушку с друзьями как раз накануне свадьбы. Я помолилась, чтобы с Тимом не случилось ничего ужасного. Что будет со мной, да и со всеми, если утром обнаружится, что друзья сыграли с ним какую-нибудь глупую шутку, отправили куда-нибудь за город, например? Тогда все пойдет наперекосяк.

Я вообразила, что скажет на это мать. И отец. При мысли об этом мне стало даже смешно.

– Мы тебе говорили! – злорадно воскликнут они. – Он никогда тебе не подходил, Изабель!

Меня пробрал озноб, и я ушла в дом. Дверь я закрыла на замок и на щеколду.

Все были дома. Ян слушал свои компакт-диски, Алисон лежала на диване с очистительной, увлажняющей и омолаживающей маской на лице.

– Ну и как? – спросила я.

– Что как?

– Как твоя неземная красота?

– Заткнись! Ты хочешь, чтобы завтра я выглядела, как промокашка?

– Ну что ты, я нисколько не сомневаюсь в твоих масках! Но сама собираюсь воспользоваться сном красоты и отправляюсь в постель.

– Хорошая идея, – вставила мать, которая делала себе маникюр. – Тебе надо отдохнуть.

Все согласились, что мне надо отдохнуть, и я отправилась к себе в комнату. Спать мне не хотелось, но было желание побыть одной. Весь день домашние толковали только о свадьбе, о прическах, о церкви, о певице (антибиотики Стелле не помогли, и завтра должна была петь незнакомая нам девушка), о шампанском, об оркестре, о зале в отеле, причем

повторяли одно и то же по сотне раз и довели меня едва ли не до полного изнеможения. А когда я не смогла ответить матери на вопрос, заказан ли на первое копченый лосось, то она начала меня расспрашивать, хорошо ли я себя чувствую, и не болит ли у меня голова, и не поднялась ли у меня температура, и не случилось ли у меня чего-нибудь непредвиденного?

– Да, у меня температура! – огрызнулась я. – И что характерно – нормальная!

Мать обиженно поджала губы, а я почувствовала себя виноватой. Ян тоже ушел в свою комнату, и через стенку я слышала брэнчание гитары, такое успокоительное, тихое. Я села к зеркалу и начала ритуал борьбы с пятнами на лице: очищение, увлажнение, тонирование и так далее. Завтра в это же время я уже стану Изабель Мэлон, сказала я себе. Я стану женой Тима, улыбнулась я своему отражению в зеркале.

"Изабелла, нежная моя, Изабелла", – вдруг послышался в моей голове знакомый голос.

"Что это? Неужели такое возможно?" – безжалостно спросила я себя. Если бы Бриджет не появилась и не рассказала мне о Барбаре и Нико, то неужели я бы тоже вспомнила сегодня о нем?

Это значило, что он не бросил меня ради Барбары. Я его бросила. Ради Тима. И остаюсь в полной уверенности, что поступила правильно. Но думать о нем я не могла себе запретить.

Интересно, а если бы мы с Тимом поженились вовремя, то думала бы я точно так же о своих бывших бойфрендах?

Я закрыла глаза и представила себе Тима. Какой он красивый в черном смокинге, с бутоньеркой в петлице! Я шла к нему навстречу по церковному проходу, и он мне улыбался, а потом вдруг начал смеяться, глядя на мое смешное экстравагантное платье.

Я снова открыла глаза. Почему смешное и экстравагантное? У меня прекрасное, восхитительное платье! Я постаралась справиться с удушьем и отогнать от себя дурное видение. Все будет хорошо, повторяла я себе. Это нервы пошаливают.

В кровати было холодно. В Мадриде я привыкла спать в двуспальной кровати, а с некоторых пор меня грело в ней воспоминание о Нико. "Снова этот Нико!" – вскрикнула я безмолвно. Никакого Нико для меня сейчас не существует! Да, у нас было что-то вроде любви, но любовью, которая кончается замужеством, это не назовешь. Не то что с Тимом.

Изабелла, нежная моя. Я не просто не хотела думать о нем – я о нем не думала! Так почему же он явился мне сейчас? Именно сегодня ночью? Когда мне больше всего нужен покой и умиротворение? Когда меня больше

всего на свете волнует Тим, которого могут приковать наручниками к фонарному столбу в Доннибруке? Я люблю Тима, и он любит меня. Сколько раз он мне это повторял после моего возвращения домой? Сотни? Тысячи раз? Наконец-то он любит меня так же сильно, как я его. В этот раз именно Тим захотел поскорее попасть в брачный капкан, именно Тим начал разговор о переустройстве дома, именно Тим не хотел ждать до дня свадьбы! Следовательно, мне не надо беспокоиться о том, что на свадьбе мы его не дождемся, что он позвонит мне и скажет: "Прости, дорогая, я передумал". Такого с ним теперь не случится.

Все идет хорошо. Все проблемы улажены. Мне остается только выспаться и завтра утром обрести самый лучший, сияющий вид.

Я слышала, как семейство один за другим расходится по своим комнатам. Мать попросила Яна сделать потише звук проигрывателя. Алисон сунула голову ко мне в комнату и прошептала: "Спокойной ночи". На завтрашний день она возлагала большие надежды. Сшитое мной платье ей очень нравилось. Костюм матери тоже удался. Завтра мы все втроем будем выглядеть достойно.

Около двух я наконец уснула. И снова мне приснился сон об отце О'Брайене и старых занавесках вместо платья. Я вскочила в холодном поту, начала искать свой ингалятор, в потемках уронила его на пол, потом случайно забросила под кровать. Пришлось долго ползать на четвереньках и нашаривать его там. Когда я была маленькая, то верила, что под кроватью живут злобные уродливые создания. Даже теперь мне не очень нравилось запускать руку под кровать.

Ребячливая, глупая, никак неспособная повзрослеть Изабель. Я приняла лекарство и немного успокоилась. Не хватало, чтобы завтра на свадьбе у меня случился приступ удушья. Если не нюхать специально букет, то этого можно избежать, думала я. Мой букет был вполне традиционным: красные и белые гвоздики, в окружении гипсофилы.

Я снова легла и попыталась заснуть. Но у меня ничего не получалось. Пришлось зажечь свет. Состояние было такое, что даже читать я не могла как следует: я не могла сосредоточиться. В конце концов я сошла вниз и приготовила себе чашку чая.

Я старалась не шуметь, но через пять минут Алисон тоже появилась на кухне. Я молча достала вторую чашку и тоже приготовила ей чай с молоком.

– Я услышала внизу шум, – сказала Алисон.

– Не надо было спускаться, – вполголоса ответила я. – А вдруг вместо меня здесь орудует бандит? Он бы проломил тебе башку.

Она засмеялась.

– Риск, конечно, был, – согласилась она. – Но, кроме того, я слышала, как открывается дверца холодильника. Вряд ли бандит заинтересовался содержимым нашего холодильника.

Некоторое время мы пили чай молча.

– Не можешь уснуть? – спросила Алисон.

– Сидела бы я здесь, если бы могла уснуть!

– Неужели со мной будет то же самое? – задумчиво спросила Алисон.

– Не знаю, – вздохнула я. – Может быть, это в порядке вещей. Лежишь без сна и думаешь, а правильно ли ты поступаешь, выходя замуж. И вспоминаешь всю свою жизнь, и надеешься, что впереди тебя ждет только хорошее.

Алисон понимающе кивнула.

– Не то чтобы я не хотела выходить за него замуж, – продолжала я. – Просто человек всегда надеется, что все будет так, как он хочет. И в конце концов понимает, что так не бывает.

– Но ты же всегда можешь развестись! – беспечно заявила Алисон.

– Странно думать об этом перед свадьбой, – усмехнулась я. – Как можно стоять в церкви и думать, что это все не имеет значения, потому что в любой момент ты можешь подать на развод? Хочется надеется, что выбор сделан.

– Слушай, значит, у тебя завелись сомнения? – Она долила себе в чашку молока.

– Нет, – ответила я. – Просто мысли.

Мы сидели в молчании. Вдруг стрелки кухонных часов сделали крутой разворот по циферблату. Это значило, что им требуется новая батарейка.

– Тебе не обязательно выходить за него замуж, – мягко сказала Алисон. – Если ты не хочешь.

– Не говори глупостей! – Я встала и вымыла свою чашку под краном. – Сегодня ночью он гуляет с сослуживцами. Я просто волнуюсь, что завтра утром он не сможет явиться на бракосочетание.

– О Изабель! Только не это!

– Согласна. Но похмелья ему все равно не избежать.

Она захихикала.

– И глаза у него будут розовые!

– Ты даже это заметила? – воскликнула я. – Что у него становятся розовые глаза?

– У большинства людей так происходит.

– Но он обещал, что не будет много пить.

– А когда из мастерской возвращают фотографии, то объясняют, что надо делать, чтобы глаза не были красными. Когда снимают со вспышкой, надо отойти подальше.

Мне тоже стало смешно:

– А они не объясняют, что накануне вечером нельзя много пить?

Через некоторое время мы разошлись по своим комнатам.

Утро наступило абсолютно волшебное. На безоблачном небе светило яркое солнце, с юга – просто чудо какое-то! – дул легкий ветерок, так что стало даже почти тепло.

В доме царил хаос. Мать взяла на себя командные функции в смысле регулирования очереди в ванную. Ян решил проявить сознательность и принести пользу обществу: он впервые в жизни собрался погладить себе рубашку и моментально прожег в ней дыру. Алисон объясняла ему, что позиция три на утюге означает: "очень горячо". Отец бродил вокруг дома, подыскивая слова для своей торжественной речи.

Я вспомнила о решении Жюли сходить с утра перед свадьбой в ресторан позавтракать, и мне тоже захотелось последовать ее примеру. Накануне я заснула только около пяти, и вид у меня был соответствующий. Вокруг глаз черные круги, пятна на лице стали еще ярче. Я долго боролась с ними с помощью клерасила, чтобы подготовить кожу для косметики.

В одиннадцать мы с Алисон отправились в парикмахерский салон.

– Как только вернусь из Венеции, сразу же остригусь! – мстительно пообещала я своей стилистке.

– Вам и так очень хорошо, Изабель, – ответила она. – Немного терпения, и ваши волосы сами улягутся, как надо.

– Терпение не относится к числу моих самых сильных качеств.

– Придется побрызгать спреем, – задумчиво сказала она.

Я не возражала, хотя от спреев у меня неминуемо начинался приступ удушья. Пока она брызгала, я задержала дыхание, выжидая, пока в воздухе прекратится движение ядовитых молекул. Но приступ все равно начался. Минут восемь я задыхалась под участливые взгляды Алисон и стилистки, и слезы катились у меня из глаз. Потом я заплатила за прическу, и мы покинули салон. Домой мы возвращались на машине.

– Замечательно! – бурно реагировала Алисон. – Это тот самый день, когда все исполняют только твои желания!

– Это тот день, когда все стараются меня не огорчать, – поправила я. – Но это тоже приятно.

В доме воцарились тишина и покой. Отец наконец нашел нужные

слова, мать делала макияж, Ян взялся гладить другую рубашку, и на этот раз ее не испортил.

– Волосы тебе хорошо уложили, – сказала мать, глядя на меня. – У тебя такой юный вид!

– Спасибо.

– Я приготовила суп и сэндвичи. Не забудь, что до ужина еще очень далеко.

– Я не хочу есть.

Желудок у меня словно свело, по всему телу периодически прокатывались волны адреналина, которые отдавались в животе болью. Но мать едва не насильственно накормила меня куриным супом и сэндвичами, и я поняла, что она права.

– Кстати, когда ты была в парикмахерской, звонил Тим, – сообщила мать как бы между прочим.

– Ну и? – с беспокойством спросила я.

– Он сказал, что к полуночи благополучно вернулся домой и в два часа будет ждать тебя в церкви. – Тут она наклонилась ко мне поближе и доверительно сообщила: – Должна сказать, Изабель, что у меня были серьезные сомнения в правильности твоего решения. Но теперь мне кажется, что все к лучшему. Раньше Тим еще не созрел для брака. А теперь созрел.

– Да и я тоже изменилась, мам.

– Ты всегда была созревшей, – уверенно сказала она. – Девушки раньше созревают.

Оставалось только прикрепить на голове фату. Алисон помогла мне это сделать, и мы обе отступили на шаг от зеркала.

– Изабель! Как красиво!

– Спасибо.

– И фата замечательная.

Я фыркнула.

– Мне не хотелось никаких длинных вуалей. Это все Тим придумал.

– Ему-то что?

– Наверное, это какая-то мужская фантазия относительно девственных невест и всего такого прочего.

Алисон залилась смехом.

– Опростоволосился один раз, а теперь из кожи вон лезет!

– Алисон Кавана! – Я слегка ткнула ее в бок. – Не смей говорить мне о нем такие вещи!

– Правда глаза колет! – радостно сообщила она.

Я поправила вуаль. В это время в комнату вошла мать и при виде меня начала плакать. Я обняла ее и сказала, что люблю ее, но она продолжала рыдать мне в плечо, и я боялась, что весь ее макияж останется на моем платье.

– Ладно, – наконец успокоилась она. – Ничего с твоим платьем не случится. Кстати, отец хочет сделать фотографию в саду.

Торжественной процессией мы спустились вниз. Отец сделал нашу фотографию возле кухни. Потом мы установили фотоаппарат на таймер и все встали под яблоней. Камера зажужжала и сфотографировала нас.

– Вот и отлично, – обрадовался отец. – Мы все получились впятером.

– Кажется, машины приехали, – сообщила мать. – Нам пора ехать.

– Увидимся в церкви, – сказала я.

Отец проводил их до двери. Я стояла на кухне и смотрела в сад. Хорошо иметь тридцать секунд в своем распоряжении.

Отец взял меня за руку и повел к машине. Он молчал, и я была благодарна ему за это. В этом смысле он понимал меня лучше, чем мать.

Возле церкви суетился фотограф со своей камерой. Здесь он сфотографировал нас дважды, потому что сказал, что в нужный момент я зачем-то опустила голову.

– Посмотри вверх, Изабель! – закричал он.

Я посмотрела, и фотография благополучно получилась.

Стоять у дверей церкви – это очень странное ощущение. Проход до алтаря казался мне необыкновенно длинным. Под ногами расстилалась красная ковровая дорожка, и гости казались где-то далеко в стороне от моего пути. Но Тима я хорошо разглядела вдали. Он явился сюда вовремя, как и обещал. Меня вдруг охватило такое облегчение, что я начала дрожать. Отец сжал мою руку, мне стало лучше. Надо было глотнуть лекарства из ингалятора перед тем, как входить в церковь, подумала я, но, разумеется, сделать это забыла.

Под сводами ожил орган. Мы с отцом медленно шли по проходу. У меня кружилась голова. На краю каждого ряда был прикреплен очень элегантный маленький букет красных и белых цветов, перевязанных шелковыми лентами. Такие же цветы в алтаре казались просто волшебными.

Я начала узнавать людей, мимо которых проходила. Вот Кристина и Сиобан. Вот Грег Робертс. Вот мамина сестра Рейчел со своим мужем Деннисом и маленькой Соркой на руках. Вот Луис, Магдалена, Габриэла,

утирающая глаза платочком. Вот Жюли, а рядом ее сестра Дэниэль. Вот другие родственники. Мать. Дениза Мэлон. А вот Тим. Он мне улыбается. Глаза у него при этом были розовыми.

Гости сели, начали откашливаться. Мне тоже захотелось чихнуть, но я вся сжалась и не чихнула.

Внезапно меня захватила торжественность обстановки. Церемония оказалась очень торжественной, полной религиозного смысла, окончательной и бесповоротной. Я старалась дышать медленно и глубоко.

Отец О'Брайен нам улыбнулся и осмотрел меня с ног до головы, чтобы убедиться, что мое платье не превратилось в занавески. Тим сжал мою руку. Отец О'Брайен начал говорить о любви. И о браке. Напомнил нам, что у нас в жизни будут взлеты и падения. Но наш союз от этого только окрепнет, и мы станем более зрелыми людьми. Людьми, живущими христианской жизнью.

Потому что мы уже не молоды, продолжал отец О'Брайен, и у нас за спиной есть опыт, который нам поможет. Я вспомнила о своем опыте и прикусила губу. Игнасио. Стефан. Джон. Луис. Я едва не рассмеялась, когда вспомнила о Луисе. В конце концов, после той ночи я смогла посмотреть ему в глаза. Но был еще Нико...

Отец О'Брайен неожиданно кончил свою речь (неожиданно, потому что с какого-то момента я его почти не слушала) и обратился к Тиму:

– Согласны ли вы, Тим Мэлон, взять Изабель в свои законные супруги?..

Потом я услышала, как Тим сказал:

– В богатстве и бедности, в болезни и здоровье, до тех пор, пока мы оба живы.

Отец О'Брайен обратился ко мне:

– А ты, Изабель, согласна ли взять Тима в свои законные супруги?

Его слова эхом отозвались по всей церкви и наполнили мою голову.

– Болезни... здоровье... бедность... богатство... до тех пор...

Я смотрела на отца О'Брайена. Он мне улыбался ободряющей улыбкой. Вот оно, свершилось. Моя мечта сбылась.

Я откашлялась.

– Я, Изабель... – и тут остановилась.

По церкви прокатилась волна смешков. Тим тоже радостно улыбнулся. Я снова откашлялась.

– Я, Изабель... – И тут в моих ушах раздался какой-то грохот, глаза застелил туман, и у меня возникло чувство, что время остановилось. Я всех видела, словно в замедленной съемке, они смотрели на меня, слушали

меня, махали мне руками, чтобы я продолжала. Но слова застряли в моем горле, и я ничего не могла с этим поделать. Мне очень хотелось их произнести. Они были очень близко, где-то внутри меня. Но преодолеть барьер губ они почему-то не могли.

Тим нетерпеливо смотрел на меня. Отец О'Брайен смотрел благожелательно. Все остальные – с ожиданием.

И внезапно воздушный шарик лопнул, время снова пошло вперед с прежней скоростью, и я посмотрела на Тима и на отца О'Брайена и выдохнула...

– Извините, я не могу.

Потом я уронила свой букет к подножию алтаря, подобрала подол юбки и бросилась бежать по проходу церкви с такой скоростью, какую позволяли мне развить туфли на высоких каблуках.

Шофер стоял возле машины и курил сигарету. Когда я вылетела из церкви, он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

Я запрыгнула на заднее сиденье, подобрала юбки и скомандовала ему:

– Заводи мотор!

– Что?

– Не спорь, делай, что говорят!

Он не стал спорить. Очевидно, мой маниакальный взгляд показался ему устрашающим. Когда мы выехали на улицу, я оглянулась назад и увидела, как из церкви высыпала толпа народа. Меня захлестывали два противоположных чувства: потрясение и облегчение.

– Куда? – спросил шофер.

"Интересно, в его практике когда-нибудь случалось такое?" – подумала я. Он казался совершенно спокойным, невозмутимым.

– На вершину горы, – сказала я.

Он ехал с такой скоростью, что мы были на вершине уже через несколько минут.

– А теперь что? – спросил он через плечо.

– Подожди здесь.

Я вышла из машины и подошла к краю обрыва. Внезапно возле меня оказался шофер.

– Только без глупостей, – сказал он. Глаза у него были очень добрые. – Ради Бога, девочка. Не все так плохо.

Я повернулась к нему и засмеялась. И мой смех был очень искренним, радостным смехом.

– С глупостями покончено! – сообщила я ему. – Только что я едва не совершила настоящей глупости, но теперь все хорошо. Честно. Подожди

меня здесь, пожалуйста.

Он остался стоять на том же месте, где стоял, а я неуверенно заковыляла по жесткой засохшей траве. Подол платья стал черным. Но мне было все равно.

Ветер здесь дул сильнее. Меня толкало и сбивало с ног, и я едва удерживала равновесие на высоких каблуках. Я посмотрела на горизонт, где голубизна неба встречалась с зеленоватой синью моря. Дышать мне было легко и свободно.

Я закрыла глаза. Какой ужасный проступок я только что совершила! Люди скажут, что таким образом я отомстила Тиму. И многие из них этому поверят. Но я никому не мстила. Пока отец О'Брайен не задал мне свой вопрос, я искренне собиралась замуж за Тима. Пусть ночь накануне свадьбы прошла в сомнениях и страхах, но утром я проснулась совершенно убежденная в том, что поступаю правильно. Даже в церкви, несмотря на все волнения, я считала, что сделала правильный выбор.

И вспоминая об Игнасио, Стефане, Джоне и Луисе, я тоже была уверена, что сделала правильный выбор.

Но потом я подумала о Нико... И когда я подумала о Нико, то уже ни в чем не была уверена.

Конечно, я бы и это преодолела. Но когда отец О'Брайен громко спросил меня, хочу ли я взять Тима в свои мужья, меня вдруг словно молнией поразило. Со мной произошло нечто вроде электрического удара. Я не хотела! Сперва я даже не поверила самой себе. Тело мое силилось произнести нужные слова, но голова уже не позволяла этого сделать. Я сама себе не верила!

И вот теперь я точно знала, что приняла правильное решение. Пусть это случилось слишком поздно. С моих плеч словно свалился огромный груз. Впервые за многие недели. У меня моментально прошла голова, и никакого ингалятора мне больше не требовалось.

Ветер играл моей фатой и завивал ее вокруг лица. Я сняла фату и подняла в руках высоко над головой, она развевалась, длинная и белая, как знамя.

Они никогда меня не простят. Никогда.

Я выпустила из рук фату, и она полетела по ветру, кружась и развеваясь, пока наконец не улетела к горизонту и не утонула в синем-зеленом море...

Содержание

[Шейла О'Фланаган Замужество Изабель](#)

[Глава 1 СВАДЬБА](#)

[Глава 2 ЖАЛОБЫ ЛЮБОВНИКОВ](#)

[Глава 3 БЕГСТВО ЖЕНЩИН НА ПОБЕРЕЖЬЕ](#)

[Глава 4 ЛЕЖАЩАЯ ЖЕНЩИНА](#)

[Глава 5 ЖИЗНЬ](#)

[Глава 6 ПЕЧАЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА](#)

[Глава 7 ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ПЕРСОНАЖИ](#)

[Глава 8 МАТЬ И ДИТЯ](#)

[Глава 9 ИСПАНИЯ](#)

[Глава 10 ОБНАЖЕННАЯ СТОЯ](#)

[Глава 11 ВИНОГРАДНИКИ И ОЛИВКОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ В МОНТРЕ](#)

[Глава 12 НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК](#)

[Глава 13 ТРИ ТАНЦОРА](#)

[Глава 14 КУПАЛЬЩИКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КОСТА БРАВА](#)

[Глава 15 ЖЕНЩИНА В ПОГОНЕ ЗА НЕДОСТИЖИМЫМ](#)

[Глава 16 ПЕРСОНАЖИ В НОЧИ](#)

[Глава 17 КОМБИНАЦИИ](#)

[Глава 18 ПЬЕРО И ГИТАРА](#)

[Глава 19 НАТЮРМОРТ С ХЛЕБОМ И ФРУКТАМИ В ВАЗЕ](#)

[Глава 20 ЗАГАДКА ЖЕЛАНИЯ](#)

[Глава 21 МОЯ РАДОСТЬ](#)

[Глава 22 СИГНАЛ СТРАДАНИЯ](#)

[Глава 23 ПРЕКРАСНАЯ ПТИЦА, КОТОРАЯ ПОМОГЛА ДВУМ
ЛЮБОВНИКАМ ОБНАРУЖИТЬ НЕЗНАКОМЦА](#)

[Глава 24 ПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ](#)

[Глава 25 ПЕЙЗАЖ С ДВУМЯ ФИГУРАМИ](#)

[Глава 26 НОЧЬ](#)

[Глава 27 СИДЯЩАЯ ДЕВУШКА СО СПИНЫ](#)

[Глава 28 ПЛАЧУЩАЯ ЖЕНЩИНА](#)

[Глава 29 СТОЯЩАЯ У ОКНА ДЕВУШКА](#)

[Глава 30 ПРИУКРАШЕННЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ](#)

[Глава 31 ЦИРК](#)

[Глава 32 КОШКА, ПОЙМАВШАЯ ПТИЦУ](#)

[Глава 33 СИДЯЩАЯ ЖЕНЩИНА](#)

[Глава 34 КОРЗИНА С ХЛЕБОМ](#)

[Глава 35 СОН](#)

[Глава 36 РАССВЕТ 1](#)

[Глава 37 РАССВЕТ 2](#)

[Глава 38 ВОЛОСЫ, КОТОРЫЕ РАЗВЕВАЮТСЯ ВО ВРЕМЯ ПОЛЕТА
ГАЛАКТИК](#)